ЛЮДМИЛА СИМАКОВА

АЛЕКСАНДР КУЧИН

Русский у Амундсена

Paulsen

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Степанович Кучин – полярный исследователь, гидрограф, капитан, единственный русский, включённый в экспедицию Р. Амундсена на Южный полюс по рекомендации Ф. Нансена. Он погиб в экспедиции В. Русанова в возрасте 25 лет. Молодой капитан русановского «Геркулеса», Кучин владел норвежским языком, составил русско-норвежский словарь морских терминов, вёл дневниковые записи. До настоящего времени не существовало ни одной монографии, рассказывающей о жизни этого замечательного человека, безусловно достойного памяти и уважения потомков.

Автор книги, сотрудник Архангельского краеведческого музея Людмила Анатольевна Симакова, многие годы занимающаяся исследованием жизни Александра Кучина, собрала интересные материалы о нём, а также обнаружила ранее неизвестные архивные документы.

Написанная ею книга дополнена редкими фотографиями и дневником А. Кучина, а также снабжена послесловием профессора П. Боярского.

- Людмила Симакова
  -
  -
  - Александр Кучин. Опыт биографии в письмах и документах
  - I. Детство
  - II. В Мореходном училище
  - III. В Бергене
  - IV. С Амундсеном
  - V. Возвращение
  - VI. С Русановым
  - VII. Поиски экспедиции
  - VIII. Отец
  - IX. Сестра
  - Дневник А. Кучина. «Fram» III. 1910 г.
  - Приложение
    - Малый русско-норвежский словарь (выборочные страницы)
    - Тетрадь С. Г. Кучина
    - Проект Шпицбергенской экспедиции 1912 года
    - Устав Архангельского торгово-мореходного училища

        - Письмо Фёдора Классена Александру Кучину
    - По следам судна «Геркулес» и его капитана Кучина
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37
    - 38
    - 39
    - 40

- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84

- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128

- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172

- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216

- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260

- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295

Людмила Симакова
Александр Кучин. Русский у Амундсена

Перевод писем с норвежского Л. Н. Истомина

© Издательство «Паулсен», 2015

* * *

В дневнике Александра Кучина, а также в письмах сохранены оригинальные орфография, пунктуация и написание географических названий, воспроизведённые в соответствии с современным алфавитом.

Факсимильную копию некоторых страниц дневника А. Кучина вы можете видеть на вкладке.

В остальном тексте все географические названия, названия учреждений, имена собственные приведены в их современном написании.

Список сокращений

АКМ, АОКМ – Архангельский краеведческий музей

ГААО – Государственный архив Архангельской области

ИАОИ РС – Известия Архангельского общества изучения Русского Севера

МАА – Музей Арктики и Антарктики

МАМИ – Музей Арктического морского института им. В. И. Воронина

ОИММ – Онежский историко-мемориальный музей А. С. Кучина

Александр Кучин. Опыт биографии в письмах и документах

Посвящается моей маме Симаковой Вере Яковлевне.

Конец XIX – начало XX века. На Земле уже не осталось белых пятен. Мраком неизвестности покрыты лишь приполярные области. Именно к ним прикован интерес общества. Именно сюда устремляются экспедиции ведущих стран того времени. Австро-венгерская экспедиция Карла Вейпрахта и Юлиуса Пайера в 1873 году открывает архипелаг Земля Франца Иосифа. В 1893–1896 годах в море Лаптевых дрейфует легендарный «Фрам» и Фритьоф Нансен с Яльмером Йохансеном совершают попытку пробиться к Северному полюсу. Он будет достигнут американцем Фредериком Куком 28 апреля 1908 года. В 1878–1879 годах Нильс Адольф Эрик Норденшельд впервые вышел к Берингову проливу Северо-Восточным проходом вдоль берегов Сибири. Западным проходом через Канаду и Аляску в 1903–1905 годах прошёл Руаль Амундсен.

Героическим веком исследований Антарктиды (Heroic Age of Antarctic Exploration) называли период, когда в течение 25 лет было совершено 19 экспедиций на этот ледовый континент.

В 1907 году ирландец Эрнест Шеклтон идёт к Южному полюсу и не доходит всего 180 км. Сюда с разницей всего в 33 дня придут группы Руаля Амундсена (11.12.1911 г.) и англичанина Роберта Скотта (17.01.1912 г.).

Освоение Арктики и Антарктики превращается в гонку национальных амбиций, в соревнование личностей. Вернувшихся ОТТУДА встречают как национальных героев. Их книги расходятся многотысячными тиражами, переводятся на иностранные языки. Сотни людей приходят на их публичные выступления.

Им подражают, они становятся кумирами молодёжи.

Россия, омываемая шестью морями Северного Ледовитого океана и тремя Тихого, не остаётся в стороне. Цусимская трагедия, когда измотанный дальним переходом через южные моря российский флот был разбит японцами, подтолкнула правительство изучать достижение своих восточных окраин Северным морским путём. Ежегодно в северные моря отправляются гидрографические и научные экспедиции. Для Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана

(ГЭСЛО) построены ледоколы «Таймыр» и «Выйгач», на которых экспедиция Б. А. Вилькицкого в 1913 году открыла архипелаг, названный им Архипелаг императора Николая II, в советское время получивший название Северная Земля. Это открытие было признано самым значительным географическим открытием XX века. В 1914–1915 годах ГЭСЛО прошла Северным морским путём из Владивостока в Архангельск.

Российских морских офицеров и исследователей не встречали овациями. Они были малоизвестны современникам и почти забыты потомками, но их имена остались на карте Арктики: архипелаг Седова, остров Макарова в Карском море, полуострова Борисова и Русанова на Новой Земле, острова Коломийцева и Васильева в архипелаге Норденшельда, пролив Вилькицкого, остров Самойловича, море Лаптевых и многие-многие другие.

Героическое время рождает героев. И среди великих имён достойное место занимает имя совсем молодого человека, прожившего всего 25 лет, Александра Кучина. Ему посвящена эта книга, в основу которой легли письма, дневники, документы, хранящиеся в фондах Онежского историко-мемориального музея А. С. Кучина, Архангельского областного краеведческого музея, Музея Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге, Государственного архива Архангельской области, а также из частных коллекций.

Имя Александра Степановича Кучина известно читателям, которые интересуются освоением Арктики. Первая большая публикация – статья Г. А. Бергмана «Капитан А. С. Кучин»[1]. Автору посчастливилось общаться с сёстрами Анной Степановной и Елизаветой Степановной, изучать документы, которые хранились в семье.

В 1980-е годы была организована экспедиция газетой «Комсомольская правда». Д. И. Шпаро и В. А. Шумилов побывали в Онеге и Архангельске. Их замечательная книжка «Капитан «Геркулеса»[2], являясь научно-популярным изданием, имеет существенный недостаток – в ней нет ссылок на документы и источники, которыми пользовались авторы.

Очень интересную работу подготовила архангельский краевед Т. Ф. Мельник, которая на основе документов Государственного архива Архангельской области восстановила родословное древо рода Кучиных.[3]

Казалось бы, написано много, но находятся новые документы, по-иному прочитываются уже известные. Что-то стало мифом и переходит из одной публикации в другую, поэтому что-то из устоявшихся взглядов нуждается в корректировке.

В нашей книге много цитат из документов и писем. Это

позволит читателям самим делать выводы и почувствовать аромат эпохи. В своём движении вперёд человечество неизбежно что-то теряет. В эпоху мобильных телефонов и электронной почты мы потеряли культуру написания писем близким людям, где были бы не только передача фактов и описание событий, но и размышления, и чувства. Может быть, поэтому с таким трепетом мы сейчас читаем письма, написанные много лет тому назад.

Выражаю благодарность коллегам из Онежского историко-мемориального музея А. С. Кучина, Архангельского краеведческого музея, Музея Арктики и Антарктики, сотрудникам Государственного архива Архангельской области и Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова, а также переводчику с норвежского языка Людмиле Николаевне Истоминой.

Особые слова благодарности Петру Владимировичу Боярскому, без которого эта книга не состоялась бы.

Л. А. Симакова

I. Детство

Родился Александр Кучин 16 (28 по н. с.) 1888 года в селе Кушерека Онежского уезда Архангельской губернии. Село стоит на берегах реки Кушы в 6 км от места впадения её в Белое море. Так, отгораживаясь лесами от студёных морских ветров, на берегах пресноводных рек, расположено большинство поселений Беломорья. Название реки Куша происходит от финского «кушк» – «порог». Река Куша – порожистая река, оттого её и прозвали в Кушереку «звонкой».

Кушерека была большим селом, административным центром волости. По переписи 1897 года 713 душ мужского пола и 825 женского[4], а также почта, фельдшерско-акушерский пункт, приходская школа и мореходные классы. По меркам XIX века Кушерека была богатым селом, одних судовладельцев в 1898–1902 годах здесь было 19 человек, владевших 29 судами.[5]

По официальным документам Кушерека состояла из двух деревень: Логиновская на правом берегу и Кузьминская на левом. Но народная память сохранила более древнюю топонимику, свидетельствующую о том, что Кушерека, как и большинство поселений на Севере, была гнездом деревень. На правом высоком берегу стояли Гора, Лахта и Низ, а на левом более низком – Верховье, Крюк и Бачина деревня.

Кучины жили на Горе, это лучшее место в округе. Оно не затапливалось, в непогоду было сухим и обдувалось ветрами. Именно на таких местах обосновались первопоселенцы. Вероятно, и род Кучиных был из первопоселенцев, а такие роды вне зависимости от их имущественного достатка пользовались особым почетом и уважением.

Дома для выросших сыновей и их семей ставились рядом с родительскими. В основном это были громадные дома-дворы, где хозяйственная часть с хлевами и поветью для сена стояла под одной крышей с жильём, располагавшимся на двух этажах или на одном, стоявшем на высоком подклете.

Невест далеко не искали, женились, судя по той же переписи, на своих, кушерецких. Венчались и детей крестили в Вознесенской церкви[6], стоявшей на левом берегу.

Приходскому храму следовало бы располагаться в центре волости, но Успенская церковь на правом берегу дважды отстраивалась и дважды горела. Вознесенская церковь, хоть и была двухэтажной и имела большую трапезную, вряд ли могла вместить одновременно более 150–200 человек, не много для большого села. Одна из причин – в старообрядческих корнях.

Кушерека считалась одним из оплотов старой веры. Не случайно в своё время архиепископ Афанасий поставил сюда приходским священником человека из своего окружения. Но и в XIX веке старая вера считалась более истинной. Она не была воинствующей. Всю жизнь человек ходил в никонианскую церковь, соблюдал её обряды, а в старости перекрещивался в старообрядчество. Нередки были случаи, когда старики перед смертью уходили от мира в лесные избушки отмаливать грехи и вести праведный образ жизни. Иногда смерть «задерживалась», и они жили здесь годами. Раз в год приезжали родственники, привозили продукты, если человек умер, то и хоронили.

В двух верстах от села стояла часовня с крестом. В 1801 году на морской берег у Кушереки вынесло огромный крест с кириллическими надписями. Священник Иван Кононов известие об этом направил архангельскому и холмогорскому епископу, тот указал поставить часовню и ежегодно служить молебен в тот день, когда крест вынесло на берег, что и было исполнено. По преданию семьи Кононовых, предки которых в нескольких поколениях были священниками в Кушереке, это тот самый крест, который срубил Петр I в память о своём чудесном спасении в Ундской губе во время поездки на Соловки в 1696 году. Во время сильной бури основание креста подмыло, он опрокинулся, его унесло в море и северо-восточными ветрами прибило к кушерецкому берегу. Монахи Пертоминского монастыря, которым было велено надзирать за крестом, обнаружили пропажу и, не долго думая, сделали копию и установили в монастыре.[7] Крест из Пертоминского монастыря вывезли и установили в Троицком соборе в Архангельске, а после разрушения собора в 1930 году передали в Архангельский краеведческий музей, где он и хранится в настоящее время. На этом кресте нет резных надписей, только внизу у основания слабо читается «Петр», а концы креста вырезаны в виде трилистников, что нехарактерно для поморских крестов. Поэтому крест, приплывший к Кушереке, видимо, обвалился где-то в другом месте.

На побережье и островах Белого моря и Северного Ледовитого океана было много поморских крестов, громадных – 8–10 м высотой и небольших – до 2 м. Они служили навигационными знаками и отмечались в рукописных поморских лоциях. Их ставили поморы по обету-обещанию в честь чудесного спасения или богатого промысла. На тонях и становищах – на местах промыслов – служили часовнями, возле которых совершались религиозные обряды. Были и памятные кресты на могилах промысловиков, умерших во время промысла или погибших в море. Чаще это были простые восьмиконечные

кресты, иногда под крышей – «голбцом». Были и кресты настоящие произведения искусства с узорами и умело вырезанными буквенными киптограммами, с изображением креста и голгофы. Судя по описаниям, именно такой резной крест был и в Кушереке.

С Кушерецким крестом связана и другая, трагическая история. В годы Гражданской войны два молодых солдатика из красных стали по нему стрелять метров с десяти. Выстрелы гремят. Щепки летят. Весело. Вдруг оба упали. Подошли люди и увидели, что один был убит наповал, другой тяжело ранен и вскоре скончался. Оказалось, пули от креста обратно в них прилетели.[8]

Жила Кушерека морскими промыслами. В марте мужчины и мальчики-подростки уходили на Мурман – побережье Баренцева моря – на добычу рыбы, вторая партия уходила в мае, когда Белое море освобождалось ото льда, возвращались осенью к Покрову. Начиналось жаркое время свадеб и любви, недаром дети в основном рождались в августе-сентябре. «Отпуск» продолжался до Крещения, и снова наступали трудовые будни. Ходили в извоз, ловили навагу, строили суда, справляли дома, амбары, бани, готовились к промыслу. Наступал март, и снова укладывались на саночки-лодки, называемые «кережками»[9], немудреные пожитки и отправлялись промысловики пешком через Кольский полуостров к становищам Мурмана. Село пустело, все работы по дому и в поле ложились на плечи женщин. Сеяли рожь, ячмень-«жито», картофель, репу, другие огородные культуры, сено косили. Удобных пахотных земель и сенокосов было мало. Отдельные сенокосы были от села за 20 верст. Выращенного хлеба хватало на несколько месяцев, да и то не каждый год. Держали скот – лошадей, коров, овец, коз. Так и текла жизнь из года в год установленным порядком.

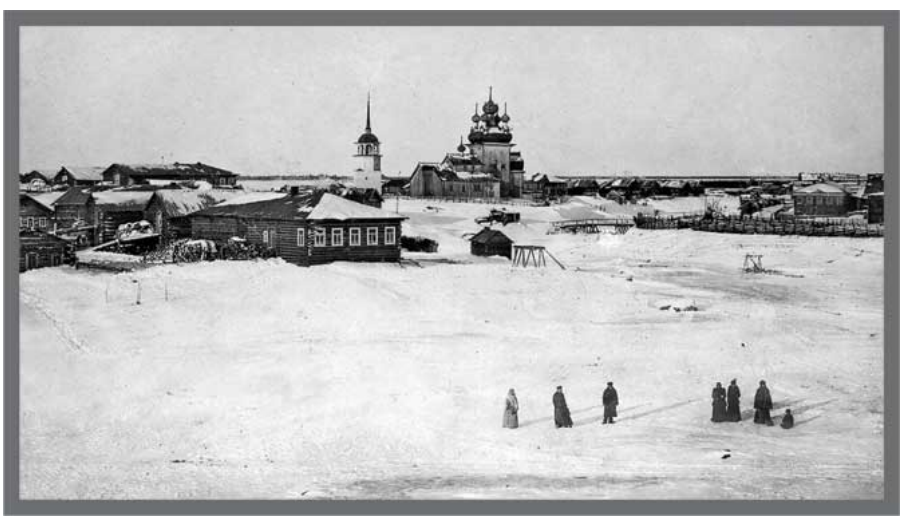
Саша был первенцем в семье моряка Степана Григорьевича и Фёклы Андреевны. Жили они в те годы бедно в маленькой прогнившей избушке с подслеповатыми разновеликими окнами, зимой прикрывавшимися мешками с сеном. Достаток придёт позднее, когда Степан Григорьевич будет капитаном, но в те годы жили очень тяжело.

Такая жизнь угнетала Фёклу Андреевну, происходившую из обеспеченной семьи. Хоть хозяйство было и невелико – корова и несколько овец, но был земельный надел и сенокосный участок. Работы много: землю вспахать, зерно посадить, сжать, высушить, обмолотить, сено скосить, высушить, сметать в стог. В других семьях на летние работы выходило до десятка человек: снохи, незамужние дочери, подросшие внуки под предводительством

«большухи» – старшей женщины в семье. У Кучиных Фёкла Андреевна работала в поле одна. Вероятно, именно в эти годы она подорвала здоровье, стала болезненной и нервозной.

Ещё одна забота тяготила Фёклу Андреевну. Не было средств нанять няньку. Сашу приходилось оставлять дома одного. В таких случаях в деревнях ребёнка привязывали к ножке стола, чтобы далеко не уполз, ставили миску с едой и закрывали дверь – «Мать Богородица с детишками во́дица». Женщина властная, во всем любящая порядок, на семейном корабле капитаном была, несомненно, Фёкла Андреевна.

Первые Сашины впечатления – маленький дом на высоком угоре, тропинка, сбегающая к быстрой речке, запах смолистых стружек строящегося дома, то ласковая, то раздражённая мать, редкие встречи с отцом, походы с ним в церковь, горячие шаньги в семье псаломщика, куда заходили после службы. Когда родились сестрички, первой нянькой и другом для них стал Саша.



Село Кушерека. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Метрическая книга с записью о рождении А. Кучина (Из фонда ГААО)

Город Онега. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Похвальный лист Онежского городского трёхклассного училища А. Кучину. 1901 г. (Из фондов АКМ)

Ему ещё не было семи лет, когда он пошёл в школу. В селе была приходская школа Министерства народного просвещения. В соответствии с Положением о народных училищах 1864 года в таких школах обучали Закону Божию (краткий катехизис и священная история, чтение по книгам гражданской и церковной печати), письму, первым четырём действиям арифметики.[10] Учились вместе – мальчики и девочки.

В Кушереке ежегодно рождалось 50–60 младенцев (Саша Кучин как младенец мужского пола записан под № 20 в метрической книге). В школе же училось около 40 детей 7–11 лет. Далеко не все получали даже начальное образование. Мальчики-зуйки, начавшие ходить на промысел в 9–10 лет, в школу не возвращались. Они и их родители считали, что умения сделать подпись, складывать и вычитать вполне достаточно для жизни промысловика.[11]

Семья Степана Кучина и здесь отличилась. По уже упоминавшейся переписи 1897 года грамотными были все кроме малолетних Фроси и Ани. Переписчиком в волости был сам Степан Григорьевич как человек грамотный, пользовавшийся уважением и доверием.

Саша рос смышлёным мальчиком. Односельчане говорили о его раннем развитии, любознательности, остроумии, но

кушерецкие бабушки шептали: «Не жилец он на этом свете». После окончания начальной школы Саша отправился учиться в Онегу.

Онега того времени – уездный город с 2,8 тыс. жителей (всего лишь в 2 раза больше, чем в Кушереке), вытянувшийся вдоль реки Онеги. Как в деревне, здесь по утрам гонят стадо на выпас, поют петухи. Рядом с домами огороды с луком и картошкой. Но это уже город с регулярной планировкой, в соответствии с Генеральным планом застройки, утверждённым Екатериной II в 1874 году. Параллельно реке – проспекты Соборный, Средний, Загородный, поперек – улицы. Екатерина II не только дала статус города Усть-Янскому селению, но и придумала название «Онег», пожертвовала 8000 рублей на строительство каменного Троицкого собора, учредила таможню.

Таможня, как и лоцманская служба, здесь была необходима. Онега – город-порт международной торговли рыбой и лесом. Рыбу ввозили из Северной Норвегии, где её обменивали на муку и крупу, засаливали в трюмах своих судов и продавали в Архангельске, Петербурге, других городах. Эта торговля, получившая название «поморской торговли», длившаяся более двух веков, немало способствовала взаимовлиянию двух культур и экономическому развитию регионов. «Город этот, в сравнении с уездными городами Архангельской губ., несколько богаче, чище и промышленнее, благодаря тому, что имеет гавань и ведет лесную торговлю с иностранцами».[12]

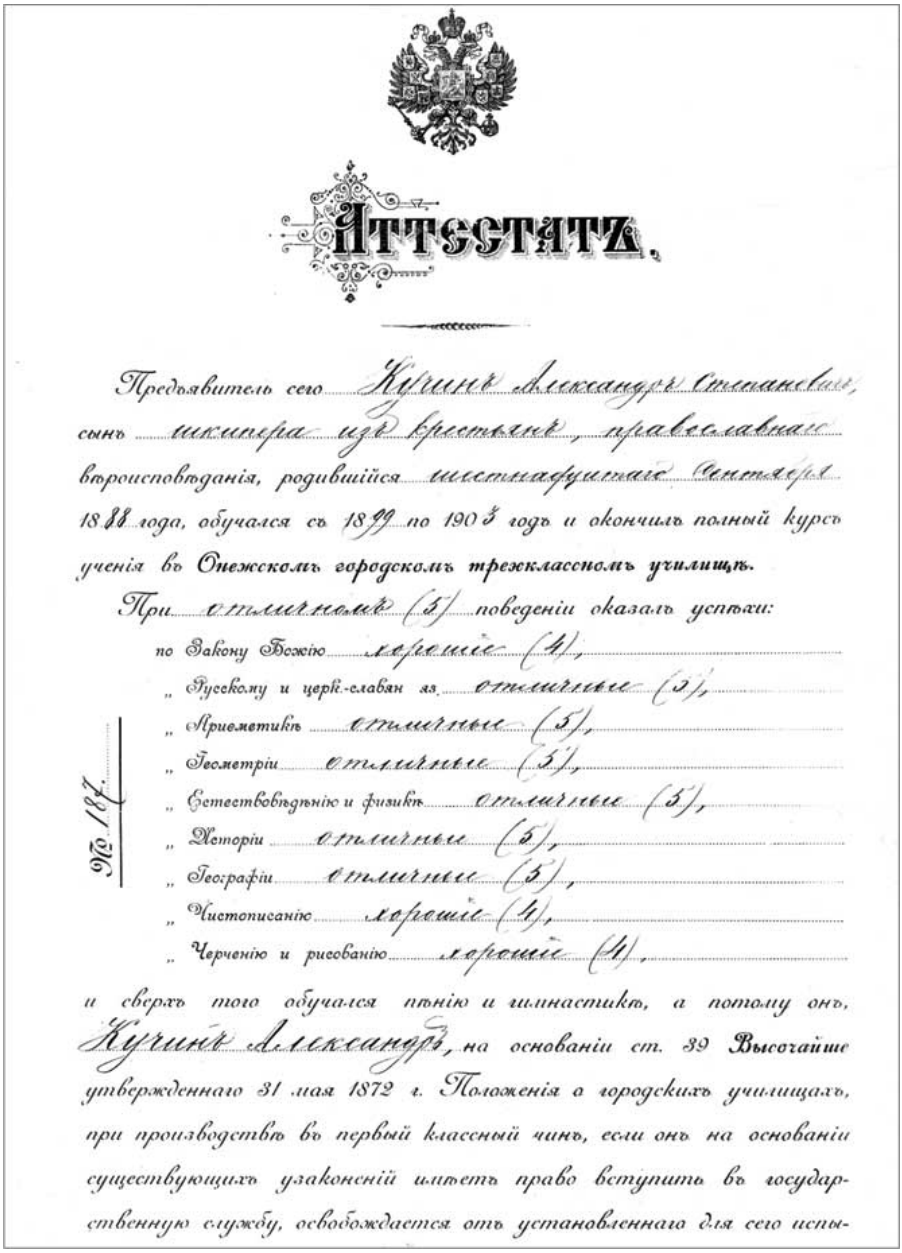
В Онеге и окрестностях было несколько лесозаводов, принадлежавших иностранцам – англичанам и норвежцам. Оборудование импортное, высокотехнологичное по меркам того времени. Для его обслуживания, как и для управления предприятиями, ведения экспортных операций требовались грамотные люди. Вот и посылали онежане своих детей учиться: конторщики с лесозаводов – в Англию и Петербург, шкипера – в Норвегию.

Эти конторщики, моряки, купечество и уездные чиновники определяли культурную жизнь города, которая здесь была весьма оживленной. Три дня отмечали 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина с пушкинскими чтениями и торжественным Пушкинским вечером в Общественном собрании. В городе были библиотека, Народный театр в Клубе купцов, где самодеятельные артисты играли пьесы из русской классики. Зимой заливали каток.

«Онега – та же Норвега, только говоря другая», – говорили в то время.

Вот в этом городе в Городском трёхклассном училище и

продолжил своё образование Александр Кучин. Он учился здесь с 1899 по 1903 год. Сохранился аттестат об окончании училища. Оценки «отлично» по русскому и церковно-славянскому языкам, арифметике, геометрии, естествоведению и физике, истории, географии. «Хорошо» по Закону Божию, чистописанию, черчению и рисованию.[13] По Положению о городских училищах 1872 года он имел право без экзамена получить первый классный чин на государственной службе и пользоваться льготами при прохождении воинской службы.



Аттестатъ.

Предъявитель сего Кучинъ Александръ Степановичъ, сынъ шкипера изъ крестьянъ, православнаго вѣроисповѣданія, родившійся шестнадцатаго сентября 1888 года, обучался съ 1899 по 1903 годъ и окончилъ полный курсъ ученія въ Онежскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ.

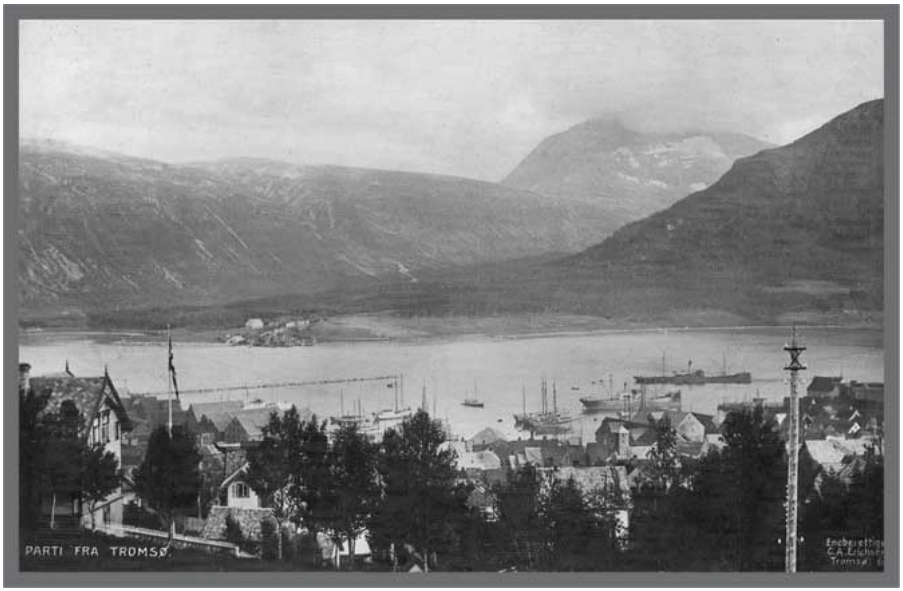
При отличномъ (5) поведеніи оказалъ успѣхи:

№ 187.

по Закону Божію хорошіе (4),
„ Русскому и церк.-славян. яз. отличные (5),
„ Ариѳметикѣ отличные (5),
„ Геометріи отличные (5),
„ Естествовѣдѣнію и физикѣ отличные (5),
„ Исторіи отличные (5),
„ Географіи отличные (5),
„ Чистописанію хорошіе (4),
„ Черченію и рисованію хорошіе (4),

и сверхъ того обучался пѣнію и гимнастикѣ, а потому онъ, Кучинъ Александръ, на основаніи ст. 39 Высочайше утвержденнаго 31 мая 1872 г. Положенія о городскихъ училищахъ, при производствѣ въ первый классный чинъ, если онъ на основаніи существующихъ узаконеній имѣетъ право вступить въ государственную службу, освобождается отъ установленнаго для сего испы-

Аттестат об окончании Онежского городского трёхклассного училища А. Кучина (Из фондов АКМ)



Вид города Тромсё. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

Школа, в которой учился А. Кучин в городе Тромсё. Фото нач. XX в. (Из фондов ОИММ)

Летом 1903 года Степан Григорьевич везёт сына в норвежский город Тромсё для обучения языку. О какой судьбе мечтал отец для Александра? Наверное, о том, что сын продолжит дело отца, будет капитаном дальнего плавания, судовладельцем, будет жить вместе с семьёй в большом доме,

который он построил в Онеге. Для этого нужно знать языки, прежде всего норвежский. О чём мечтал сын? Неизвестно, во всяком случае, не о торговле рыбой. В его библиотеке зачитанная до дыр книга о путешествиях Фритьофа Нансена в Гренландию, о походе на знаменитом «Фраме» по северным морям и к Северному полюсу, а ещё книжка о закаливании.[14] Саша серьёзно готовился к своему будущему.

Вот он в этом городе, который всего лишь семь лет назад с ликованием встречал Нансена и его товарищей из их беспримерного дрейфа на «Фраме», длившегося более трёх лет.

Тромсё, или Тромсин, как его называли поморы в своих лоциях – рукописных навигационных книгах, стоит на острове посреди фьорда. Лаконичные по архитектуре дома взбегают в гору. По вечерам окна светятся как маяки – норвежцы не любят закрывать их плотными шторами. В центре города дома стоят сплошной стеной, примыкая друг к другу, ближе к окраинам разбегаются, образуя маленькие аккуратные дворики. Католический собор Пресвятой Девы Марии столь же прост и строг. Его колокольня с часами видна издалека и служит прекрасным ориентиром. Внизу у воды – причалы, склады, таможня (практичные норвежцы красят их, как дома и другие постройки, железным суриком от гнили, оттого они темно-красные) и, конечно, лес мачт торговых и рыболовецких судов: шхуны, яхты, галиоты, ёлы, поморские лодьи. Некоторые, кроме парусного вооружения, имеют и паровые машины. Стоят у причала и пароходы, в том числе и российские. Тромсё – конечный пункт на линии Архангельско-Мурманского срочного морского пароходства.

Саша полюбит этот город, назовёт год, проведённый здесь, «счастливым временем», будет с удовольствием возвращаться сюда. Жил Александр в доме Гамундсенов. С этой семьёй у него сохранились добрые отношения. Именно тётя Тина, так звал хозяйку дома Александр, будучи очень больной, будет напутствовать его перед экспедицией на Полюс: «Возможно, будет много тяжёлых минут в таком путешествии, в которое ты готов отправиться. Езжай с Богом. Он никогда не подведёт»[15]. Дом сохранился до настоящего времени.

У Александра в Тромсё было много знакомых. Особенно он подружился с семьёй Хагеманнов. Глава семьи Аксель Хагеманн – лесовод. Долгое время он работал в управлении лесами Северной Норвегии, был мэром Альты и депутатом стортинга. Деятельный, энергичный, пользующийся популярностью человек. Автор нескольких книг и множества статей. У него было пятеро детей: три сына – Бартольд, Отто и Аксель и две дочери – Элизабет и

Марит. Александр особенно был дружен со старшим сыном Бартольдом, который был моложе его всего на год. Дружба с ним будет дружбой на всю жизнь, а сохранившаяся переписка многое расскажет и о самом Александре.

Эти письма стали известны совсем недавно. С их обретением связана любопытная история, о которой следует рассказать подробнее. В 2008 году в Архангельске проходила международная конференция, посвящённая холодной войне в Арктике. Во время неё норвежский исследователь Бьёрн Братбак спросил участницу конференции Татьяну Мельник, известно ли ей что-либо об Александре Кучине. Татьяна Фёдоровна, как она говорила, потеряла дар речи – она много лет занималась генеалогией рода Кучиных и собирала материалы о нём. Б. Братбак сообщил, что у его друга Фредрика Хагеманна многие годы хранятся письма русского друга к его дяде Бартольду, и спросил, интересны ли они кому-либо в России. «Безусловно!» – воскликнула Татьяна Фёдоровна. После того как норвежцы узнали, что в Онеге работает мемориальный музей Александра Кучина, вопрос, где храниться письмам, был решён окончательно. В мае 2009 года восьмидесятилетний Фредрик Хагеманн приехал в Онегу, чтобы подарить письма, фотографии, открытки Онежскому музею.

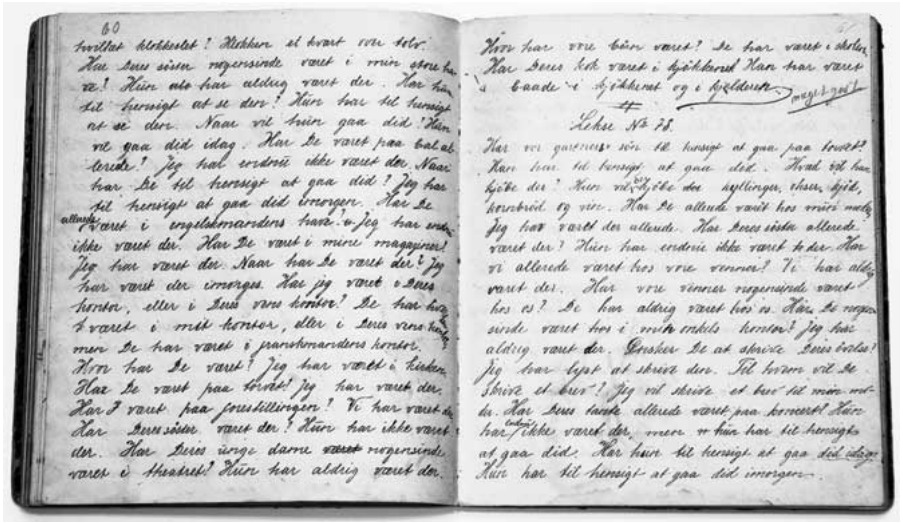
Интерес к письмам у исследователей и краеведов был велик. Но как быть? Переписка велась на норвежском языке. Может быть, ещё долгие годы эти письма пролежали бы без движения, что не редко случается с нашими музейными реликвиями, если бы не 100-летний юбилей покорения Южного полюса, если бы не международный межмузейный проект выставки «Холодные берега – близкие отношения», посвященный морской культуре русских поморов и северных норвежцев, где главными героями стали два участника той экспедиции: Хельмут Хансен и Александр Кучин. В рамках этого проекта удалось осуществить перевод писем.

Первое письмо датировано 29 мая 1904 года. Кучин написал его в Хаммерфесте на пути в Россию. Следует отметить, что все письма датированы по григорианскому календарю, который будет введён в России в 1918 году. Письмо весьма рассудительно. *«Примите мои пожелания: учитесь хорошо и будьте хорошими детьми для своих родителей и на радость учителям. Я буду радоваться тому, что мои маленькие друзья станут добрыми, хорошими людьми. Я вас никогда не забуду, вы внесли так много света в мою жизнь, когда был вдали от родителей, сестёр и русских людей».* [16]

Александр Кучин. Тромсё. 1904 г. (Из фондов АКМ)

Бартольд Хагеманн. Тромсё. 1908 г. (Из фондов ОИММ)

Бартольд, Отто и Аксель Хагеманны. Тромсё. 1904 г. (Из фондов ОИММ)



Тетрадь по норвежскому языку А. Кучина. Тромсё. 1904 г. (Из фондов АКМ)

Саша ехал в Териберку – одно из старейших становищ поморов на Мурмане, известное с XVI века. В начале XX века это крупное поселение, которое было и факторией – местом, где промышленники могли купить необходимые товары и продать улов, и становищем, где жили во время промыслов, и колонией с небольшим постоянным населением. Здесь были маленькая больница Красного креста и две православные церкви.

Письмо Саши Кучина из Териберки 12 июня: *«Дорогие Бартольд, Отто и Аксель! Я прибыл сюда 4 июня. 6 июня был на борту парохода с 3 часов утра до 2 дня. Погода была такая мерзкая, что невозможно было смотреть против ветра. Шёл снег и дождь, ужасно штормило. Сегодня мне также пришлось стоять у руля, но погода прекрасная, вода блестит. В свободное время я хожу в долину, там нет ни одного дерева. Повсюду видны только камни. В воскресенье я ходил в русскую церковь. Это бедная церковь, но я был так доволен. Мы, все жители, просили Господа Бога нашего о победе над японцами. Думаю, что вся Россия делает то же самое. Думаю, Бог услышит нашу молитву и даст нам победу. Сейчас я услышал о русской победе. Я встаю в семь часов или в восемь и иду в контору. В субботу, воскресенье или в понедельник стою у руля на пароходе. Мой отец на пути сюда. Скоро он приедет в Тромсё. Следующим летом я поеду в Тромсё. Зимой буду учиться в Архангельске и сфотографируюсь и пошлю вам мои фотографии. Каждый день я очень занят и так устаю, что нет времени на чтение. На этом заканчиваю своё письмо. Пожалуйста, передайте привет вашим родителям и Элизабет. Привет также всем моим*

знакомым. Прощайте, друзья мои. Прошу вас писать мне письма, потому что здесь очень одиноко»[17].

Работал Саша добросовестно. В другом письме: *«У меня немного тяжёлой и трудной работы, но я все делаю хорошо. Мои начальники мной довольны, и я рад, что могу приносить пользу»*[18].

У кого работал Саша в Териберке, достоверно неизвестно. В письме говорится, что он работает «в конторе» и «стоял у руля на пароходе». Скорее всего, на фактории, у старого друга отца Е. В. Могучего. Эти месяцы не были зачтены как плавательный стаж, необходимый для поступления в Архангельское торгово-мореходное училище, вероятно, потому, что работа на фактории не требовала регулярного выхода в море.

В литературе, посвящённой Александру Кучину, часто говорится о том, что он был зуйком на промысле чуть ли не с 9-летнего возраста, был и на Мурмане, и на Новой Земле, на норвежском зверобойном промысле. Так, Бергман Г. А., открывший имя А. С. Кучина, пишет, что до поступления в мореходное училище «летом служил юнгой на судах, промышлявших зверя в Баренцевом и Карском морях, побывал на Шпицбергене и Новой Земле, плавал в Норвегию»[19]. Он основывался на воспоминаниях сестёр Анны Степановны и Елизаветы Степановны. Те в то время были маленькими девочками. Они помнили, что Саша был на зверобойном промысле, об этом, наверное, много говорили в семье, но было это в более позднее время, когда он учился в мореходном училище, да и зверобойным промыслом в указанном регионе онежане не занимались.

На наш взгляд, противоречит здравому смыслу и то, что Саша был зуйком. Зуйками называли подростков, работавших на мурманских рыбных промыслах. Отец его, Степан Григорьевич, действительно стал зуйком в 9 лет и полной чашей хлебнул эту тяжкую долю. Он, сирота, пошёл туда из-за великой нужды. Когда подрос Саша, Степан Григорьевич уже был капитаном и совладельцем судна. Работать из-за куска хлеба необходимости не было. Вряд ли он согласился бы послать любимого сына, который, как и он сам, не отличался могучим телосложением, в зуйки с чужими людьми. Дома матери он был нужнее, тем более что семья росла.

В личном деле из Архангельского торгово-мореходного училища говорится, что он начал ходить в море с 15 лет.[20] Для подтверждения плавательного стажа были предоставлены справки о плавании в 1902 и 1903 годах на судне «Св. Николай»[21]. Работа «мальчика при кауте», так называлась эта должность, на судне, где совладельцем и капитаном собственный отец, вряд ли

даже отдаленно похожа на жизнь бесправного зуйка.

Почему же в 1904 году Саша не на отцовской шхуне, а в Териберке? Стремление ли это юноши поскорее начать взрослую самостоятельную жизнь или желание отца познакомить сына с рыболовным промыслом?

В Териберке Саша проработал два месяца, отсюда он послал заявление о приёме во второй общий класс Архангельского торгово-мореходного училища. В августе вернулся в Онегу, к этому времени семья переехала в новый дом на Загородной улице. Улица хоть и называется Загородной и это была окраина города, но дом Кучиных стоит всего в 300 м от Троицкого собора, купола которого видны из передних окон. Дом большой, двухэтажный, городской планировки, рассчитан на большую семью. Он сохранился, но перенесён на другое место. В нём разместился Онежский историко-мемориальный музей Александра Кучина, а прежнее место занял больничный городок.

В сентябре Александр выдержал экзамен и был принят во второй класс Архангельского торгово-мореходного училища.

Архангельск начала XX века вряд ли можно назвать провинциальным городом, хотя он и отстоит от столичных Москвы и Петербурга на сотни километров. Основанный по указу Ивана Грозного в 1583 году как крепость, призванная защищать северные границы государства Российского, он вскоре становится международным морским портом, единственным морским портом, связывавшим Россию с Западной Европой. Десятки кораблей из Голландии, Англии и других стран стояли на рейде Северной Двины. Привозили ткани, предметы роскоши, вооружение, серебряные монеты, из которых чеканили русские рубли и гривенники – своего серебра России не доставало. Вывозили хлеб, лён, смолу. На канатах из русской конопляной пеньки держался весь королевский английский флот. Беломорскую слюду высокого качества называли в Европе «мускавит». С основанием Петербурга международная торговля сократилась, но на рубеже XIX – XX веков вновь оживилась. Главный объект экспорта – лес. Как грибы по берегам Двины, Маймксы, Кузнечихи растут лесозаводы. Около них – плоты бревен, сплавленных с больших и малых речек. У причалов суда под погрузкой досок.

Экономика на подъёме. Хорошеет и город, вытянувшийся вдоль реки. Как и в Онеге, параллельно реке – проспекты: Троицкий, Псковский, Петербургский, Новгородский, Московский, поперек – улицы: Пермская, Костромская, Вологодская, Ижемская. Названия-то какие, будто вся Россия собралась здесь, на краю земли. В Соломбале – морской части

Архангельска, расположенной на островах напротив города, улицы назывались – Английская, Французская, Датская, Американская – весь мир здесь.

Жителей в Архангельске по сегодняшним меркам немного, в 1910 году всего 34–35 тыс. человек. В центре на мысе Пур-Наволок свидетель былой славы – Гостиные дворы, где размещали свои товары русские и иностранные купцы. За ними на Троицком проспекте административная часть города с Присутственными местами, Городской думой, домом губернатора и памятником земляку М. В. Ломоносову скульптора А. Мартоса, поставленному здесь в 1867 году. Великий учёный изображён в римской тоге с лирой в руках. Печально смотреть на него в зимние морозы, когда на его голых плечах и голове лежат сугробики снега. По другую сторону Ломоносовской площади – Мариинская женская и Ломоносовская мужская гимназии.

К северу от площади в сторону моря – «немецкая слобода»: уютные ухоженные дома с садами, где жили потомки европейских переселенцев и иные иностранцы, которых привлекли богатства Севера, евангелическая церковь Св. Екатерины, Александровский сад. К югу – Летний сад, где зимой заливали каток, Гагаринский сквер и Соборная площадь с Троицким собором, построенным в 1765 году, в словаре Брокгауза и Ефрона названным светлейшим собором России. Рядом под каменным футляром – домик Петра I, где он жил во время пребывания в Архангельске в 1696 году и перевезённый сюда с Маркова острова. Позднее, в 1914 году, здесь появится и памятник императору. На берегу Соборная пристань. Отсюда отправлялись суда в арктические экспедиции. Отсюда в 1912 году будут провожать экспедицию Г. Я. Седова. Здесь в 1915 году будут встречать экспедицию Б. А. Вилькицкого.

В городе большая библиотека, три музея: городской публичный музей в здании Городской думы, рыбопромышленный музей и епархиальное древлехранилище при Михаило-Архангельском монастыре. Своего театра нет, но время от времени дают спектакли приезжие труппы. Любительские спектакли и концерты устраиваются в Коммерческом и Благородном собраниях. В 1904 году было образовано Архангельское общество изучения Русского Севера, объединившее людей, неравнодушных к его судьбе. Общество организовывало выставки, лекции, издавало «Известия общества», где печатали научные статьи и сообщения.

Вместе с тем в быту, обрядах, укладе жизни были сильны старинные поморские традиции – пополнялся город в то время в основном жителями окрестных сёл и деревень.

Архангельск того времени похож на жёнку-архангелогородку

писателя Б. В. Шергина – платье по последней парижской моде, а на голове повойник (шапочка замужней женщины, закрывавшая волосы) – «не нами наложён».

В Архангельске Александр Кучин проживёт пять лет, будет возвращаться сюда и позднее. Эти годы и учёба в училище определят всю его дальнейшую жизнь. Здесь будет много работы, борьба, разочарование, первая любовь, радость познания и многое-многое другое.

II. В Мореходном училище

Архангельское торгово-мореходное училище, где предстояло учиться Александру Кучину, было одним из передовых учебных заведений того времени.

Основанное ещё в 1781 году указом Екатерины II как мореходная школа для снабжения шкиперами и штурманами купеческих кораблей, в конце XIX века оно претерпело существенные изменения.

Экономическое развитие Севера, колонизация Кольского полуострова и Новой Земли, расширение внешней торговли, появление пароходов и ледоколов требовали качественно нового уровня подготовки как судоводительских кадров, так и финансистов. Благодаря усилиям министра финансов С. Ю. Витте и архангельского губернатора А. П. Энгельгарта в 1899 году на базе шкиперских курсов было образовано Архангельское торгово-мореходное училище, выпускники которого осваивали Северный морской путь, становились капитанами дальнего плавания. Высокий уровень базовых знаний и навыков, полученных во время учебы в училище, были ключом их успешной работы. Именно поэтому интересно посмотреть, как же готовили мореходов в Архангельске, что они были нарасхват и у российских, и у зарубежных судовладельцев.

Финансировалось училище из Государственного казначейства, средства которого составляли около половины бюджета, кроме того, деньги выделяли губернские и городские власти, купечество, пароходство. Были и так называемые специальные средства, которые складывались из платы за обучение, процентов с капитала, дарованного училищу императором Николаем II при его открытии, вкладов меценатов. Обучение одного ученика в течение года в 1908 году обходилось в среднем 336,7 руб., при том что плата за обучение составляла 10 рублей.

Училище было хорошо оборудовано за счёт одной из данной ему привилегий беспошлинного приобретения за границей приборов, инструментов и иных учебных пособий.

В училище было два отделения – торговое и мореходное. В торговом готовили специалистов для работы в торгово-промышленных учреждениях. Обучались там четыре года: два года в общих классах по общеобразовательной программе и два года в специальных классах, где приобретали профессиональные знания и навыки. В мореходном отделении, готовившем шкиперов и их помощников для плаваний на торговых судах,

учились пять лет: два в общих классах, три в специальных. Обучаться могли юноши всех сословий, находившихся в русском подданстве. По статистическому отчету 1907 года в училище было 63 ученика.[22] Из них сыновей дворян – 8, духовного звания – 2, почетных граждан и купцов 1-й гильдии – 13, мещан – 18, крестьян – 22. Училище было весьма демократичным заведением.

В первый общий класс принимали мальчиков 13–19 лет, годных по состоянию здоровья и с хорошим зрением, прививкой от оспы, предоставивших свидетельство о двухмесячном плавании в открытом море и с «одобрительным отзывом о способности к морской службе», а также свидетельство об окончании учебного заведения третьего разряда. Имевших аттестат об окончании учебного заведения второго разряда, как Александр Кучин, принимали во второй общий класс. Для поступления сдавали экзамены. Отбор был суровым. Да и в последующем хорошими оценками особо не баловали, спрашивали строго. Если ученик не усваивал курс, его могли оставить на второй год, но только один раз в течение курса. Не сдавших переводных экзаменов во второй раз исключали из училища. По тому же статистическому отчёту было уволено за неуспеваемость 12 человек, а 7 учеников оставлено на второй год. В 1907 году на курсе 1-го специального мореходного класса вместе с Александром Кучиным обучались 30 человек, а к выпускным экзаменам осталось только 13.

Правда, кроме успеваемости были и другие причины. Учёба была платной. Нужно было ещё приобретать особое обмундирование – байковую рубаху, тельняшку, брюки, фуражку, шинель, полупальто, башлык, погоны. Иногородним – платить за квартиру, питаться. Не все семьи могли вынести такое бремя. Неимущим выплачивали стипендии, кого-то освобождали от платы за обучение, тем не менее из-за невозможности оплатить обучение некоторые ученики были вынуждены покинуть училище. Всего один год недоучился друг Александра Володя Гринер.

Занятия в училище шли своим чередом. Нагрузки возрастали. Чему же там учили?

Числа часов учебных занятий в неделю[23]

№	Предмет	Общие классы		Торговое отделение		Мореходное отделение		
		1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	3 кл.
1	Закон Божий	1	2	2	1	2	1	1
2	Русский язык	4	3	2	3	2	2	1
3	История	2	2	2	–	2	–	3
4	География	3	3	–	–	–	–	–
5	Арифметика	6	–	–	–	–	–	–
6	Геометрия	4	3	–	–	–	–	–
7	Алгебра	–	5	2	–	2	–	–
8	Физика	2	3	3	–	3	–	–
9	Зоология и ботаника	22	–	–	–	–	–	–
10	Чистописание	1	–	–	–	–	–	–
11	Черчение и рисование	2	2	–	–	–	–	–
12	Английский язык	3	3	2	3	2	2	2
13	Немецкий язык	–	3	3	3	3	2	2
14	Коммерческая арифметика	–	–	2	2	–	–	–
15	Бухгалтерия	–	–	5	5	–	–	–
16	Судовая отчётность и коммерческая корреспонденция	–	–	–	–	–	2	1
17	Товароведение	–	–	2	4	–	–	–
18	Химия	–	–	–	2	–	–	–
19	Коммерческая география	–	2	2	2	2	–	–
20	Законоведение	–	–	2	2	2	2	2

Учиться было сложно, но и престижно. Здесь был очень сильный для провинциального учебного заведения преподавательский состав. Начальник училища полковник М. М. Беспятов – автор учебника по навигации[24]; среди преподавателей были выпускники университетов, высших морских учебных заведений. Была в училище и должность тимермана – специалиста по такелажу парусных судов, долгие годы её занимал бывший руководитель мореходных классов из Сумского посада П. К. Рюхин, учивший не только шить паруса и изготавливать иную оснастку судна, но и создавать модели судов. Модели самого П. К. Рюхина долгие годы служили учебными пособиями для курсантов Архангельского торгово-мореходного училища, участвовали в российских и международных выставках.

Размещалось училище в каменном особняке на набережной Северной Двины, построенном в первой половине XIX века. При нём был сад, где проходили практические занятия по астрономии и были установлены солнечные часы системы «Флеше», с точностью до минуты показывавшие архангельское время. Было в училище и общежитие для иногородних учеников под присмотром воспитателя, который находился тут же. Проживание в общежитии при готовом питании стоило 15 руб. в год.

Окна особняка смотрели на широкую Северную Двину,

ветвившуюся в этом месте на два рукава – Кузнечиху и Маймаксу. Летом был виден лес мачт судов, стоявших на рейде и у многочисленных причалов. Занятия начинались 15 октября, когда навигация уже завершалась и этой красоты учащиеся не видели, а заканчивались – 15 мая, когда река только-только освобождалась ото льда. Учащиеся мореходного отделения часто отправлялись на суда в марте-апреле, и тогда классы закрывались досрочно. Для получения аттестата об окончании училища необходимо было иметь плавательный ценз, подтверждённый документально, т. е. быть в море 17 месяцев. Совершеннолетние выпускники, достигшие 21-летнего возраста, проплававшие 24 месяца, получали диплом штурмана 2-го разряда без дополнительных испытаний. Это было одной из привилегий Архангельского училища и свидетельствовало о признании высокого уровня подготовки. Из всех морских учебных заведений России гражданского флота подобная привилегия была ещё только у Одесского училища торгового мореплавания.

Здание Архангельского торгово-мореходного училища. Фото нач. XX в. (Из фондов АКМ)

№ 807

Билетъ.

ученика Архангельскаго Торгово-Мореходнаго училища

Александра Кучина

Зому класса мореходнаго отдѣленія.

Начальникъ училища
Полковникъ

Въ Управ[illegible]

Ученик[illegible] этотъ билетъ

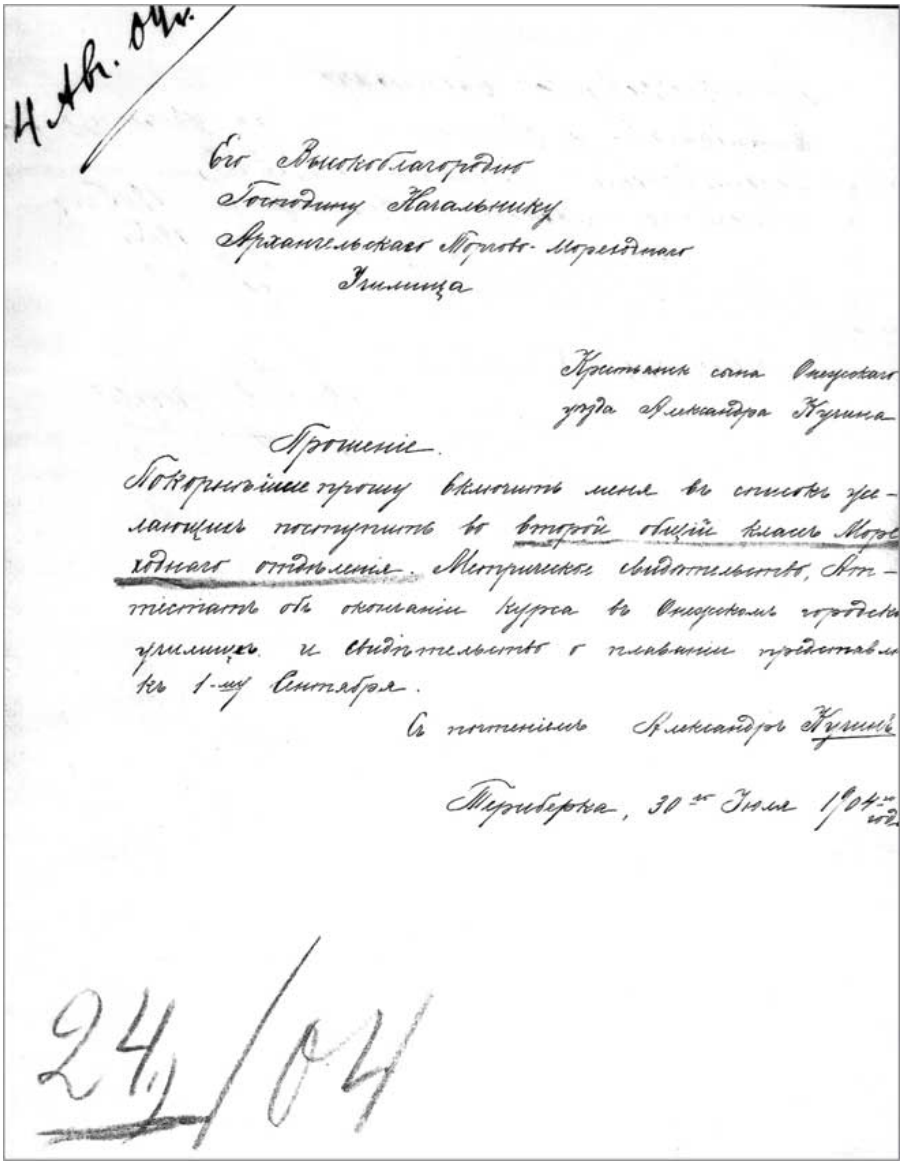
Декабрь 14 1908 г.

имѣть всегда при себѣ и предъявлять по требованію педагогическаго персонала всѣхъ учебныхъ заведеній, а также чиновъ Полиціи.

Начальникъ

№ 595/1

Ученический билет А. Кучина. 1908 г. (Из фондов МАА)



Его Высокоблагородию
Господину Начальнику
Архангельского Морского Торгового
Училища

Крестьянина сына Вологодской
губ. Александра Кучина

Прошение.

Покорнейше прошу включить меня в списокъ уча-
ствующихъ поступить во второй общій классъ Мор-
ского отдѣленія. Метрическое свидѣтельство, Атте-
статъ объ окончаніи курса въ Вологодскомъ городско
училищѣ и свидѣтельство о плаваніи представлю
къ 1-му Сентября.

С почтеніемъ Александръ Кучинъ

Архангельскъ, 30-го Іюля 1904-го года

24/04

Заявление А. Кучина о приёме в Архангельское торгово-мореходное училище. 1904 г. (Из фондов ГААО)

15 октября 1904 года началась учёба Александра Кучина. Перед занятиями – общая утренняя молитва. В 9 часов – первый урок. Ежедневно – пять уроков, каждый 55 минут. Пятиминутные переменки, после третьего урока большая перемена – 30 минут. После занятий – подготовка к следующему дню. По воскресеньям и праздничным дням – богослужение в соседней Успенской церкви, где священником был преподаватель Закона Божия В. И. Любавский. Ходить в театры и смотреть иные публичные

представления можно было только с разрешения классного наставника или инспектора. Посещать рестораны, портерные (пивные) и прочие подобные заведения, как и курить табак, строго воспрещалось. Но для второго общего класса это не самая большая проблема. Куда сложнее было выполнить следующий пункт «Правил для учеников Архангельского торгово-мореходного училища»: «Ссоры, брань и драки между учениками строго воспрещаются, ещё строже преследуется злоупотребление силою против слабейшего»[25].

Впрочем, Саша не был забиякой. Судя по его письмам норвежским друзьям, он много занимается, особенно языками: *«Я учу английский и немецкий. С английским у меня хорошо и у меня вторая отметка, по немецкому у меня отметка первая, но я ничего не могу. Немец не может нас научить по-хорошему, и мы воюем с ним… Многие мальчики говорят на немецком и английском. Но сейчас я должен заканчивать, потому что на завтра так много уроков и я должен их выучить»*[26]. (Письмо от 13 ноября 1904 года.) Он сопереживает событиям русско-японской войны: *«Я буду моряком и пойду на войну во флоте. Но сначала я буду плавать на нашем «Николае» в Норвегию. Наш директор скоро уйдет на войну. В Архангельск скоро приедут раненые с театра военных действий. Некоторые из них прибудут в госпиталь нашего училища. Они, я думаю, много расскажут о войне»*[27]. (Письмо от 13 ноября 1904 года.) *«Вчера у нас была лекция о рентгеновских лучах. Все деньги идут солдатским вдовам»*[28]. (Письмо от 23 декабря 1904 года.)

Летом 1905 года он в море почти пять месяцев, «4 месяца, 26 дн.» – так будет записано в его личном деле. На каком судне и с кем ходил Александр, неизвестно.

Письмо от 28 октября 1905 года: *«Десятого я пошёл в училище. С учёбой у меня всё хорошо. На днях получил единицу по астрономии. Не писал Вам так долго, потому что в России беспорядки. Я не уверен, что это письмо дойдёт. Жить в России тяжело»*. 23 ноября он его дописывает: *«Почта бастовала, и мне не удалось отправить письмо 28.10. У нас учеников была стычка с торговцами, и мне поранили ногу. Сейчас мы получили конституцию в России и праздновали 8 дней»*[29].

Волна Первой русской революции 1905 года докатилась и до Архангельска. С энтузиазмом встретил Архангельск Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», более известный как Манифест 17 октября, который А. Кучин называет конституцией. Манифест провозглашал: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов. Установить как незыблемое правило,

чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей». Император призывал «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Тишины и мира не получилось.

18 октября по улицам Архангельска прошла многочисленная демонстрация с красными флагами и пением марсельезы. Во главе демонстрации – политссыльные, которых было немало в Архангельске. «Краем не столь отдалённым» именовалась ссылка в Архангельскую губернию на языке революционеров. Среди демонстрантов учащаяся молодёжь торгово-мореходного училища, технического училища, гимназий, семинарии, других учебных заведений, преподаватели. Срывались национальные флаги и портреты царской семьи. У Городской думы на Ломоносовской площади приват-доцент политссыльный М. Ю. Гольдштейн произнёс речь.

Реакция была немедленной. 19 октября в присутствии официальных лиц в Троицком соборе состоялся благодарственный молебен во здравие Императора и его семьи, после которого участники его с пением «Боже, царя храни» и национальными флагами направились к Городской думе.[30] По свидетельству очевидцев, на городском рынке организовалась «патриотическая манифестация». С царскими портретами и национальными флагами она двинулась к Думе, по пути разогнав на Соборной площади группу демонстрантов с красными флагами, которые пытались прекратить работы в порту. В Гагаринском сквере разогнали митинг учащихся, при этом некоторых избили.[31] По всей вероятности, именно здесь Саша Кучин получил ранение.

Далее они направились в Соломбалу – рабочий район Архангельска. В это время из Соломбалы шла демонстрация, состоявшая в основном из политссыльных, учащихся и ремесленников. Разминуться они не могли, так как обе манифестации шли по главному проспекту. Они встретились на пересечении Троицкого проспекта и улицы Пермской (ныне ул. Суворова). Попытки переговоров не увенчались успехом. Раздался провокационный выстрел, и началась драка. Жестоко избили 19 человек. Приват-доцент М. Ю. Гольдштейн и учительница А. А. Покотило в тот же день умерли. Через год состоялся суд. Кто избил А. А. Покотило, следствием выявлено не было, а убившие

М. Ю. Гольдштейна были оправданы.[32]

19 октября (31 октября по н. с.) стало для Архангельска собственным «Кровавым воскресеньем», точнее – «Кровавой средой».

Драматические события происходили и в стенах Архангельского торгово-мореходного училища. Учащиеся, юноши 14–23 лет, посещали собрания, где читали и обсуждали нелегальную литературу, некоторые из них были членами нелегальной организации «Северный союз учащихся средних школ», возникшей ёще в 1903 году и бывшей под влиянием большевиков.[33]

23 октября началась общая забастовка учащихся Архангельска. В ней приняли участие ученики торгово-мореходного училища, мужской гимназии, технического училища, городского училища. Забастовщики действовали слаженно, была разработана петиция, состоявшая из двух разделов – «общие пункты» для всех учебных заведений и «частные пункты», касающиеся отдельных учебных заведений. Она была принята на ученической сходке 23 октября, а 24 октября подана начальнику училища.

> «В Педагогический комитет Архангельского Торгово-Мореходного училища.
>
> Мы, ученики Архангельского торгово-мореходного училища, собравшись на сходке 23 октября, единогласно постановили, что до введения реформ в учебных заведениях успокоение среди учащихся может наступить лишь при удовлетворении следующих пунктов.
>
> Общие пункты
>
> 1. Предоставления учащимся Архангельской духовной семинарии, исключенным во время весенних волнений 1905 года, права держать переводные и выпускные экзамены.
>
> 2. Представительство родителей учащихся в Педагогических советах учебных заведений в количестве, равном составу педагогического персонала с решающим правом голоса.
>
> *Примечание.* В тех учебных заведениях, где представительство родителей невозможно, предоставить это право самим учащимся.
>
> 3. Отмена надзора за учащимися со стороны лиц педагогического персонала во внеклассное время.
>
> 4. Введение товарищеского суда чести, устав которой

должен быть выработан комиссией из равного числа представителей от педагогического персонала и учащихся трёх старших классов.

Примечание. Высказано настойчивое пожелание, чтобы учащимся было предоставлено право свободного выбора председателя.

5. Разрешение автономных кружков самообразования и организации, объединяющей деятельность отдельных кружков с предоставлением права издавать журналы, устраивать вечеринки и т. п.

6. Отмена балльной системы с сохранением годовой оценки, которая должна производиться двумя баллами – «удовлетворительно» и «неудовлетворительно».

7а. Предоставление права пополнения ученической библиотеки и учебных пособий путём ежегодных ассигнованных из специальных средств учебных заведений, а выработку мер к улучшению предоставить Педагогическим советам и представителям из учащихся старших классов с правом совещательного голоса.

7б. Уравнение прав по подбору книг для ученических библиотек с таковыми же публичными библиотеками.

8. Необязательное ношение формы.

9. Отмена наказаний, вредно отражающихся на здоровье учащихся.

10. Ненаказуемость участвовавших в манифестациях последних дней и в подаче настоящей петиции.

Частные пункты

1. Расширение программы общеобразовательных предметов Архангельского торгово-мореходного училища и уравнение его в правах с Одесским училищем торгового мореплавания.

2. Удаление от педагогической деятельности в нашем училище гг. преподавателей В. В. Заборщикова и Е. И. Мюлленберга и серьёзное отношение к преподаванию г. В. П. Витта.

3. Улучшение практических занятий по специальным предметам и введение такелажных работ в общих классах.

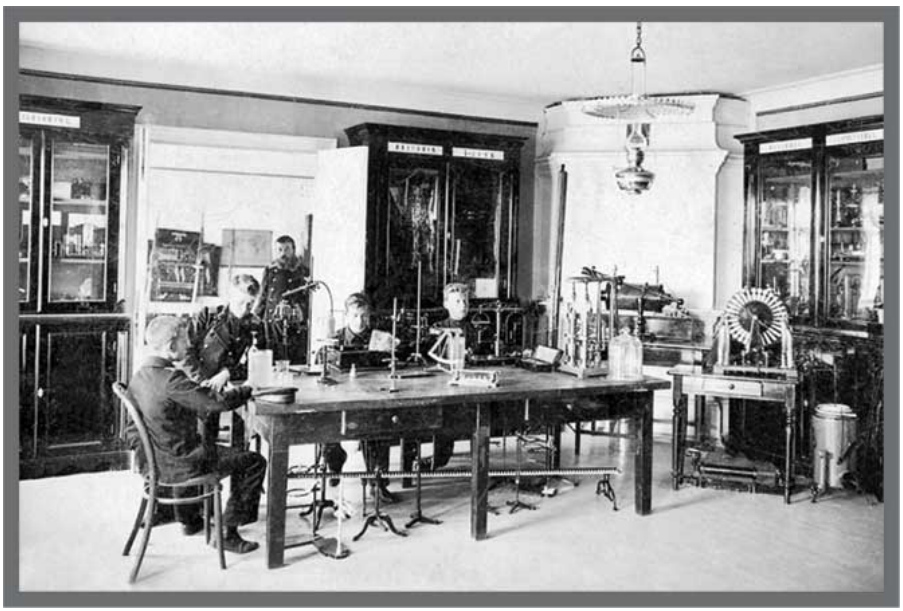
4. Предоставление ученикам свободного выбора квартир.

5. Введение гимнастики.

6. Мы настаиваем на немедленном проведении в

школьную жизнь тех пунктов петиции, которые может разрешить Педагогический комитет, и на немедленном же сношении с надлежащими инстанциями относительно удовлетворения остальных пунктов»[34].

Занятия по астрономии в Архангельском торгово-мореходном училище. Фото нач. XX в. (Из фондов МАМИ)



Кабинет физики в Архангельском торгово-мореходном

училище. Фото нач. XX в. (Из фондов МАМИ)

БИЛЕТЪ.

Предъявитель сего ученикъ I специальнаго класса мореходнаго отдѣленія Архангельскаго Торгово-Мореходнаго училища Александръ Кучинъ уволенъ ~~на каникулярное время~~, ~~срокомъ отъ нижеписаннаго числа по~~ ~~190 года~~, въ г. Анечу къ родителямъ.

№ 1102

г. Архангельскъ, 2 Ноября 1905 г.

Начальникъ училища, ~~Капитанъ~~ Подполковникъ Бетлингъ

Секретарь

Билет об увольнении А. Кучина из Архангельского торгово-мореходного училища. 1905 г. (Из фондов АКМ)

А. Кучин с сокурсниками. 1909 г. (Из фондов АОКМ)

Начальник училища петицию принял, тем более что накануне состоялось совещание руководителей учебных заведений, которое решило принимать петиции от учащихся и отменить занятия до 27 октября. Петиция рассматривалась на заседании Педагогического комитета 25 октября.

Перед педагогами встала трудная задача. С одной стороны, многие из них были настроены либерально и были «за свободы», но, с другой стороны, они понимали, что её одобрение может привести к развалу учебного процесса. Педагогический комитет принял компромиссное решение. Он согласился с пунктами 4, 5, 7, 10 общих пунктов и пунктами 3 и 5 частных пунктов. Пункты 3 и 8 общего, а также пункт 4 частного раздела решено обсудить вместе с родителями. По пункту 1 договорились сообщить просьбу в Правление духовной семинарии, по пункту 2 признано желательным присутствие родителей на заседаниях Педагогического комитета, по пункту 9 указано, что применяется единственное наказание – приглашение неуспевающих учеников в праздники для выполнения учебных заданий. Комитет признал себя некомпетентным принять решение по пункту 2 частного раздела и адресовал его Попечительскому совету.[35] Попечительский совет на своём заседании категорически отказал удовлетворить это требование.[36]

После этого В. В. Заборщиков, преподававший физическую географию и корабельную архитектуру в специальных мореходных классах, уволился. Е. И. Мюлленберга, преподавателя немецкого языка, просили работать до окончания учебного года.

27 октября начальник училища сообщил учащимся решение Педагогического комитета. На занятия пришли ученики общих классов. Старшие ребята отправились в мужскую гимназию, где сорвали занятия.

30 октября состоялось совместное заседание Педагогического комитета и родителей. Родителям предложили призвать своих детей к порядку и вернуть их к занятиям, либо, как было предложено Попечительским советом, с 26 октября училище будет закрыто на неопределенное время.

31-го занятия возобновились, но в конце ноября – новая волна недовольства и беспорядков. 22 ноября к начальнику училища пришли делегаты и потребовали разрешить сходку в общежитии училища. М. М. Беспятов сходку разрешил, но потребовал, чтобы она была после пятого урока и без посторонних лиц. Однако на сходку явились учащиеся технического училища, гимназии, семинарии, городского училища. Начальник направил инспектора, чтобы тот напомнил

ученикам их обещание, тогда посторонние удалились. После сходки депутация вновь появилась в кабинете начальника и сообщила, что большинством голосов было принято решение бастовать с 23 ноября. «При этом делегаты заявили, что этой забастовкой они вовсе не выражают своего недовольства по отношению к своему училищу, но имеют в виду интересы учеников городского училища, петиция которых не была принята директором народных училищ»[37]. Предполагалась забастовка во всех учебных заведениях. Однако в мужской гимназии имени М. В. Ломоносова был храмовый праздник – Собор Михаила Архангела и в этот день в гимназии по традиции не было занятий. В техническом училище имени Петра I занятия шли обычным порядком, в городском училище бастовали лишь старшие классы. В торгово-мореходное училище на занятия явилось 30 учеников, оказалось, что некоторых силой заставили подписаться за проведение забастовки, а на следующий день активисты выставили пикеты на дорогах к училищу и не пускали учащихся, силой заставляя вернуться домой. Но не все учащиеся были единодушны. Из протокола Педагогического комитета от 23 ноября: «Далее было выяснено, что на основании беседы с учениками, что эта группа учеников (14 человек, признанных агитаторами – *прим. авт.*) действует на остальных силой и принуждением, ярким доказательством этого случая является полученное по время заседания и прилагаемое при этом письмо учеников Кучина, Волгина, Гусева»[38].

Это единственное упоминание фамилии Кучина в сохранившихся документах училища, связанных с этими событиями. Его имя не упоминается ни в архиве полицейского управления, ни в воспоминаниях участников революции 1905 года.[39] Впрочем, сокурсник Александра, будущий известный гидрограф Павел Башмаков, говорит о нём как об одном из руководителей забастовщиков.[40] Не является ли привёденная цитата из протокола Педагогического комитета свидетельством того, что А. Кучин и его друзья выступили против методов, применяемых забастовщиками? Когда основные требования учащихся были удовлетворены, Александр уже не видел смысла поддерживать активистов, сеявших хаос. Выступить против большинства – не это ли проявление характера?

24 ноября забастовка продолжалась, и тогда Педагогический комитет решил:

> «Закрыть училище на неопределённое время.
> Считать всех учеников уволенными.
> Возвратить документы учеников их родителям,

причём последних известить об этом.

Прекратить выдачу стипендий с 1 января.

Настоящее постановление передать в Попеч. совет и Отд. торг. мореплавания».[41]

Был собран Педагогический комитет. Преподаватели, многие из которых были настроены либерально, признали ряд требований вполне обоснованными. Тем не менее, учащимся было объявлено, что училище будет закрыто, если беспорядки не прекратятся. 30 октября состоялось совместное совещание с родителями, которым было предложено воздействовать на своих детей для прекращения забастовок и возвращения к учебным занятиям. На следующий день занятия возобновились, но затишье длилось недолго. 23 ноября началась забастовка в поддержку учеников городского училища, петиция которых не была принята директором народных училищ. Решением Педагогического комитета училище было закрыто на неопределённое время. Родители послали жалобу на имя министра торговли и промышленности, в которой говорилось, что дети выступают под воздействием внешних агитаторов, а «петиции эти составлены в тех выражениях, которые мы не слышали от детей»[42].

В результате было принято компромиссное решение. Занятия возобновились лишь в феврале в общих классах и специальных классах торгового отделения. Специальные классы мореходного отделения были закрыты до начала следующего учебного года, а ученики официально уволены из училища, через полицейские управления родителям выслали все документы. Принимать их обратно в училище или нет, решал Педагогический комитет. Так как нормальных занятий из-за забастовок не было, то ученики должны были повторить тот курс, с которого были уволены.

Общежитие, которое стало местом собраний и куда приходили не только учащиеся, но и посторонние, было признано «рассадником заразы» и упразднено вовсе.

Какова же роль Александра Кучина, ученика 1-го специального класса мореходного отделения. Вот как эти события он описывает в письме своим друзьям 26 июня 1906 года:

«Дорогие Бартольд, Отто и Аксель!

Уф-ф-ф! Тяжело писать, когда человек осознаёт свою вину. Да, это я виноват, что не узнал о том, как вы живёте там, на горе, о том, как дела в школе, и о Тромсё, где я провёл счастливое время. Да, это были счастливые дни, я был всего лишь ребёнком и не знал, что жизнь так трудна. Сейчас, в этот год, я это понял. Слёзы стоят у меня в глазах, когда я вспоминаю зиму, проведённую на Родине. Кровь и пожарища повсюду. Пустые дома, полицейские и

солдаты с оружием повсюду.

Мы не могли это терпеть. Мы просили учителей и директора освободить нас от уроков, чтобы быть вместе с политическими партиями и бороться за свободу народа. Я говорю «мы» – это были учащиеся средних школ, гимназий, технических училищ, учительской школы и навигационного училища.

Однажды мы шли со своим красным флагом и встретили толпу, в которой были полицейские и много пьяных, которые были наняты губернатором. Они начали бить младших ребят, которые были с нами. Началась драка. Меня ранили в ногу. В ноябре стало спокойнее, и мы пошли в училище. Но в декабре нам пришлось закончить с учёбой, потому что директор хотел выгнать ученика второго класса (вероятно, Соломона Туфиаса, ученика второго класса торгового отделения, который агитировал не только в училище, но и на лесозаводах в Маймаксе – *прим. авт.*). *Я поехал домой в Онегу. У меня было много работы. В деревнях я говорил с народом о времени, в котором мы живём, о других странах и что мы должны сделать, чтобы возвысить нашу страну. Но пришла весна. Я не захотел плыть с моим отцом, потому что не хочу быть пассажиром на борту. Но я должен заработать деньги на учёбу. И поэтому я приехал сюда покупать рыбу. Приехал сюда перед Пасхой. Я много раз пытался писать вам, но не послал ни одного письма, я думал, что сам приеду в Тромсё. Мой отец был здесь несколько дней назад, он плывёт в Тромсё. Вы должны навестить его. Пишите поскорее. Мой адрес: Hr. A. Kutschin, Kristensens hotel Vardø.*

Заканчиваю приветами всем вам, вашим маме и папе, Элизабет, Освальду»[43].

Под крыльцом дома Кучиных в Онеге было найдено красное знамя, на котором белой тесьмой вышито «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».[44] По всей вероятности, это знамя – свидетель событий октябрьско-ноябрьских волнений, происходивших в училище в тот год. Агитация в онежских деревнях, письмо в Норвегию, последующие события, вероятно, могут быть доказательствами того, что Александр не был пассивным свидетелем событий, происходивших в стране.

Итак, весной он едет в Норвегию в Вардё, небольшой городок на севере Норвегии в провинции Финнмарк «покупать рыбу», а оказывается в большевистском издательстве «Помор», которое специализируется на выпуске революционной литературы, нелегально ввозимой в Россию.

Известно, какое внимание В. И. Ленин и Центральный комитет РСДРП(б) уделяли распространению своих взглядов через печатные издания: газеты, брошюры, листовки,

прокламации. Издательства и пути перевозки были строго законспирированы. Вряд ли попасть на работу туда можно было «с улицы». Безусловно, получить рекомендацию, а может быть, «направление» или «партийное задание» можно было только в Архангельском комитете РСДРП(б) или от доверенных людей. Значит, в соответствующих кругах Александра знали и ему доверяли.

Издательство «Помор» появилось в 1906 году. Его организатором стал Николай Алексеевич Шевелкин, один из «твердокаменных большевиков», как называл своих соратников В. И. Ленин.

Н. А. Шевелкин примкнул к революционному движению ещё будучи студентом Рижского политехнического института. В 1904 году сослан в Архангельск. Когда началась революция, совершил побег. Архангельский комитет Российской социал-демократической рабочей партии выдал ему мандат для участия в III съезде РСДРП в Лондоне. На этом съезде 14 (27) апреля 1905 года архангельская организация была официально признана и вошла в состав партии. В. И. Ленин, Н. К. Крупская и Л. Б. Красин дали ему задание наладить транспортировку нелегальной литературы «северным путём» через Норвегию.

Он выполнил задание партии. Этот путь оказался и самым дешёвым, благодаря поддержке моряков, перевозивших её на судах Архангельско-Мурманского срочного морского пароходства и поморских шхунах в бочках с рыбой с двойным дном. Северная Норвегия стала не только перевалочной базой, но и местом, где печаталась нелегальная литература. Был куплен русский шрифт, помещение и технику предоставила типография «Финнмаркен» (здание типографии было разрушено во время Второй мировой войны). В 1907 году здесь начала выходить газета «Мурман». Всего вышло около 400 наименований изданий.

Смелый до дерзости, прекрасный оратор и организатор, увлечённый своим делом, Николай Алексеевич, несомненно, сыграл большую роль в формировании личности Александра Кучина. Возможно, именно Н. А. Шевелкин просил своих архангельских друзей-партийцев прислать надежных помощников для работы в издательстве. Так А. Кучин оказался в Вардё.

Большую помощь в организации издательства оказывал почтмейстер Вардё социалист Адам Эгеде-Ниссен. Личность не менее примечательная. Он вырос в радикальной семье сторонников трезвости и социальной справедливости, в 1897 году стал почтмейстером – самым молодым в мире. Хорошо знал русский язык, который изучал в Архангельске и С.-Петербурге. Свои первые контакты с русскими революционерами он завязал

ещё в 1901 году на Международном рабочем конгрессе в Копенгагене. В том же году был избран в стортинг – норвежский парламент с программой, разработанной «Левым объединением Вардё и рабочими и рыбаками городов Финнмарка». Он представлял Финнмарк в парламенте 14 лет. Был мэром Ставангера и депутатом стортинга теперь уже от губернии Рогаланд. После революции неоднократно бывал в Москве, встречался с В. И. Лениным и А. Коллонтай. Стал одним из членов Норвежской коммунистической партии, её председателем в 1943–1946 годы, в не самые простые времена, когда Норвегия была союзницей фашистской Германии.[45]

Когда в Вардё появился Фишер, «профессор», под этими псевдонимами был известен Н. А Шевелкин, А. Эгеде-Ниссен с энтузиазмом включился в работу. В декабре 1906 года в норвежском социал-демократическом журнале «Двадцатое столетие» он опубликовал статью «Мои русские товарищи» с фотографией. В России революция продолжалась, «русские товарищи» были на нелегальном положении, поэтому автор так их «зашифровал», что в дальнейшем пришлось приложить немало усилий, чтобы разобрать «кто есть кто». А. Эгеде-Ниссен пишет, что на стуле сидит он, молодой парень справа – юнга, попавший в Вардё после волнений в навигационной школе, в середине – Грачев, студент, имевший шрамы на лице от казацкой шашки и на руке от лошадиной подковы, полученные во время событий на Дворцовой площади 9 января 1905 года, третий – революционер по прозванию Фишер.[46] Юнга хорошо узнаваем, это Александр Кучин. Простоватое лицо молодого человека слева как-то мало согласуется с псевдонимом «профессор», который носил Фишер-Шевелкин. Идентифицировать этого человека удалось архангельскому журналисту А. Г. Веселову – это Петр Гусев.

Петр Фёдорович Гусев, уроженец села Ворзогоры Онежского уезда, работал на лесопильных заводах, вёл революционную пропаганду. По возвращении из Норвегии в 1907 году был арестован с грузом нелегальной литературы, сидел в тюрьме. После продолжил агитационную работу в Онеге, создал там социал-демократический кружок. В 1912 году вновь арестован за агитацию на лесозаводах в Маймаксе. После февральской революции бы членом Городской думы в Онеге, в 1920–1921 годах служил в Красной армии. Вернувшись в Онегу, занимался профсоюзной работой, был председателем Комитета помощи голодающим. В 1940 году был репрессирован. Ему припомнили, что он выступал против национализации земли и заводов, за учредительное собрание, против заключения Брестского мира, сотрудничал с белогвардейцами. Был осуждён

на 4 года и вышел в 1944-м. Реабилитирован в 1965 году, благодаря ходатайству редакции архангельской областной газеты «Правда Севера».

Человек в центре во всех российских изданиях атрибутирован как Н. А. Шевелкин. Все же было сомнение: а вдруг это не он, а В. Ф. Грачев, студент со шрамами. Пришлось сделать криминалистическую экспертизу, сравнить эту фотографию с известными изображениями Николая Алексеевича. Лица анализировались по нескольким параметрам. Ответ: общее сходство 85–90 %.

Итак, команда издательства «Помор» была невелика. Известно несколько имен: Н. А. Шевелкин, В. Ф. Грачёв (возможно, псевдоним), А. Кучин, П. Гусев и Лисичкин. Работали дружно, тысячными тиражами выпускали агитационную литературу. В уже упоминавшейся статье А. Эгеде-Ниссен писал: «Если русскому социал-демократу дать задание выпустить революционные листовки, он выполнит задание, даже если до этого никогда не стоял у наборной кассы», и далее: «Счастлива Россия, которая имеет таких сыновей и дочерей, которые не сгибаются при любой погоде».[47]

В то лето Кучину так и не удалось съездить в Тромсё к друзьям. Сохранилось ещё одно письмо из Вардё от 4 июля 1906 года. Он извиняется, что не сразу ответил на письмо, полученное им несколько дней назад, – «был очень занят», и далее: *«Я получаю здесь русские газеты. Пишут, что была большая забастовка в некоторых частях. Солдаты сказали, что они пообещали друг другу не стрелять в крестьян и рабочих и что они служат не царю, а народу. Оттó* (брат Хагеманна – *прим. авт.*) *пишет, что в России наступит день. Но – ах, ночь слишком темна, мы можем потерять терпение, прежде чем взойдёт солнце. Наше солнце – это свобода и счастье народа. В прошлом году мы увидели только сверкающий край солнца, но теперь оно заперто в глубокий ящик за блестящими мундирами министров и политиков».*[48]

Сохранилось ещё одно любопытное послание того лета – открытка с почтовым штемпелем «Онега 13.8.06» на этакой англо-русской смеси: «My dear nephew! This morning I have the interesting post card, for that I thank you. Now in Russia опять наступил прежний режим. Предполагалась общая strike, но не состоялась, о чём I am very sorry». Места на открытке, предназначенного для письма, не хватило, и корреспондент продолжает писать на лицевой стороне. К сожалению, часть текста утрачена, но по смыслу можно догадаться, что автор спрашивает, когда Кучин будет в Онеге, и надеется получить от него письмо из Архангельска. Подпись «your uncle N. Negoda…» (последние буквы

не читаются – *прим. авт.*).[49] Милое послание, особенно если учесть, что адресовано оно Александру Кучину через «Russian Imperial Consultate Vardö» – русское консульство в Вардё.

Что за дядя? Откуда дядя? По родословию не было у Александра родственников с похожей фамилией. Оказалось, что эту открытку послал его онежский друг Николай Гаврилович Негодяев. Он родился 26 января 1885 года, то есть был старше Александра на целых 3,5 года, и, вероятно, это позволяло ему называть себя шутливо «дядюшкой». Дед, отец и братья отца Николая работали конторщиками на лесозаводе в Поньге около Онеги. Конторщиками называли управленческий, инженерно-технический персонал и бухгалтерию, то есть «белых воротничков». Сам Николай в эти годы зимой учился в Англии, отсюда его свободное владение языком, а летом тоже работал на заводе. На фотографии, сделанной в Онеге в 1912 году, где Александр со своими друзьями, Николай стоит справа в верхнем ряду.

В сентябре ночью в издательство пришли норвежские полицейские, начался обыск. В издательстве ночевали В. Ф. Грачёв и А. Кучин. Одному из них удалось выскользнуть, он побежал к А. Эгеде-Ниссену, но его не было дома. Его жена, взяв ребёнка, под проливным дождём направилась в лавку, где рыбаки ждали погоды, чтобы отправиться на промысел. Вместе с ней рыбаки пошли в типографию и вынудили полицию прекратить обыск. Но через несколько дней, выгадав время, когда А. Эгеде-Ниссен, пользовавшийся большим влиянием в Северной Норвегии как депутат стортинга, отсутствовал, полиция вновь нагрянула, конфисковала всю литературу и рассыпала набор.

Ситуация была сложная. Н. А. Шевелкину и его товарищам грозили арест, высылка из страны, скорее всего – в Россию, а там суд, тюрьма, ссылка.

В газете «Финнмаркен» появилась статья «Будут ли норвежские власти служить помощниками русского царя? Российская социал-демократическая литература конфискована в Vardo». В статье говорилось о том, что министр юстиции Норвегии считает, что издание подобной литературы «ставит Норвегию в опасное положение по отношению к России и идёт в разрез с параграфами норвежского закона, запрещающего распространение того, что возбуждает на восстание против правительства этой или другой страны». Далее: «Русская социал-демократия послала людей для печатания литературы, которая запрещена в царстве беззакония. Эти люди так любят свободу свою и своего народа, что покидают родину и дом, чтобы в стране более свободной сделать то, что запрещено на родине. Они

работали день и ночь, пока наконец было напечатано порядочное количество литературы, которая была бы распространена среди тёмного ещё крестьянства. Но вот является норвежская полиция и забирает эти результаты их труда, который, как они ожидали, должен был бы пойти на пользу родного народа, и забрала только потому, что в брошюре была фраза «долой самодержавие»… Мы думаем, что мнение, заключённое в этих словах, отзовётся в груди каждого, кто мыслит, в груди каждого на земле… Мы даже не считали возможным, что власти конфискуют эти брошюры и помешают им попасть туда, куда они назначены: несчастному русскому народу, который под бичём палачей борется за свою свободу, чтобы свергнуть ненавистную власть реакции… Мы думаем, что все цивилизованные страны должны помогать русскому народу сломить власть царя… Мы призываем союзы рыбаков и рабочих в Vardo немедленно созвать массовый митинг для протеста против конфискации и отмены параграфа в данном случае и для выработки резолюции протеста для представления его в Норвежское правительство».[50]

Дело получило широкую огласку, прошли митинги протеста в Киркинесе, Вардё, Тромсё, Осло и других городах. «Дело Вардё» было вынесено на рассмотрение суда. Суд не нашёл оснований для запрета издания такой литературы. Издательство продолжило работу.

В это время Александр был уже далеко. В училище начались занятия. Чем он занимался в Норвегии, не знали даже его однокурсники. П. И. Башмаков много лет спустя пишет, что в том году А. Кучин был на зверобойном промысле и помогал через знакомых моряков перевозить нелегальную литературу в Россию.[51]

Можно только представить реакцию дирекции и преподавателей, когда в училище пришло письмо с протоколом таможни о том, что у лучшего ученика училища Александра Кучина, возвращавшегося из города Вардё на пароходе Мурманского общества «Николай», были конфискованы патроны и переписка. Действительно, при возвращении из Норвегии Александр был подвергнут тщательному таможенному досмотру, и, вероятно, не случайно. В соответствующих органах его деятельность в революционном издательстве была известна. При нём были обнаружены коробка с патронами к револьверу системы «браунинг», две рукописные статьи революционного содержания, «Выборгское воззвание», фотография матроса Александра Вешнякова, месяц назад пытавшегося провести на пароходе «Ломоносов» нелегальную литературу из Норвегии, а также записка от товарища, в которой говорится о том, что его

преследует полиция, он бросает учёбу и едет агитировать в Кестеньгу Кемского уезда. При нём был и транспорт с нелегальной литературой. По семейным преданиям, он успел выбросить её в наволочке в иллюминатор. Н. И. Шевелкин на склоне своих дней говорил А. Г. Веселову, что Саша все же провёз литературу и в этом ему помогли друзья-моряки.[52]

2 октября состоялось заседание Педагогического комитета. Начальник училища сообщил, что в беседе с ним А. Кучин сказал, что в марте он уехал в Александровск, надеясь получить место на судне научно-промысловой экспедиции, но оно уже ушло в плавание, уведомление о том, что ему оставлена вакансия на одном из пароходов Мурманского общества, он не получал, поэтому уехал с отцом в Вардё, где всё лето находился на покупке рыбы. Патроны ему дала какая-то женщина, чтобы он сделал цепочку для часов, одна рукописная статья – это его перевод статьи «Будут ли норвежские власти служить помощниками русского царя?», опубликованной в газете «Финнмарк», другую – «Армия и революция в России и возможность войны России с Норвегией» – его просили передать в газету «Северный листок», издававшуюся в Архангельске и известную своими либеральными взглядами.

Перед Педагогическим комитетом стояла непростая задача. С одной стороны – ещё были памятны волнения осени 1905 года, с другой стороны – перед ними судьба лучшего ученика, надежды училища. Все понимали, что в случае увольнения «по революционной статье» ему будут закрыты двери во все учебные заведения России. Списки таких учеников с завидной регулярностью рассылались по всей России.

Перед нами протокол того заседания.

> «После доклада Начальника Училища Комитет приступил к обсуждению того, как отнестись к поступку Кучина, изложенному в протоколе Таможни. При обсуждении этого вопроса некоторые из преподавателей высказали мнение об исключении Кучина из Училища, а некоторые были против этого, на том основании, что переписка, отобранная у Кучина, представляет рукопись, кроме выборгского воззвания, и находится только в одном экземпляре; что касается найденных патронов, то они без револьвера не представляют собой предмета вооружения; кроме того, поступок Кучина мог бы быть наказуем в том случае, если бы он был совершён в стенах училища.
>
> Ввиду разногласия Начальником Училища был

поставлен этот вопрос на голосование, причём большинством голосов (8 против 6) было постановлено: Кучина из Училища не увольнять. После этого был предложен вопрос, подлежит ли Кучин какому-либо наказанию.

Обсуждая этот вопрос, Комитет нашёл, что Кучин подлежит наказанию на следующем основании:

– как ученик мореходного отделения он должен был в течение вакации плавать и, во всяком случае, оставаясь всё время в Вардё, сообщить об этом Начальнику Училища;

– после конфискации вещей он должен был сообщить об этом немедленно Начальнику Училища;

– отправляясь в Вардё, он был обязан испросить себе отпускной билет.

На основании этого Комитет постановил:

– лишить Кучина стипендии (60 руб. в год);

– не освобождать его от платы за учение».[53]

Итак, Александр остался в училище, но без стипендии и с оплатой за обучение. Лишение стипендии было тяжёлым ударом. Он пишет прошение в Педагогический комитет: «Покорнейше прошу Совет не лишать меня последнего средства для продолжения учения – стипендии. Стипендия для меня не является наградой, а необходимостью: я живу только на 10 руб. в месяц и в настоящий момент я должен был занять эти 10 руб., т. к. стипендия не давалась. Отец же писал мне, что помочь совершенно не может. В крайнем случае, прошу освободить от платы за учение. А. Кучин»[54]. Его моральное состояние было тяжёлым. Это сказалось и на успеваемости. За первое полугодие по ведомости большая часть оценок – 4. Он думает бросить училище, карьера моряка ему неинтересна.

В фондах Музея Арктики и Антарктики сохранилось письмо без даты. Оно столь информативно, что процитируем его полностью.

«Partefalle! Я не мог раньше написать ничего: был здорово занят. Лишь теперь есть некоторые фразы, но их мало, а дополнить-то некогда. Владимир обещал прислать Филиппова, но до сих пор ничего не прислал. Наверное, слышали, как я был схвачен здесь и представлен пред своё начальство. Меня уже наказали: лишили стипендии в размере 60 р. Ну и черт с ними. Теперь состою в ученической организации. В Питерской группе все провалы. Пропало всё, что было привезено из Varde. Вчера было собрание членов Архангельской организации по поводу выборов. Отклонены

блоки с к.-д. (партией конституционных демократов – *прим. авт.*). *Затишье. Был период рефератов и дискуссий, но с отъездом двух с.-д.* (социал-демократов – *прим. авт.*) *все затихло. В Шенкурск будет карательная экспедиция с другом Мейгарта во главе. N. A. в Питере. В общем писать ничего не имею. Жаль, что не мог написать. Штука в том, что учусь зараз за мореходку и за гимназию. С отцом перепалка. Денег нет. Одно время даже собирался уйти из училища. Кланяйтесь всей Wessel. Письмо-адрес в Совет Раб. Д., если успею, отправлю в Социал-демократа. Здесь выходят ученические журналы той и другой партии. Скоро Рождество. Я еду в Онегу. Кланяюсь Петерсону, Fzone, Gunderzsen и другим. Alexander*»[55].

«Partefalle» – «товарищ по партии» на норвежском языке. Адресовано оно, вероятно, кому-то из издательства «Помор». Это не Н. А. Шевелкин, поскольку сказано, что N. A. в Питере. Это не В. Ф. Грачёв, далее говорится, что Владимир обещал чего-то прислать. Это не П. Ф. Гусев, который уже в тюрьме. Возможно, это Лисичкин или кто-либо ещё, кто просит прислать статью, заметку, информацию для издания, но Кучин написать не может, т. к. «здорово занят», «есть некоторые фразы», «писать ничего не имею». Правда, он обещает послать «письмо-адрес в Совет рабочих депутатов» в норвежский журнал «Социал-демократ». Известно, что Советы, как форма объединения рабочих и управления стачечным движением, родились именно в годы Первой русской революции. Это явление было новым в рабочем движении, и русские революционеры знакомят с ними норвежских социалистов. Значит, Александр был не только техническим работником, но и писал заметки в русские и норвежские издания.

В ноябре 1906 года в Архангельск приезжали «два с.-д.» – два социал-демократа – Н. А. Шевелкин и А. Эгеде-Ниссен. Этот приезд, как и сообщение о том, что Кучина лишили стипендии, позволяет датировать письмо декабрём 1906 года.

Александр сообщает ещё об одном событии – карательной экспедиции в Шенкурском уезде Архангельской губернии, где в 1905–1906 годах были волнения удельных крестьян, жестоко подавленные. В конце письма Александр передает привет «всей Wessel». Муж и жена Андреас и Элизиф Вессель, горячо сочувствуя событиям в России, создали на Севере Норвегии в городе Киркинесе своеобразную колонию, некий перевалочный пункт для революционеров из России, нелегально выехавших из страны. Здесь построили домики, людей кормили, снабжали деньгами, давали отдохнуть, а далее отправляли либо обратно в Россию, либо в Европу. Попасть же из России в Киркинес было

довольно просто. Из Архангельска в Норвегию регулярно ходили пароходы Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Таможни были в Архангельске и Александровске-на-Мурмане. Можно было свободно купить билет до какого-нибудь становища западнее Александровска и не проходить таможенный контроль – территория-то российского государства, а там, где таможенных постов не было, купить на самом пароходе билет в один из городов Норвегии. Путь вполне безопасный (это не с контрабандистами по суше через границу переходить) и использовался довольно часто. Привет «всей Wessel» – по-видимому, привет всем политэмигрантам этой колонии.

Александр пишет, что состоит в ученической организации. Это свидетельствует о том, что в это время он был серьёзно увлечён революционной деятельностью. Это, по-видимому, стало причиной размолвки с отцом, которую они оба тяжело переживали.

Саша пишет о том, что он изучает курс гимназии. Он хочет учиться в университете, но для этого нужно иметь аттестат зрелости из гимназии. В ноябре 1907 года вышел циркуляр Управляющего С.-Петербургским учебным округом, разрешавший лицам, окончившим средние учебные заведения, сдавать экзамены за гимназический курс, чтобы получить право поступления в университет. Проведение таких испытаний возлагалось на педагогический коллектив местной мужской гимназии.

В эту зиму 1906/1907 Саша, наверное, особо остро понял, что значит жить без средств к существованию, и он опять поступает «не по правилам». В марте Александр уезжает в Норвегию и уходит на норвежском судне на зверобойный промысел.

Организация зверобойного промысла в Норвегии значительно отличалась от поморского. Лучшим путеводителем нам будет книга Фритьофа Нансена «Среди тюленей и белых медведей»[56]. Ф. Нансен ходил на зверобойный промысел в 1882 году, ещё будучи студентом. Книгу написал по своим юношеским дневникам в 60 лет, добавив научные наблюдения более позднего времени, но, судя по тому, что никаких поправок и замечаний о технологии промысла он не внёс, то она, по-видимому, за те сорок лет мало изменилась, разве что суда стали более совершенными.

Сотрудники издательства «Помор». Сидит А. Эгеде-Ниссен, стоят слева направо: П. Ф. Гусев, Н. А. Шевелкин, А. С. Кучин. Вардё, 1906 г. (Из фондов МАМИ)

Знамя «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», найденное под крыльцом дома Кучиных в г. Онеге. 1905 г. (?) (Из фондов АОКМ)

Билет члена-корреспондента Архангельского общества изучения Русского Севера А. С. Кучина. 1909 г. (Из фондов МАА)

Семья Кучиных. Онега. 1908 г. (Из фондов ОИММ)

Зверобойный промысел на гренландского тюленя проходил у острова Ян-Майен, расположенного в Северном Ледовитом океане между архипелагом Шпицберген и островом Исландия. Здесь на молодом льду щенились утельги – тюленьи самки, здесь же были и лёжки бельков – тюленят в возрасте 14–18 дней. При рождении у тюленей мех белый и длинный – 3–4 см. Вскармливаемый матерью, он имеет толстый слой подкожного жира, а так как сам в воду не идёт, поэтому и становится лёгкой добычей для ловцов, которые бьют их баграми по голове. Следует сказать, что русские поморы белька не били, желанной добычей для них были утельги. Европейцы же забивали малышей в большом количестве: это была и лёгкая добыча, и белая шкурка ценилась выше. Через три недели бельки начинают линять, и через месяц у них вырастает серебристо-серый мех в тёмную крапинку, поморы называли их «серками». С каждой линькой крапинки становятся всё больше, и в конце концов остаются только пятно на голове и два больших на спине.

В соответствии с международным соглашением 1876 года побойка – охота на тюленя в районе Ян-Майена, где лежбища тюленей насчитывали сотни тысяч голов, для того чтобы не распугать тюленей, дать им время спокойно ощениться, запрещалась до 24 часов 3 апреля. Естественно, это делалось не для того чтобы защитить популяцию от истребления. Промысловики Норвегии, Англии, Германии и других стран получали равные возможности в добыче непуганного зверя.

На промысел выходили в начале марта с тем, чтобы к 4

апреля постараться найти лёжки зверя, подойти к ним как можно ближе. Нансен вышел в море на барке «Викинг» с ледовой обшивкой и вспомогательным двигателем 60 лошадиных сил. На борту было 62 человека, но были и большие суда с командой до 200 человек. На грот мачте устраивалась бочка, из которой вахтенный или сам капитан высматривал лёжки тюленей, состояние льдов, полыньи, а во время побойки подавал сигналы промысловикам. На вооружении каждого были багор особой конструкции с длинным, слегка загнутым острым шипом с одной стороны и молотком с другой стороны, нож для разделки туш, стальное точило и волоковой шкерт. При обнаружении лёжки на воду спускали лодки, в каждой 5–6 человек: стрелок, рулевой, три-четыре гребца. На «Викинге» было 10 таких лодок. Люди высаживались на льдины, и начиналась бойня. Бельков били молотком багра, взрослых самцов и самок стреляли. Крики бельков и людей – и кровь, кровь, кровь. Тушами и оглушёнными животными набивали лодки и везли их на судно. Свежевали – сдирали шкуру с жиром, остальное выбрасывалось за борт, где поживу уже ждали чайки и буревестники. Как писал Ф. Нансен: «В общем, этот промысел, конечно, не способствует облагорожению человеческой породы»[57]. В районе Ян-Майена истреблялось более 20 тысяч голов ежегодно в течение многих лет. Когда белёк начинал линять, охота в этом районе заканчивалась. Суда, не полностью набившие трюмы, отправлялись к южному побережью Гренландии – к Датскому проливу, куда приплывают на линьку десятки тысячь хохлачей. Хохлач, названный так за большой эластичный раздувающийся кожаный пузырь на голове, значительно крупнее гренландского тюленя и достигает в длину 2 ½ метра. Детёныши рождаются не в шерсти, как другие тюлени, а с гладким ворсом. Во время линьки хохлачи менее подвижны и любят греться на солнце, но предпочитают торосистые тяжёлые льды, и к ним трудно пробиться – судно может затереть льдами. Здесь удача зависит от опытности капитана и меткости стрелка. Команда «Викинга», напав на лёжку, работая круглосуточно, добывала здесь более сотни хохлачей за день. Домой они вернулись в конце июля.

Вот на такой промысел попал Саша Кучин в 1907 году. Мы не знаем, на каком судне ходил он в море, какую должность исправлял, чем занимался во время промысла. Но как же он должен был проявить себя, чтобы на следующий год его наняли капитаном! Мы не знаем, большое или маленькое было это судно, старое или новое. Мы знаем, что промысел не место для благотворительности. От его успешности или неуспешности зависит жизнь промысловиков и их семей. Мы знаем, что

промысловики – не кисейные барышни, а сильные и грубые люди, и быть капитаном на таком корабле не просто. Остаётся фактом, Александр Кучин был капитаном на зверобойном судне Гамундсена в навигацию 1908 года. Об этом свидетельствует открытка, посланная сестре Фросе: *«Недавно вернулся с моря. На днях был у папы. Скоро, недели через две, выйдем оба на «Николае», а через месяц надеюсь быть дома. Посылаю тебе как старшей мою фотографич. карточку: будут деньги – куплю альбом. Хоть и был два рейса капитаном, да поистратился»*[58].

Опыт плавания во льдах полярных морей, несомненно, пригодился ему и в экспедиции в Антарктиду, и в его главной экспедиции 1912 года. Опыт зверобойного промысла на норвежском судне – это колоссальный опыт!

В личном деле записан плавательный стаж. 1907 год – 5 мес. 26 дн., 1908 год – 4 мес. 24 дн.[59]

1907 год для Александра Кучина знаменателен ещё одним событием. В издательстве «Помор» вышел его «Малый русско-норвежский словарь» тиражом 2000 экземпляров. Это был один из первых русско-норвежских словарей. Особенно примечательно то, что он вышел через два года после обретения Норвегией независимости. На обложке указано, что в словаре 4000 слов. Справедливости ради скажем, что русских слов в словаре около 3000, но некоторые из них на норвежский переведены двумя терминами. Кроме словаря в издании есть основные сведения о фонетике и грамматике норвежского языка.

Словарь пользовался большой популярностью. В одном из писем Александру отец пишет: *«Я сегодня был в магазине Шмаковской. Они не знают, как достать твой Р. Норв. словарь. Писали зимою, да ничего не вышло. Я распродал твой словарь, все экземпляры, даже не оставил у себя. Шмаковская говорит, что они желают выписать дюжины 2 или 3, их спрашивали многие, но их давно нет»*[60].

Этот словарь и в настоящее время представляет интерес как памятник норвежского языка. На рубеже веков в юной независимой Норвегии велись жаркие споры о путях развития языка. Дело в том, что в течение почти четырёхсот лет Норвегия входила в состав Дании и вся официальная документация, судопроизводство, даже Библия были на датском. Это был язык письменный, его изучали в университете и преподавали в школах. Сторонники «риксмола» – государственного языка – считали, что единый норвежский язык должен быть основан на этой традиции. «Датский язык родственен норвежскому, но это язык другого народа», другие говорили: «Норвежский язык богат своими диалектами». Диалектов из-за труднодоступности и

малочисленности населения было множество. Сторонники «ландмола» пытались создать на их основе единый язык.

Александр не был лингвистом и был далёк от этих диспутов. В своём словаре он зафиксировал тот язык, на котором говорили на Севере Норвегии, в Финнмарке и Тромсё, говорили простые люди, рыбаки и промысловики. Он зафиксировал демократический слой языка, и этим этот маленький словарь и интересен.

В сохранившихся письмах братьям Хагеманнам он ничего не пишет ни о своих плаваниях, ни о словаре.

«Дорогие Бартольд, Отто и Аксель! Я приехал сюда, но не помню, какого числа. Но на следующий день после приезда должен был держать экзамен по тригонометрии и электричеству. Всё прошло хорошо, и теперь я считаюсь учеником предпоследнего класса. Наш лучший учитель должен уйти из училища и уехать на юг России. Поэтому мои надежды выдержать экзамен на студента почти пропали. Свою работу в нелегальных организациях я должен прекратить, потому что я не поддерживаю тактику социал-демократов в отношении нашего «парламента». Революция в плохом состоянии. Надеялись, что осенью рабочие с помощью крестьян осуществят «всеобщую забастовку». Но надежда была напрасной, потому что крестьяне собрали такой маленький урожай, что им не прокормить массу безработных и бастующих. Сегодня юбилей – 2 года нашей борьбы на улицах. Поэтому мы не ходили в училище. Директор нас накажет. Как живёте вы? Думаю, у вас весело – лыжи, коньки и т. д. Привет от меня Элизабет и вашей маме». [61]

Дату этого письма удалось определить по штемпелю на конверте – «Архангельск. 17.10.07».

Итак, дороги с партией разошлись окончательно. Революция идёт на спад. Александр прекращает революционную деятельность, но то, что происходит вокруг, его волнует не меньше. Следующее письмо написано через год.

«Дорогие друзья! Благодарю Акки за открытку, я получил её, когда приехал с Ян-Майена. Сюда я приехал 25 /IX и через несколько дней начал ходить в училище. Переехать в Петербург – эта мысль не осуществилась из-за нехватки денег. Первое, что мы сделали, это учредили кассу взаимопомощи. Теперь у нас там больше 30 крон. В городе свирепствует холера. Она уносит 15–20 жертв каждый день. Умирают в основном от бедности там, где не в состоянии вести нормальную жизнь. Холерные бактерии находятся также и в воде, поэтому нельзя пить некипячёную воду. Но отцы города, столпы общества, ничего не делают для того, чтобы у рабочих была кипячёная вода для питья. Жизнь в училище идёт

тихо и спокойно. В Петербурге и других университетских городах все студенты бастуют. Но мы, в гимназиях и средних и профессиональных училищах, связаны разными регламентами. Например, есть пункт, запрещающий нам ходить в гражданской одежде, выходить после 9, посещать театр, оперу и т. п. без разрешения начальства. Кроме того, за нами ведётся полицейский надзор, и мы не уверены, что полиция не придёт обыскивать наши книги и бумаги. Только что пришёл из театра. Артисты из Малороссии. Они говорят на малороссийском языке, но его легко понять. Вещи, которые они играют, как и литература Малороссии в целом, весёлые, комические. Но, поверьте, это хорошие спектакли. Сейчас у меня маленький вопрос. Не будете ли вы так добры послать мне произведения Г. Ибсена и Кнута Гамсуна. Они издаются маленькими брошюрами. Я бы хотел иметь «Кукольный дом», «Враг народа», «Привидения», «Пожар», «Строитель Солнес» и несколько маленьких книг Гамсуна. Всё это можете отправить наложенным платежом или как будет удобнее». [62]

И ещё одно письмо, датированное январём 1909 года:

«С Новым годом! Дорогой Бартольд! На Рождество я съездил домой и, когда вернулся, получил твоё письмо от 12.12.08. Сейчас отвечай на адрес технического училища, так приходит быстрее. Да, если у тебя есть, пошли мне только книги Гамсуна «Пан», «Голод» или то, что найдёшь. Здесь в Архангельске «Голод» Гамсуна стоит 40 эре, сборник драм Ибсена 20 эре. Пошли мне также один том Ибсена: «Нора», «Привидения», «Столпы общества». Напиши, каким образом мне лучше отправить деньги. У меня всё хорошо. Начинаю лениться делать уроки (впрочем, я всегда ленился). Ранней весной у нас последний экзамен, я считаюсь кандидатом на золотую медаль, но определённо не получу её. Организации в училище распались, и мы потеряли мужество держать пост дальше. Ходим часто в театр. Здесь представляют иногда норвежских авторов – «Пожар» Ибсена, «У врат царства» Гамсуна. Скоро напишу снова, но сейчас заканчиваю, нет времени». [63]

Итак, с революцией покончено – «мы потеряли мужество держать пост». Новые увлечения: литература, театр.

Литература: Ибсен и Гамсун. Даже зная любовь А. Кучина ко всему норвежскому, его заказ книг именно этих авторов, несомненно, интересен. Да, непростой духовной жизнью жил этот отличник навигационной школы!

В основе творчества классика норвежской литературы драматурга Генрика Ибсена (1855–1906) проповедь свободы творческой личности, противопоставление её лжи и ничтожности окружающей жизни. Его пьесы о современности простые по форме полны внутреннего драматизма. Красавица Нора, почувствовав

себя только куклой, а не равноправным человеком, бросает мужа и детей и уходит от семьи и от этого общества, где ради благопристойного внешнего фасада готовы простить ложь и предательство. Штокман из пьесы «Враг народа», убедившись в том, что в его городе власти лишь декларируют принципы свободы и справедливости, собирает народ и заявляет: «Самый опасный враг истины и свободы – это сплочённое и свободное большинство! Большинство никогда не право – да, никогда! Это общепринятая ложь, против которой должен восставать каждый свободный и разумный человек». Строитель Солнес когда-то мечтал строить башни, воспарённые вверх, а всю жизнь строил жилье, но, оказывается, людям нужны и башни…

Русский философ Н. А. Бердяев, современник А. Кучина, писал: «Я не могу без волнения перечитывать Ибсена. Он имел огромное значение в духовном кризисе, пережитом мною в конце прошлого века, в моём освобождении от марксизма. Ибсен необычайно обостряет проблему личности, творчества и духовной свободы. Когда читаешь Ибсена, то дышишь совершенно горным воздухом. Норвежское мещанство, в котором он задыхался, составляет фон его творчества. И в атмосфере максимального мещанства происходит максимальное горное восхождение».[64]

Между прочим, Генрик Ибсен был любимым писателем Фритьофа Нансена.

Идея сильной личности и в творчестве другого норвежского писателя, Кнута Гамсуна (1859–1952). К. Гамсун прожил непростую жизнь. Родился в большой крестьянской семье, с ранних лет много скитался. Первые его произведения не имели успеха. Он уехал в США, работал на разных должностях и тяжелобольным вернулся на родину. Здесь в положении крайней бедности, нищеты и голода он написал роман «Голод», в котором физические страдания, голод доводят главного героя до экстатического состояния, и он воспринимает действительность через дымку обострённых до крайности чувств. Роман принёс ему известность, которая сопутствовала ему ещё долгие годы.

Интересно, какое впечатление произвела на А. Кучина пьеса Гамсуна «У врат царства», которую он смотрел в архангельском театре? В центре пьесы три философа – профессор и два его ученика. Ученики стоят на позициях германской философии, профессор – англосакс и либерал. Профессор Гюллинг склоняет учеников изменить свои взгляды: «Я не запрещаю людям иметь своё мнение. Одно дело быть молодым и подчиняться своему темпераменту, другое – давать каждой мысли созреть в своё убеждение. Никто не является на свет зрелым. Но зрелость мысли надо развивать в себе. Она наступает в известном возрасте». На

что главный герой Карено парирует: «Я думаю, что если не сказать этого в юности, то уже никогда не скажешь». Другой ученик, Йервен, чтобы получить докторскую степень, стипендию и жениться, переписывает свою работу: «Нет ничего позорного в том, что меняешь свои убеждения». Карено теряет всё: возможность издать свою книгу, от него уходит жена, он подвергается нападкам прессы, в конце пьесы в дом приходят судебные приставы, чтобы описать имущество. Вопрос: можно ли ради благополучия, комфорта, положения в обществе, любви любимой женщины менять свои убеждения? Кнут Гамсун отвечает однозначно: «Нет!»

А как на этот вопрос отвечал А. Кучин и его товарищи?

В уста своего героя Карено К. Гамсун, проводник современной ему немецкой культуры и философии, вложил свои идеи. В своей рукописи, которую он читает своей жене, Карено пишет, что рабочие «когда они были рабами, имели определённые обязанности – они работали. Теперь вместо них работают машины при помощи пара, электричества, воды и ветра, и таким образом рабочие становятся все более и более лишними на земле», поэтому нужно увеличить налог на хлеб, чтобы поддержать крестьянина и уморить голодом рабочего. И ещё: «Я верю в прирождённого властелина, в деспота по природе, в повелителя. В того, кто не избирается, но кто сам провозглашает себя вождём этих стад земных. Я верю и жду возвращения чрезвычайного террориста, квинтэссенции человека, Цезаря».

Взгляды К. Гамсуна привели его к нацизму, который он горячо поддержал. Свою Нобелевскую медаль, которую он получил в 1920 году за роман «Соки земли», воспевавший патриархальную жизнь крестьянства, в 1943 году он вручил министру пропаганды Геббельсу.

К. Гамсун был известен и как певец норвежской природы, тонко её чувствующий и умеющий передать эти чувства. Это восхищало в Гамсуне А. П. Чехова и А. А. Блока. Однокурсник А. Кучина П. И. Башмаков писал, что он на память с увлечением декламировал гимн лейтенанта Глана «Железным ночам» из поэмы в прозе «Пан».

«Потом наступило двадцать второе августа, и были три ночи, железные ночи, когда по северному календарю лету надо проститься с землёй и уже пора осени надеть на неё свои железа.

Первая железная ночь. В девять часов заходит солнце. На землю ложится мутная мгла, видны немногие звёзды, два часа спустя мглу прорезает серп месяца.

Я иду в лес с моим ружьём, с моим псом, я развожу огонь, и отблески костра лижут стволы сосен. Не приморозило.

– Первая железная ночь, – говорю я вслух и весь дрожу от странной радости. – Какие места, какое время, как хорошо, Боже ты мой…

Люди, и звери, и птицы, вы слышите мены? Я благословляю одинокую ночь в лесу, в лесу! Благословляю тьму и шёпот Бога в листве, и милую, простую музыку тишины у меня в ушах, и зелёные листья, и жёлтые! И сплошной шум жизни в этой тиши, и обнюхивающего траву пса, его чуткую морду! И припавшего к земле дикого кота, следящего воробушка во тьме, во тьме! Благословляю блаженный покой земного царства, и месяц, и звезды, да, конечно, их тоже!

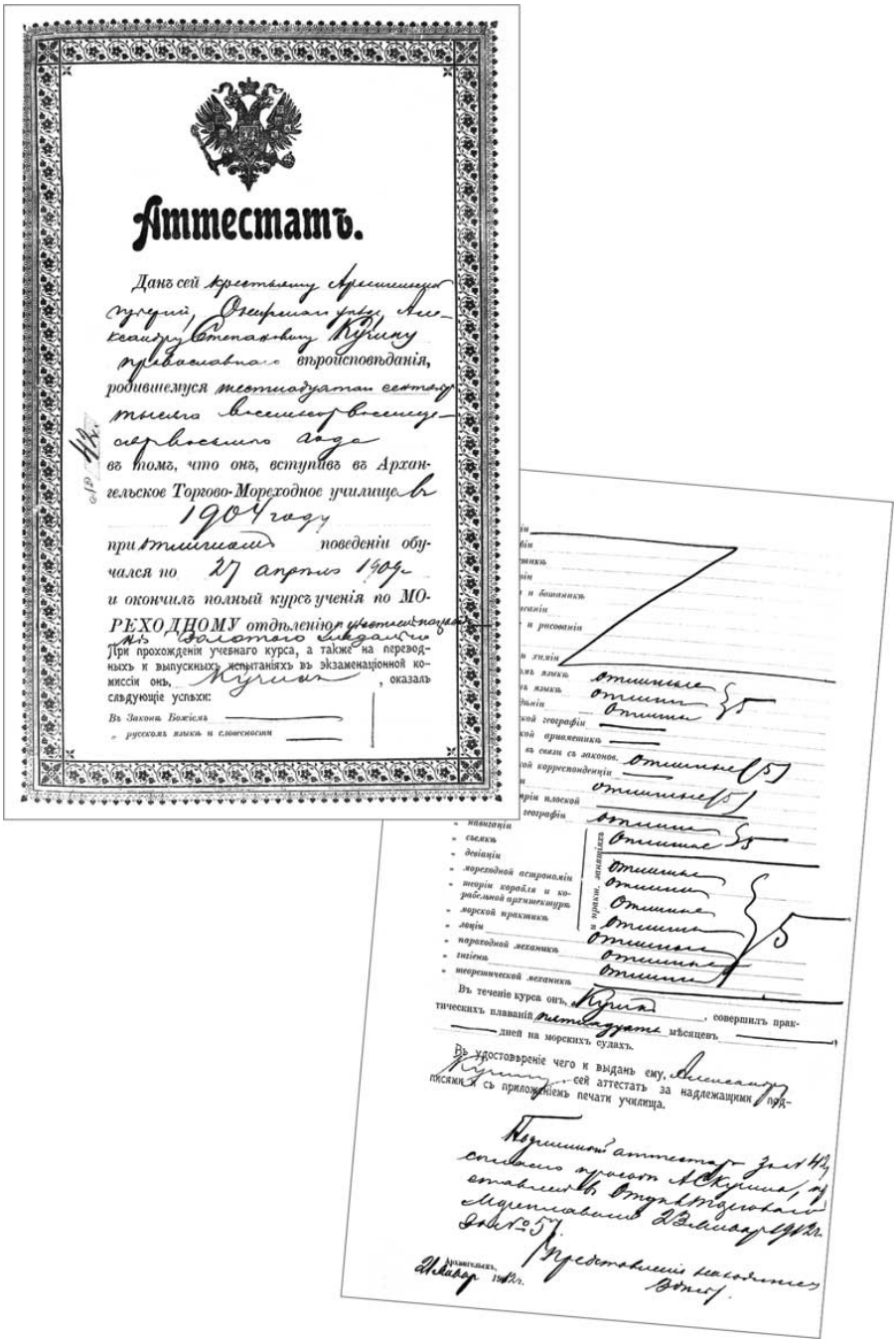
Я встаю и вслушиваюсь. Нет, никто меня не слыхал. Я снова сажусь.

Благодарю за одинокую ночь, за горы! За гул моря и тьмы, он в моём сердце. Благодарю и за то, что я жив, что я дышу, за то, что я живу этой ночью. Т-с-с! Что это там на востоке, на западе, что это там? Это бог идёт по пространствам! Тишь вливается в мои уши. Это кровь кипит у вселенной в жилах, это работа кипит в руках творца, я и мир у него в руках. Костёр озаряет блестящую паутинку, из гавани слышен плеск весла, вверх по небу ползёт северное сияние. От всей своей бессмертной души благодарю за то, что мне, мне дано сидеть сейчас у костра!»

Действие произведения происходит в Нурланде на севере Норвегии. Читая «Пана», Александр, конечно же, представлял столь любимую им природу северной Норвегии: горы, фьорды, леса. Сколь могущественна природа и сколь мал и слаб человек, особенно остро ощущается именно на Севере, и Александр к тому времени испытал эти чувства, вчитываясь в строки Гамсуна:

«За островами тяжело и покойно лежало море. Часто я забирался высоко в горы и глядел на него с вышины; в тихие дни суда почти не двигались с места, бывало, три дня кряду я видел всё тот же парус, крошечный и белый, словно чайка на воде. Но вот налетал ветер и почти стирал горы вдалеке, поднималась буря, она налетала с юго-запада, у меня на глазах разыгрывалось интереснейшее представление. Всё стояло в дыму. Земля и небо сливались, море взвихрялось в диком танце, выбрасывая из пучины всадников, коней, разодранные знамёна. Я стоял, укрывшись за выступ скалы, и о чём только я тогда не думал! Бог знает, думал я, чему я сегодня свидетель и отчего море так открывается перед моими глазами? Быть может, мне дано в этот час увидеть мозг мироздания, как кипит в нем работа!.. И ни голоса, ни вскрика – нигде ничего, только тяжкий, немолчный гул. Далеко в море лежал подводный камень, лежал себе, тихонько уединяясь вдалеке, когда же над ним проносилась

волна, он вздымался словно безумец, нет, мокрый полубог, что поднялся из вод и озирает мир, и фыркает так, что волосы и борода встают дыбом. И тотчас снова нырял в пену. А сквозь бурю пробивал себе путь крошечный, чёрный, как сажа, пароходик».



Аттестат.

Дань сей Христианину Архангельскому мещанину, Октябрьской улицы, Александру Степанову Кучину православнаго вероисповѣданія, родившемуся шестнадцатаго сентября тысяча восемьсотъ восемьдесятъ восьмого года въ томъ, что онъ, вступивъ въ Архангельское Торгово-Мореходное училище въ 1904 году, при отличномъ поведеніи обучался по 27 апрѣля 1904 г. и окончилъ полный курсъ ученія по МОРЕХОДНОМУ отдѣленію по 2-му разряду.

При прохожденіи учебнаго курса, а также на переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ въ экзаменаціонной комиссіи онъ, Кучинъ, оказалъ слѣдующіе успѣхи:

Въ Законѣ Божіемъ	отлично
„ русскомъ языкѣ и словесности	отлично
„ навигаціи	отлично
„ съемкѣ	отлично
„ девіаціи	отлично
„ мореходной астрономіи	отлично
„ теоріи корабля и корабельной архитектуры	отлично
„ морской практикѣ	отлично
„ лоціи	отлично
„ пароходной механикѣ	отлично
„ гигіенѣ	отлично
„ инженерической механикѣ	отлично

Въ теченіе курса онъ, Кучинъ, совершилъ практическихъ плаваній четыре года мѣсяцевъ дней на морскихъ судахъ.

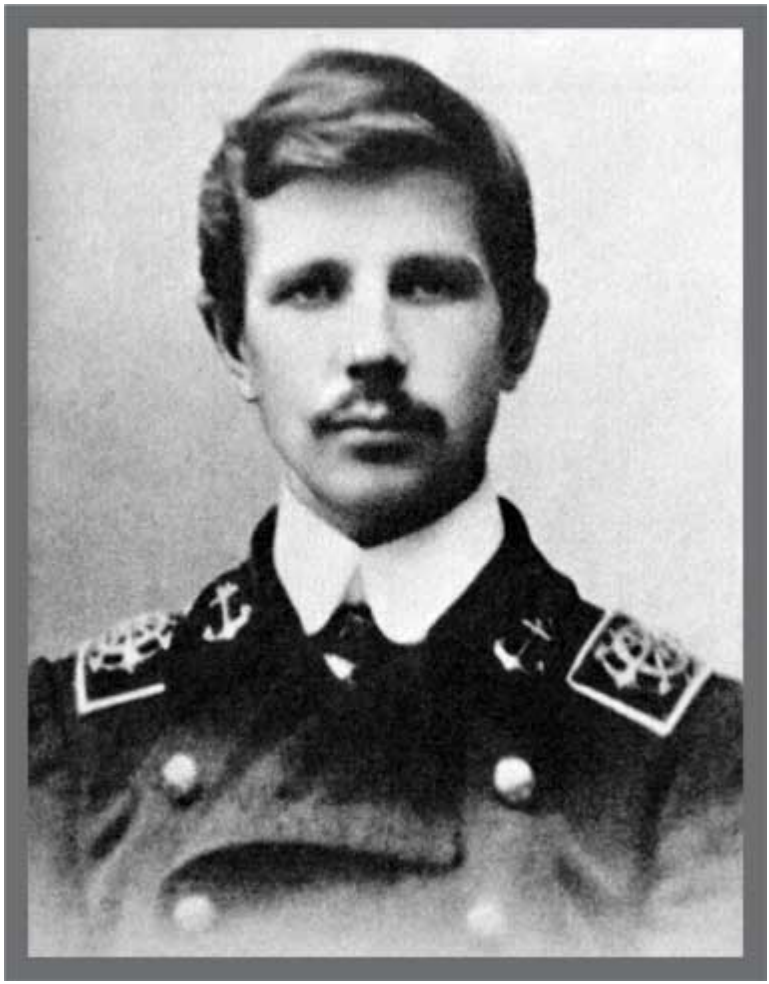
Въ удостовѣреніе чего и выданъ ему, Александру Кучину, сей аттестатъ за надлежащими подписями и съ приложеніемъ печати училища.

Аттестат А. Кучина об окончании Архангельского торгово-

мореходного училища. 1909 г. (Из фондов ГААО)

Выпуск Архангельского торгово-мореходного училища 1909 г. (Из фондов МАМИ)

Малый русско-норвежский словарь. Составил А. Кучин. Вардё, изд. «Помор». 1907 г. (Из фондов МАА)



Александр Кучин. Архангельск. 1909 г.

Но «Пан» – это не только песнь природе, это повесть о романтической и мучительной любви героя лейтенанта Глена, одиноко живущего в лесу, к гордой красавице Эдварде, которая и любит, и отталкивает его. Все чувства героя – и смущение, и восторг любви, и беспричинная радость, и ревность, и нечаянная измена, чтобы отомстить, – описаны Гамсуном не менее ярко, как и описания природы.

Если двадцатилетние юноши читают романы, подобные «Пану», означать это может только одно – они влюблены.

Пришла любовь и к Александру в виде черноволосой архангелогородки Нади Черепановой. Мы почти ничего не знаем о ней. В письмах к Бартольду её имя не упоминается ни разу. Поиски в архивах пока ничего не дали. А может быть, и искать не надо. Пусть она так и останется прекрасной незнакомкой,

таинственной первой любовью.

Весна 1909 года для Александра была прекрасна. Ему двадцать лет, рядом любимая девушка, друзья и белые ночи, которые в Архангельске необыкновенно хороши. В полночь солнце садится за Северной Двиной, окрашивая небо и воду немыслимыми оттенками пурпурного, розового и лилового, зажигаясь в окнах домов, высвечиваясь в парусах шхун и яхт. Не архангельские ли белые ночи навеяли Александру Грину, бывшему здесь в ссылке, его «алые паруса»?

Выпускные экзамены успешно сданы. «Отлично» по всем предметам. Ему единственному из курса вручили золотую медаль. Его имя будет выбито золотом на мраморной доске, а вот аттестата он не получил – не хватило плавательного стажа, двух месяцев. Он не был единственным, кто не получил аттестата, в таком же положении оказалась половина его сокурсников. По правилам аттестат они получат только тогда, когда пробудут в плавании положенные 17 месяцев. Правда, были и плюсы – до получения аттестата их не призывали на воинскую службу, а служить в армии Александру не хотелось…

Отсутствие аттестата Сашу вряд ли огорчило, гораздо больше расстроило то, что он не получил гимназический аттестат. Саша много работал. С математикой, физикой, географией, русским языком он бы справился без особого труда. Можно было подготовить законоведение и историю, которые в гимназии изучали в бóльших объёмах, чем в училище. Можно было одолеть и философскую пропедевтику, но языки… Помимо немецкого нужно было сдать латынь и французский. Выучить два языка за полтора года, кроме тех двух, которые нужно было зубрить по программе училища… Вряд ли это возможно. Мечты об университете, открывавшие путь в науку, рассеялись как дым.

Александр обращается в Норвегию с просьбой предоставить информацию о рыбопромышленных училищах Норвегии. Получает официальный ответ. Любопытно, что одним из условий приёма в такое училище для русских являются членство в Архангельском обществе Русского Севера и направление от этого общества. Несмотря на то что учащимся Архангельского торгово-мореходного училища запрещали состоять в каких-либо общественных организациях, Александр был принят в это общество как член-корреспондент. Его членский билет датирован апрелем 1909 года.

Архангельское общество изучения Русского Севера объединяло людей, занимавшихся историей, этнографией, природой, экономикой северного края. На его заседаниях вели жаркие дебаты об освоении его богатств. В «Известиях общества»

за 1909 год опубликован протокол заседания, на котором обсуждали вопрос о рыбных промыслах на Мурмане.[65] С докладами выступили В. Ф. Державецкий, бывший ассистент Н. М. Книповича на Мурманской биологической станции, и известный ихтиолог С. В. Аверинцев. Заседание, проходившее в стенах Городской думы, затянулось заполночь. Среди выступавших в прениях есть фамилия Кучина. Кто из них – отец, знавший промысел не понаслышке и не чуждый общественной деятельности, или сын, мечтавший заниматься научным изучением океанских глубин, принимал участие в этом собрании? Если отец в это время, как и должен, был в море, то это был молодой Александр.

Итак, закончился важный этап в жизни Саши Кучина. Что ждёт его впереди?

III. В Бергене

Лето после окончания училища Александр провёл в Архангельске. «Исполнилась мечта – побыть летом в России»[66]. Хотя северное лето называют «карикатурой южных зим», но для Саши, уже многие годы летние месяцы проводившего за Северным полярным кругом среди льдов и скал, оно было приятным и желанным. Задержался он по двум причинам: ждал заграничного паспорта и был с любимой девушкой. В сентябре, так и не дождавшись паспорта, хотя разрешение на его выдачу было полицейским управлением подписано ещё 28 мая[67], Александр отправляется в Норвегию. Позднее, в апреле 1910 года, отец напишет, что паспорт он получил и ему переслал.

Александр приехал в Тромсё и хотел поступить на норвежское исследовательское судно «Микаэль Сарс», названное по имени известного норвежского зоолога, изучавшего морскую фауну, звёзд и медуз, отца Евы Сарс-Нансен – жены Фритьофа Нансена. Капитан порта рассказал ему о курсах по изучению моря на биологической станции в Бергене, и он решает ехать туда. На судне будущему исследователю моря была оказана любезность. Его бесплатно в 1-м классе доставили в Берген. Это было весьма кстати, так как в кармане у Александра было всего 110 крон, которые ему дал отец на проживание.

Воистину, если чего-то сильно желаешь и твои помыслы чисты, счастливый случай обязательно представится.

Океанография как наука делала свои первые шаги. Биологическая станция в Бергене была одним из ведущих центров по изучению моря. Здесь не только проводили исследования, но и организовывали курсы по различной тематике, на которые приезжали учёные из многих стран.

Плата за обучение на курсах – 150 крон, да и велись они на немецком языке, в котором Александр был не силён. На курсах читали лекции о планктоне и зоологии морского дна. Слушатели – выпускники университетов. Конечно, в таких условиях и думать было нечего об обучении на них.

4 ноября 1909 года он пишет Бартольду: *«Навигационное училище я закончил в начале мая и получил золотую медаль на экзамене. После чего стал копить силы и средства на поездку за границу: в Англию и Норвегию. Последние два года я интересовался изучением моря и, когда я лучше узнал мурманский берег, захотел заняться гидрографическими исследованиями. Из Тромсё я приехал сюда на «Микаэль Сарс». Здесь проходили курсы по морским исследованиям: лекции о планктоне и зоологии морского дна.*

Плата составляла 150 крон, а у меня было только 110 крон на проживание. Поэтому я начал изучать самостоятельно, мне разрешили пользоваться библиотекой биологической станции и музея. Но большая часть литературы на английском и немецком, а я был довольно слаб в этих языках, поэтому учился без отдыха. Через месяц труда я смог читать на обоих языках без словаря. Впрочем, всё ещё предпочитаю книги на английском. Д-р Хелланд-Хансен дал мне поручение: замерять течение в заливе Пуддефьорд возле Бергена и делать анализы воды. Эту работу я выполнил. Но средств у меня становилось всё меньше и меньше. Теперь, к большой моей радости, д-р Х.-Х. дал мне оплачиваемую работу: делать анализ всех проб воды, какие есть на станции, и работать в химической лаборатории. 80 крон в месяц при 6-часовом рабочем дне. Теперь я смогу остаться в Бергене ещё на 3 месяца и учиться, а к лету надеюсь получить место гидрографа на Мурманском берегу. Но навигационная школа не дает больших знаний по химии, поэтому я начал её изучение»[68].

Такая работоспособность не могла не быть замеченной, и доктор Бьерн Хелланд-Хансен, директор биологической станции, предложил ему заняться океанографией. Александру снова повезло. Б. Хелланд-Хансен – один из основателей океанографии как науки. Он вывел формулу определения скорости морских течений, известную как формула Хелланда-Хансена, ратовал за объединение исследований по физической океанографии и биологии моря. Лучшего наставника трудно было желать. Саша восхищён им: *«Профессор редкостный человек. Вчера он читал лекцию в здании метеорологической обсерватории и зашёл ко мне, чтобы взять меня с собою»*[69]. Вместе с профессором он выходил в море, брал пробы воды для определения солёности, замерял температуру, вычислял течения, научился определять возраст рыб. Работа нравилась и увлекала. *«Узнал новую истину, что нужно проверить, что раз вода у Мурмана холоднее, то крупней рыба и богаче»*[70].

Новые знания, свои маленькие открытия, первые результаты – что может быть увлекательнее для молодого учёного? Позднее он напишет отцу: *«Во всяком случае, здесь в Бергене моя работа была важна и полезна, и среди учёных в музее я пользуюсь почётом и уважением»*[71].

Но за пределами станции он тоскует. Своему однокурснику и другу Косте Белову он пишет: *«Ах, Костя, как я скучаю! Всё в России (нет, не всё!) кажется хорошим. Ты не думай, я не изменил себе, но мореходка, наша прошлая жизнь… Кроме того, там Надя»*[72], и в другом письме: *«А как хочется туда, в Россию! Днём работаю, а как приходит вечер – скучаю. Не в силах даже и*

читать»[73].

Он пишет о почти безумной любви к Наде, о том, как мечтает она о работе на Мурмане вместе с ним и куда приедет Надя «если не разлюбит». Надю сватал лесной кондуктор и получил отказ. Её отправили в Англию, и он хочет ехать к ней: *«Костя, если бы ты знал, как тяжела разлука с ней. Я боюсь за неё. Так бы бросил всё и поехал к ней. Писал ей о моём намерении побывать в Англии, чтобы после работать не отрываясь. Если скучает, то поеду к ней. Нужно спасать её счастье»*[74]. Наконец, в письме от 16.12.1909 года сообщает: *«Нужно побывать в Англии, чтобы после не отрываться от семьи. Я начинаю помышлять о своей собственной семье. Хотя пока из двух человек – Нади и меня»*[75].

Как это часто бывает, длительная разлука делает своё дело. Надя пишет всё реже. В апреле 1910 года Степан Григорьевич получает письмо от сына. Письмо плохо сохранилось, но в конце его можно прочитать: *«С Надей у меня всё покончено…* (разрыв бумаги – *прим. авт.*)».

Отец был доволен, он не одобрял этой дружбы.

Ещё одна проблема – климат. Сыро, дождливо, средняя температура января +0,9°, нет снега, нельзя покататься на лыжах. Погода угнетает, как угнетает и полярная ночь, когда рассветает лишь на несколько часов в середине дня. *«Здесь дьявольский климат в Бергене, и я порядком заболел. Боюсь чахотки»*[76].

Своё будущее он связывает с Россией, и прежде всего с изучением Мурмана: *«Стало быть, если удастся, летом буду работать на Мурмане и служить делу, а не людям. О, если бы. Исследовав глубины вод Мурмана, можно взяться и за рыболовство… Моя мечта поскорее приехать на Мурман»*[77]. Но прежде нужно научиться работать тралом, и он собирается либо в Англии наняться на рыболовецкое судно, либо пойти на норвежском судне «Микаэль Сарс».

Ловля рыбы тралом – по тем временам новая технология, появившаяся тогда, когда на судах паруса заменила паровая машина и они стали меньше зависеть от ветра.

Саша жалуется на одиночество. Он тяжело сходился с людьми, как и все застенчивые и самолюбивые люди. Всё же он стремится подбодрить друга Константина Белова, которому тоже приходится несладко в первых рейсах на заграничном пароходе, и пишет ему: *«Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат! Кто б ты ни был, не падай душой!»*[78]

Сколь ни напряжёнными были учёба и работа, ими жизнь Александра в Бергене не ограничивается. Он принимает приглашение местной газеты к сотрудничеству. Появляются новые знакомые. Об одном из них следует рассказать особо. В

фондах Онежского музея сохранилось одно письмо Александру Кучину с неразборчивой подписью, датированное мартом 1911 года.[79] Удалось выяснить, что автор его Фёдор Егорович Классен.

Прадед Фёдора приехал в Архангельск в конце XVIII века, стал купцом 1-й гильдии и совместно с Вильгельмом Брантом построил первую в Архангельске лесопилку с паровым двигателем. Отец Егор Егорович, владелец льняной мануфактуры в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии, был известен как фабрикант, не только создавший технологически передовое предприятие с тремя тысячами работников, но и социальную инфраструктуру города: детские сады, школы, больницы, жильё для рабочих. Добрая память о нём сохранилась до настоящего времени.

Сам Фёдор Егорович был весьма незаурядным человеком. О таких говорят: «Из молодых, да ранних». Он окончил университет в Германии в Гейдельберге. В 1907 году, когда ему было всего 23 года, он представил в Московский университет диссертацию по ихтиологии на соискание докторской степени. В некоторых документах он именуется доктором Классеном. В 1909 и 1910 годах принял участие в экспедициях в Баренцевом море у мурманского берега, руководимых В. Ф. Джавецким. Первая экспедиция состоялась на исследовательском судне «Андрей Первозванный» Комитета помощи поморам. Для второй экспедиции В. Ф. Джавецкому не удалось получить судно, и она смогла состояться только потому, что Ф. Е. Классен предоставил купленную им яхту «Жак Картье» и финансировал экспедицию. В 1908 году на яхте «Жак Картье» французская экспедиция Шарля Бенара, в составе которой был геолог Владимир Русанов, изучала Новую Землю, но по возвращении в Архангельск из-за долгов её пришлось продать. Это о ней пишет А. Кучин К. Белову: *«Есть случай отправиться ко льдам. На французской яхте. Помнишь её. Один из моих добрых знакомых приобрел её и предлагает отправиться на звериный промысел. Хочешь занять на нём какое-либо место?»*[80]

Из письма видно, что Ф. Классен планировал в 1910 году идти на яхте на зверобойный промысел, а не ловить треску в Баренцевом море, но, видимо, В. Ф. Джавецкий его уговорил.

По возвращении возникли недоразумения с таможней. В. Ф. Джавецкий пытался продать выловленную рыбу для покрытия расходов экспедиции. Разгорелся конфликт между Классеном и Джавецким. «У Држ-го я судно с большим трудом отобрал, но дела оказались такими, что был вынужден продать своего любимого «Жака» и вместе с ним похоронить и свои мечты

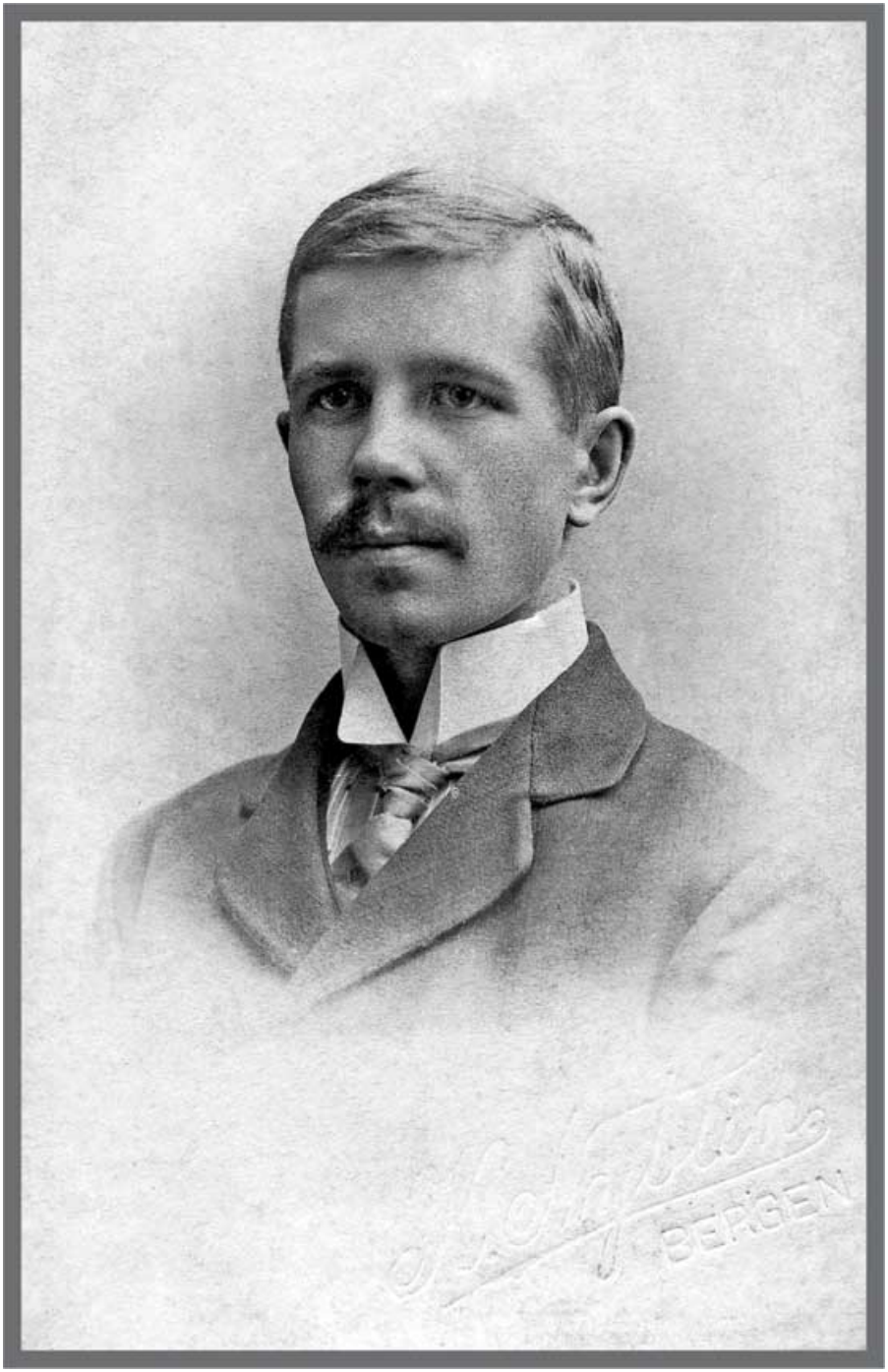
промысла на нём, соединенном со строго научным исследованием Северного океана. Оживёт ли когда-нибудь эта мечта снова?! Кто это знает»[81].

«Жак Картье» был приобретён Главным управлением землеустройства и земледелия. В 1911 году тот же В. Ф. Державецкий был командирован на нём на Шпицберген для поиска месторождений каменного угля, но судно до архипелага не дошло. Во время сильного шторма оно было прибито к норвежскому берегу. Очередной скандал, и в 1912 году руководителем шпицбергенской экспедиции был назначен В. А. Русанов.

В Бергене Ф. Е. Классен занимался на биологической станции, где и познакомился с А. Кучиным. Два молодых человека, Фёдор был старше Александра всего на 6 лет, соотечественники, увлечённые наукой и Севером, не могли не подружиться. *«Я все-таки склонен верить тому, что гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда может сойтись и что встреча наша в Бергене не может пройти даром и остаться случайным эпизодом в жизни. Я думаю и скорее уверен в том, что рано или поздно мы должны снова встретиться, в качестве чего, сейчас предугадать, конечно, трудно – при совместной ли работе, чего я больше всего желаю, или при других условиях… Всё-таки я мечтаю о том, что мне удастся раздобыться деньгами на какое-нибудь более дешёвое судно вроде норвежских salpangez и на нём учинить нечто подобное. Недурно было бы устроить нам с Вами что-нибудь вместе»*[82].

Однако встретиться им не привелось. Ф. Е. Классена по возвращении в Россию ждали неприятные известия. Умер отец, а старшие братья, возглавившие семейный бизнес, по-видимому, не поддерживали его интересы, к тому же он был призван в армию. Письмо было написано именно оттуда. Началась Первая мировая война. Фёдор Егорович на передовой. В газете «Русское слово» в № 136 от 14.06.1915 года появилось известие: «Прапорщик Классен Фёдор Егорович пропал без вести». К счастью, он не погиб, а был ранен и попал в плен. В революционную Россию, как и в любимую Норвегию, он не вернулся. Жил в Австрии, Франции, Испании. Испытав ужасы войны, одним из которых, несомненно, является голод, свою дальнейшую жизнь он посвятил проблемам длительного сохранения продуктов питания, став известным в Западной Европе специалистом. Его фундаментальный труд «Технология рыбных продуктов» был издан в Праге в русском эмигрантском издательстве «Пламя» в 1925 году. Умер Ф. Классен в 1948 году в Испании. История о Фёдоре Классене – это история ещё об одном молодом и талантливом человеке,

которого лихолетье выбросило из страны.



Александр Кучин. Берген. 1910 г. (Из фондов ОИММ)

В Бергене состоялась и встреча Александра Кучина с

Фритьофом Нансеном. В 1909 году Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен выпустили совместную книгу «Норвежское море» и в процессе работы часто встречались. Встреча с национальным героем Норвегии, кумиром молодёжи, книгами которого зачитывались и с которыми Александр был, несомненно, знаком, не могла не произвести на него большого впечатления. П. И. Башмаков пишет: «Для Кучина Нансен был идеалом великого путешественника и мужественного человека»[83].

Да и Нансен обратил внимание на этого русского. Они чем-то были похожи. Оба увлекались наукой, оба трудоголики, оба могли «рубить за собой мосты», оба любили лыжи, у обоих любимым писателем был Генрих Ибсен, а описания природы в книгах Нансена весьма похожи на поэмы Гамсуна, столь чтимого А. Кучиным.

В это время в Норвегии много говорят о предстоящей экспедиции Руаля Амундсена к Северному полюсу. Бьерн Хелланд-Хансен и Фритьоф Нансен рекомендуют Александра для участия в этой экспедиции.

IV. С Амундсеном

Об этой экспедиции Руаль Амундсен мечтал всю жизнь. Покорить Северный полюс, первым побывать там, где до него ещё никто не бывал, – эта идея побуждала к действиям. Его лекционные туры по Европе и Америке фактически были частью большой пиар-компании, призванной сформировать в мировом общественном мнении образ Амундсена как великого путешественника, а также собрать деньги на новую экспедицию, обещавшую быть долгой и дорогой. План экспедиции был не нов. Это было повторение маршрута Фритьофа Нансена на «Фраме» в 1893–1896 годах, когда судно вмёрзло в лёд в районе Новосибирских островов и дрейфовало по трансарктическому течению от Сибири к Гренландии. Амундсен рассчитывал, что если судно вмёрзнет в лёд восточнее, в районе Берингова пролива, то течение вынесет его ближе к полюсу и можно будет добраться до него на лыжах и собаках. Как известно, такой бросок сделали Ф. Нансен и Я. Йохансен. Они достигли 86° 14´ с. ш. и повернули на юг к Земле Франца-Иосифа. До Северного полюса оставалось около 400 км.

Достичь Берингова пролива Р. Амундсен предполагал, обогнув Южную Америку. Панамский канал к тому времени ещё не был построен. Путешествие должно было длиться семь лет. Для экспедиции нужно было подходящее судно. Единственное в Норвегии полярное судно, годное для такого плавания, всё тот же «Фрам». Судно принадлежало государству, но решающее слово было за Нансеном.

Фритьоф Нансен был в сложном положении. Он сам намеревался на нём совершить экспедицию к Южному полюсу, но распадалась его семья, и он принял тяжёлое для себя решение – отказался от своих планов и передал «Фрам» Амундсену. Вероятно, он рассчитывал и на то, что его исследования в Арктике будут дополнены и уточнены новыми данными, полученными с помощью современных методик.

Океанография за последние десять лет шагнула далеко вперёд, во многом благодаря тому же Нансену.

Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен взялись за разработку программы научных исследований экспедиции Амундсена и оборудования её новейшими приборами.

«Научных инструментов был взят целый набор, – пишет Амундсен в своей книге «Южный полюс. Плавание «Фрама» в Антарктиде в 1910–1912 годах». – Проф. Нансен и Хелланд-Хансен посвятили много часов нашему оборудованию для

океанографических работ. Поэтому и эта статья снаряжения была образцовой. Кроме того, как Преструд, так и Ертсен прошли необходимую подготовку по океанографии у Хелланда-Хансена на биологической станции в Бергене. Я сам тоже провёл там лето и прослушал один из курсов по океанографии. Хелланд-Хансен – прекрасный учитель. К сожалению, не могу утверждать, что я был столь же блестящим учеником»[84].

Позвольте, а где же Кучин? Оказывается, экспедиция и без него была вполне оснащена специалистами-океанографами.

Ответ на этот вопрос прост. Б. Хелланд-Хансен не доверял своим землякам. Фредерик Яльмер Ертсен, лейтенант Военно-морского флота Норвегии, о котором упоминает Амундсен, отлично рвал зубы, но он не был стоматологом. Он был хорошим моряком, но он не был исследователем. А это, как известно, не только объём информации, но и состояние ума, умение видеть за частным общее, за настоящим будущее, выполнять простую и сложную работу осмысленно. Александр Кучин, несмотря на малый опыт, был именно исследователем. Работая на биологической станции, он не только как губка впитывал новые знания, но и размышлял о том, как данные, полученные во время исследования моря в Бергене, использовать в дальнейшей работе на Мурмане. Кроме того, его работа, видимо, отличалась скрупулезностью и тщательностью. Всё это ещё и дополненное необычайной работоспособностью делало его незаменимым человеком в экспедиции. Для Хелланда-Хансена. Не для Амундсена, для которого научные исследования были не самой важной её частью, а скорее некой данью, которую нужно заплатить, чтобы государство и общество выделили средства для осуществления его планов.

Значит, Б. Хелланд-Хансен преследовал свои научные интересы. Поэтому включение Кучина в экспедицию было не просто рекомендацией, а настоятельной просьбой, и Амундсен не мог отказать, учитывая ту роль, которую играл Хелланд-Хансен в её подготовке, и авторитет известного учёного. Тогда становятся понятными и условия контракта, заключённого с Кучиным:

> «Настоящим нижеподписавшийся ***Алекс. Кучин*** заявляет о своём согласии наняться в качестве ***разнорабочего*** на полярное судно «Фрам» под начало капитана Руаля Амундсена, руководителя экспедиции, направляющейся из Норвегии в Северный Ледовитый океан примерно в 1910 году, раньше или позднее, по решению руководителя экспедиции и на неопределённое время в будущем с месячным жалованьем 60,00 крон и

бесплатным питанием, а также бесплатной ***дорогой домой из Сан-Франциско***.

Цель экспедиции – исследование ранее не изученных территорий вокруг Северного полюса по решению руководителя экспедиции, которое он примет позже.

Я обещаю верой и честью во всём и всегда в этом плавании слушаться руководителя экспедиции или того, кого он назначит начальником, и обещаю точно исполнять отдаваемые мне распоряжения и все виды работ, порученные мне им или начальником им назначенным, трудиться с неустанным усердием и терпением.

Все результаты работы являются собственностью экспедиции. Все наблюдения, предпринятые каждым отдельным участником, должны находиться в её распоряжении, как и обычные записи в дневнике, касающиеся экспедиции, если это будет необходимо и желательно.

Участники не могут без согласия руководителя разглашать или позволять разглашать сведения об экспедиции или о том, что имеет отношение к ней, до истечения 3 лет после возвращения домой в Норвегию.

Христиания ***14 марта 1910 г.***

Контракт касается плавания Христиания – Сан-Франциско.

Александр Кучин, Руаль Амундсен и Б. Хелланд-Хансен».[85]

Текст документа машинописный, подчеркнутое – рукопись.

По этому контракту Александр был нанят «разнорабочим», или, как он иронично напишет Бартольду, «мастером на все руки» с окладом меньшим, чем он получал, будучи ассистентом на станции в Бергене, и одним из самых маленьких в экспедиции. Контракт был только до Сан-Франциско. Стортинг, настаивавший на том, что состав экспедиции должен быть исключительно норвежским, мог быть спокоен. К Северному полюсу отправлялись только норвежцы – русский сходил на берег в Калифорнии. Политес соблюдён.

Можно предположить, что при прибытии в Сан-Франциско с Кучиным был бы заключён новый контракт. Однако вряд ли Александр был готов подарить семь лет своей жизни во славу «дядюшки Руаля» и научным программам профессора. В письмах родным и знакомым он пишет, что уходит в экспедицию на полтора года. Из письма отца: *«Как я рад читать твои письма,*

полные надежды на будущее. Дорогой мой! Когда я увижу тебя, ведь за 1 ½ года много воды утекет, будем ли мы живы и здоровы, но будем льстить себя надежной, что скоро кончится этот скучный и тяжёлый промежуток времени. С одной стороны, я и рад, что ты пробиваешь дорогу, но эти 1 ½ года для меня тяжело звучат на душе»[86].

Даже если и было устное соглашение, то в той обстановке, которая была на судне, Александр вряд ли бы согласился на продление контракта. Вопрос в другом. Когда Б. Хелланд-Хансен узнал о решении идти к Южному полюсу, которое держалось в строжайшей тайне? До или после подписания контракта с Кучиным?

Когда началась подготовка экспедиции, Северный полюс ещё не был открыт, но в 1909 году две американские экспедиции Фредерика Кука и Роберта Пири заявили о том, что они достигли Северного полюса. Был громкий скандал. Каждый из путешественников доказывал, что именно ему принадлежит приоритет в завоевании полюса. Только много лет спустя было установлено, что ближе к полюсу был Ф. Кук, но в то время считалось, что первый человек уже побывал в той крайней северной точке, где сходятся меридианы, а Амундсен в силу своего характера и амбиций вторым быть не мог. Он разработал программу похода к Южному полюсу. Все держалось в секрете, посвящены были лишь его брат Леон, финансовый директор экспедиции и на последнем этапе Б. Хелланд-Хансен, который откорректировал программу океанографических исследований в Атлантике в соответствии с новыми задачами. Была ещё одна проблема. Об экспедиции на Южный полюс заявил англичанин Роберт Скотт. Амундсен должен был спешить, поэтому научную программу решили начать после того, как часть экспедиции высадится в Антарктиде. Тайну удалось сохранить, хотя некоторых удивлял и маршрут экспедиции, и оборудование, которое для неё приобреталось. Она была раскрыта, когда король, стортинг и Ф. Нансен получили письма Р. Амундсена с Мадейры. Разразился скандал, но Р. Амундсен был уже далеко…

Вернёмся в Берген апреля 1910 года. Саша воодушевлён. Он надеется, что участие в экспедиции даст ему имя, позволит в дальнейшем вести самостоятельные исследования в России. *«Христос Воскресе! Дорогой папа, целую тебя и поздравляю с праздником. Давно не писал, п. ч.* (потому что – *прим. авт.*) *перед отъездом накопилось много работы и хочется окончить все. Затем в последнее время меня интервьюировали и написали кое-что о моих работах на станции. На следующей неделе поеду в Христианию. Весёлое расположение духа не покидает меня теперь и*

более не скучаю, как зимой… Кажется, мне удалось пробить дорогу даже в России. О нашей экспедиции уже знают, знают и о том, что я еду с ней. Буду стараться работать так, чтобы Амундсен не раскаивался в том, что взял с собой иностранца, да ещё русского… Только бы достало энергии на деле»[87].

Первый этап, пробное плавание, началось 7 мая, когда в Норвегии празднуется День Независимости в честь расторжения унии между Норвегией и Швецией. «Фрам» направился в Атлантический океан для проведения океанографических исследований к югу от Ирландии и Шотландии. В этом походе испытывалось и судно, нагруженное всем экспедиционным снаряжением. Не напрасно. По неясной причине забарахлил мотор – то ли солярка была виновата, то ли машинист, выяснить не удалось, но пришлось возвращаться раньше запланированного времени, не пройдя всего маршрута. Машина была новой, шведской фирмы «Дизель», поставленной во время ремонта судна. От нагрузок пострадал фальшкиль, ослаб брюканец у мачты в носовой кают-компании, отчего каюту Амундсена и его помощника залило водой. Требовался дополнительный ремонт. Для обслуживания машины во время экспедиции пригласили механика фирмы шведа Кнута Сундбека, так в команде появился второй иностранец.

При возвращении в Берген произошёл забавный инцидент. Амундсен описывает его следующим образом: «Утром в воскресенье 10 июля вошли в Сальбьернфьорд. У нас не было карт для входа в этот фьорд; но, поревев как следует своей сиреной, мы подняли наконец на ноги людей лоцманской станции, на судно явился лоцман. Он обнаружил явные признаки удивления, когда увидел перед собой «Фрам», прочтя это название на борту судна. «А я-то думал, что это какой-нибудь русский парусник», – произнёс он. Это заявление служило, вероятно, своего рода извинениями за ту умеренную торопливость, с которой он явился к нам»[88].

В Бергене привезённые из плавания пробы воды доставили на биологическую станцию, где Кучин сейчас же занялся их титрованием (определением содержания в воде хлора).[89]

23 июля «Фрам» вышел из Бергена и направился в Христиансанд, где был поставлен в сухой док на ремонт. Для Саши и его новых знакомых, не занятых в ремонте, это было весёлое время. Вот его письмо от 29 июля из Христиансанда.

«Дорогой Бартольд! Ты, конечно, следишь по газетам за нашим плаванием и знаешь, что мы какое-то время находились в Бергене. Там я ждал твоего письма, но оно не пришло. У меня самого была масса работы на биолог. станции с исследованием проб воды и не

было времени написать несколько строк. Представь, в плавании у нас было всё хорошо. А в Христиансанде ещё лучше. Мы стоим за городом в сухом доке, поэтому я ещё не был в городе. Но поблизости есть санаторий, большая гостиница и увеселительное заведение. В первый же вечер, когда мы прибыли сюда, нас пригласили на ужин, после чего мы гостили там каждый день. Каждый вечер там бал, поэтому Ертсен, Преструд, Йохансен и я подолгу здесь не спим. Усталость, на которую я жаловался, прошла, и я могу снова приняться за работу. Книгу Фалкбергета я пролистал, но переводить не начал. Русские читатели привыкли к лучшему, поэтому я думаю, что вряд ли они встретят её с воодушевлением. Кроме того, я ничего не слышал от Классена относительно издательства и потому не знаю, стоит ли работать над этим. Книгу, которую я брал у твоей матери, «Ханс Нильсен Хауге», я смог одолеть только до середины. Я читал в основном рассказы о путешествиях и ещё пару специальных книг. Сейчас я шлю ей большое спасибо за эту книгу. Что касается плавания, я им очень доволен, несмотря на то, что пару раз, когда военная обстановка на борту была слишком суровой, я жалел о том, что я оказался там. И не я один. Но всё уже позади. Через несколько дней мы уходим отсюда и держим путь на Мадейру. Хорошо не быть абсолютным трезвенником. Уж мы привезём с собой мадеры. Отправь мне письмо поскорее. Вдруг оно застанет нас здесь»[90].

Итак, первый этап океанографических исследований завершён вполне успешно. Помимо Кучина, Ертсена, Преструда в них участвовал немецкий океанограф Шрёр. Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен могли быть довольны – все идёт по плану.

Кучин берёт с собой книги, полагая, вероятно, что на судне в свободное от работы время сможет заняться переводами. Выбор его придирчив, он считает, что на русский должны переводиться только лучшие книги зарубежных авторов. Нам неизвестно, смог ли он заняться этим. Его работа в экспедиции «мастера на все руки» вряд ли оставляла время на что-либо иное. Во время экспедиции Александр вёл дневник. К сожалению, сохранилась только тетрадь под номером III, охватывающая период с 15 августа по 25 декабря 1910 года.[91]

9 сентября, когда были загружены «пассажиры» – 97 собак из Гренландии, – «Фрам» двинулся на юг. Пожалуй, на Ноевом ковчеге было посвободнее. На небольшом судне длиной 39 м, шириной 11 м, водоизмещением 1100 т разместились 20 человек команды, 97 собак, продукты питания, горючее, экспедиционное оборудование – лыжи, полярная одежда, палатки, нарты, упряжь и, наконец, разобранный сруб дома 8×4 м с кухонной плитой,

столами, лежанками. Действительно, повернуться было негде. Собаки были даже на капитанском мостике.

Но Амундсен есть Амундсен. Равных ему в экипировке экспедиций не было. Продумывалась каждая деталь, мелочей не существовало. Простой пример: одежда. Для сокращения расходов можно было бы предоставить возможность членам команды самим обеспечить себя в зависимости от своих вкусов. Амундсен думал иначе: «Снабжение одеждой – важная статья в полярном путешествии, и я считаю необходимым, чтобы экспедиция снабжала своих участников настоящей «полярной» одеждой. Если предоставить каждому в отдельности эту часть снаряжения, то боюсь, что ещё до конца путешествия оно придёт в плохое состояние… Тогда я был бы лишён возможности контролировать качество одежды в той мере, как мне этого хотелось. Наше полярное снаряжение не поражало своим великолепным внешним видом, но зато было тёплым и крепким»[92].

В трёх экспедициях «Фрама» не было заболеваний цынгой, что указывало на тщательно сбалансированное питание. Запасы питания были: «сухими» – большую часть в них занимал пеммикан – смесь сухого размолотого мяса, жиров, овощей и овсяной крупы; «мокрыми» – везли с собой запас алкоголя (Амундсен был против алкоголя во время санных походов, но на корабле после тяжёлой работы на пронизывающем ветру «добрая рюмка водки действует чрезвычайно благотворно»[93]) и «живыми» – из Норвегии до Мадейры перевозили, постоянно уменьшающихся в количестве живых поросят и птицу (и позднее не упускали возможность запастись «живым» мясом).

В тропиках в большом количестве закупали овощи и фрукты. Кормили хорошо как людей, так и собак, для которых был особый запас пеммикана и сушеной рыбы.

Размещение груза на судне было тщательно продумано. Амундсен гордился порядком в трюме.

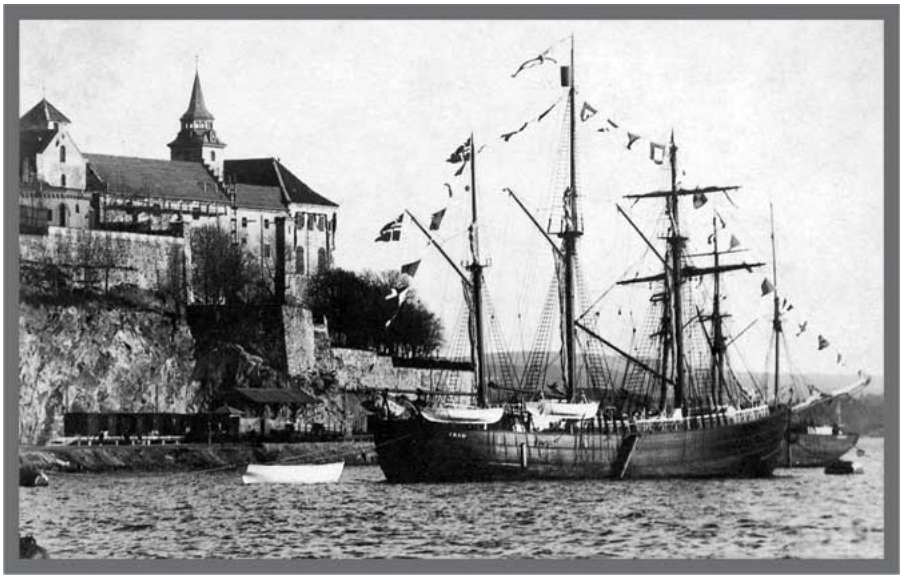
В конце концов все устроились с возможным комфортом.

На палубе сделали специальный навес для собак, чтобы они могли немного охладиться во время жары. Их разделили на партии по десять, и за каждой партией закрепили одного-двух надзирателей, с полной ответственностью за этих животных и их обслуживанием. Свою партию получил и «мастер на все руки» Александр Кучин. *«Мои из самых смирных»*, – отмечает он в дневнике.[94]

Где живые животные – поросята ли, собаки, – там неизбежна грязь. Вот что пишет по этому поводу Амундсен: «Я всегда придерживался мнения, что полярному судну, как и всякому

другому, не подобает походить на помойную яму, даже если на борту его довольно много собак. Наоборот, я считаю, что в таких экспедициях ещё больше, чем где-нибудь, необходимо соблюдать чистоту и порядок вокруг себя. Нужно всегда стараться избегать всего того, что действует деморализующе и угнетающе»[95]. Соблюдать чистоту, где живёт сотня хорошо питающихся собак, – задача нелёгкая. Дважды в день мыли палубу, раз в неделю снимали и промывали настил. Работа неприятная, но необходимая.

Экипаж «Фрама». В центре –Руаль Амундсен, сидит крайний справа – А. Кучин. 1910 г. (Из фондов ОИММ)



Легендарный «Фрам». Фото нач. XX в. (Из фондов ОИММ)

Распределены были и вахты. Вопреки принятым во флоте 4-часовым вахтам, на «Фраме» были установлены 6-часовые вахты. Кучину вместе с Ертсеном и Хельмером Хансеном досталась самая тяжёлая, моряки называют её «собачьей», вахта – с 2 до 8 часов. В дневнике Александра несколько страниц посвящены тем мыслям и чувствам, которые посещали его ночью. *«Хороши те часы, когда стоишь ночью на баке и любуешься на свечение моря. Всплеснёт ли волна, выпрыгнет ли рыба… Чудно и на душе. Легко, спокойно. Никакой тревоги о будущем, воспоминания о былом, о любимых мною, о детстве, родных деревушках, какие-то приятные сладкие воспоминания. Хочется порой петь. Но давно уже не пел, и голос не повинуется воле, а все мотивы слились в один ещё имеющий русский отпечаток. Звёзды ли или этот покой заставляют думать о родном доме, о милых далёких от меня людях, ждущих своего Сашу».* [96]

До Мадейры океанографические исследования не велись. Амундсен спешит, ему дорог каждый день, но на Фаншеле пришлось остановиться – ремонтировали винт. Команду отпустили на берег. Поднялись на гору, посетили старинную церковь, пообедали в ресторане. Восхитили прекрасные пейзажи, поразило количество нищих и проституток, позабавил спуск с горы на салазках по вымощенному гладким камнем желобу – «Но нам, привыкшим на лыжах и салазках как ветер слетать с горы, эта скорость кажется малой, и мы не совсем-то довольны». [97]

Вот он исторический день – 9 сентября. Так его описывает Александр:

«Пятница, 9 сентября. Утром привезли к судну лошадь, где и убили на мясо собакам. Около обеда все без исключения занялись писанием писем.

*В 6 ч. вечера начали готовиться к подъёму якоря. Когда всё было готово, командир (*зачеркнуто *– прим. авт.) начальник экспедиции позвал всех участников на палубу. Кроме членов экспедиции г. Leon Amundsen. Начальник экспедиции, этот всегда удивительно спокойный человек, теперь заметно волновался: „Господа, я позвал вас сюда, чтобы сообщить вам весьма важную новость, – сказал он, – с тех пор как американцы достигли (*зачеркнуто *– прим. авт.) план экспедиции существенно изменён. Сказать раньше я не мог, имея на то веские основания. С тех пор как американцы побывали на Северном полюсе и стортинг отказал нам в ассигновке, поездка к Северному полюсу утеряла несколько свой интерес. Теперь мы идём к Южному полюсу. Другая экспедиция, именно английская экспедиция «Terra Nova» под начальством кап. Скотта, имеет ту же цель и уже находится в пути. Именно это заставляло нас держать наши планы в секрете. Чтобы быть уверенным в вас, я позволю себе сделать опрос, кто желает идти к Южному полюсу“. Все отвечали „да“. Мне он сказал, что мне придётся остаться на судне, т. к. летом, т. е. в ноябре-декабре 1911 года, будут сделаны „Fram´ом“ океанографические исследования южной части Атлантич. океана.*

„А теперь у вас остаётся немного свободного времени написать письма вашим родным и друзьям. Вашу почту возьмёт с собой мой брат, который завтра едет в Норвегию. Наша тайна никому не будет известна, пока он не попадёт в Христианию. Тогда он пошлёт ваши письма.“ Это известие поразило всех. Никто не подозревал. Знали лишь сам Amundsen, Leon, Nilsen и Prestrut. На меня произвело неприятное впечатление. Первою мыслью была мысль о родителях, что ждут дома. Все планы на будущее снова рухнули. Но уныние скоро прошло. Наступило какое-то опьянение. Новые мысли, новые планы, так же далёкие от старых, как Южный полюс от Северного.

„Lőft dit hode du, raske gut!
Om et håp eller to blev brutt,
Snart blinker et nyt i dit őie“.[98]

Вспомнился мне старый Bjőrnson. Эта поездка приведёт ближе к цели, поставит на ноги, думал я. Она даст возможность приобрести мне судно, какое я хочу, и работать независимо, она даст мне влияние, необходимое на первых порах. Но дома… Отец, мать, сестры… План в общих чертах таков: теперь

безостановочно идём мы к цели, ко льдам Антаркт. океана к земле Syd Viictoria Land, там мы будем в январе – феврале 1911 г. Десять человек составят береговую партию, что направится к полюсу. «Fram» вернётся в Буэнос-Ayres, откуда будут сделаны два океаногр. рейса. Весной 1912 г. береговая партия надеется вернуться обратно. К этому времени вернётся и «Fram». В конце 1912 г. или начале 1913 мы придём в Сан-Франциско. Стало быть, моя поездка продолжится ещё 1 ½ года. Быстро принялись все писать письма. Т. к. большинство писем были уже готовы, то оставалось лишь приписать новость, что мы отправляемся к Южному полюсу.

Прежде чем идти на север, пишет один своей жене, мы сделаем маленькую прогулку (en liten sving) на Южный полюс. И это всё.

В 9 ч. подняли якорь, распрощались с г. Leon Amundsen и под частыми ударами мотора двинулись в путь. Темно. Кругом перебегают огоньки рыбачьих лодок, да сзади причудливо раскинулись по горе огни Funchel´a. Прощай, Мадейра и Funchel. Теперь вокруг мыса Доброй Надежды»[99].

Сохранилось письмо Кучина Бартольду, написанное в тот день на фирменном бланке экспедиции с изображением «Фрама» и надписью «Fram-Expedition»:

«Дорогой Бартольд!

Из газет ты узнаёшь всё о Фраме. Маршрут изменён. Южный полюс вместо Северного.

Большое спасибо за это письмо. Хотел много рассказать тебе, но нет времени. Привет твоей маме, Элизабет, Акки, Гундерсенам.

В апреле 1911 мы будем в Буэнос-Айресе. Адрес – Норвежское консульство. Пиши много и подробно. Твой друг Саша.

«Когда рушится одна надежда, тут же в глазах блеснёт новая»[100].

Александр полон противоречивых чувств. С одной стороны, его путешествие значительно затягивается – как воспримут это известие его родные, с другой стороны – открываются новые возможности. Обращает внимание фраза в дневнике: *«На меня произвело неприятное впечатление»*. Для него, обладающего обострённым чувством справедливости, утаивание цели экспедиции от её участников воспринималось как обман, который для него был абсолютно неприемлем. Ему требуются объяснения. *«Несколько раз подолгу говорили с Амундсеном о поездке к Южному полюсу. Меня удивляло, что он, так резко осуждавший полярные экспедиции исключительно спортивного характера, т. е. с целью лишь достигнуть пункта 90°, сам теперь предпринял такую же экспедицию: «Для меня эта поездка создана необходимостью добыть денег для предполагаемой поездки на Север. Достижение*

Южного полюса даст возможность добыть денег. У нас, в Норвегии, всегда неохотно дают деньги на научные исследования, т. к. бросают большие суммы как призы в спорте. Это в характере всего народа, и на эту сторону, прежде всего, приходится бить. Если бы американцы не побывали на Северном полюсе, мне охотно дали бы денег для того лишь, чтобы первому побывать там. Или, если бы я объявил, что иду, чтобы достигнуть Южный полюс, я, несомненно, получил бы средства на это с избытком. Теперь с этой же целью снаряжены три экспедиции: английская – «Terra Nova» Скотта, японская и Fram-Expedition. Наша экспедиция находится, несомненно, в лучших условиях. И мы побьём рекорд»[101].

Амундсен снова обманул Кучина. Для него, не получившего систематического образования, как Нансен или Кучин, научные исследования были лишь прикрытием, обусловленным правилами игры. Главное – быть первым и получить в достижении своей цели свою долю адреналина, свою порцию страданий, мученичества, преодоления и славы. Последнее, впрочем, для него не слишком важно и имеет значение только для сбора денег на следующую экспедицию. Недаром его любимой книжкой в детстве была книга о трагической судьбе экспедиции Франклина, шедшего по Северо-Западному проходу из Атлантики в Тихий океан. Амундсен обладал харизмой, умел убеждать, умел находить для каждого человека нужные для того слова. Не подлежит сомнению, что он нашёл нужные слова и для Александра.

Биограф Амундсена Тур Буманн-Ларсен упоминает о двух случаях, когда на собраниях экипажа он ставил вопрос: «Согласна ли с ним команда?» – и получал ответ: «Нет». Тогда он беседовал с каждым в отдельности и получал необходимое: «Да». Кто не соглашался, становился изгоем. А с неугодными Амундсен умел расправляться. В этом отношении весьма показательна история с Хельмером Хансеном. Тем самым Хельмером Хансеном, который в 1903–1905 годах на яхте «Йоа» прошёл с ним из Атлантического океана в Тихий Северо-Западным проходом, который прокладывал лыжню к Южному полюсу, деликатно предоставив возможность командиру первым вступить на заветную точку, который в 1918–1920 годах был капитаном на судне «Мод» в экспедиции по Северо-Восточному проходу вдоль сибирских берегов, который боготворил Амундсена. Но стоило возникнуть конфликту, как Амундсен списал его на берег на Аляске, без средств к существованию и возможности вернуться домой.

Интересно, как же Амундсен относился к Кучину? В своей книге, посвящённой этому путешествию, он пишет о нём трижды. Первый раз в уже упомянутой цитате, о том, что Кучин делает анализы воды после похода в июне-июле. Второй раз – в списке

морской партии, при разделении участников экспедиции на два отряда. Третий – когда Кучин покинул экспедицию.[102]

Как указывает биограф Амундсена, он ценил и приближал к себе людей, лично преданных, непрекословящих, выполняющих все распоряжения.

Кучин к таковым не относился. Он обладал чувством собственного достоинства, имел своё мнение, не обязательно высказываемое вслух, и он был по образовательному и культурному уровню значительно выше большинства участников похода. Амундсен не мог этого не понимать, но нуждался в Кучине. Александр был человеком Нансена – Хелланда-Хансена, а с ними он не мог ссориться. Поэтому, по всей вероятности, держал его на некоторой дистанции, но, как видим, нашёл и для него нужные слова при объяснении, почему изменён маршрут экспедиции. Впрочем, вряд ли у него были нарекания к Кучину как к работнику.

Саша вырос в семье, где все много трудились, и сам он не боялся никакой работы – хоть по ночам вахты стоять, хоть за собаками убирать, хоть судно красить, а на океанографических работах вообще работал как одержимый. Это не могло не вызывать уважения. Но не у всех. В экипажах, подобных описываемому, образованных «умников» не любят, тем более что формально его социальный статус разнорабочего был ниже многих. Александр не был душой компании, как кок Линстрем, толстый и добродушный пьяница, умевший улаживать конфликты, не был весельчаком, как Ертсен и Преструд, непременные участники судовых концертов, не был таким мастеровым, как парусный мастер Ренне, на своей швейной машинке выполнявший всякие заказы. Саша к тому же был застенчив, самолюбив и тяжело сходился с людьми. На «Фраме» ему было неуютно. Кучин не привык к такому отношению к себе. Дома, в училище, даже в Бергене у него были друзья. Окружающие если не любили его, то уважали. Кроме прочего, угнетали военные порядки, по сравнению с которыми «Правила поведения учащихся Архангельского торгово-мореходного училища», против которых бунтовали в 1905 году, казались мягкими.

Он пишет родным, что одинок, что ему не с кем поделиться своими мыслями, боясь быть не понятым. Отец, сочувствуя ему, отвечает: *«Милый дорогой мальчик! Желаю тебе всего хорошего. Как видно из твоего письма, что тебе живётся не тяжело, но тяжело на душе. Я чувствую это, и тяжело отзываются твои слова, что тебе не с кем поделиться мыслями. Да, Саша, я слышал в Тромсё, что люди на «Фраме» любители легко пожить, да и не*

совсем хороши. Хотя ты их хвалил. Я, конечно, не знаю и судить не берусь, а чужим словам верить нельзя»[103]. Весьма любопытный взгляд норвежских обывателей на людей, которые ушли в опасное путешествие, может быть, на смерть, не правда ли?

16 сентября он считал своим днём рождения, его поздравили командир и экипаж. *«Кроме лейтенанта Нильсена, конечно»,* – отмечает Александр в дневнике. С Нильсеном, капитаном судна, отношения были самыми напряжёнными. Состоялся торжественный обед. Ему исполнилось 22 года, он был одним из самых молодых участников экспедиции.

Океанографических исследований на пути к Антарктиде не проводилось. Александру объявили новую программу – из Антарктиды «Фрам» отправится в Буэнос-Айрес. Оттуда будут совершены плавания для океанографических исследований. В дневнике он пишет: *«Когда «Fram» вернётся от South Victoria Land в Буэнос-Айрес, будет сделана глубоководная океанографическая поездка. Во-первых, Буэнос-Айрес – острова Кап-Верок, думаю продолжить до берегов Африки, на юг по Гвинейскому течению до встречи с холодным течением, идущим на Север от Игольного мыса, затем прямо на запад, к берегам Южной Америки. Такого рода исследований ещё не было сделано в этих местах, и это будет иметь громадное значение. Тем более в связи с экспедицией «Michael Sars´a» нашей северной в июне-июле с/г и «Fridbjof». Вся работа будет лежать на мне, и надеюсь её успешно выполнить. Только бы побольше свободы в действиях, и чтобы лейт. Нильсен не вмешивался в мои работы. Время покажет. Но в таких военных условиях, как теперь, моя работа не была бы продуктивна»*[104].

Хелланд-Хансен был прав, когда настоял на участии Кучина в этой экспедиции. Саша, умница, всё понял. Профессор разработал уникальную программу, по которой делалось три среза Атлантического океана: один – на севере южнее Исландии – его «Фрам» выполнил в 1910 году, правда, не полностью из-за поломки машины; второй – в районе экватора у Островов Зеленого мыса; третий – на юге, от Аргентины до Африки. Обращает на себя внимание то, что выполнить эти работы предполагалось в одно и то же календарное время – в июне-июле. Если учесть, что океанография только зарождалась и о течениях в Атлантике были сугубо эмпирические знания, важность проведения такой работы трудно переоценить.

14 января «Фрам» вошёл в Китовую бухту Антарктиды. Началась работа по строительству базы для зимовщиков, которую назвали Фрамхеймом. Обратимся к очевидцу. Это письмо Кучина Бартольду Хагеманну написано уже из Буэнос-Айреса 23 апреля 1911 года:

«Дорогой Бартольд! Вот мы и пришли снова в цивилизованный мир и находимся всего в 15 kvartmil от большого города с театрами, музыкой. Через несколько дней мы, возможно, придём туда. Но нас притягивает туда не сам город и не цивилизация, а почта – газеты и письма. Но почты мало. Мне, точно, повезло больше всех, я получил 11 писем. Многие вообще ничего не получили. Редакторы нескольких газет обещали посылать множество газет, но мы ничего не получили, кроме газеты «T. T.» («Тромсётиденде» (?)), *её выписывает Хассел. А на телеграммы, которые Амундсен отправлял королю, ответа не пришло… В газете «T. T.» напечатаны только интервью (не помню, как пишется это слово), которые дали Нансен, Хелланд-Хансен и Боргвинк. Теперь экспедицией «Фрама» больше не интересуются. Но для нас путешествие на юг очень увлекательно! Да, писем от тебя я не получал, но это вина Амундсена, который не был уверен, что «Фраму» удастся прийти сюда раньше июня. Поэтому ты получаешь моё отеческое прощение, но при условии, что напишешь мне раньше, чем получишь это письмо. Да, это плавание принесло мне некоторое разочарование, мне пришлось оставить мысли об университете и жизни в Христиании, но я отнёсся к этому спокойно. (Видишь, я стал хуже писать – не держал ручку с Мадейры до прихода сюда.) От Мадейры на юг шли, как говорит Амундсен, «не скоро, да споро». Всё время был занят тем, что смотрел за собаками (это и называется «мастер на все руки»). Насладиться чудесным тропическим воздухом нам не удалось, его потребили собаки, а нам вместо него достался* H_2S (сероводород – *прим. авт.*). *Потом мы подошли к поясу ревущих западных ветров и вздохнули полегче, поскольку похолодало. Но тут «Фрам» начало качать. С одного борта на другой, так что шлюпки уходили под воду. Тогда работали непрерывно – и не было времени на…* (неразборчиво – *прим. перевод.*). *29 ноября мы прошли мимо острова Кергелен. Мы думали отправить почту с китобоями, но начало штормить и нам пришлось уйти. Рождество мы праздновали южнее Австралии. Была ёлка и маленький праздник для разнообразия. 13 января мы подошли к ледниковому шельфу. Быстро нашли в леднике бухту и прекрасное место для зимней стоянки. Там было весело. Почти каждый день я ходил на лыжах.*

(Утрачен лист письма – *прим. авт.*)

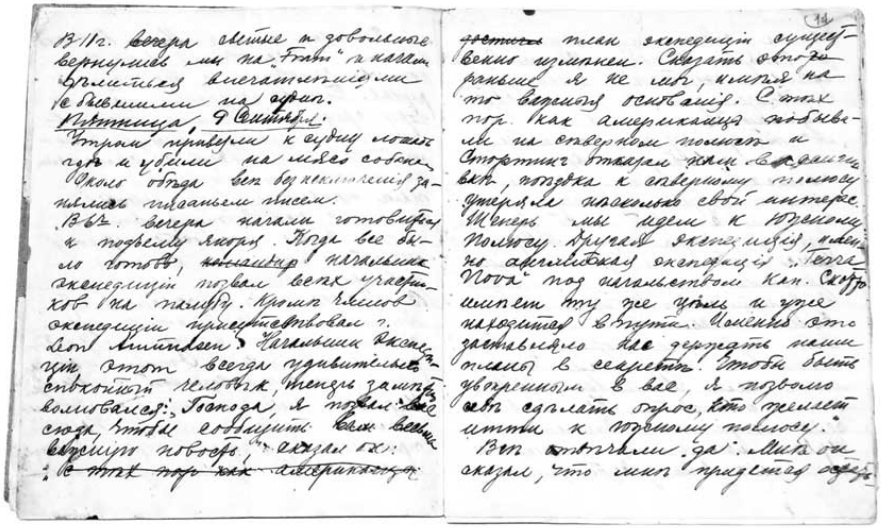
Dagbok

for

L. Kyhn

"Fram" III. 1910

I. & H. Nielsen's Papirhandel, Christiesgd. 9. Bergen.



Дневник А. Кучина. Тетрадь № III. «Фрам». 1910 г. (Из фондов АКМ)

«Фрам» в Антарктиде. 1910 г.

Экипаж «Фрама». В центре – А. Кучин (Из фондов ОИММ)

…и консервы заменили тюленьим мясом, которое мы называли «крокодил». Мы быстро поставили избушку, очень хороший дом, рядом с ним будки для собак и провианта. Место было выбрано удачно. Тем, кто останется на берегу, здесь понравится. После прощального обеда, когда всё необходимое было вынесено на берег, мы покинули Фрамхейм. В шторм и туман поплыли к Буэнос-Айресу. Я пишу так кратко, потому что ты узнаешь больше из газет. Да, мы встретили англичан. Приятные люди. А сейчас мы здесь и рвёмся на берег. Одно здесь хорошо – изобилие пресной воды, поэтому мы можем мыться и принимать ванну каждый день. От самого Христиансанда был запрет на использование пресной воды для мытья. Поэтому приходилось довольствоваться морем, пока мы не пришли к леднику». Порт судно не принимал, на берег не отпускали, отправить письмо возможности не было, и Саша продолжает:

«27. IV. Всё ещё на рейде. Мне это плавание пошло на пользу – я окреп и здоров как никогда, но я также много потерял. Как уже было сказано, я больше не надеюсь, что у меня будет время и возможность учиться дальше, кроме как самостоятельно. Говорят, моряк в обществе чужак, я тоже. Я не могу читать литературу, обо всём новом, что меня интересовало, мне не с кем поделиться мыслями (тебе известно, какие большие различия между всеми нами на борту), и я начинаю ощущать пустоту в

голове. Не пойми меня превратно. В остальном я доволен жизнью.

В июне месяце мы снова отплываем, на океанографические работы. Это будет главное испытание для меня. В Бергене я встречался с Фридтьофом Нансеном, он сказал, что будет ждать меня из экспедиции, но тогда он не знал, в какие масштабы она выльется. Мы работаем 2–2,5 месяца, поэтому будет много материала. Я начал готовить приборы.

Как «мастер на все руки» я работаю везде, где можно. Мы покрасили «Фрам» снаружи и изнутри, и он выглядит действительно красиво»[105].

Пока Александр и другие члены экипажа пишут письма и греются на солнце, капитану Нильсену не сладко. Нет средств на оплату команде, при том что Р. Амундсен установил увеличить жалованье судовой партии на 50 %. Нет средств на уплату портовых сборов, поэтому судно стоит на рейде. Нет средств и на закупку провизии. Ждать денег из Норвегии не приходилось. Там были раздражены обманом Амундсена и изменением маршрута экспедиции.

Спонсор нашёлся в Аргентине. Богатый землевладелец дон Педро Кристоферсен, аргентинец норвежского происхождения, поклонник Р. Амундсена, выделил средства, и экспедиция смогла провести океанографические исследования. Тур Буманн-Ларсен пишет следующее: «Если по приходе в Южную Америку – без денег и каких-нибудь гарантий – Турвалл Нильсен почувствовал себя брошенным на произвол судьбы, то в отношении океанографических исследований нашёлся по крайней мере один человек, которому и они, и Нильсен были небезразличны. Юный капитан «Фрама» был очень рад, получив письмо от самого Фритьофа Нансена. Профессор указывал на важность поставленной перед капитаном задачи: «Было бы великолепно, если бы норвежцы и тут сумели продемонстрировать своё превосходство перед другими. К тому же Ваша экспедиция докажет всему свету, что поход «Фрама» носит не только спортивный характер, как это пытаются утверждать некоторые, а представляет собой серьёзное научное предприятие, к которому следует относиться с должным уважением». Впоследствии профессор Нансен останется весьма доволен результатами океанографических изысканий, проведённых в Южной части Атлантического океана. Главным исследователем на бору «Фрама» был отнюдь не норвежец, а талантливый русский по имени Александр Кучин. О том, что занятиям наукой не придавалось в экспедиции какого-нибудь значения, свидетельствует жалованье в 60 крон, за которое трудился Кучин, – почти самое низкое из всех членов экипажа»[106].

Как бы то ни было, деньги были получены. Команда смогла выехать в город и насладиться прелестями сухопутной жизни. Александр пишет домой:

«Милая мама! Целую тебя, Фросю, Анюшу, Лизу, Настю и Колюшку. Как я жалел, мама, что не удалось послать телеграмму о нашем приходе сюда. В течение двух недель не было денег и нельзя было выехать в город, потому что стояли мы на рейде в 15 милях от города. А после было поздно. Из писем папы и Фроси вижу, как Вы ждали вести обо мне. Однако я надеялся, что могло стоять в газетах. Во всех норвежских и английских газетах были напечатаны телеграммы на второй день нашего прихода сюда. Завтра снова уходим в море – на этот раз не надолго – на 2–3 месяца. Здесь в городе нас приняли довольно хорошо, и мы были на многих праздниках и вечерах. Кой-что купил для себя и небольшие подарки для Вас. Но передать их нельзя из-за таможни. Писал в Христианию адвокату Нансена и братьям капитана Амундсена, чтобы послали 400 крон (около 200 рублей на наши деньги) из моего жалованья. Надеюсь, пошлют. Если нет, то или пошлю отсюда в сентябре, или с Новой Зеландии. Мне хотелось бы, чтобы Фрося и Анюша получили из этой суммы по 25 рублей и могли распорядиться ими как они хотят. Иного подарка, к сожалению, нет возможности сделать.

Иногда становится скучно и хочется побывать дома, но надо окончить этот путь на «Фраме». Осталось уже меньше года. Ты помнишь, мама, что я иногда жаловался на колотье в груди. На «Фраме» я совершенно поправился и так поздоровел, что трудно, пожалуй, узнать. А теперь снова в море. В этих местах почти всегда дует лёгкий ветерок и море всегда спокойно. Это самое лучшее море в мире, и поездка будет чудной прогулкой. Теперь будет научная работа – моя любимая. Может быть, ради этой части экспедиции я и поехал. Взяли с собой 20 куриц, уток, индюшек и на палубе гуляют 20 овец. В свежем мясе не будем нуждаться. Сегодня привезли на судно массу фруктов: бананов, апельсинов, яблок, винограду. От папы получил письмо и открытку. Если бы было близко, примчался бы. А то отсюда пароход идёт чуть ли не два месяца. Сейчас буду писать папе. Он, наверное, скоро будет в Тромсё – поэтому адресую туда. Ты скоро именинница. От души поздравляю тебя, моя милая мама, и желаю быть здоровой. Да. Одного хотел бы я ещё. Это было моё желание чуть ли не два года, и я писал об этом. Я хотел бы, чтобы Вы снялись на фотографию и послали бы как можно скорее. Сделайте же это. Ваш любящий Саша. Поклон на Варзогора и в Кушереку»[107].

Летние месяцы были заняты тяжёлой работой. Экипаж

сократился вдвое. На судне одиннадцать человек. Собаки остались во «Фрамхейме», эта забота отпала, но началась океанография. Каждая станция – измерение глубины, забор воды с разных глубин для определения их химического состава (до 4500 м), измерение температур, определение скорости и направления течения, сбор планктона – занимала 4–8 часов. Каждая станция – это «стоп машина» и «спустить паруса», которые потом надо «запускать» и «поднимать», – было отчего злиться молодому капитан-лейтенанту Нильсену, который был всего на 7 лет старше Кучина. У Кучина же после всего – первичная обработка добытых образцов, вычерчивание графиков, ведение научной документации. Кроме того, необходимо было очистить, высушить приборы и приготовить их для последующей работы. Вероятно, формально руководителем работ был лейтенант Ертсен, но фактически основная работа лежала на Кучине. Итог экспедиции: 60 станций, во время которых взято 190 образцов планктона и 891 проба воды. При этом «мастера на все руки» никто не освобождал от общесудовых работ и вахт – было от чего злиться Кучину.

По возвращении «Фрама» в Буэнос-Айрес, узнав, что больной машинист Нёдтведт собирается ехать домой, Кучин, считая свою работу как океанографа выполненной, просит расторгнуть контракт. Письмо к Бартольду от 22 августа:

«Дорогой Бартольд! Спасибо за письмо! Мы встретимся намного раньше, чем мы думали. Я покидаю дорогой «Фрам» на шведском корабле «Кронпринцесса Виктория», еду в Христианию. И еду не один. Старый машинист Нёдтведт едет тоже. Он болен. Но если спросите меня, почему я, здоровый и бодрый, покидаю «Фрам» и разрываю контракт с «дядюшкой Руалем», как мы называем капитана Амундсена. Ответить на этот вопрос нелегко. Я сам затрудняюсь дать ответ. Это чисто психологическое. Временами недовольство тем или другим (а такого на борту достаточно), стремление к иной, более ответственной работе, тяга к культурной жизни и письма, которые приходят от родителей, ожидающих меня (мама больна), – всё это терзает меня. Я часто думал об Амундсене. Будь он на борту, я бы не покинул «Фрам». Но здесь приходится общаться с другими людьми. У меня недостаточно сильная воля, и я начал замечать, что меня обманывают, что я иду не той дорогой, какой хотел бы. Когда я услышал, что Нёдтведт увольняется, я решил пойти к Нильсену. Он почти обрадовался, когда я сказал, что хочу оставить «Фрам». Поскольку океанографические работы закончены, мои обязательства выполнены. Часть работы «мастера на все руки» может выполнить кто-то другой, например, те, кто был на

океанографических работах. У меня горячее желание попасть в Новую Зеландию. Итак, сейчас я свободен. Капитан Нильсен достаёт билеты. Возможно, я остановлюсь на какое-то время в Христиании. Мы получили много материала, который надо анализировать, и я надеюсь получить его. Таким образом, я могу быть более полезен Амундсену, чем если бы я был на борту». [108]

Итак, этот этап жизни пройден. Александр Кучин возвращается в Норвегию.

V. Возвращение

Александр вернулся в Норвегию в начале ноября. В Кристиании он встретился с Бартольдом Хагеманном. *«Дорогой Бартольд! Вот я и приехал на старое место: в Христиании я живу опять в Хоспитсете, в номере 3. Спасибо, что ты был так «передусмотрителен». Я получил твои письма и многочисленные поздравления с приездом. А вообще я рвусь на улицу Нойберг с того самого момента, как мы пристали к берегу. Я думаю, насколько чужой я, тем не менее, я в Христиании? Не хочу писать много, потому что ты получишь это письмо в тот самый час, когда я буду уже там»*[109].

К экспедиции Р. Амундсена в обществе был большой интерес. Кучин был первым, кто вернулся и был атакован журналистами. Он говорил только хорошее об экспедиции и её участниках, о её преимуществах по сравнению с другими экспедициями – английской и японской, о своих океанографических исследованиях. На вопросы о планах Амундсена он отвечал, что после Антарктиды «Фрам» пойдёт к Новой Зеландии, откуда по телеграфу будут переданы известия в Норвегию, ждать их следует в марте, а затем вдоль западного побережья Америки к Сан-Франциско, откуда в 1913 году направится к Берингову проливу, а затем к Северному полюсу.

Состоялась встреча в Норвежском географическом обществе, где его представили королю Хокону VI. Молодой и обаятельный король много расспрашивал Александра о путешествии, получал обстоятельные ответы и составил весьма благоприятное впечатление о молодом исследователе.

Журналистов поражала скромность, даже застенчивость человека, которого воспринимали как героя. Интервью газете «Арбейдет» заканчивалось так: «Мы поблагодарили молодого любезного русского за его терпение. В эти дни его, наверное, замучили вопросами, на которые он должен был терпеливо отвечать. И, наверное, его можно понять, если он пытался ускользнуть от встречи с журналистами из Бергена. Но от своей судьбы ведь нелегко ускользнуть…»[110] Действительно!!!

Среди писем, полученных Кучиным в Буэнос-Айресе, были два, которые мы здесь приводим полностью с минимальными купюрами. Послушайте и вы щебетание этого юного создания. Первое письмо написано 26 мая 1911 года:

«Дорогой Кучин! Нет, как великолепно снова получить весть от тебя! Я определённо не знаю, как мне благодарить тебя за длинное, милое письмо. И как забавно ты пишешь! Поверь, читать

его было просто удовольствие. Я прочитала его вслух 2 или 3 раза всем домашним. Мама надеется, что ты ведёшь дневник в своём долгом путешествии, потому что, кто знает, может быть, ты когда-нибудь сможешь зарабатывать деньги на событиях своей жизни!

Да, поверь мне, Хоп так прекрасен. Я сижу в настоящий момент в роще и пишу, потому что сидеть в доме слишком жарко. Ты не представляешь себе, как прекрасно лето! Зиму я не переношу. Я бы хотела жить в стране, где лето круглый год. Возле нашего дома есть сад. Каждый день мы ходим и возвращаемся с охапками цветов. Особенно много фиалок на Сосновой горе «Фурухауген», которую ты, конечно, помнишь. Помнишь, как Сигни, ты и я ходили на прогулку и нашли первые фиалки? Это было уже давно. Скоро будет год как. Я думаю, что время летит так быстро. Возможно, потому что зимой у нас было так много событий – балы, театр и т. п.

*17-го мая я нисколечко не повеселилась. Только немножко, с утра, когда я была очень занята, продавая «майские цветы». Поверь, я с удовольствием ходила по улицам города и (*неразборчиво *– прим. авт.) народ! После обеда я была в парке Нюгорд. Там был фейерверк и музыка. Но музыку я слушала мало или вообще не слушала, и фейерверк, к сожалению, не видела, потому что он начался в 11 часов, когда нам надо было идти на поезд. И другие в семье тоже не повеселились, поэтому мы устроили праздник 19-го мая.*

Приехала Ингебьёрг Хеллен, подруга Сигни, и мы, все дети, собрались вместе и пригласили папу с мамой. Мы съездили в город за покупками. А потом накрыли праздничный стол… Папа написал для нас песню об этом вечере. Это было сюрпризом и вызвало восторг. И мы повеселились намного лучше, чем 17-го мая.

Сейчас мы собираем монетки в 5 и 10 эре в бутылку. Это будет на празднование Иванова дня. Надеюсь, что мы получим такое же удовольствие. Вчера Сигни, Хокон, Ейлиф и я катались на лодке в первый раз в этом году. Было чудесно!

Велле, говоря твоими словами, нас предал. Иногда он говорит, что думает взять тебя на прогулку, например, в субботу, и больше мы его не видим. Нет, в тот раз, когда ты был здесь, было намного лучше. Тогда здесь постоянно кипела жизнь… Да, весёлые были дни! Мы все с радостью ждём то время, когда ты снова приедешь в Норвегию, хотя известно, что это произойдёт не скоро. Я не думаю, что уеду отсюда в какое-то другое место, и уж точно не в Америку. Я ещё такая маленькая. Всего 17 лет! Итак, я думаю, что буду дома, когда ты снова приедешь сюда, и буду одной из первых, кто скажет тебе «с возвращением».

Ты должен, наконец, передать привет от меня Ертсену и повару «Фрама» и поблагодарить их за приветы. Я рада, что они не совсем забыли меня.

*У меня появился друг в школе танцев. Он приходит почти каждое воскресенье, мы вместе гуляем. Это здорово. Однажды мы должны были пойти в (*неразборчиво *– прим. авт.), но потом я убежала от него и ему пришлось идти одному. Представляешь, как здорово. Но не думай, что он рассердился! Он определённо не может сердиться. Сейчас мы опять хорошие друзья.*

Представь себе, я никогда не была в аквариуме после того, как мы были там вместе с тобой. Думаю, что глупо идти туда одной… Сигни и я редко бываем вместе…

*Я не так часто бываю в театре в последнее время. Однажды мы с Сигни смотрели «Тайфун». Это было блестяще, поверь! Кроме того, я смотрела пару раз (*неразборчиво *– прим. авт.) и ещё несколько вещей. Но больше всего меня интересуют танцы. Осенью я начну заниматься в балетной школе фру Мон. Как я рада!*

На днях мы с Сигни пойдём фотографироваться. Тогда я с удовольствием пошлю тебе одну карточку (при условии, что они хорошо выйдут), если тебя это интересует. Та, что есть у тебя, ужасно плохая, на мой взгляд. Но, возможно, я изменилась с того времени. Я немного выросла с прошлого года. Это я замечаю по одежде.

Между прочим, я бы хотела иметь твою фотографию. Да, у меня есть одна, которая была в газете. Я повесила её на стену, но там такая плохая бумага, что она быстро порвалась.

Но я всё равно хорошо тебя помню.

Для меня писать письма всё равно что писать сочинение. Они получаются, конечно, плохие. Это из-за того, что мало упражняюсь.

Надеюсь, пройдёт не очень много времени, прежде чем ты дашь о себе знать. Так забавно было читать о твоей поездке, праздниках на корабле и о пингвинах и т. д.

Сейчас я почти ничего не вижу, поэтому думаю, что пора заканчивать.

Все в Нюбо шлют тебе приветы от всего сердца и желают вскоре увидеть тебя снова»[111].

Второе письмо было написано через полтора месяца, 10 июля:

«Дорогой Кучин! Так, сейчас у нас солнце и лето по-настоящему, ты не поверишь, но это не удивительно. Немецкий кайзер находится в городе, а он всегда ведёт за собой хорошую погоду. Угадаешь, какую новость я тебе расскажу? Нет, вряд ли. Я подумала, как скучно постоянно быть дома и стала искать место в городе. И сейчас я работаю у книготорговца Хокона Тёрнессена в

магазине на площади. Это, представь себе, здорово, и могу сказать только, что мне очень нравится. Я там уже 4 дня. В городе в это время множество туристов. В порту стоит много больших кораблей. Конечно, они приходят к нам в магазин, и мы спикер по-английски и шпрехен по-немецки почти весь день.

Однажды я ужинала у Сигни и спросила её, можешь ли ты писать ей. Ей бы очень этого хотелось, поэтому если ты ей напишешь, она будет очень рада.

Вчера я ездила в Ос. Фру Мон, Ингебьёрг, Хеллен, Сигни и я, по сути, никогда не бывали в Ос, поэтому мы решили съездить туда. Взяли с собой немного еды и рано утром отправились в путь. Ты когда-нибудь был в Ос? Поверь, вчера был прекрасный день! Во-первых, было палящее солнце и, во-вторых, чудесный морской воздух. Весь фьорд был перед нами, и мы видели почти до самого океана. Представь, мы по-настоящему загорали, никогда раньше мы не были такими смуглыми. Мы пообедали в гостинице и там встретили знакомого, с которым мы очень приятно провели время до самого вечера.

Знаешь, кого я встретила в городе? Почтальона Эдварда Кристиансена из Трондхейма, он был у нас вместе с тобой и Велле. Ты должен его помнить, такой маленький, толстый! Он, впрочем, подрос с того времени, но стал вдвое толще. Он сказал, что Велле сейчас в Трондхейме. Подумать только, а я ни разу не встретила Велле! Он к нам не приходит.

Сигни начала учиться на библиотечных курсах, и ей очень нравится. Сейчас она начала ходить по дому и «анализировать» все книги.

Я только что прочитала «Анну Каренину» Льва Толстого и считаю, что книга блестящая. Я думаю, что это лучшее из прочитанного мной. Три моих любимых писателя: Лев Толстой, Чарльз Диккенс и Йонас Лие. Бьёрнсон и Ибсен не могут выставляться впереди них!..

Нет, уже почти 12 часов. Глаза у меня слипаются от сонливости…

Эйлиф уедет в Трондхейм и осенью пойдёт в высшую школу. Вероятно, его не будет 4 года. Подумать только, учиться 16 лет! Я устала через 9 лет. Конечно, я понимаю, что мне нужно больше знаний, но, чтобы приобрести их, не обязательно ходить в школу. Я знаю, что за 4 дня у Тёррнессена я узнала очень много. Да, это правда! Мама и папа просили меня передать тебе привет и попросить тебя послать им пингвинью шкуру! Слышал ли ты про такой мех? I never! («Я никогда!» (англ.) – *прим. перевод.*).

Нет, я начинаю нести чепуху, ужасно хочу спать».

Эти письма были написаны Аслауг Паулсен, дочерью

банкира, литературного и театрального критика, музыкального рецензента Андреаса Паулсена, социалиста по убеждениям. Дом Паулсенов с большой и дружной семьёй был открыт для молодёжи, творческой интеллигенции, учёных. Александр был частым гостем здесь ещё до экспедиции. Хотя по возрасту старшая сестра Сигни подходила ему больше, переписка завязалась с младшей сестрой Аслауг. Так что по приезде в Берген его ожидала не только рутинная работа по обработке привезённых образцов на биологической станции, но и восторженные глаза юной девушки, с обожанием глядящие на своего героя. Здесь он не был чужим.

Александр в смятении. Избранница слишком молода. Его будущее неопределенно. Хотя в Норвегии блестящие перспективы для работы, он рвётся на Родину. «Но от своей судьбы ведь нелегко ускользнуть…»

Письмо Бартольду от 21 ноября:

«Дорогой Бартольд! Наконец-то появилась возможность написать тебе. Следовало сделать это давно, однако… То, чего я страшился и ждал, и желал, случилось. О чудо, как я счастлив, но ты знаешь, почему я боролся сам с собой. Она ещё ребёнок. Ребёнок во всём, и не понимает, насколько серьёзна жизнь, и хочет ехать со мной на край света. Это произошло вчера, после того как мы были в театре, где смотрели «Анну Каренину». Я должен рассказать об этом её отцу. Ну, хватит об этом.

Итак: я выехал из Христиании и в 9 часов вечера после славной поездки через горы приехал в Берген. В 10 часов я уже был на пути в Хоп, где живут Паулсены. Был сердечно принят стариками. Молодёжь была в гостях. Мне пришлось пообещать, что переночую под их крышей. В 12 часов пришла молодёжь, очень удивились, увидев меня. И я был там до 6 часов следующего дня. За это время мы с Аслауг прошагали почти 100 км. (Извини за преувеличение, но было так легко гулять с ней под руку.) Тогда мы решили пойти в театр, но я получил записку от Хелланда-Хансена с приглашением на ужин к 8 часам. Ах, как они с женой были рады снова увидеть меня. Это было понятно, ведь они пришли встречать меня к поезду. (Сейчас они живут в Фьёсангер, где и я.) Потом подошли другие гости, в том числе редактор Нордал-Ольсен, друг Амундсена. И то, что я рассказывал всем собравшимся, он записывал. Получилось интервью на три номера, ты их получишь. С помощью того же Н.-О. я получил жильё с полным пансионом в «Парадис» недалеко от Фьёсангера, в семье Йоргенсенов. Это в 10–15 минутах ходьбы до станции (впрочем, для меня это 7–8 минут). Но на этой неделе у меня ещё не было времени побывать дома. Во Фьёсангере, по выражению Х.-Х., живут все хорошие люди,

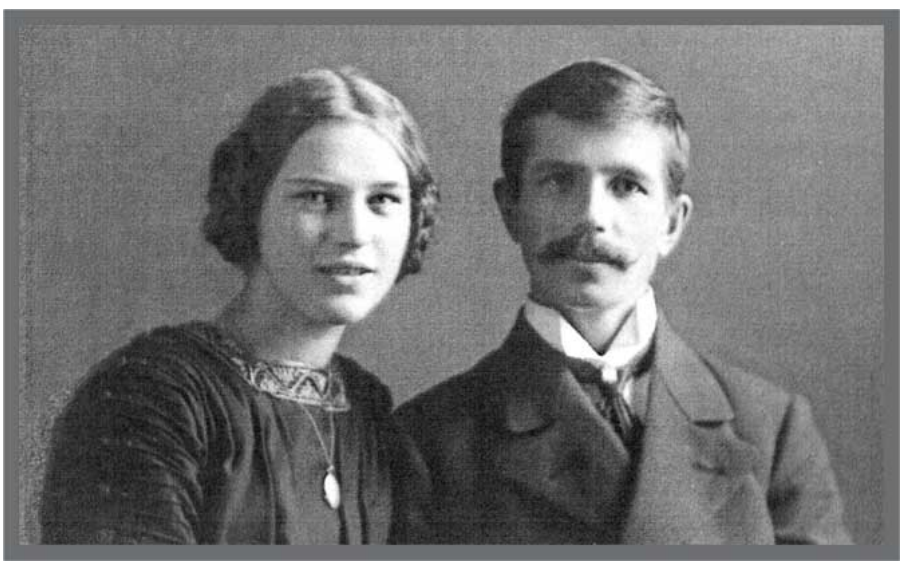
поэтому мы часто навещаем друг друга. Работа идёт потихоньку. Нет нитрата серебра и нормальной воды, поэтому начнём не раньше четверга. Потому и речи не может быть о том, чтобы поехать на Рождество домой. Хотя здесь у меня почти дом»[112].

Помолвка состоялась 11 декабря.

Письмо Бартольду от 7 декабря:

«Дорогой Бартольд! Сейчас ты можешь поздравлять. Я поговорил с родителями Аслауг и получил их согласие. Я сам отложил свадьбу на два года. Причины тебе хорошо известны. Поверь, она славная. И невозможно любить её сильнее, чем я люблю её. Её отец говорит: «В ней есть что-то». И это что-то притягивает к ней всех. За последние два дня я получил массу поздравлений. Эти два года я буду работать, чтобы создать для неё лучшие условия, чем те, что я могу предложить сегодня. Она говорит, что каковы бы ни были мои дела, она хочет быть моей. И в этом я могу быть уверен. Если ты ещё не сказал своей маме, скажи сейчас.

(Продолжение) 11.12.1911



Аслауг Паулсен и Александр Кучин. Берген. 1911 г. (Из фондов ОИММ)

Семья Кучиных. Слева направо: Александр, Фёкла Андреевна, Коля, Степан Григорьевич, Настя, Лиза, неизвестная. Онега. 1912 г. (Из фондов ОИММ)

Почти нет времени писать. Вот что значит быть помолвленным! В субботу у меня была маленькая домашняя вечеринка «в раю». Она очаровательна! Я всё больше к ней привязываюсь. Ты знаешь, что я теплокровное животное. Сегодня появилось извещение о помолвке в газетах, и нам нет покоя от любопытных. Аслауг работает в одном из самых больших книжных магазинов в городе и потому подверглась множеству поздравлений и вопросов, бедняжка. Вот так мы живём, счастливые и довольные. Но скоро мне придётся снова покинуть мою маленькую госпожу и быть в разлуке два года. Я бы хотел быть сильнее в жизненной борьбе теперь, когда у меня есть она. Но будет так, как решено. Перспективы в России, определённо, неблагоприятные, но нужно всегда быть готовым к худшему. Если не через год, то на следующий, я достигну желаемого. И если не добьюсь этого через два года, то мы можем добиваться потом вместе. Аслауг сильная и никогда не покинет в беде.

Ура любви! Забавно переживать весну в самую чёрную зиму»[113].

На следующий день он пишет письмо домой:

«Дорогой мой отец! Целую тебя, маму, Фросю, Анну, Лизу, Настю и Колюшку. Здесь я получил два твоих письма. Целую за

них. Это письмо большой важности, поэтому откладывал его несколько дней. Ещё два года тому назад, когда я работал здесь в Бергене, я познакомился с семьёй литературного критика Paulsen. Очень скоро я близко сошёлся с этими чудными людьми и был у них как друг, как свой. Особенно близки стали мы, т. е. я и младшая дочь Paulsen Aslaug, тогда ещё гимназистка. Мы вместе гуляли, читали и стали большими друзьями. Я уехал на «Фраме». Мы переписывались, как только была возможность. Из её писем я узнал её ещё ближе. Это чудная девушка. Под влиянием своих родителей она воспиталась так, что совершенно не похожа на других норвежек, даже на свою старшую сестру. Ещё во время плавания, даже ещё раньше, понял я, что полюбил эту девушку. Приехав в Христианию, я ещё колебался, ехать ли мне в Берген или нет. Скрывать моё чувство я не в состоянии более, но вместе с тем я боялся связывать её. Ведь никогда я не думал оставаться за границей всю мою жизнь, всегда думал жить в России. И мысль, что она не может ехать в Россию, где всё для неё совершенно чужое, мешала мне решиться. Письмо Нансена помогло. Я поехал в Берген и поселился за городом. За это время она развилась, похорошела. Мы снова стали часто бывать вместе. И узнал, что и она любит меня. На мой вопрос, хочет ли она быть моей женой, поехать в Россию и жить в России в каких бы ни пришлось условиях. Ради нея самой я долго хотел убедить её забыть меня. Но уж такова ея натура. Больше я не мог бороться с собой. Да и к чему. Лучшей жены, лучшего друга мне не найти. Мы пошли к ея родителям. За последние дни они заметили, что между нами что-то произошло. Так как они меня знали давно и хорошо, то мы получили их согласие. «Если она хочет ехать в Россию и сделаться русской, то с Богом», – отвечали Паулсены. С тех пор мы жених и невеста. Так как моё положение в России ещё не выяснено и так как Аслауг ещё так молода – ей всего лишь 18 лет, – то я решил, что свадьба будет лишь через два года. За это время я что-нибудь сумею сделать в России, и если буду только штурманом, всё-таки она будет моею. Она в свою очередь может многому научиться за эти два года. Теперь она работает в одном из самых больших книжных магазинов в Бергене. В самой ея натуре лежит, что она увлекает всех. Все, кто её знает, всем она нравится. И я уверен, что и ты, и мама полюбите её. Для меня же кроме нея не может быть более другой, да и я могу быть в ней уверен, что все радости, все невзгоды будет она делить со мной. Теперь самое главное: я прошу тебя и маму благословить нас. Мне уже 23 года, мне пришлось много думать, как жить, и поэтому можешь положиться на мой выбор. Мы любим друг друга. Её ничто не устрашит. Она пойдёт со мной хоть на край света. Да это и не

нужно. Мы поедем лишь домой, к моим дорогим родителям. Будьте спокойны. Я буду с Вами и буду Вашим любящим сыном. И то, что Аслауг будет моей женой, может служить порукой, что меня не потянет снова вдаль. Я люблю Норвегию, но вместе с тем я русский и телом и душой. И раз сама Норвегия в виде моей маленькой Аслауг переселится в Россию, то…

Хотя мы и не хотели, чтобы о нашей помолвке стояло что-нибудь в газетах, однако один из корреспондентов разнюхал, и в один день было напечатано чуть ли не во всех газетах Христиании и Бергена. Посылаю одну вырезку. Около середины января кончу работу на биологической станции и, несмотря ни на что, еду домой. Аслауг останется здесь на два года или пока я не приеду за ней.

Скоро снимемся на фотографию и пошлю Вам.

Скоро увидимся и тогда поговорим ещё.

Надеюсь на вас. Хотя ничего не может уже изменить.

Целую всех вас.

Любящий вас Саша и Аслауг»[114].

Решение принято: «Надеюсь на вас. Хотя ничего не может уже изменить». Эти молодые люди, видимо, плохо читали Л. Н. Толстого, и опыт Андрея Болконского и Наташи Ростовой, отложивших свадьбу на год, им ничем не помог.

Счастливые два месяца. Наверное, самые счастливые в его жизни. На фотографии у Александра слегка глуповатый вид счастливого человека, а Аслауг – порыв и движение. Кажется, только щёлкнет затвор фотоаппарата – она подхватит своего Сашу и побежит.

В середине января работы на биологической станции закончены. Ф. Нансен и Б. Хелланд-Хансен высоко оценили работу Кучина. Он оправдал их надежды. Ему прочат большое будущее, а он возвращается в Россию.

Едет через Копенгаген, в пути заболевает и в Петербург приезжает совсем больной. Его ждут журналисты. Но более всего его волнует будущая работа. Он встречается с Н. М. Книповичем, известным учёным, зоологом, создателем и руководителем Мурманской научно-промысловой экспедиции в 1898–1901 годах, автором монографии «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана». Николай Михайлович тепло встретил молодого учёного, но обнадежить ничем не мог. Мурманская экспедиция переживала нелёгкие времена. Перспективы научной работы, во всяком случае, в ближайшее время не было.

Письмо Бартольду от 6 марта 1912 года:

«Дорогой Бартольд! У меня не было времени на письма с тех пор, как я приехал домой. Не помню, когда в последний раз писал

вам и писал ли я из Петербурга. Было так много дел и так мало времени. В Петербурге, как ты знаешь, я хотел устроить всё по моей будущей работе в экспедиции на Мурман и в Белое море. Я встретился с доктором Книповичем. Это действительно очень приятный человек. Мы долго говорили об экспедиции, но надежды мало. В Министерстве земледелия постоянно маленькие и большие перемены, и это мешает представлению плана экспедиции в нашем «законодательном» собрании (Государственной думе). Возможно, сможем начать только через год или два. Книпович с радостью возьмёт меня в экспедицию. Но сейчас я всё ещё должен искать себе работу, может быть, штурманом. Отец пойдёт на старом «Николае» в Тромсё, но мне не хочется идти с ним. Др. Книпович сказал, что будет какая-нибудь работа в Чёрном или Каспийском море, во что мне плохо верится. В любом случае я жду до середины апреля и тогда начну искать работу. Если экспедиция не состоится и в следующем году, тогда я пойду в Северный Ледовитый океан. Отец получил должность капитана на русском пароходе и через 14 дней идёт в Харстад, пароход находится там на верфи. Аслауг пишет часто, так часто, что я, к сожалению, не могу отвечать на каждое письмо… Я уже начинаю тосковать по ней. Сижу сейчас – после полудня – изучаю физику и химию. По воскресеньям хожу на лыжах. На прошлой неделе был в деревне у дяди и ходил с ним на подлёдный лов сельди. Начинаю тосковать о постоянной работе, но ждать ещё долго… Сейчас всё в порядке и с паспортом, и с военной службой. Я её избежал… Здесь начинается пост, поэтому никаких театров и прочего, хорошая пора для учёбы»[115].

А. Кучин с друзьями. Онега. 1912 г. (Из фондов ОИММ)

Дома в Онеге счастливы его приезду. Приглашён фотограф. За столом почти вся семья: отец, мать, Коля, Настенька. С восторгом смотрит на старшего брата Лиза. Ещё никто не знает, что именно ей доведётся прожить так, как мечтает её брат – посвятить жизнь науке и Северу… На стене большие фотографии отца и Александра в форме учащегося Торгово-мореходного училища, фото «Фрама» и команды «Фрама». На столе к вазочке приставлена фотография Саши и Аслауг. На семейной фотографии нет Ани – она в Шенкурске на педагогических курсах – и старшей сестры Фроси. Она на другой фотографии, где Александр сфотографирован вместе со своими онежскими друзьями. В верхнем ряду – Николай Негодяев, тот самый «дядюшка», который в 1906 году послал открытку на смеси «английского с онежским».

Хорошо дома. Зима. Мороз. Саша с удовольствием бегает на лыжах, колет дрова, разгребает снег. Тревожит только неопределённое будущее да тоска по Аслауг.

8 марта (24 февраля по с. с.) он получил телеграмму от доброго ангела амундсевской экспедиции Леона Амундсена о

том, что группа Руаля Амундсена дошла до Южного полюса. Руаль Амундсен об успехе экспедиции послал телеграммы в Норвегию из Тасмании 7 марта 1912 года. Та оперативность, с которой Леон поспешил оповестить А. Кучина, вызывает уважение.

7 марта Аслауг пишет восторженное письмо:

«Любимый Александр! Поздравляю! Подумать только – «Фрам» пришёл в Тасманию! Велле звонил мне сегодня и сообщил это, и я сияю – ты знал! Но мы ещё не знаем, достиг ли он до Южного полюса.

Я догадываюсь, что ДА! Надеюсь и желаю только, чтобы он дошёл! Завтра я получу газеты из Христиании и отправлю тебе. Я так волнуюсь, поверь. И могу представить, что ты волнуешься ничуть не меньше!

Тебе не обязательно отправлять свои письма заказной почтой, муж мой, потому что сейчас, похоже, я получила их все. Твои милые письма! Сегодня я должна была быть… (неразборчиво – *прим. перевод.*), *но у меня так ноет горло и затылок, что я предпочла пораньше поехать домой и написать тебе. Вчера приходил домой свёкор (father-in-low)* (С. Г. Кучин был в Норвегии и посетил семью своих будущих родственников – *прим. авт.*) *с фотографией для меня. На ней Грёндал снял тебя, Хелланда-Хансена, двоих его детей и Свена возле озера Нордосванн. Очень забавно. Грёндал на днях должен отправить и тебе одну фотографию. Сейчас здесь проходит большая электротехническая выставка в Художественно-промышленном музее. Бьёрн был там и напишет об этом в газету «Арбайд». Он считает, что выставка очень интересная. Я тоже хочу сходить туда на днях. В своём последнем письме ты спрашиваешь, хочу ли я быть твоей. Да, мой любимый! Я хочу! Если я буду с тобой, я буду счастлива. Я так страшно тебя люблю, понимаешь. Я сразу послала фотографию моей золовке, но знаешь, я не могла написать на ней ничего, кроме привета, потому что знаю всего три слова – я люблю тебя* (написано по-русски – *прим. перевод.*). *Я пытаюсь учиться понемногу по русскому словарю, но поняла, что знаю не все буквы. Например, я не знаю «d», совсем не знаю «sch» или «tsch»… Расскажи мне побольше о своих сёстрах, и о маленьких тоже! Как они меня называют? Но сейчас я должна помечтать немного о «Фраме». Мне трудно позабыть те счастливые дни, когда корабль стоял здесь и мы были вместе.*

Сегодня за ужином мы подняли тост за «Фрам»… Масса приветов от всех и крепкий поцелуй от меня, любимый мой»[116].

Получив телеграмму о благополучном возвращении «Фрама» из Антарктиды, Александр вздохнул с облегчением. Как бы то ни

было, но на судне были люди, с которыми он прошёл многие нелёгкие мили… Его же жизнь по-прежнему неопределена. Он пишет Бартольду:

«Дорогой Бартольд! Вчера получил твоё письмо и фотографии. Спасибо тебе за это. Сейчас Руаль Амундсен возвратился как покоритель Южного полюса. 24-го я получил телеграмму от Леона Амундсена с этим известием. Я действительно рад и доволен. Уже начал было беспокоиться об их благополучии. Пока никаких более подробных сообщений не имею. В наших газетах были только две короткие телеграммы: 1. Из Христиании – Руаль Амундсен достиг Южного полюса.

2. Из Веллингтона – полярный исследователь Амундсен сказал, что капитан Скотт достиг Южного полюса. Надеюсь, мне пошлют газеты откуда-нибудь: из Христиании от тебя и бергенские от Аслауг.

Получил телеграмму от газеты «Архангельск»: напишите свои воспоминания об экспедиции для нашей газеты. И сейчас я сижу над этим.

Здесь довольно скучно находиться долгое время. Мне нужно выполнять кое-какую работу по хозяйству после того, как отец уехал: пилить и колоть дрова, разгребать снег, красить и т. д. Здесь много красивых холмов, прекрасный лес, солнце и мороз, и я с удовольствием хожу на лыжах. Например, в это воскресенье ходил на лыжах до монастыря, это в 15 км дальше к морю. (Крестовоздвиженский монастырь на Кий-острове – *прим. авт.*) *Была плохая погода, ветер в лицо, и мы потратили больше 3 часов. А обратный путь прошли меньше чем за два часа.*

Экспедицию придётся отменить в этом году, и возможно, ещё на несколько лет. Я сейчас сижу без работы. Пробовал писать в несколько мест, но безответно. Сейчас надо найти работу на лето и вряд ли можно вести речь о работе, которая бы мне нравилась. Через месяц я поеду в Архангельск и попытаюсь найти место штурмана, желательно на рыболовецком пароходе.

Отец уехал в Норвегию. Поведёт пароход в Ледовитый океан. Он хотел, чтобы я взялся вести старый «Николай» (с ним ещё не расстались). Но я сказал только: «Большое спасибо». В целом всё намного хуже, чем я думал. Книпович молчит, от Классенов ничего.

Посмотрим, что покажет лето. В любом случае – я в хорошем настроении и "bin gesund" («здоров» (нем.) – *прим. перевод.*).

Красивое кольцо у Аслауг на цепочке для часов. Она скучает, и он тоже, но наш собственный дом будет ещё не скоро»[117].

Через месяц пришла телеграмма от В. А. Русанова с приглашением принять участие в экспедиции в качестве

исследователя.

VI. С Русановым

Владимир Александрович Русанов к 1912 году был уже известным полярным исследователем. Он родился 3 (15 по н. с.) ноября 1875 года в Орле в семье купца 2-й гильдии Александра Дмитриевича Русанова. Вскоре его отец тяжело заболел и умер, оставив семью без средств к существованию. Мать Мария Дмитриевна вышла замуж за преподавателя латыни Орловской духовной семинарии Андрея Петровича Соколова, который заменил Владимиру отца.

Мать была намерена дать сыну хорошее образование. Однако учёба ни в гимназии, ни в реальном училище не задалась. Володе было гораздо интереснее обследовать окрестные овраги и каменоломни, собирать камушки, читать книги о природе и путешествиях, закаливать организм, чем сидеть за скучными школьными учебниками. За неуспеваемость он был исключён из гимназии, а затем и из реального училища. Отчим пристроил его в духовную семинарию, которую он окончил в 1897 году.

Впрочем, учиться было некогда. Он активно занимался революционной деятельностью, участвовал в социал-демократических кружках, читал и распространял нелегальную литературу, проводил агитацию среди рабочих. Дважды был арестован, находился под надзором полиции и в мае 1901 года был сослан в город Усть-Сысольск Вологодской губернии (в настоящее время – город Сыктывкар). Вместе с ним в ссылку отправилась вопреки воле родителей его молодая жена Маша – Мария Петровна, урожденная Булатова, в своё время окончившая Орловскую женскую гимназию с золотой медалью.

Он устроился работать статистиком в уездной земской управе. Должность предполагала не только бумажную канцелярскую работу, но и обследование обширного Усть-Сысольского уезда. Здесь реализовалась его страсть к опасным путешествиям и приключениям. Неизученный Печорский край предоставил ему для этого большие возможности.

Летом 1902 года Русанов участвовал в экспедиции, отправившейся к верховьям реки Вычегды, затем до верховьев реки Ижмы, потом до устья реки Седью и вновь к Вычегде.

Экспедиция 1903 года была посвящена изучению возможностей соединения Печоры и Камы через их притоки Берёзовку и Безволосную, организации здесь волока, а в дальнейшем и строительства канала. По мнению В. А. Русанова, это позволило бы соединить громадную территорию с центром страны, тем самым способствовало бы развитию края,

удешевлению провоза товаров, совершенствованию промыслов. Из села Троицко-Печорска В. А. Русанов с одним рабочим отправился вверх по Печоре к реке Берёзовке, а оттуда по водоразделу до реки Безволосной. Расстояние оказалось большим, чем это было представлено на карте, да и маршрут сложнее. Русло реки было завалено упавшими деревьями, пришлось идти пешком, не хватило продуктов, но задача была выполнена. В целеустремлённости и настойчивости Русанову нельзя было отказать.

После возвращения в Троицко-Печорск он один на лодке отправился вниз по Печоре и дошёл до её устья. Результатом экспедиций стал доклад Вологодскому губернскому собранию, который он закончил следующими словами: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что рыбные, лесные, каменноугольные, нефтяные и рудные богатства края с лихвой окупят те затраты, какие понадобятся сделать при разностороннем изучении Печорского бассейна»[118]. Позднее он написал очерк «Зыряне», в котором большое место уделил описанию артельной организации труда коми-зырян.

После окончания ссылки В. Русанов пытался поступить в Санкт-Петербургский университет, однако в российские университеты принимали только выпускников гимназий. Он добился разрешения выехать во Францию, страну его мечты. Ещё в тюрьме Владимир Александрович начал изучать французский язык. В Париже вместе с женой они поступили в Сорбону. Он изучал минералогию и геологию, она – медицину. Однако их счастье длилось недолго. Весной 1905 года Мария Петровна умерла во время родов, оставив ему сына. Но жизнь продолжалась, продолжалась и учёба.

Летом 1907 года, после окончания экзаменов, В. Русанов решил совершить «небольшую экскурсию», как он писал родным, на Север на Новую Землю, чтобы собрать материал для докторской диссертации. «Небольшая экскурсия» вылилась в двухмесячный переход по Маточкину Шару, проливу между Северным и Южным островами архипелага, через нагромождение льдов из Баренцева моря в Карское и обратно.

Новая Земля стала объектом его изучения на ближайшие четыре года. В 1908 году Русанова пригласили в качестве геолога во французскую экспедицию Шарля Бенара на яхте «Жак Картье». В составе небольшого отряда он должен был через Маточкин Шар выйти в Карское море, затем пройти в какой-нибудь залив и оттуда пересечь Северный остров Новой Земли по суше. Было решено идти из бухты Незнаемой. Оказалось, что нет льда только на прибрежных склонах. Вся центральная часть острова занята

ледником. В. Русанов назвал его именем адмирала Макарова. Через ледник, изрезанный трещинами, от бухты Незнаемой до Крестовой губы Баренцева моря добрался один лишь Русанов. Собрав на берегу водоросли, он вернулся обратно. По материалам этой экспедиции была написана статья «О силуре Новой Земли», опубликованная Французской академией наук.

В 1909 году состоялась экспедиция на Новую Землю Главного управления земледелия и землеустройства, в организации которой самое деятельное участие принимал И. В. Сосновский, архангельский губернатор в 1907–1911 годах. Он и пригласил В. Русанова присоединиться к ней. Интерес правительства и архангельских властей к Новой Земле был не случаен. Существовала реальная опасность отторжения Северного острова, где активно вели промысел норвежцы, весьма варварски разрушавшие поморские становища и крушившие поморские кресты, которые, как известно, были не только сакральными символами, но и навигационными знаками. Правительство было заинтересовано в заселении Новой Земли выходцами из России. Патриот В. Русанов поддержал эту идею, заботясь о том, чтобы богатства Новой Земли служили России. Так совпали интересы государства и революционера.

Перед экспедицией была поставлена задача обследования бухты Крестовой на Северном острове и изучения возможности строительства здесь поселения колонистов. В. Русанов расширил задачи экспедиции, предложив найти кратчайший путь через горы от Баренцева моря до Карского. Задачи экспедиция выполнила. Был проложен маршрут по долинам рек и ручьёв от Крестовой бухты до бухты Незнаемой, значительно более лёгкий, чем тот, которым шли в 1908 году, протяжённостью 40 верст. Этот путь при благоприятных условиях можно было проделать всего за 16 часов летом и за 4 часа зимой на собаках.[119] Была выполнена и основная задача, позволившая в 1910 году на берегу бухты Крестовой основать поселение Ольгинское и привезти сюда колонистов. (Позже стало ясно, что место для становища, вдали от входа в залив, с точки зрения охоты на морских млекопитающих было выбрано крайне неудачно – *прим. науч. ред.*)

Однако Русанов не был бы Русановым, если бы не ставил перед собой сверхзадач. В это время он разносторонне изучает возможности прохода к устьям сибирских рек и далее по Северному морскому пути до Берингова пролива. Владимир Александрович отправился морем на старом одномачтовом карбасе из Крестовой бухты к полуострову Адмиралтейства. Этот путь можно было пройти пешком по побережью, но его интересовали условия плавания морем в этом районе.

По результатам своих наблюдений Русанов опубликовал статью «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан», где доказывал, что наиболее оптимальный вариант выхода в Сибирь не через Карские ворота или Югорский Шар, а огибая Новую Землю с севера, минуя южную часть Карского моря, которая большую часть года представляет собой мешок со льдом.[120]

В 1910 году И. В. Сосновский предложил В. А. Русанову возглавить очередную экспедицию на Новую Землю. И вновь Владимир Александрович разработал план, казавшийся грандиозным и невыполнимым. Он считал главной задачей экспедиции изучение течений Баренцева моря на востоке, для чего нужно было пройти вдоль западного побережья Северного острова, обогнуть его с севера и выйти в Карское море. На двухмачтовом парусно-моторном корабле «Дмитрий Солунский» под началом капитана опытного помора Г. И. Поспелова экспедиция из Архангельска прошла к посёлку колонистов Маточкин Шар, затем в Крестовую губу, где выгрузила лесоматериалы для колонистов, и далее вдоль побережья на северо-восток, обогнула мыс Желания и вышла в Карское море. Затем во льдах прошла вдоль восточного побережья Новой Земли к Маточкину Шару и по этому проливу вернулась в исходную точку. После Саввы Лошкина, обогнувшего за две зимовки восточное побережье архипелага в XVIII веке, такой проход был осуществлён впервые. Результаты экспедиции были опубликованы.[121] За эту экспедицию Русанова наградили Орденом Св. Владимира 4-й степени. В ходатайстве о представлении к награде И. В. Сосновский, в частности, писал: «Благодаря Русанову русским властям удалось разоблачить вовремя хищническую деятельность норвежских промышленников, хозяйничавших на севере Новой Земли как у себя дома, настоять перед норвежским правительством о выдворении их отсюда, основать в Крестовой губе первый на Новой Земле русский промысловый посёлок, наименованный с высочайшего соизволения Ольгинским в честь великой княжны Ольги Николаевны, в результате предохранить эту исконно русскую, но, к сожалению, заброшенную нами полярную окраину от угрожающей ей печальной участи открытого русскими людьми Груманта-Шпицбергена»[122].

В 1911 году Главное управление земледелия и землеустройства организовало третью экспедицию на Новую Землю. Предполагалось обследовать южное побережье Южного острова. В. А. Русанов на моторно-парусной лодке «Полярный» решил обойти Южный остров вдоль побережья со всех сторон. В

пути заглох мотор, спутники поговаривали о возвращении, на что Русанов им сухо заметил: «О возвращении не может быть и речи: если лёд помешает нам двигаться вперёд, то придётся подумать о зимовке, но никак не о возвращении»[123]. Зимовать не пришлось, задачу выполнили, но в этом эпизоде особенно ярко проявился характер Русанова – добиваться цели любой ценой.

Вклад Владимира Александровича Русанова в изучение Новой Земли трудно переоценить. Был собран большой фактический материал по геологии, палеонтологии, гидрологии, метеорологии различных районов архипелага. Разработана стройная концепция геологической истории архипелага, подтвердившаяся дальнейшими исследованиями. Опубликован ряд статей, в которых В. Русанов со свойственной ему энергией ратует за освоение Новой Земли Россией. Более 40 заливов, бухт, мысов, островов, ледников получили свои названия во время его экспедиций.[124] Среди них родные ему имена: остров Марии назван именем матери и жены, пик Александра и Шурин залив – именем сына, Соколова залив – именем отчима, бухта Жан – именем любимой женщины Жульетты Жан. Имена товарищей по экспедициям тоже появились на карте – ледник Бернара, остров Быкова, остров Лоренца, залив Вылки, мыс Тизенгаузена. В честь организаторов его экспедиций были названы – бухта и мыс Сосновского, мыс Садовского, мыс Масленникова, залив Альберта. На новоземельской карте имена и его французских учителей, учёных и великих русских полярных исследователей. Ни один объект он не назвал своим именем. Это сделали другие и значительно позднее. Его имя на Новой Земле хранят залив, полуостров в проливе Карские Ворота, пролив, гора, долина. В советское время имя исследователя носил промысловый посёлок.[125]

Наконец, Русанов способствовал тому, чтобы его проводник в экспедициях 1909 и 1910 годов талантливый ненец Тыко Вылка (Илья Ефимович Вылка) получил субсидию из казны, из так называемых «колонизационных средств» на обучение живописи в Москве. В. Русанов привёз его в столицу, организовал обучение у художников В. Переплетчикова и А. Архипова.

С Новой Землёй были связаны и планы на 1912 год. В записке, поданной архангельскому губернатору И. В. Сосновскому, Владимир Александрович пишет: «В числе наиболее важных и многообещающих в практическом отношении районов я должен буду на первое место поставить ещё не обследованные южные берега Новой Земли, а именно: область, заключающуюся между Чёрной губой и Петуховским Шаром и включающую в себя обширный залив Саханиху с прилегающими,

но не нанесёнными на карты заливами… Сахаииха интересна не только со стороны своих рыбных и звериных богатств – она заслуживает самого серьёзного внимания и своими горными богатствами»[126].

Но в феврале 1912 года ему поступило предложение от Министерства внутренних дел возглавить экспедицию на Шпицберген для поиска месторождений каменного угля.

Юридически Шпицберген был «ничьей» землёй. Когда здесь обнаружили каменный уголь, его добычу первыми начали американцы, англичане, норвежцы. Существовала международная договорённость, что занимать эту территорию можно, только ведя здесь какую-либо хозяйственную деятельность. Поморские промыслы по добыче морского зверя, существовавшие здесь с XVI века, к середине XIX века заглохли. Но для России Шпицберген был весьма важен, поскольку архипелаг служил своеобразным «ключом» к Русскому Северу и в случае войны мог бы оказаться базой для флота врага.[127] России было важно обозначить своё присутствие на архипелаге, именно поэтому правительство приняло решение об организации экспедиции для разведки полезных ископаемых и установки заявочных знаков.

Первая попытка экспедиции в 1911 году под руководством В. Ф. Джевецкого закончилась неудачно. Яхта «Жак Картье», не имевшая иного двигателя кроме парусов, вышла из Архангельска только в сентябре и в Баренцевом море попала в жестокий шторм, который вынес её к берегам Норвегии. К новой экспедиции 1912 года готовились основательно. Прежде всего, учитывая печальный опыт, тщательно отнеслись к подбору руководителя. Рассматривалось несколько кандидатур. По предложению бывшего губернатора Архангельской губернии, ставшего к тому времени градоначальником Одессы, И. В. Сосновского начальником экспедиции назначили В. А. Русанова. Он подготовил «Проект Шпицбергенской экспедиции 1912 года» и предоставил правительству.

В проекте В. А. Русанов писал, что экспедиция «должна выполнить двойную задачу. Во-первых, исследовать природные богатства архипелага в целях всевозможного использования их русскими крупными предпринимателями и мелкими промышленниками. Особое внимание должно быть уделено обследованию горных богатств Шпицбергена и, в частности, изысканию залежей каменного угля… Экспедиция могла бы до некоторой степени уяснить изобилие рыбы (гольца – род семги) и определить места, наиболее важные в промысловом отношении… Во-вторых, экспедиция должна ознакомиться… с характером и размерами существующих на Шпицбергене иностранных

промышленных предприятий… Попутно Шпицбергенская экспедиция сможет выполнить ряд весьма интересных научных работ, касающихся географии, флоры и фауны отдалённых островов, метеорологии полярной области, гидрологии Ледовитого океана, распределения льдов, течений и прочего».[128]

Как видно, В. А. Русанов гораздо более широко понимал задачи экспедиции, чем их определяло правительство, финансировавшее экспедицию.

Готовился к экспедиции, насколько это позволяло время, Владимир Александрович обстоятельно и энергично. Изучал историю открытия архипелага и русских промыслов на нём, размышлял о предстоящей работе.[129]

Побывавший не в одной экспедиции, Русанов большое внимание уделял составу участников. Он писал: «Для дружной и успешной работы весьма важно, чтобы экспедиция составилась из лиц, подходящих друг к другу, интересующихся самим делом и по возможности знакомых с условиями плавания в полярных водах»[130], и далее: «В качестве помощника могу предложить только одно, в данном случае, по моему мнению, самое подходящее лицо – Александра Степановича Кучина, единственного русского, приглашённого Амундсеном в его последнюю славную экспедицию к Южному полюсу»[131].

Не меньшее значение, чем подбор команды, Русанов уделял подбору судна. «Крепкое, вполне отвечающее своему назначению судно – это самая серьёзная, я бы сказал, единственная гарантия успеха всякой полярной экспедиции. Только отсутствием крепкого судна и объясняется большинство неудач, тяжёлых разочарований, безмерных страданий и трагическая гибель многих полярных экспедиций»[132]. «Наиболее подходящим для полярного исследования судном мне представляется промысловый парусно-моторный бот, крепкий, снабжённый ледовой обшивкой, около 50 тонн водоизмещения»[133]. Он говорил, что, конечно, зафрахтовать такое судно в Норвегии не представляет труда, но нежелательно. «Русская экспедиция, совершённая на норвежском судне, по необходимости с норвежским капитаном и командой, совершенно потеряла бы свой национальный характер и не без основания могла бы третироваться иностранцами как полурусская, полунорвежская экспедиция»[134].

Даже неискушённого человека не могут не удивлять малые размеры судна, собиравшегося в полярное плавание. Однако В. Русанов считал, что у неизвестных берегов легче и безопаснее вести исследование на маленьком судне. «Если бы мне для исследования предложили ледокол типа «Ермак» и яхту типа

«Йоа», я бы взял не ледокол, а яхту»[135].

Вот он, образец для подражания, – Руаль Амундсен. Они действительно были похожи. Прежде всего тем, что оба добивались результата любой ценой. Правда, у Амундсена были тщательная подготовка в течение длительного времени, обдумывание и просчёт каждой мелочи, подбор людей, которые беспрекословно будут подчиняться начальнику. У Русанова же времени не было – в июне нужно было выйти в море. Всего четыре месяца против четырёх амундсеновских лет подготовки экспедиции на «Фраме»…

К «Проекту» прилагалась смета на сумму 54 425 руб.[136] Как видим, была запрошена смехотворная сумма даже по тем временам. Обращает также внимание, что в смете предусмотрены материалы на строительство «лёгкого зимнего жилья», т. е. Русанов готовился к зимовке, но нет нарт, саней и собак для перевозки грузов. Впрочем, следует отметить, что все экспедиции В. А. Русанова отличались «малобюджетностью»: так, грандиозная экспедиция 1910 года обошлась казне всего в 5,7 тыс. руб. Правда, для той экспедиции архангельский промышленник Н. Масленников судно «Дмитрий Солунский» предоставил безвозмездно.

В начале апреля Кучин и Русанов выехали в Норвегию. Сестре Фросе 14 (2 по н. с.) апреля Александр написал: *«Дорогая сестрица! Спасибо тебе за письмо и пересылку мне корреспонденции. Застрял я в Питере дольше, чем думал. В среду, наверное, поеду в Норвегию. Петербург шумный и весёлый, мне кажется несносным. Володя Гринер отказался. Не поедет. Дело, значит, швах. Надо самому быть и капитаном»*[137].

Володя Гринер, старый друг по училищу, был в то время начальником Сумских мореходных классов, у него были семья, ребёнок, он не мог рисковать. Так Александр стал капитаном. Его плавательный стаж, учитывая поход на «Фраме», давно превысил необходимые 24 месяца, и он имел право на получение штурманского диплома.

Несмотря на то что Русанов ещё в марте запросил русские консульства в Норвегии о помощи в поисках необходимого судна, по Норвегии пришлось поездить лично. Вначале В. Русанов с А. Кучиным побывали в Бергене, где смотрели судно, сходное с «Жаком Картье», но оказалось, что фабрика – изготовитель мотора – прогорела и достать запасные части невозможно, потом поехали в Кристианию. Предложенное судно оказалось неприспособленным для льдов. С юга Норвегии поехали на север в маленький городок Олезунд, затерянный между шхер и фьордов, куда добраться можно было только морем. Судно,

находившееся здесь, было предложено российским генеральным консулом фон-Ловягиным. Судно понравилось, оно было изготовлено для зверобойного промысла и уже побывало во льдах, стоило 38 тыс. крон. Русанову удалось сторговаться и купить его за 36 тыс. крон, включая две шлюпки, фансбот с мотором в 3 лошадиные силы, запасные паруса и другой такелаж.

В письме отцу А. Кучин так описал перипетии этого путешествия:

«Одно из судов, о которых мы знали, находилось в Бергене, а это-то мне и надо было. Везёт же человеку счастье! И целых два дня пробыли мы в Бергене (счастливых два дня). Судно – старая шведская гафельная шхуна с сильным мотором; но она была запродана, и чтобы обеспечить её сколько-нибудь, нам пришлось поднять цену на 3 тыс. крон. Но интересно было повидать и другие суда. Не решая окончательно дела в Бергене, мы поехали снова в Христианию, где узнали, что то судно находится в Хр. – занде и что одна фирма продаёт зверобойное судно в Олезунде. Последнее предлагалось через русское консульство. Не откладывая дело в долгий ящик, мы в тот же день поехали в Христианию, где через день осмотрели судно. Небольшое, красивое судно постр. 1909 г., с сильным мотором, но некрепкое и неприспособленное для льдов. Переделка затянулась бы на 1 ½ м., каковым временем мы не можем пожертвовать. Поехали в Олезунд. Путь лежит через Берген, где т. о. удалось снова побыть день. В Олезунде судно настолько понравилось, что решили купить его. Лучше, пожалуй, и не найти. Судно называется «Геркулес», построено в 1908 году специально для звериных промыслов около Гренландии, а в этом году сменена ледовая обшивка. Машина системы «Alpha» в 16 лошадиных сил[138] *и работает прекрасно. Мы купили его с доставкой в Тронхейм. И теперь находимся в 20 милях от города. Здесь сделали некоторые переделки, купили провизию, нов. паруса и т. д., а через два дня поедем в Христианию делать перевод судна.*

Судном вполне довольны. Из Тронхейма пойдём в Александровск, куда приедет русская команда с Костей во главе. Не можешь ли ты рекомендовать мне одного или двоих из твоих матросов, освободившихся от промыслов. Условия довольно хорошие. Жалованье 40–50 руб. в месяц и готовая верхняя одежда и обувь. Если будем в пути зимовать, то на этот случай берём достаточно провизии и теплой одежды для всех. Но эта зимовка может быть лишь вынужденная. Буду стараться избегать. Этих людей можешь направить к Косте Белову, его адрес следующий: Театральная улица, 23, Константин Алексеевич Белов. Я лично чувствую себя превосходно. Сначала несколько пугался такой ответственной работы, но теперь освоился. Сам Русанов очень

симпатичный человек, и с ним будет хорошо работать. Всего будет на судне 11–12 человек. Да, забыл сказать, что наше судно вместимостью 63 тонны, чистых только 27,31. Уплатить за него придётся 36000 крон. В этой работе я совершенно обеспеченно за навигацию получу 2000 рублей, а на случай зимовки таковую же сумму»[139].

Из Олезунда совершили пробное плавание до Тронхейма. В. А. Русанов пишет М. М. Пуришкевичу, чиновнику по особым поручениям при министре внутренних дел: «Только что закончилось сегодня моё первое пробное плавание от Олезунда до Тронхейма (200 верст) на «Геркулесе». Ну, я Вам скажу, такое славное судёнышко, что лучшего и не найти! Мотор работает совершенно исправно, ровно и даёт не меньше 7 вёрст в час, а под парусами можно идти вдвое, а то и втрое скорее. Насколько хорош ход у судна, можно судить по тому, что, лавируя при противном ветре, мы держались всего только на 3 румба к ветру»[140].

Саша доволен. Он в большом и серьёзном деле занимается ответственной работой. Рассказывая Бартольду об экспедиции, он пишет: *«Будет много работы, и сейчас нужно приложить способности и труд. По выражению Русанова, экспедиция будет прелюдией к более крупной экспедиции. Мы также займёмся немного гидрографией. Это будет интересная проба сил на будущее. И я его открою! В будущем я хочу искать не почестей, а только полезного продуктивного труда. Северный Ледовитый океан, Белое море, Карское море – там будет моя работа. А сейчас будет экзамен, мое крещение»*[141]. Исполняется его давняя мечта – *«служить делу, а не людям»*[142], о которой он писал Косте Белову ещё в 1909 году из Бергена.

Саша счастлив. С руководителем экспедиции складываются доверительные дружеские отношения. И целых три встречи с Аслауг. Два раза он был в Бергене и «маленькие каникулы» в Кристиании.

«Моя дорогая мама! Если бы ты знала, как я счастлив. Я побывал уже в Бергене два дня и виделся с моей маленькой Аслауг. Какая она хорошенькая! Ты так порадовалась бы за нас, увидя нас вместе. И она, и я целуем тебя, Фросю, Лизу, Настю и Колю. И как счастливы мы. Мама дорогая, порадуйся вместе со мной. Я так люблю её. Каждый раз больше, чем чаще вижу её.

С нашей поездкой всё благополучно. В Бергене судна не купили, а сегодня поедем в другой городок, где продаётся чудное судно. «Геркулес» его имя. Я думаю, мы купим его.

Я здоров, весел и счастлив. Где мы будем вдвоем с Аслауг, там я буду счастлив.

Должен скорее послать это письмо, т. к. при нём пошлю деньги, а скоро уже 7 часов.

Буду ещё писать. Целую всех вас. Ваш любящий Саша. Не скучайте.

Послать это письмо из Христиании не успел. Теперь посылаю из другого конца Норвегии. Приходится теперь и по железным дорогам, и на пароходах. Поскорее бы приобрести судно, тогда можно было бы спокойно заняться устройством его»[143].

В конце мая Русанов едет в Париж для закупки оборудования. Александр остаётся в Норвегии для подготовки судна к плаванию. Ему помогают старые друзья и прежде всего Хагеманны.

«Дорогой Бартольд! После того, как ты уехал, мы вспомнили, что должны заказать 2 палатки. Может быть, ты спросишь у Хагена, можно ли это сделать через них, как быстро и за какую цену. Одна палатка на 3, другая на 6 человек. Обе правильной формы»[144].

Наконец приготовления были закончены. Александр с командой норвежских матросов перегнал судно в Александровск на Мурмане. Сюда со значительной задержкой – помешали льды – на пароходе «Ломоносов» из Архангельска прибыли В. А. Русанов и остальная команда.

Письмо Бартольду из Александровска 9 июля:

«Дорогой Бартольд! Сегодня день отплытия. Сколько усилий я приложил для этой экспедиции! Много раз было так трудно, что я думал, мне не хватит сил. Всё шло прекрасно до Александровска. Весёлое плавание через Нордландсшьергорд и пара весёлых дней в Тромсё. У нас была возможность испытать нашего «Геркулеса», и какой же это замечательный маленький корабль. В Александровске на борт поднялся Русанов со всей кликой в количестве: 13 мужчин, 1 женщина и 1 собака. И с массой провианта и прочими нужными и ненужными вещами. Русанов взял такую массу провианта, что мне пришлось часть продать. Он подсчитал, сколько муки должно быть у нас, не учитывая того, что у нас было много сухарей, белой муки и прочего. И на всё это у нас едва хватило места.

Дама, которая с нами, замечательный человек. Она выносливее многих мужчин. Она должна исполнять обязанности врача, но я не думаю, что она врач. Это невеста Русанова, француженка. Ещё у нас есть один зоолог и один горный инженер. Оба славные весёлые люди.

Времени нет, поэтому не могу больше писать. Заканчиваю массой приветов всем вам и благодарностью за общение. Ждал письма от А., но ничего не получил. Тоскую и скучаю по ней. Пиши ей время от времени»[145].

Команда в сборе. На судне женщина – Жульетта Жан. Она

познакомилась с Русановым в Сорбоне, где готовилась защищать докторскую степень по геологии и одновременно изучала медицину.

Вторым геологом был приглашён Рудольф Лазаревич Самойлович, личность весьма примечательная.

Рудольф (Рувим) Лазаревич Самойлович (1881–1940) родился в Азове в семье богатого коммерсанта – торговца хлебом. Окончил в Мариуполе гимназию, где и примкнул к революционному движению. Попал под подозрение полиции. Семья от греха подальше отправила его учиться в Германию в город Фрейнберг в Горную академию. Во время практики на рудниках, где он должен был работать шахтёром, он на себе испытал тяжёлый труд. Вернувшись в Россию, заявил, что диплом горного инженера ему ни к чему и он продолжит дело освобождения рабочего класса. Итог был предсказуем. Самойловича арестовали и сослали в Холмогоры, что дало возможность его друзьям шутить: «Ну, ты прям как Ломоносов. Только он из Холмогор отправился во Фрайнберг, а ты, наоборот, из Фрайнберга в Холмогоры». Из ссылки Рудольф бежал, но был пойман и сослан в село Пинега Архангельской губернии. Здесь он вспомнил о своей специальности и испросил разрешение на геологическое исследование течения реки Пинеги. Такое разрешение было получено, и вместе со ссыльным Куликом он занялся делом. В частности, они обследовали Пинежские пещеры, популярный сейчас туристический объект. О пещерах Самойлович написал статью в «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». Был замечен и переведён в Архангельск, где занял должность секретаря Общества изучения Русского Севера. В 1911 году Рудольф Лазаревич принимал участие в экспедиции В. Ф. Джавецкого. Вот такого человека пригласил В. А. Русанов на должность геолога в свою экспедицию.

На должность биолога Академия наук направила Зенона Францевича Сватоша. Родом из Крыма, в Петербурге он работал в Зоологическом музее. Ездил в экспедиции по сбору разнообразных биологических материалов. Вот и в Шпицбергенскую экспедицию он приехал после поездки в Африку.

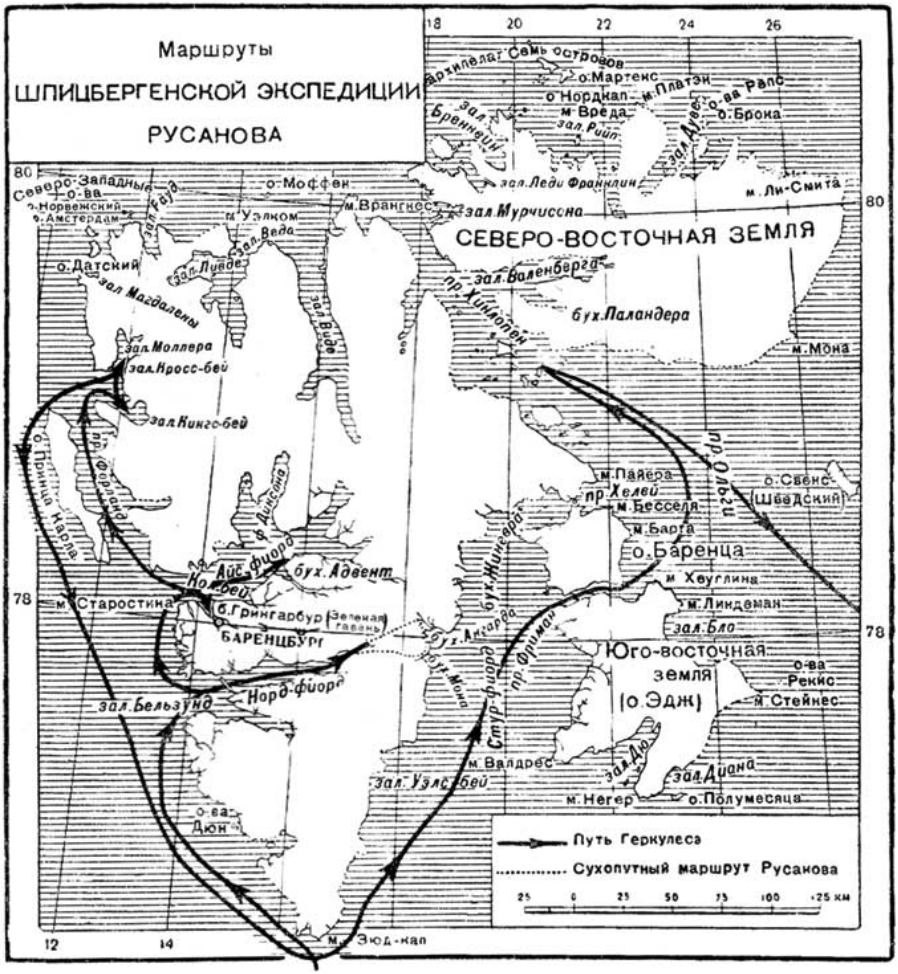
Штурман – старый друг Александра Константин Белов. Когда-то в Торгово-мореходном училище они мечтали о совместной работе.

В формировании команды В. А. Русанов преуспел. Действительно, он собрал умелых и работящих людей. Три социал-демократа, революционера-подпольщика, Русанов – Самойлович – Кучин… Наверное, в кают-компании велись

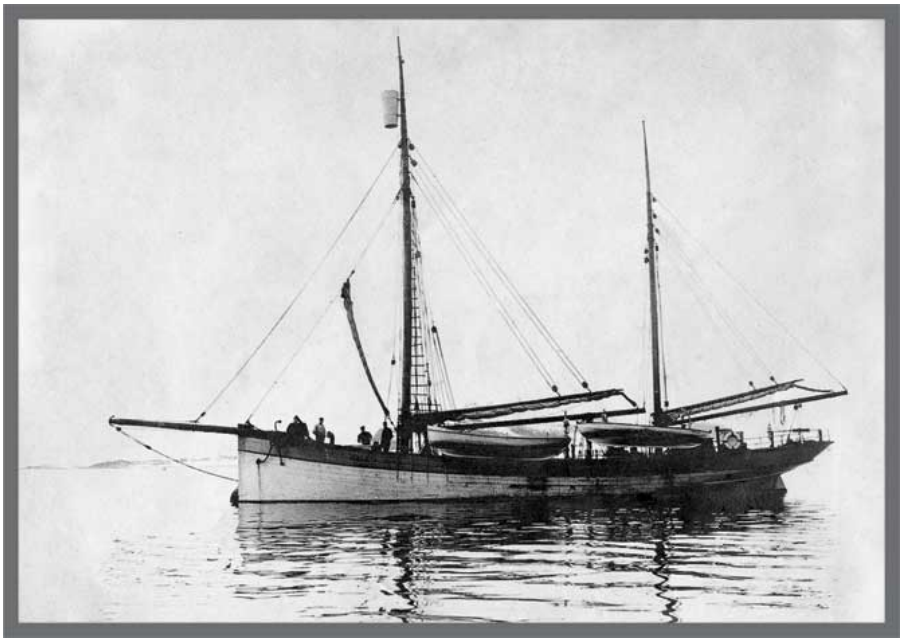
разговоры не только о природных богатствах архипелага, но и социально-политическом устройстве России, её будущем и путях достижения этого процветания. Во всяком случае, слова о России, необходимости и готовности работать на её благо были в этом экипаже не пустым звуком.

4 июня 1912 года датируется «Наставление начальнику Шпицбергенской экспедиции 1912 года геологу Владимиру Александровичу Русанову», подписанное министром внутренних дел.[146]

Задачи экспедиции, определенные инструкцией, в целом повторяют программу, разработанную В. А. Русановым. Любопытно, что А. С. Кучин назван штурманом малого плавания и ему в обязанность вменялось не только быть капитаном судна и помощником начальника, но и переводчиком с английского и норвежского языков, а также ответственным за раздачу медикаментов. Не менее любопытно, что в списке участников экспедиции под № 3 значится «горный инженер или студент, приглашение коего предоставляется Вам, если будет к тому возможность». Как известно, этим горным инженером был административно высланный Р. Л. Самойлович. Что это? «Деликатность» властей, не пожелавших в документе нарушить закон, так как ссыльным нельзя было отлучаться с предписанного им места жительства, или решение В. А. Русанова не тревожить их «неприятной» информацией?



Карта экспедиции В. А. Русанова 1912 г.



Моторно-парусный куттер «Геркулес». 1912 г. (Из фондов ОИММ)

К. А. Белов – штурман «Геркулеса». 1910-е гг. (Из фондов ОИММ)

«Наставление» предписывало выйти в обратный путь не позднее середины сентября 1912 года, впрочем, гарантировало в случае непредвиденных обстоятельств и вынужденной зимовки выплачивать заработную плату тем, чьё вознаграждение было определено помесячно, т. е. двум механикам, повару и трём матросам. При возвращении было необходимо передать местной администрации судно и оборудование, приобретённые за счет казны, и до 1 декабря предоставить краткий отчёт по итогам экспедиции, а до 1 марта 1913 года «подробную разработку собранных экспедицией данных и материалов». В дальнейшем научными материалами экспедиции участники могли распоряжаться по собственному усмотрению.

О том, как проходила эта экспедиция, мы узнаем из

выступления Р. Л. Самойловича на заседании Общества изучения Русского Севера в 1913 году.

9 июля 1912 года в 9 часов вечера «Геркулес» покинул Александровск. Погода не благоприятствовала. Туман заставлял передвигаться с осторожностью. Непрерывно гудела сирена, чтобы предотвратить столкновение с другими судами. «Странное впечатление производили эти гудки среди безбрежного океана, окутанного непроницаемым туманом»[147]. 16 июля добрались до Белль-Зунда – фьорда на западном побережье Шпицбергена. «Чарующая необыкновенная картина расстилалась перед нашим взором. Все стояли на палубе как заворожённые и только изредка от волнения обменивались восторженными лаконичными восклицаниями. Высокие горы остроконечными скалистыми вершинами поднимались к небу, рассеивающиеся нежные облака, подобно вуали, то скрывали их резкие очертания, то придавали им сказочную форму. Меж горами могучие ледники, сверкая на солнце белоснежной поверхностью, спускались широкими языками к морю в виде мощных, на век застывших рек. Подножия гор, опоясанные ледниками, сливались с морем, и покрытые лёгкими облаками вершины их создавали впечатление, будто обрывки земли чьей-то нечеловеческой рукой брошены высоко в воздушное пространство и тихо колеблются между небом и океаном»[148].

Проход преграждали льды, и Кучину приходилось большую часть времени проводить в «вороньем гнезде» – специальной бочке для наблюдений, укреплённой на грот-мачте. Льды в Арктике коварны, иногда только малая часть находится на поверхности, и требовалось большое внимание капитана и рулевого, чтобы избежать столкновения.

В Белль-Зунде – Колокольном заливе – исследователи высадились на берег. Начались исследования. Р. Л. Самойлович отправился вдоль северного побережья залива, В. А. Русанов с двумя матросами направился на восточное побережье острова к Стур-фьорду. Путь шёл через ледник, покрытый трещинами, в одну из них В. Русанов провалился и чудом, зацепившись за выступ, спасся. На восточном побережье к северу от Китовой губы были обнаружены залежи каменного угля. Эта «экскурсия» длилась 5 суток: с ночёвками в палатке на снегу или холодных камнях, без горячей пищи.

3 июля «Геркулес» прибыл в Зелёную гавань – центр цивилизации на Шпицбергене. Здесь были радиотелефонная станция, построенная норвежцами годом ранее, в 1911-м, и почта. Отсюда с Грин-Харбора Александр послал письмо Бартольду.

«28. VII.1912 г. Дорогой Бартольд! Дружеский привет с

дальнего Севера. Мы гости на Шпицбергене уже около 10 дней, большей частью в заливе Беллсунд. Русанов прошёл через льды на суше и пересёк Шпицберген вплоть до пролива Стурфьорд. Сегодня мы пришли к столице. Я всё ещё не был на суше. Но слышал, что там есть письмо для меня. Немного скучаю. Плавание прошло прекрасно, хотя неопытность много раз давала о себе знать. Например, я 3 раза садился на мель в заливе Беллсунд.

От Аслауг ничего нет. Последний раз получил весть от неё в Александровске и немного тревожусь, всё ли с ней в порядке.

29. VII.1912 г. Примечательно, что здесь на Шпицбергене есть всё необходимое. Мы купили керосин, запаслись водой, послали донесения и приветы и отдыхали у гостеприимных людей – начальника телеграфа Хенриксена и управляющего китовой станцией. В целом было чертовски приятно совершить маленькую прогулку сюда. Завтра мы идём к бухте Адвентбей (Адвентфьорд (Advent Bay – англ.) – один из фьордов Западного Шпицбергена – *прим. ред.*). *Потом дальше на север до Кингсбэй, затем к югу до мыса Южный и на восток. Тогда начнётся программа-максимум. Насколько это удастся, я ещё не знаю, но ледовая обстановка не выглядит вполне благоприятной. Ну, посмотрим, что будет. Зимовка – то, чего я меньше всего желаю. Мы к ней ещё не готовы.*

Шлю наилучшие приветы маме, Элизабет, Отто (он ведь теперь дома), Акки и тебе.

Спасибо за всё и до встречи. Твой друг Саша»[149].

Это последнее сохранившееся письмо от Александра Кучина.

Экспедиция вовсе не была «прогулкой» ни для тех, кто был на борту, ни для тех, кто проводил исследования на суше. Едва не погиб Русанов, провалившись в щель на леднике. У группы Самойловича в бухте Имер заглох мотор у фонбота, под шквалистым ветром и дождём они с трудом выгребли к берегу. При попытке вытащить бот на сушу сломался якорь.

На острове Принца Карла попали в полярную грозу. «Яркие молнии на юго-западе резкими блестящими стрелами пронизывали свинцовое небо, устремляя свои лучи в пучину бешено бурлящего моря. Раскаты грома стлались по морю, беспрерывным гулом наполняя долины, глетчеры и горы. Лил проливной дождь, и не было от него спасения – скрыться было некуда»[150]. Страшно было на суше. Каково же было тем, кто остался на «Геркулесе»?

Впрочем, были и курьёзные случаи. В Королевской бухте англичане занимались добычей мрамора. Здесь был небольшой посёлок с аккуратными домиками и расчищенными дорожками. Его и решила навестить экспедиционная группа. Встреча состоялась. Самойлович пишет: «Несказанно поразило их

(обитателей посёлка – *прим. авт.*) участие женщины в нашей экспедиции, и они с большим любопытством разсматривали мужской костюм г-жи Жан, произведши десятки снимков с нея. По-видимому, этими снимками хотели порадовать суфражисток у себя на родине»[151].

Затем экспедиция направилась в Адвентбей – бухту Прихода. Здесь были расположены крупнейшая американская «Арктическая каменноугольная компания» и английские копи, которые обследовали В. А. Русанов и Р. Л. Самойлович. Следующая обследуемая бухта Сканс, но основные находки были в Угольной бухте, где был обнаружен полусаженной мощности пласт каменного угля хорошего качества. Каменный уголь был найден и в Спокойной гавани. Далее обследовали Королевскую бухту. Менее чем за два месяца была проделана колоссальная работа.

Подводя итоги работы экспедиции, Р. Л. Самойлович на заседании Общества изучения Русского Севера говорил:

«Результаты деятельности на Шпицбергене имеют частью научное значение, отчасти носят практический характер. В течение 6 недель было обследовано в геологическом отношении пространство длиною в общей сложности около 1000 верст, причём были собраны значительные палеонтологические и петрографические коллекции, которые в настоящее время подвергаются постепенной обработке. Часть материала, содержащая фитологические ископаемые, была определена проф. Натгорст в Стокгольме. Океанографические работы (измерение глубин, температуры воды, пробы ея на разных глубинах и пр.) велись во всё время плавания. Путешествие же к западу от острова Принца Карла имело специальную цель – производство океанографических наблюдений. Попутно проводились систематические метеорологические наблюдения. Богатые зоологические и ботанические сборы, произведённые зоологом З. Ф. Сватош, переданы в Зоологический музей при Академии наук.

Практическое значение имеет обнаружение угольных месторождений в четырёх местах Шпицбергена: 1 – на северном побережье Колокольного залива (Белль-Зунд); 2 – на восточном побережье западного Шпицбергена, севернее Китовой губы (Уолес-бай); 3 – на пространстве между Угольной бухтой (Коаль-бай) и бухтой Прихода (Адвент-бай); 4 – в Тундровой бухте. На всех этих местах поставлены заявочные знаки на имя русских предпринимателей, намеревающихся этим летом произвести в тех местах детальные разведки на уголь»[152].

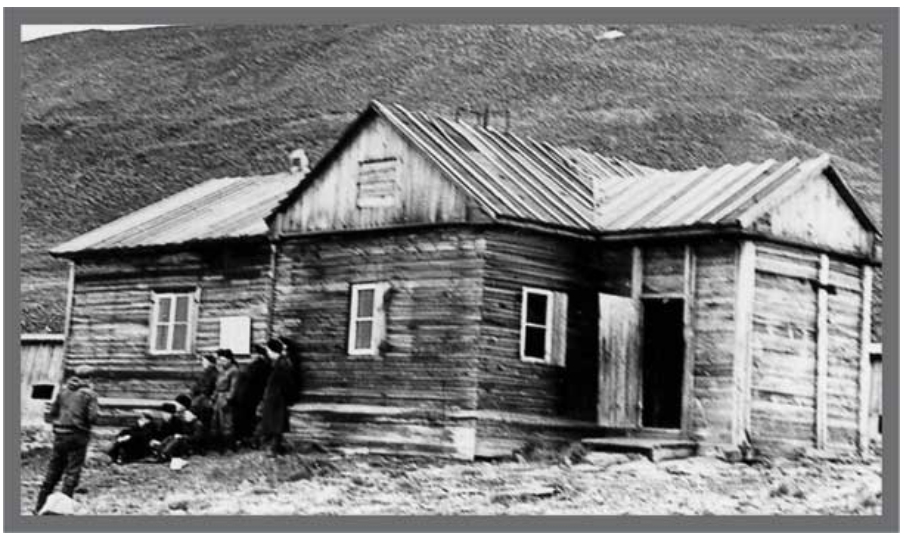
Он говорил также о том, что биологом З. Ф. Сватошем отмечено, что флора на западном берегу богаче, чем на

восточном. В собранном гербарии из 125 видов 115 были с западного берега. Найдено всего семь древесных пород: три вересковых, полярная ива и карликовая береза двух видов. Невелико и видовое разнообразие фауны, во многом схожей с новоземельской. Нет бабочек, насекомых всего 25 видов. Впервые была открыта одна из пород тли. Рыб всего 10 видов, среди них не оказалось гольца, весьма распространённого на Новой Земле. Перед экспедицией В. А. Русанов одной из задач ставил изучение возможности промыслового лова этой рыбы. А. С. Кучин провёл океанографические исследования, в частности выполнил гидрологический разрез длиной около 300 км между Шпицбергеном и Гренландией.

Кроме того, была проведена и промышленная разведка. В. А. Русанов исследовал и проанализировал деятельность американских, английских, норвежских и шведских горнорудных компаний на Шпицбергене.

Из последнего письма В. А. Русанова М. М. Пуришкевичу от 10 (22) августа 1912 года из Гринхарбора:

«Итак, обследование Шпицбергена закончено. Намеченная программа выполнена.



Домик Русанова на Шпицбергене (Из фондов АКМ)

К. А. Белов и А. С. Кучин. Тромсё. 1910-е гг. (Из фондов ОИММ)

Обследованы: Белль-Зунд, Айс-фьорд, остров Принца Карла, Королевский залив и Кросс-бай, то есть всё западное побережье Шпицбергена. Не был обследован к северу залив Магдалены, так как этот залив лежит на крайнем северо-западе Шпицбергена и в программу исследований не входит; точно так же не обследован залив Горн-зуенд; при первом проезде около него мы встретили

лёд; если лёд не будет слишком густ, то завтра или послезавтра, самое позднее, я надеюсь достигнуть этого залива, и к 15 августа мы, наверное, окончательно покинем берега Шпицбергена и займёмся гидрологическими работами, причём я постараюсь возможно дальше проникнуть к востоку. К западу от Шпицбергена мы сделали очень интересный гидрологический разрез в 140 верст длиной. Почти во всех посещённых нами пунктах поставлены заявки. Удалось проникнуть во все копи и вполне оценить современное положение шпицбергенской горной промышленности, так что и это важнейшее поручение, данное мне, – могу сказать без преувеличения, – выполнено блестяще»[153].

В Зелёной гавани Р. Л. Самойловича, З. Ф. Сватоша и заболевшего боцмана Попова с отчётами и коллекциями посадили на норвежский пароход, выполнявший туристический рейс. «Сотни туристов высыпали на палубу в вечерних туалетах и с нескрываемым удивлением рассматривали нас, грязных, небритых, в рабочих экспедиционных костюмах»[154].

Для В. Русанова наступает время исполнения заветной мечты. Последняя телеграмма со Шпицбергена. Полный текст: «Исследования на Шпицбергене закончены, вся программа выполнена, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции. Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Много льдов. Иду на восток. Русанов»[155].

Было ли известно о плане В. А. Русанова или это была такая же «великая тайна», как у Амундсена? Владимир Александрович своё желание пройти Северным морским путём, обойдя Новую Землю с севера, особенно не скрывал.

В. А. Русанов (второй слева) на судне «Королева Ольга» во время возвращения из экспедиции на Новую Землю. 1910 г. (Из фондов ГААО)

Политссыльный Самойлович Р. Л. 1910 г. (Из фондов ГААО)

О них он пишет в своей записке в Министерство внутренних дел: «Имея в руках судно вышенамеченного типа, я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу. Таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вперёд вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь и пройти Сибирским морем из Атлантического океана в Тихий»[156]. Известно, что он обсуждал эту идею с отцом Кучина Степаном Григорьевичем, и тот был категорически против, пытаясь убедить Русанова, что судно, незаслуженно названное «Геркулес», непригодно для такого плавания. Вероятно, были разговоры и с

другими людьми. Однако о существовании какого-либо проработанного плана организации и проведения такой экспедиции неизвестно. Да и был ли он вообще?

«Может быть, а может и не быть». Просто немногие знали, что для В. Русанова «может быть» означало «может» и «будет».

Последняя телеграмма была оставлена в становище Маточкин Шар и отправлена в Архангельск на судне «Королева Ольга». Фотографическая копия телеграммы была опубликована в «Записках по гидрографии» в 1915 году и воспроизведена в книге «Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма»[157]. Приводим её полностью с сохранением орфографии. «Телеграмма начальника экспедиции 1912 года В. А. Русанова, оставленная на Новой Земле, в самоедской колонии Маточкин Шар 18 августа с просьбой отправить ея, когда представится возможность по следующему назначению: Петербург Жданова 9 Стюнкель Юг Шпицбергена остров Надежды окружены льдами занимались гидрографией Штормом отнесены южнее Маточкина Шара Иду к Северо-западной оконечности Новой Земли оттуда на восток Если погибнет судно направлюсь к ближайшим по пути островам Уединения Ново-Сибирским Врангеля Запасов на год все здоровы Русанов. Получена Г. И. Садовским 23/IX 1912 г. Послана 26 сен. 1912 г.»[158].

Пароход Архангельско-Мурманского срочного пароходства «Королева Ольга», судя по расписанию, вышел из Архангельска 12 сентября,[159] в пути был 9–10 дней, в Архангельск вернулся 30 сентября – 1–2 октября. Телеграмма В. А. Русанова была опубликована в «Новом времени» 27 сентября. Видимо, сообщение было передано по радио.

Некоторые считали, что Русанов выпустил частицу «не» в сообщении. Следует читать: «Если не погибнет судно».

Ну, не любил он эту частицу!!!..

VII. Поиски экспедиции

В 1912 году помимо плановых экспедиций Гидрографического управления и Мурманской научно-промысловой экспедиции в Арктику вышли три экспедиции, из-за судеб которых 1912 год стал трагическим годом русского исследования Арктики. Это экспедиции под руководством Г. Я. Седова, Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова. Три экспедиции, ставившие перед собой разные цели, готовившиеся по-разному, по-разному формировавшие свои команды, но столкнувшиеся с одинаковыми погодными условиями и тяжёлыми льдами Арктики 1912 года.

Наиболее известна из них экспедиция к Северному полюсу Георгия Яковлевича Седова, который заявлял, что престиж России требует немедленного штурма Северного полюса и сделать это необходимо раньше, чем на Северном полюсе побывает покоритель Южного полюса Р. Амундсен. После того как комиссия Гидрографического управления признала план экспедиции, представленный им, несостоятельным и отказала ему в государственной поддержке, Г. Я. Седов и его сторонники прибегли к популярному в то время средству – всероссийской подписке. Жертвователям дарили жетоны-медали с изображением лыжника с собакой на фоне северного сияния. Большинство жетонов были медными, но тем, кто сделал вклад более 5 тыс. рублей, вручали золотые. Обладателями золотых жетонов были Ф. Нансен и Николай II, выступивший как частное лицо и пожертвовавший 10 тыс. рублей.

Для экспедиции зафрахтовали зверобойное судно норвежской постройки «Св. великомученик Фока». По первоначальному плану экспедиция должна была дойти до Земли Франца-Иосифа, зазимовать там, и с первыми лучами солнца после полярной ночи выйти к полюсу, дойти до него на лыжах с собачьими упряжками, поднять российский флаг и вернуться либо к судну, либо к Гренландии по направлению дрейфа льда.

Экспедиция не заладилась с самого начала. Пришлось оставить радиоаппаратуру – не было радиста, оставить часть груза – судно оказалось загруженным выше ватерлинии. Были сорваны сроки выхода в море. Торжественные проводы на Соборной пристани Архангельска состоялись лишь 27 (14 по с. с.) августа, а уже у Новой Земли судно попало в тяжёлые льды и было вынуждено остаться на зимовку. Первая зимовка прошла успешно. Научники В. Ю. Визе, М. А. Павлов, Н. Н. Пинегин выполнили колоссальный объём работ. Хотя Г. Я. Седов,

отправляясь в плавание, говорил, что экспедиция не ставит перед собой больших научных задач, но именно научная составляющая, на наш взгляд, стала оправданием экспедиции и серьёзным университетом для этих молодых в будущем знаменитых полярных исследователей. Сам Г. Я. Седов с 1 апреля по 27 мая 1913 года с боцманом А. Инютиным заснял северо-западное, северное и северо-восточное побережья Северного острова, от полуострова Панкратьева до мыса Флиссингский. Тяжелейший двухмесячный героический переход на лыжах и собачьих упряжках подорвал здоровье Георгия Яковлевича. Но в результате он составил довольно верную карту, на которой контур берега совпадает, за небольшим исключением, с очертанием берега на современных картах. Только через одиннадцать месяцев судно смогло продолжить путь. Новая зимовка началась в бухте Тихой острова Гукера Земли Франца-Иосифа менее чем через месяц. Она была изнурительной. Холод и однообразная несбалансированная пища сделали своё дело. Заболели все, кто брезговал есть свежее мясо и пить кровь убитых животных. Был болен и сам Г. Я. Седов. Тем не менее, 2 февраля 1914 года он вместе с Г. Линником и А. Пустошным вышли к полюсу. С ними было 24 собаки, впряжённых в трое нарт с провиантом и одеждой. На девятый день Георгий Яковлевич уже не мог встать, его везли на нартах, а 20 февраля он скончался. Его спутники, захоронив начальника, пошли в обратный путь. 18 марта они вернулись на «Св. Фоку». Через месяц судно прибыло в Архангельск.

Перед началом экспедиции, когда шёл сбор средств, Г. Я. Седов опубликовал письмо, в котором говорилось: «Русский народ должен принести на это национальное дело небольшие деньги, а я приношу свою жизнь». Он выполнил своё обещание. Для одних слова остаются словами, для других становятся судьбой. Он мог вернуться только «со щитом или на щите». «Со щитом» не получилось, но Георгий Яковлевич был морским офицером. В те годы слова «офицерская честь», «верность данному слову» не были пустым звуком. Так Г. Я. Седов стал заложником слова.

28 июля (10 августа по с. с.) из Санкт-Петербурга вышла экспедиция под руководством Г. Л. Брусилова. Её целью было пройти Северным морским путём по маршруту: Санкт-Петербург – Нордкап – Архангельск – Карское море – зимовка в устье реки Хатанги – Берингов пролив. По пути предполагалось вести метеорологические и гидрографические наблюдения. Зверобойный промысел должен был покрыть расходы на организацию экспедиции. Коммерческая часть экспедиции, вопреки желанию самого Г. Л. Брусилова, оказалась необходимой.

Экспедицию организовывали как частное предприятие акционерного зверобойного общества, образованного из родственников и ближайших друзей руководителя. Основной капитал в этом обществе в размере 90 тыс. руб. принадлежал жене дяди – Анне Брусиловой. На эти деньги в Англии купили двухмачтовую баркентину с двигателем мощностью в 400 л. с., которую переименовали в «Святую Анну» в честь небесного покровителя главного инвестора.

При прибытии в Александровск-на-Мурмане часть экипажа, включая старшего помощника, штурмана, врача, нескольких матросов, отказалась от плавания. Команду пришлось набирать наспех. Роль врача взяла на себя Е. И. Жданко, друг семьи и дальняя родственница Г. Л. Брусилова, оказавшаяся на борту, по сути, случайно, полагая прокатиться туристом вокруг Европы до Архангельска и вернуться в Петербург по железной дороге.

Время уходило, от захода в Архангельск пришлось отказаться. 28 августа (10 сентября по с. с.) «Св. Анна» вышла из Александровска, 4 (17) сентября через Югорский Шар вошла в Карское море, но уже 27 сентября (10 октября по с. с.) оказалась в ледовом плену. Освободиться от него не удалось и в 1913 году. Баркентину несло на север и северо-запад. Конфликт в команде, нехватка продовольствия, болезни стали причиной того, что нанятый в Александровске штурман В. И. Альбанов с тринадцатью матросами покинули судно и с самодельными нартами и каяками отправились по направлению к Земле Франца-Иосифа, а там – к продовольственному складу на мысе Флора. Но добраться до него удалось только двоим – В. И. Альбанову и А. Э. Конраду. Их подобрал «Св. Фока», возвращавшийся в Архангельск.

Возникают два вопроса. Первый: зачем Г. Л. Брусилов организовал эту экспедицию? Да, действительно, после русско-японской войны о необходимости Северного морского пути говорили много. Не только говорили, но и делали. По инициативе начальника Гидрографического управления Андрея Ипполитовича Вилькицкого была организована в 1910 году Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана, перед которой была поставлена задача гидрографического описания сибирского побережья океана и осуществление прохода из Владивостока, места базирования экспедиции, в Архангельск. Об этой экспедиции мог не знать В. А. Русанов, поскольку экспедиция подчинялась военно-морскому ведомству, деятельность не афишировалась. Первые публикации участников экспедиции с результатами наблюдений и исследований появились в «Морском сборнике», специализированном журнале Морского ведомства,

только в 1913 году. Но о ней знал Г. Л. Брусилов, который служил в этой экспедиции на л/п «Вайгач» под командованием А. В. Колчака в 1910–1911 годах. Не мог он не знать и о задачах, поставленных перед нею. В этой ситуации его решение организовать собственную экспедицию похоже на некий вызов бывшим сослуживцам и руководству экспедиции.

Вопрос второй: почему Г. Л. Брусилов не покинул корабль и не пытался добраться до земли, как Альбанов? Здесь действительно трагедия. Менее чем за месяц до выхода в море, 1 (14) июля, баронесса А. Н. Брусилова заключила с Г. Л. Брусиловым договор, по которому он был полностью ответственен перед ней за корабль и имущество на нём. Вернувшись без корабля, Георгий Яковлевич попадал в долговую кабалу. Иных доходов кроме офицерского жалованья он не имел. Он был офицером и благородным человеком. Так Г. Я. Брусилов оказался заложником корабля.

Заложником идеи оказался руководитель третьей экспедиции В. А. Русанов. Мысль о северо-восточном проходе волновала его многие годы. Он изучал все доступные ему материалы, разработал несколько маршрутов прохода в Сибирь: через Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар, вокруг Новой Земли. Проанализировал достоинства и недостатки каждого из них, даже провёл эксперимент. Помните тот поход на карбасе вдоль западного побережья Северного острова Новой Земли? Он считал, что наиболее оптимальный вариант – это обогнуть Новую Землю с севера на небольшом судне и, оставив с юга «ледяной мешок» – Карское море, мимо острова Уединение пройти к устью Енисея и далее на восток.

Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. Архангельск. 1915 г. (Из фонда АКМ)

Владимир Александрович, получив правительственный заказ на Шпицбергенскую экспедицию, вместе с ним получил судно, команду и денежные средства, на которые было закуплено продовольствие, инструменты и другое оборудование. Он получил шанс и использовал его. Второго могло и не быть. Правительство, организовав Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана, вряд ли бы стало финансировать частное предприятие. Богатых родственников не было. Надежды на меценатов весьма призрачны.

Всё же осталось несколько вопросов. Первый: когда В. А. Русанов оставил телеграмму в становище Маточкин Шар? Согласно уже упоминавшейся записке телеграмма была оставлена 18 августа, но в это время экспедиция не могла быть на Новой Земле. По дневнику Р. Л. Самойловича, они грузились на судно 21 августа.[160]

Вопрос второй: почему кроме этой телеграммы не было писем от других участников экспедиции? О том, что послать весточку родным и любимым не будет возможности ещё долгое время, понимали все. Безусловно, что эти письма должны были храниться в семьях как реликвии и дойти до наших дней, учитывая тот интерес, который проявляли к экспедиции и во время её поисков, и в советское время.

Вопрос третий: почему не были опрошены ненцы, у которых

эта телеграмма была оставлена, и капитан «Королевы Ольги», доставивший её? Вопросы остаются вопросами, и вряд ли мы получим на них ответы.

Говоря об этих трёх экспедициях, стоит обратить внимание на то, как формировался экипаж судов. Для Г. Я. Седова было принципиально важно, чтобы в составе экипажа были поморы, знакомые с плаваниями в северных морях. Хотя людей набирали спонтанно, тем не менее было несколько поморов, что, на наш взгляд, в конечном итоге обусловило то, что экспедиция выжила во время двух сложнейших зимовок и вернулась на родину.

Г. Л. Брусилов был морским офицером. Пропасть между офицерством и низшими чинами в российской армии была велика. «Приказ – подчинение» были основой взаимоотношений, поэтому организаторы экспедиции вряд ли думали о психологической совместимости членов экипажа, что впоследствии создало немало проблем.

В. А. Русанов считал, что состав экспедиции должен быть командой единомышленников, кроме того, экипаж должен состоять из людей, знакомых с плаванием в ледовых условиях. Александр Кучин специально обращается к отцу порекомендовать ему таких людей. Так в экспедиции появился Алексей Равин, ходивший ранее в море со Степаном Григорьевичем Кучиным. Штурманом экспедиции стал старый друг Александра Константин Белов. Сын московского мещанина, как записано в его личном деле[161], он был на два года младше Александра. В училище поступил после окончания Архангельского городского училища. Окончил его на «4 и 5» с одной тройкой по девиации, но аттестата не получил по тем же причинам, что и Александр, – не хватило плавательного стажа. Плавал на траулерах в Германии. Диплом штурмана Белов получил в 1911 году. Ходить в море вместе была их давнишняя мечта, и вот она осуществилась. Хорошая команда была у В. А. Русанова. Хорошие специалисты, увлечённые люди и любимая женщина рядом – француженка Жюльетта Жан, врач и геолог.

В 1913 году ни от одной из экспедиций не поступило известий, и Русское Географическое общество забило тревогу. 18 января Совет министров дал поручение морскому министерству организовать поиски экспедиций Г. Я. Седова и Г. Л. Брусилова. Об экспедиции В. А. Русанова речи не шло. Правительству вряд ли понравилось самовольное путешествие на фактически угнанном судне, принадлежавшем государству. В Архангельск послали депешу с призывом дать суда для поисков. Общество изучения Русского Севера сообщило о готовности двух судовладельцев предоставить свои суда. Д. С. Субботнин

предлагал пароход «Орезунд» либо купить за 25 тыс. руб., либо фрахт по 250 руб. в сутки и пароход «Жемчуг» купить за 20 тыс., фрахт 100 руб. в сутки. Е. В. Могучий предлагал свою зверобойную шхуну «Андромеда» либо купить за 48 тыс. руб., либо фрахт по 9 тыс. руб. в месяц при готовом экипаже.[162]

Однако правительство приняло решение поисковые суда закупить в Норвегии. Для этого дела пригласили Отто Свердрупа, одного из старейших полярных капитанов. Он был капитаном на «Фраме» во время дрейфа в полярном бассейне, а в отсутствие Ф. Нансена почти полтора года руководил той норвежской экспедицией. В своих воспоминаниях Свердруп пишет: «Было решено купить самый лучший норвежский китобой. К счастью, в это время продавалось несколько хороших старых шхун. Я выбрал две из них, стоявшие в то время в Зандерфьорде, – «Герту» и «Эклипс». «Герта», построенная в Зандерфьорде, была ещё крепким судном. «Эклипс» построили в Абердине, он был одним из крупнейших, лучших китобойных судов, построенных шотландцами. Необыкновенно внушительное и ладное судно, он был гораздо лучше «Герты», хотя и 48 лет от роду, в то время как «Герте» было не более 18 лет. Оба судна требовали ремонта, вдобавок мы произвели замену оснастки».[163]

В качестве вспомогательных судов привлекли «Андромеду», где капитаном был один из лучших полярных капитанов того времени Григорий Иванович Поспелов, и пароход «Печора».

Помощь в подготовке поисковых экспедиций оказали Ф. Нансен и Р. Амундсен. Р. Амундсен в это время готовился к экспедиции на Северный полюс, но сроки постоянно сдвигались, и Р. Амундсен передал уже закупленное продовольствие русской поисковой экспедиции.

Узнав, что правительство собирается искать только экспедиции Г. Я. Седова и Г. Л. Брусилова, Общество изучения Русского Севера 7 марта 1914 года обратилось к министру внутренних дел с обращением:

> «…Принимая во внимание несомненные заслуги В. А. Русанова перед нашим Отечеством по обследованию Новой Земли и заслуги его как деятельнейшего члена Архангельского общества изучения Русского Севера, правление позволяет себе обратиться с ходатайством к Вашему превосходительству о содействии к тому, чтобы была снаряжена вспомогательная экспедиция на поиски В. А. Русанова при том условии, чтобы она могла направиться уже в июне-июле сего года, ибо зимовка экспедиции Русанова

среди полярных льдов в будущем году уже принесёт членам несомненную гибель, если в настоящее время они ещё живы»[164].

Беспрецедентная по своему размаху поисковая операция началась летом 1914 года.

«Герта», капитаном на которой был лейтенант И. И. Ислямов, в поисках экспедиции Г. Я. Седова была направлена на западное побережье Новой Земли, а оттуда на Землю Франца-Иосифа. «Эклипсу», который возглавил Отто Свердруп, предписывалось идти на восток вдоль побережья до мыса Челюскин. Его задача – поиск экспедиций Г. Я. Брусилова и В. А. Русанова. Экипаж был норвежским. От морского министерства в экспедиции принял участие доктор И. И. Тржемеский. Экспедиции на местах высадок на землю должны были оставлять продовольственные депо (склады).

«Эклипс» прошёл Югорским Шаром в Карское море, осмотрев побережье, встретив непроходимые льды, 12 сентября встал на зимовку у мыса Вильда. Это была девятая зимовка О. Свердрупа в Арктике.

Поисковая экспедиция 1914 года результатов не дала, о чём с горечью писал Л. Л. Брейтфусу, которому морским министерством было поручено заниматься организацией поисков, Степан Григорьевич Кучин: «Телеграмма ясно указывает, куда стремился Русанов и где его надо искать, но у нас с уверенностью можно сказать, что ни Русанова, ни Брусилова не искали, а искали только ассигнованных на поиски полмиллиона рублей. Зачем, мол, их искать да рисковать собой, их, наверно, уже не существует, так говорят у нас. Но наперекор этим умникам судьба выбросила 2-х человек из экспедиции Брусилова, как бы подсказывая, что как вы ни ленитесь и как ни легко вы получили полмиллиона, а всё-таки русский народ потребует от Вас отчёт, куда вы определили народные деньги, ассигнованные народными представителями на поиски пропавших экспедиций. Правда, Вы купили старее, чем «Фока» с гнилым рангоутом, суда и, как говорят, заплатили около 200 тысяч рублей. Интересно, кто бы теперь заплатил за «Герту», которая меняет рангоут, хотя бы 20 тысяч. Не думаю, чтобы кто дороже оценил это старье. Свердруп, норвежец на «Эклипсе», таком же старом, спокойно зимует на устье р. Енисея, поэтому-то и надеяться на поисковые экспедиции нечего, а надо положиться на судьбу, которая скорее сжалится над несчастными страдальцами»[165].

Весной 1915 года в газете «Архангельск» активно обсуждался вопрос, где искать экспедиции Брусилова и Русанова.[166] О том,

что люди могут быть живы, сомнений не было. На Севере хорошо помнили историю с четырьмя мезенскими поморами, волей случая оказавшимися с малыми припасами на Шпицбергене и прожившими там шесть лет.

В. Ю. Визе, участник экспедиции Г. Я. Седова, писал о чрезвычайно неблагоприятной ледовой обстановке, сложившейся в 1912 году, когда Баренцево море севернее 76° с. ш. было сплошь забито толстым и сплочённым океанским, а не местным баренцевским льдом.

На Новой Земле их нет, ибо седовцы во время зимовки исходили её довольно. Отец Александра Кучина считал, что «Геркулес» вмёрз в лёд, и так как судно небольшое, оно не было раздавлено и попало в дрейф «Св. Анны» только севернее, поэтому одно судно следует послать к острову Уединения, а другое должно с востока и запада осмотреть Землю Франца-Иосифа, а затем идти к Гренландии. В. Ю. Визе также считал, что искать нужно у Гренландии.

План на навигацию 1915 года был составлен следующий. Поскольку считалось, что Г. Я. Брусилова и В. А. Русанова следует искать на западе, то «Эклипс» был переориентирован на помощь экспедиции Б. А. Вилькицкого, кроме того, ему предписывалось осмотреть остров Уединения, о котором упоминал в своей телеграмме В. А. Русанов. «Герта» должна обогнуть Шпицберген и вдоль кромки полярных льдов пройти до Гренландии. «Андромеда» направлялась к Земле Франца-Иосифа.

Борис Андреевич Вилькицкий руководил Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана, которая была организована Гидрографическим управлением. Навигация 1913 года для неё была очень успешной. Был открыт архипелаг, названный участниками Землёй Николая II (в настоящее время Северная Земля). В 1914 году перед нею была поставлена задача пройти Северным морским путём из Владивостока в Архангельск. Зимовка не предполагалась, но продовольствия было принято на борт достаточно. У восточного побережья полуострова Таймыр суда попали в ледовый плен и были вынуждены встать на зимовку. Зимовка была очень тяжёлой. Ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», построенные в Петербурге специально для этой экспедиции, не были приспособлены к зимовкам в экспедиционных условиях.

Большой удачей для экспедиции было то, что на западном побережье Таймыра зимовал «Эклипс». Между ними поддерживалась радиосвязь, а так как радиостанция на «Эклипсе» была более мощная, то через неё Б. А. Вилькицкий передавал сообщения в Петербург. Само присутствие Отто Свердрупа,

одного из старейших полярников, пользовавшегося непререкаемым авторитетом, оказывало большую моральную поддержку молодым русским офицерам.

11 августа 1915 года «Эклипс» освободился ото льда и вышел по направлению к острову Диксон, 16 августа достиг порта Диксон, здесь принял запасы для «Таймыра» и «Вайгача» и отправился обратно. После встречи судов у островов Скотта-Гансена О. Свердруп направился к острову Уединения, осмотрел его и водрузил на нём российский флаг. Этот остров, открытый норвежцами в 1878 году, до тех пор был «ничьей землёй». Далее он отправился на восток и, пройдя около 30 миль и встретив непроходимый лёд, повернул к Диксону. 3 сентября он был на Диксоне и 18 сентября в Архангельске.

В 1915 году «Андромеда» с капитаном Г. И. Поспеловым дошла до Земли Франца-Иосифа в районе мыса Флора, но из-за сплошных льдов высадка не осуществилась. Далее поисковая экспедиция осмотрела Северный остров Новой Земли от мыса Желания к югу по карской стороне, прошла до острова Уединения, но из-за льдов не смогла подойти к нему близко.

Не дали результатов и поисковые мероприятия, предпринятые экспедицией Б. А. Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», двигавшихся по Северному морскому пути с востока.

Во время этой масштабной спасательной операции произошло два события, о которых нельзя не упомянуть. Это первый авиаполёт в Арктике, совершённый российским летчиком Яном Нагурским на Новой Земле и в сторону Земли Франца-Иосифа и устройство радиотелеграфа на Диксоне.

Для поисков экспедиций по предложению начальника Главного гидрографического управления М. Е. Жданко было решено использовать авиацию. Во Франции был закуплен гидросамолёт «Фарман МФ-11», который имел двигатель 70 л. с., мог поднимать груз до 300 кг и развивать скорость 100 км/ч. Самолёт был разобран, упакован в восемь ящиков и на «Печоре» доставлен на Новую Землю. Здесь у посёлка Ольгинский при помощи экипажа «Печоры» пилот Ян Нагурский и механик Евгений Кузнецов собрали самолёт. 21 августа после пробных полётов в 16.30 состоялся первый вылет. Он длился 4 часа 20 минут. Всего Я. Нагурский совершил 5 вылетов вдоль западного побережья Новой Земли и в сторону Земли Франца-Иосифа общей продолжительностью 10 часов 40 минут. Хотя следов экспедиций обнаружить не удалось, Я. Нагурский внёс существенные уточнения в карты и предоставил поисковым судам информацию о состоянии льдов по курсу. Эра полярной авиации

была открыта. По предложению Яна Нагурского, штабс-капитана, ровесника Александра Кучина, полярные самолёты стали окрашиваться в красный цвет.

В связи с угрозой второй зимовки Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана было решено построить базу на острове Диксон. Строительство поручили П. Г. Кушакову, бывшему заместителю Г. Я. Седова на судне «Св. Фока». Были построены два дома, баня и радиотелеграфная станция. Для зимовки экспедиции они не потребовались – 17 сентября героев ледового перехода по Северному морскому пути торжественно встречал Архангельск. Тем не менее, 7 сентября 1915 года, когда состоялась первая радиосвязь Диксона с Архангельском, считается днём рождения посёлка, сыгравшего важную роль в освоении Арктики.

7 марта 1916 года спасательная операция по поиску экспедиций Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова была официально прекращена. Шла Первая мировая война. Общественность сдаваться не хотела. Архангельское общество изучения Русского Севера выступило с новой инициативой – выплачивать в течение трёх лет премии тем, кто предоставит достоверные сведения об экспедициях Русанова и лейтенанта Брусилова.

> В Положении о премии говорилось:
>
> «Высшая премия в 5000 руб. за находку судна, которая должна быть подтверждена вещественными доказательствами, документами, относящимися до экспедиции, фотографическими снимками с судна и его частей.
>
> За достоверные сведения, полученные путём опроса третьих лиц, видевших кого-либо из экспедиции, – 1000 руб.
>
> Нахождение следов пребывания экспедиции в виде временного жилья их и т. п. Предметов, оставленных экспедицией, подтверждёнными вещественными доказательствами, фотографий и т. п. И сведения от лиц, которые непосредственно видели участников экспедиции и имели с ними беседу, – 3000 руб.
>
> Нахождение трупов участников экспедиции с представлением, если возможно, вещественных доказательств о том, кто это, имя, фамилия, – 2000 руб.
>
> Нахождение отдельных предметов, принадлежащих экспедиции, в зависимости от характера предметов, подтверждающих место нахождения экспедиции о месте их временного пребывания, – 500–2000 руб.

> В том случае, если будут представлены доказательства, что для отыскания следов экспедиции были приложены особые усилия, связанные с расходами, размеры премии повышаются»[167].

Правление Общества получило тёплое письмо от матери В. А. Русанова Л. Д. Соколовой из Орла, которая обещала оказать посильную материальную поддержку. Составленное обществом воззвание перевели на иностранные языки, опубликовали в газете «Архангельск» и газетах других российских северных губерний, послали также за границу. Приходили отклики. Пришло письмо от доктора Андерсона, руководителя южного отделения Канадской северной полярной экспедиции, который сообщал, что на Аляске следов экспедиции не обнаружено.[168] Приходили записки из бутылок, которые выбрасывали В. А. Русанов и А. С. Кучин для определения полярных течений летом 1912 года.

Следов экспедиции найдено не было. Они были обнаружены случайно и значительно позднее.

В 1934 году шхуна «Сталинец» Гидрографического управления Главсевморпути занималась гидрографическими работами у берега Харитона Лаптева. Партия А. И. Гусева, занимавшаяся топографической съёмкой на острове Вейзель, обнаружила столб из плавника высотой 2,5 м с вырезанной надписью «Геркулес» 1913». Рядом лежали обломки нарт и цинковая крышка от патронного ящика. Никаких письменных сообщений найдено не было. Другая партия, М. И. Цыганюка, работавшая на острове Безымянном в 60 милях к юго-западу от острова Вейзель, нашла предметы, принадлежавшие участникам русановской экспедиции: мореходную книжку на имя Александра Спиридоновича Чухчина, матроса «Геркулеса», визитные карточки З. Ф. Сватоша, справку на имя Василия Григорьевича Попова, серебряные часы с его инициалами, часть фотоаппарата «Кодак», горную буссоль, истлевшие фрагменты одежды и другое.

В 1970-е годы в течение восьми лет на побережье Северного Ледовитого океана работала экспедиция газеты «Комсомольская правда» под руководством Д. Ф. Шпаро и В. И. Шумилова. Они обследовали участок от Диксона до залива Миддендорфа. На острове Геркулес, такое название получил бывший остров Вейзеля, нашли багор и обломки нарт. На острове Попова-Чухчина, бывшем Безымянном, – полоску кожи с надписью «Страховое общество «Россия», где был застрахован «Геркулес», и небольшую эмблему-якорёк с форменной тужурки А. Кучина или К. Белова (скорее Кости – Александр не любил форму).

Важные находки были сделаны возле острова Песцовый, где

под водой были найдены обломки судна, близкого по размеру «Геркулесу», и фрагменты, которые могли принадлежать двигателю системы «Альфа», который был на «Геркулесе».

На острове Геркулес был поставлен большой деревянный крест с памятной доской. На ней написано:

«ПОЛЯРНОМУ ИССЛЕДОВАТЕЛЮ В. А. РУСАНОВУ,
КАПИТАНУ А. С. КУЧИНУ,
ЭКИПАЖУ СУДНА „ГЕРКУЛЕС“.
ПОТОМКИ ПОМНЯТ.
МИНИСТЕРСТВО МОРСКОГО ФЛОТА.
ГАЗЕТА „КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“ 1977».

В 1988 году В. А. Троицкий сообщил о двух письмах, которые, возможно, связаны с русановской экспедицией. В одном из них говорилось о двух могилах в районе реки Авам на Пясине, которые видела медсестра Корчагина в 1952 году. Ей рассказывали, что ещё до революции кочевники-оленеводы нашли на побережье лодку, рядом было несколько трупов. Их похоронили под камнями. Несколько замерзших трупов было найдено на Тагенарском волоке. Погибших похоронили с документами и бумагами. В другом письме Л. Н. Абрамова сообщала, что в 1975 году старая долганка показала ей в посёлке Новорыбное на берегу реки Хатанги две могилы, где были похоронены русские – мужчина и беременная женщина. Их привезли ещё живыми из тундры. После смерти захоронили вместе с рукописными книгами, которыми те очень дорожили. [169]

В 2000 году Орловская государственная телерадиокомпания организовала экспедицию на Таймыр. Возглавил её В. Я. Сальников. На острове Колосовых обнаружена мачта, по размерам сходная с бизань-мачтой «Геркулеса». На полуострове Михайлова – фрагменты корабельной шлюпки начала XX века, корпус от корабельного прибора. В окрестностях горы Минина, расположенной южнее полуострова Михайлова, были найдены человеческие останки. В Российском центре судебно-медицинской экспертизы профессор В. Н. Звягин провёл экспертизу. По его мнению, из 26 признаков, идентифицирующих личность, 24 совпали с фотографией Александра Кучина. К сожалению, из-за наличия стронция на останках провести генетическую экспертизу по существующим методикам оказалось невозможно. [170]

В 2005 и 2010 годах на островах Попова-Чухчина и Геркулес работала Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ Института наследия) П. В. Боярского. На острове Геркулес был

установлен знак в память А. С. Кучина и участников экспедиции В. А. Русанова.

Таковы факты. Восстановить достоверную картину этого трагического путешествия пока не представляется возможным. Существует ряд версий.[171] Новые исследования, новые находки, возможно, прольют свет на эту тайну.

Случай и судьба. Какую роль они играют в жизни человека? Участники экспедиции Г. Л. Брусилова – В. И. Альбанов и А. Э. Конрад – неимоверно сложным путём, через острова и проливы необитаемой Земли Франца-Иосифа, потеряв девять своих товарищей, вышли к «Св. Фоке» и спаслись. На материковом Таймыре жили люди, кочевали здесь, были поселения. Мимо западного побережья трижды проходил «Эклипс» и зимовал. На восточном побережье в 1914–1915 годах зимовали «Таймыр» и «Вайгач», офицеры, которые совершали многокилометровые маршруты по описанию побережья. Н. А. Бегичев гнал стада оленей, растянувшиеся на километры. Не случилось…

Дело Владимира Александровича Русанова продолжил Р. Л. Самойлович. В 1913 году он работал на Шпицбергене, закрепив права России на эти участки и начав добычу угля. В 1921–1925 годах возглавлял Северную научно-промысловую экспедицию, а затем Институт по изучению Севера, созданный на её основе. В начале 1920-х годов совершил несколько экспедиций по изучению Новой Земли. В 1928 году был руководителем спасательной экспедиции на ледоколе «Красин», выручавшей экипаж дирижабля «Италия» Умберто Нобиле. После успешного завершения операции их с триумфом встречали Норвегия и Россия. В 1931 году Самойлович – научный руководитель российско-германской экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин», производившей аэрофотосъёмку российского сектора Арктики. В 1930-е годы он участвовал почти во всех крупных арктических экспедициях, многие из которых возглавлял. Всего Р. Л. Самойлович был участником 21 арктической экспедиции, которые тщательно готовил. Он считал, что даже самые высокие научные достижения не стоят человеческих жертв. Это мало согласовывалось с большевицким принципом: «Победа любой ценой». Его арестовали в 1938 году и в 1939-м расстреляли.

Зенон Францевич Сватош уехал в Сибирь и долгие годы был директором Баргузинского заповедника. Ему человечество обязано спасением от истребления баргузинского соболя.[172]

Северный морской путь был пройден с востока на запад Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана под руководством Бориса Андреевича Вилькицкого на ледоколах

«Таймыр» и «Вайгач». Борису Андреевичу, руководителю экспедиции и командиру «Таймыра», в том году исполнилось 30 лет. Столь же молод был и командир «Вайгача» Пётр Алексеевич Новопашенный.

VIII. Отец

Отец Александра Кучина Степан Григорьевич был, что называется, «self made man» – человек, сделавший сам себя. Нищее детство, тяжёлый труд в юности – много препятствий ему пришлось преодолеть и много сил приложить, чтобы добиться достатка и положения в обществе. Какая-то внутренняя сила двигала им, эта сила впоследствии проявилась и в Александре.

Он родился 28 октября 1867 года в селе Кушерека. Фамилия Кучин – девичья фамилия его бабушки Парасковьи Петровны, женщины весьма незаурядной.[173] Что заставило девятнадцатилетнюю Парасковью выйти замуж за сироту Дениса Бачина, который был младше её на четыре года, – любовь, нужда или упрямый характер, мы не узнаем никогда. Денис рано лишился родителей, рос в доме братьев отца Корнила и Ивана, у которых были свои большие семьи по пять детей в каждой. В это большое хозяйство и пришла Парасковья. У них родились две дочки, Стефанида и Акилина. Младшая не прожила и года, да и семейная жизнь оказалась недолгой. Через четыре года муж умер. А ещё через семь лет, в 1839 году, у неё родился сын Григорий. Примечательно, что в метрической книге он записан как Григорий крестьянской вдовы Параскевы Петровой, Кучиной незаконнорожденный сын, то есть такую фамилию он получил с рождения.

Из дома Бачиных им пришлось уйти. То ли сама Парасковья так решила, то ли её с незаконнорожденным младенцем просто выгнали. Их приютила семья Гаврилы Дьякова. Парасковья будет помнить добро. Впоследствии, когда в таком же положении окажется девушка-работница богатых соседей, она даст ей кров и спасёт жизнь мальчику, когда мать попытается его отравить. Станет этот мальчик знаменитым Епимахом Васильевичем Могучим, хозяином факторий на Мурмане, промышленником, судовладельцем, одним из богатейших людей в губернии.

Сын Парасковьи Григорий вырос работящим человеком, к тому же непьющим. С малолетства он ходил зуйком на рыбные промыслы на Мурмане вместе с односельчанами. Когда подрос, скопил денег на лошадь и стал подрабатывать зимой извозом. Женился. Его жена Софья Платоновна родила сына Якова, дочь Марфу и сына Степана. Степану было полтора года, когда в 1868 году отец вместе с девятилетним Яковом погибли на промысле. Семья осиротела и осталась без средств к существованию.

Степан Григорьевич оставил воспоминания, в которых пишет о том времени: «Как я стал понимать и помнить, Мать и Бабушка

постоянно плакали о смерти кормильцев. Мать шила ситцевые куртки и овчиновые шубы и этими заработками кормила семью, но этого нам недоставало, и мы, когда с сестрой, когда с бабушкой, ходили по миру. Под защиту бабушки я всегда прибегал, когда мать была не в духе, она постоянно сидела за работой и в длинные зимние вечера, перед маленьким керосинничком из чернильницы, она любила сказывать сказки, иногда пела песни, которые доводили её до слёз. Заплакав, она начинала реветь. Ревели и мы с сестрой. Я залезал к бабушке на печку, и она учила меня молитвам по-староверски и делала мне крестики из лучины»[174]. Радостей было немного. Одна из них – учёба в школе, которую он окончил в девять лет. С восьми лет приходилось зарабатывать на жизнь: мальчик при кают на судне, мальчик в купеческой лавке, бурлак на лесосплаве, зуёк на Мурманских промыслах. Работа тяжёлая, подчас непосильная для мальчика, не отличавшегося могучим телосложением.

Особенно трудно было на рыбных промыслах. Степан не любил море, он воспринимал его как чуждую стихию: «Хотя в тундре холодно и дико, но, подъезжая ближе к берегу, чувствуется какая-то тоска и ненависть к этому мрачному безбрежному пространству, покрытому белыми гребнями волн, и тоскливо отдаётся в ушах шум прибоя и крик вечно голодной чайки»[175]. Ни в его воспоминаниях, ни в письмах, ни в стихах нет слов восхищения морем, Арктикой, выражения каких-то положительных эмоций. Отнюдь.

> «Север дикий, Север мрачный,
> Ты холодный и угрюмый,
> Неприветливый, наносишь
> Много ты тревожных дум»[176].

Тем не менее, вся его жизнь будет связана с арктическими морями.

Он как-то не по летам рано понял, что для того, чтобы выбиться из нищеты, нужно учиться. Единственная возможность получить образование – мореходные классы, которые были открыты в Кушереке в 1874 году.

Мореходные классы – совершенно особая форма подготовки морских специалистов. Они организовывались по заявлениям сельских обществ, бравших на себя обязательство предоставить помещения для занятий и жилье для преподавателя, отопление, освещение, оплату сторожу. Государство направляло преподавателя, выделяло средства для закупки приборов и карт. Преподавателями, особенно при образовании классов, были

опытные и образованные морские офицеры. Классы были бесплатными, в них не было ни сословных, ни возрастных ограничений, как не было ограничения и по срокам обучения. Для поступления в классы требовались лишь умение читать и писать да опыт плавания на судах. Обучение завершалось, когда учащиеся сдавали экзамен и получали диплом штурмана каботажного плавания, шкипера каботажного плавания или шкипера дальнего плавания. Отличие – в объёме знаний, который нужно было продемонстрировать перед комиссией, и плавательный стаж. Испытания проводились ежегодно в Архангельске. В комиссии были высшие морские чины города, опытные специалисты и уважаемые люди. Выдержать экзамен было непросто. Выдержал – честь и хвала, готовься к новому этапу, не выдержал – возвращайся обратно в класс. В Архангельской губернии было четыре мореходных класса: в Кушереке, в Онеге, в Сумском посаде, в деревне Патракеевке близ Архангельска. Другие сельские общества тоже хотели бы такие классы завести у себя, но средств на содержание было недостаточно.

Степан Кучин поступил в мореходный класс в 1881 году, а уже осенью 1886 года выдержал экзамен на звание штурмана. Но устроиться на работу штурманом было трудно, и ещё довольно долго ему пришлось ходить матросом на купеческих и промысловых судах.

Кроме учебы, труда за кусок хлеба, жизни в обветшалой избушке у юного Степана была любовь. Звали её Мария, Маня. Жила она в той же Кушереке. Встречались на вечёрках. Но родители Марии, вероятно, испугавшись нищего жития кавалера, запретили ей с ним встречаться, и они расстались.

Зимой 1887 года он познакомился в селе Ворзогоры того же Онежского уезда с молодой вдовой, вскоре они обвенчались. Жизнь неласково обошлась с его невестой Фёклой Андреевной Козобиной. Год назад она вышла замуж за односельчанина Козьму Крысанова. Через четыре месяца муж ушёл на промысел и умер от цынги.

Каков же был ужас молодой женщины, когда молодой муж привёз её домой в Кушереку в полусгнившую избушку, в которой не было даже самовара, а потолок подпирали жерди. Всё, что было нажито Григорием и Параскевой, всё было прожито в годы сиротства. «Она безутешно плакала днём и ночью, это наводило на меня тоску, и временем я был безумен, и бросался бить молодую ни в чем не повинную женщину, и она всё безропотно переносила. Видя ея хорошие качества, я полюбил её всей душой и поклялся сделать её счастливой, хотя бы это стоило мне

жизни»[177]. Своей целью он поставил строительство нового дома.

В 1888 году родился первенец, которого назвали в честь императора-освободителя Александром. Мать Степана Кучина Софья Платоновна к тому времени вышла замуж. Фёкла Андреевна няньчила сына одна. Степан ранней весной уходил в море, возвращался поздней осенью. Зимой работал на постройке судов. В 1891 году новая изба была построена, но Софья Платоновна её не увидела. Она умерла в 1890 году.

Семья росла. Фёкла Андреевна родила семерых: четырёх мальчиков и трёх девочек. Два мальчика, Сергей и Леонид, умерли во младенчестве. Семнадцати лет умерла Настя, любимица отца. Николай из-за перенесённой в детстве травмы стал инвалидом. Радовал Саша, который «рос хотя и не тучным, но смышленым мальчиком».[178]

Степан Григорьевич Кучин. Фото нач. XX в. (Из фондов ОИММ)

В 1896 году случилось ещё одно важное событие. На паях с архангельским купцом Д. Г. Антрушиным Степан Григорьевич купил шхуну «Св. Николай», на которой стал капитаном. В своих воспоминаниях он пишет, что в течение нескольких лет работал

капитаном на судах купца из Сумского Посада И. П. Воронина. Зимой 1896 года, проезжая через Кушереку, тот гостил у Кучиных и обещал после своей смерти оставить судно «Иоанн Предтеча» С. Г. Кучину. Весной он умер, но своё обещание, по-видимому, выполнил. Иначе откуда бы взялись деньги на приобретение «Св. Николая»?

Д. Г. Антрушин вместе с С. Г. Кучиным занимались тем, что впоследствии получит название «поморская торговля». Купцы и крестьяне Архангельской губернии возили в города Северной Норвегии зерно, муку, крупу, там закупали рыбу и продавали её в Архангельске и Петербурге. Торговля была взаимовыгодной и немало способствовала развитию регионов и взаимовлиянию двух культур.

Появился постоянный заработок – 60 руб. в месяц, да ещё и часть дохода от прибыли. В семье появился достаток. Но жизненный уклад не изменился, разве что глава семьи весной уезжал из дому раньше, редко когда Пасху праздновал вместе с семьёй, а осенью приезжал позже. Зима была посвящена обустройству дома. Построили амбар, баню, другие хозяйственные постройки, закупили доски для обшивки дома.

В 1897 году в Кушереке случился большой пожар. Загорелось на Горе, сильный ветер перебрасывал головни через реку. Запылало и там. Гасить пожар было некому. Мужчины – на мурманском промысле или в море, женщины – на сенокосе. В одночасье выгорела половина села. Сгорели сотня домов, бесчисленное количество бытовых и хозяйственных построек. Сгорели мореходные классы, и здесь они больше не восстанавливались. Вознесенскую церковь спасло то, что она стояла в 400 м от ближних домов.

Чудом сохранился дом Степана Кучина. Хотя он и стоял на Горе, но ветер был в противоположную сторону и дом не сгорел. «Летом 26 июня в Кушереке был ужасный пожар, сгорело около 100 домов и новостроящееся мореходное судно. Наш дом загорался во многих местах, но верно Бог сохранил нас, видя, что много-много было положено моих честных трудов, чтобы построить такой домик»[179].

Может быть, именно тогда появилась новая мечта – построить дом в уездном центре в городе Онеге. Саша оканчивал школу, и ему нужно учиться дальше, подрастали девочки.

Место для нового дома в Онеге было выбрано замечательное – на невысокой горушке на проспекте Загородном. Хоть проспект и назывался Загородным, но до реки Онеги было совсем близко, а окна выходили на белокаменный Свято-Троицкий собор, который был всего в 300 м от дома. Дом строили вместительный,

двухэтажный, рассчитанный на большую семью, на детей и внуков. Кучины переехали сюда в 1903 году. Много сил и любви было вложено в этот дом. В своём стихотворении пишет:

> «Носился ветром по волнам по океанам и морям,
> Сперва на рыбных промыслах, затем на парусных судах…
> Хотя вдали моя семья жила спокойно без меня,
> В своём уютном уголке. В уездном милом городке.
> Кругом и зелень, и песок, и мной насажен был лесок.
> Там были баня и хлевы. Коровушку держали мы.
> Там для сена был сенник и дров был полный дровяник.
> Кругом с картофелью поля. Когда весенняя пора,
> Жена моя тогда трудилась, чтобы картофель уродилась.
> Картофель – чудо у нея, всегда родилась хороша»[180].

Степана Григорьевича вряд ли можно назвать богачом. Каждая копейка доставалась с большим трудом, не говоря уже о том, что сама профессия, связанная с ценами на рыбу, успешностью или неуспешностью торговли, не давала ежегодного стабильного дохода.

После беспорядков 1905 года в Торгово-Мореходном училище ввели правило выдавать стипендию только тем ученикам, имущественное положение которых подтверждалось справками из местных полицейских управлений. В справке об имуществе С. Г. Кучина говорилось: «Крестьянин Степан Григорьевич Кучин в Онеге имеет деревянный дом неприносящий дохода с надворными постройками стоящий 500 руб., где проживает со всей семьёй. Кроме того имеет с Архангельским купцом Дмитрием Антрушиным шхуну «Св. Николай» стоящую 2000 руб. по равной части на обоих, на коей он Кучин, состоит капитаном и получает с Антрушина 300 руб. за навигацию, кроме того зарабатывает в навигацию от этой шхуны при перевалке клади 100 руб., все деньги Кучин расходует на пропитание своей семьи, в коей состоит он сам 8-й, работников в семье он один, больше у Кучина никаких средств не имеется. 14 октября 1907 года»[181].

Отца и сына связывали особые отношения. По сути, они мало были вместе. Отец 8–9 месяцев был вне дома. Саша с начала учебы в Онежском городском училище приезжал домой только на рождественские каникулы. Но были письма. К сожалению, сохранилось их очень мало, но они передают ту доверительную атмосферу, которая была между ними. Отец всегда поддерживал, а иногда и «прикрывал» сына. Были у них и размолвки, которые оба тяжело переживали.

Первая крупная ссора произошла осенью 1906 года, когда

Александра чуть не исключили из училища. Отец, по всей вероятности, знал, чем занимался Саша в Вардё, тем не менее он представил справку в училище, что тот закупал рыбу для купца Д. Г. Антрушина, который, напомню, был партнёром С. Г. Кучина. Отец не одобрял революционной деятельности сына, похоже, что и у него в тот год дела были не слишком хороши. Отголосок той ссоры в уже цитированном письме к partifalle – товарищу по борьбе: *«С отцом перепалка. Денег нет. Одно время собирался уходить из училища»*[182].

Саша пытался объясниться с отцом. Вероятно, к этому периоду относится письмо, от которого сохранился лишь отрывок. *«Люди, для которых старый век был хорош, не принимают нового. Но разве можно остановить реку, когда она уже расширилась. Взять Бельгию, Голландию, даже Норвегию – они могут мирным путём достигнуть того, что нам приходится брать с боем. Главным и первым препятствием является самодержавие, и на него обрушивается рабочий класс и крестьянство; вместе с высшими классами; последние не преследуют конечную цель движения, а добиваются только свободы буржуазной, как во Франции»*[183].

Отец не одобрял его плаваний на опасные норвежские зверобойные промыслы и волновался за него. Не по душе ему было и то, что сын занялся океанографией, но деньги на поездку в Берген Саша получил от отца. Здесь, похоже, Саша слукавил. Из его писем к Косте Белову мы знаем, что лето после окончания училища он провёл в Архангельске с Надей. На открытке он пишет сестре Анне, что уезжает в Норвегию *«сегодня в 6 час.»*. На почтовом штемпеле «Архангельск. 31.7.09»[184]. Отец же думал, что он на зверобойке.

«В 1909 году Саша окончил Мореходное училище с золотой медалью и летом приехал в Норвегию и ходил из Тромсё на остров Ян-Майен на судне Гудмонсена капитаном, путь их был скорый. Вернувшись обратно, он побывал у меня в Люнге, но ему на месте не сиделось – он пристрастился к опасным путешествиям. Для этого он вздумал изучить океанографию. В это время, когда мне нужно было уходить в Россию, он остался в Норвегии. Он был откровенный и честный. Я его страшно любил и жалел, старался отговорить, но ничто не помогало. Он настоял на своём, чтобы ехать в Берген учиться. Прощаясь с ним, я до того был взволнован, что, когда отвалил из гавани в Архангельск, долго плакал. Я почувствовал тогда, что окончательно потерял сына»[185].

Особенно много тревог и волнений было, когда Саша отправился в экспедицию с Р. Амундсеном.

«Дорогой Саша! Я вчера получил твоё письмо. Как я рад читать

твои письма, полные надежды на будущее. Дорогой мой! Когда я увижу тебя, веть за 1 ½ года много воды утекет, будем ли мы живы и здоровы; но будем льстить себя надеждой, что скоро кончится этот скучный тяжёлый промежуток времени. С одной стороны, я и рад, что ты пробиваешь себе дорогу, но эти 1 ½ года для меня тяжело звучат на душе»[186] (24 апреля 1910 года).

Он гордится сыном: *«Как я рад, что из тебя выходит хороший мне помощник и что мне есть чем гордиться, а я горжусь тобой и воображаю, как нам будет хорошо вместе, как мы в состоянии будем занимать весь дом»*[187] (12 июля 1910 года). Уговаривает не ходить к полюсу. *«Дорогой Саня! Вчера я получил твоё письмо от 6-го июня, как видно, ты заботишься послать денег домой. Это очень хорошо, мой дорогой. Когда ты приедешь домой, тебе нужно будет купить шубу. Веть тебе 23 года, а ещё нет хорошей шубы, но это пустяки. Ты понимаешь, мы всё это заправим, только скорее спеши домой, мой дорогой дружок. Я не советовал бы тебе идти 2-й раз к полюсу. Эта поездка сопряжена с опасностью для жизни и здоровья и в Тромсё мне советуют съехать с «Фрама» и отъехать домой. Хотя зиму бы отдохнул дома, обрадовал бы мать и сестёр. Да и мне стало тяжело ждать тебя. Ты бы не торопился передавать деньги домой. Если тебе не дадут на дорогу из Америки, то надо много денег на дорогу… У нас Анна, наверное, кончила городское /училище/. Надо бы в гимназию, но года такие плохие, что не можно справиться. Ещё эти зимы благодаря вологжанам удаётся нажить зимою рублей сотню, да от торговли на рынке другую. Оно всё-таки подспорье, но у меня вечно расходы с постройками. Зимою работал новый двор и хлева, ложил в новую баню печку, делал ледник. Всё расходы, а теперь есть проект пристроить дом больше, но до тебя не буду – надо деньги беречь. Веть Фрося стала невеста, да тебя надо женить. Только приезжай скорее. Веселья будет»*[188] (23 июля 1910 года).

Александр благополучно вернулся, но дома он пробыл всего лишь пару месяцев. Началась подготовка к экспедиции на Шпицберген. Между отцом и сыном вновь натянутые отношения. В чём причина? Отцу не нравится норвежская невеста? Отец против новой экспедиции? Или просто за последние 1 ½ года мальчик вырос, у него иные взгляды на жизнь? Сохранился фрагмент Сашиного письма, написанного, вероятно, в мае 1912 г. *«…мы сойдёмся снова, но теперь… На «Фраме» за 1 ½ годовое плавание я был один, у меня не было друзей, я жаждал их. Часто хотел излить свою душу, но не мог. И можешь себе представить, даже дома я не мог поделиться, боясь не быть понятым. Счастливы те люди, которые всегда имеют друзей, которым не приходится уходить в свою раковину. Может быть, и ты в свою*

очередь понял это, и вот почему с тех пор, как ты уехал, ты не написал мне ни одной строчки. Только поклон в письме к маме, поклон наряду с Колей. Горько мне, папа, и поэтому не смог написать раньше. Инстинктивно не мог. Вполне сочувствую тебе, ты, может быть, более одинок; у меня есть верный друг, даже хотя и далеко. Прости меня за это письмо. Так писать родителям не принято, но я не мог удержаться. Пиши или в Тронхейм Русское Консульство или в Александровск, экспедиция Русанова. Скоро напишу ещё, только не такое, а за это прости. Целую тебя. Твой Саша. Дети, которые не говорят правды родителям, лгут»[189].

Экспедиция направилась на Шпицберген. Жизнь Кучина-старшего наполнилась тревогой за судьбу сына, а когда перестали приходить известия, хлопотами по организации её поисков.

Началась Первая мировая война. Совершенно неожиданно Северный морской театр приобрёл важное значение. После блокировки балтийских и черноморских портов Архангельск вновь стал портом, через который грузы союзников поступали в страну. В Белом и Баренцевом морях появились немецкие подводные лодки, которые ставили мины и нападали не только на военные, но и на гражданские суда. Каждый рейс мог стать последним.

Степан Григорьевич занимался обычной работой – возил грузы, ловил наживку, в 1916 году несколько месяцев работал на военное ведомство. «Много здесь пришлось видеть несправедливостей, краж и растратов провианта. Люди мерзли и голодали, а провизию гноили и выбрасывали в море, но говорить про это строго воспрещалось»[190]. Но неизвестность о судьбе Саши угнетала больше всего:

> «Где ты, сын ты мой любимый,
> Где ты гибнешь, мой родной?
> Ты взываешь – я не слышу,
> Только чувствую душой»[191].

Когда угасла последняя надежда? Арктические экспедиции могли быть долгими. В августе 1914 года после двух зимовок вернулся «Св. Фока» экспедиции Г. Я. Седова. В своё время «Фрам» Ф. Нансена дрейфовал три года. Но поиски не давали результата. Печаль навсегда поселилась в доме Кучиных.

В ноябре 1916 года Степан Григорьевич заключил договор о заготовке леса для постройки судна для Е. В. Могучего. В этом договоре А. С. Кучин именуется «почётным гражданином города Онеги». Значит, он был в городе личностью заметной и уважаемой, хотя документов, когда и за что это звание ему было

присвоено, пока не обнаружено. Несомненно, в межнавигационный период, когда он два-три месяца был в Онеге, он занимался благотворительностью, принимал участие в общественной жизни города, в заслугу, вероятно, было поставлено и воспитание сына, участника знаменитой амундсеновской экспедиции.

Судно для Могучего строили по образцу норвежских зверобойных шхун с особо прочным корпусом. Лесоматериалу уделялось особое внимание. Норвежцы ледовую обшивку делали из дуба. Предполагалось, что её сделают в Норвегии, там же установят двигатель, такелаж и другое оборудование.

У Е. В. Могучего уже было одно зверобойное судно «Андромеда». На нём в 1912 году весьма удачно промышлял тюленей и моржей А. С. Кучин.[192]

Епимах Васильевич назвал своё детище «Персей» по имени древнегреческого героя сына Данаи и Зевса, спасителя красавицы Андромеды, победителя морского чудовища медузы Горгоны.

Руководил строительством инженер В. Ф. Гостев, уроженец села Нименьга Онежского уезда, в то время заведывавший доком Товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства на реке Лае, помогал ему М. И. Бачин из села Кушерека.

Планам всесильного мурманского факториста не суждено было сбыться. При спуске корпуса на воду в июне 1919 года традиционная бутылка вина с первого раза не разбилась. Вот и не верь приметам! Судно вместо Норвегии оказалось в Лайском доке в Архангельске, где его и увидел И. И. Месяц, директор Плавучего морского института, созданного по декрету В. И. Ленина в 1921 году для исследования северных морей. Он добился передачи судна институту и переоборудования его как исследовательского. Механизмы и другое оборудование, вплоть до гвоздей и болтов, снимались со старых заброшенных или затонувших судов, которых после войн и революций оказалось немало. Главный двигатель английской фирмы «Амос и Шрют» сняли с затонувшего буксира «Могучий», принадлежавшего когда-то Епимаху Васильевичу.

Для научной работы создали семь лабораторий. Энтузиазмом молодых сотрудников института и опытом архангельских корабелов первое советское научно-исследовательское судно было спущено на воду и совершило свой первый рейс в 1923 году. Сотрудники института распевали песенку:

«Так по винтикам нами собран был
Институт изученья морей…
За могучий вид да за звёздный флаг

Полюбили мы гордый «Персей».

На флаге «Персея», придуманном ими же, на синем фоне семь звезд созвездия Персея. Имя осталось как символ победы добра и света над злом и разрухой, а медуза Горгона ассоциировалась с теми тайнами, которые следовало открыть в водах северных морей.

«Персей» прошёл славный путь. За годы плавания он совершил около сотни научных экспедиций в Северном Ледовитом океане, был у берегов Земли Франца-Иосифа, Шпицбергена, Новой Земли, Ян-Майена. Его корпус выдержал все испытания. 10 июля 1941 года судно было потоплено немецкой авиацией в Кольском заливе.

С «Персеем» связаны имена многих кораблестроителей и первых советских учёных. В истории этого знаменитого судна есть и частица труда Степана Григорьевича Кучина. По-видимому, его роль не ограничивалась только заготовкой леса, он осуществлял общее руководство, нанимал мастеров, организовывал работу, закупал необходимые материалы, занимался иными хозяйственными делами. В автобиографии он пишет: «1919 заведывал постройкой кораблей в Онеге, спустил с верфи новостроящийся п/х «Персей», который в настоящее время находится в распоряжении научно-промысл. экспедиции»[193].

С 1916 года, когда с событиями Первой мировой войны «поморская торговля» с Норвегией прекратилась, его основными занятиями становятся наживочный промысел и лов сельди. Местом промысла избрана Тюва-губа на Мурмане.

Наживочный промысел начался ещё в предвоенные годы. При ловле трески ярусами на крючки насаживалась мелкая рыба – мойва, сельдь или песчанка. От наживки зависели уловы. Вначале её добывали сами промышленники, но это требовало много времени и сил. В начале XX века появился новый промысел – ловля наживки и доставка её к становищам. Пионером в этом деле был Е. В. Могучий. Он и привлёк Степана Григорьевича к этому промыслу, который стал настоящим мастером и занимался этим долгие годы.

После установления советской власти промысел продолжался. С годами совершенствовалась и технология лова. Рыбу запирали неводами в узких заливах-губах, которые обычно образуются в устьях рек, и вылавливали. Часть солили на месте в бочки, часть передавали рыбакам. Ярусный лов уходил в прошлое, рыбу всё больше ловили тралами, но дешёвая солёная селёдка пользовалась спросом.

Степан Григорьевич работал, как всегда, добросовестно. В 1920 году он был назначен заведующим сельдяным промыслом в Кольском заливе. В мае-июне уходили в море, в сентябре-октябре возвращались. За свой труд 12 января 1928 года он получил от Севгосрыбтреста золотые часы с надписью «В ознаменование пятидесятилетней плодотворной работы на рыбных промыслах Севера Степану Григорьевичу Кучину».

Беда пришла, откуда не ждали. В стране начался процесс коллективизации. К кулакам был причислен и С. Г. Кучин. Его лишили избирательных прав и обложили громадным сельскохозяйственным налогом. Степан Григорьевич в недоумении, он пишет домой. *«Дорогая Анюта! Целую тебя и шлю мой привет. Как видно из Лизина письма, что меня облагают в Онеге каким-то небывалым налогом, она называла сельскохозяйственным, но веть сельского хозяйства у нас нет, а подоходный налог у меня удерживался ежегодно предприятием, где я служил, поэтому я посылаю удостоверения о получаемом мною жаловании»*[194].

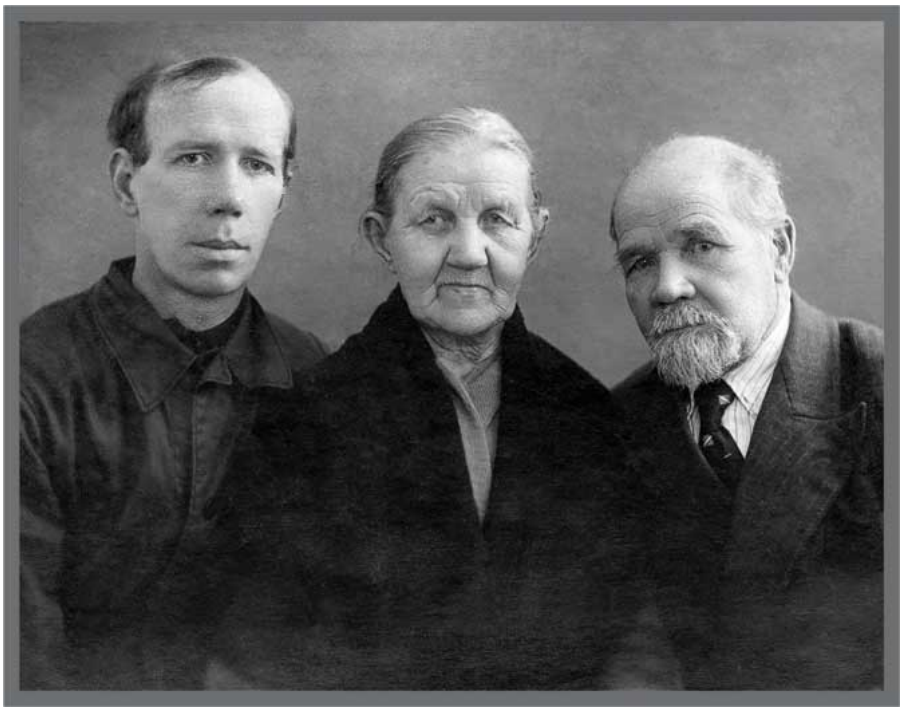
Обывательская зависть к успешному человеку, к семье, которая живёт чуть лучше, сделали своё чёрное дело. Ему вспомнили и «почётного гражданина», и дружбу с богачом Е. В. Могучим, и полученные из Норвегии 2600 крон, которые правительство Норвегии выдало в виде премии всем участникам экспедиции Р. Амундсена к Южному полюсу, и двухэтажный особняк, в котором было бы так хорошо разместить медицинское учреждение для трудящихся. Налог в размере 2570 руб. был уплачен. Он оказался больше годового заработка заведующего сельдяным промыслом. Вероятно, на его уплату пошли норвежские деньги. Потребовалось вмешательство всесоюзного старосты М. И. Калинина, чтобы дело было прекращено. В правах восстановили, но дом не вернули.

Степан Григорьевич заболел и был вынужден уйти на пенсию. Жить в Онеге по понятным причинам он не мог. Семья переехала к дочери Лизе в Ленинград в коммунальную квартиру на Петроградской стороне. Одна комната с простым убранством: четыре кровати, круглый стол, диван с большой спинкой, который разделял комнату, ширма, закрывавшая кровать, печь-голландка, отделанная кафелем, верёвка для одежды от стены к стене. На общей кухне семь примусов – у каждой семьи свой.[195]

Жили вначале вшестером, потом Лиза с мужем уехали в Нарьян-Мар. Остались вчетвером – Степан Григорьевич, Фёкла Андреевна, Анна и Николай.

Что чувствовал этот человек, построивший в своей жизни два дома, в этой каменной коробке?

Для Степана Григорьевича дом был не просто местом жительства, крышей над головой. Это было материальным свидетельством того, что он чего-то добился в жизни. Дом и большая дружная семья – это был мир, ради которого он всю жизнь тяжело работал и мёрз в северных морях. В межнавигационный период он любовно обустраивал свои «домики», совершенствовал, а под конец жизни оказался в большом чужом городе и общей квартире. Тем более потрясающими кажутся его письма, посланные дочери Ефросинье Степановне в Онегу из блокадного Ленинграда:



Степан Григорьевич, Фёкла Андреевна и Николай Кучины. Ленинград. 1930-е гг. (Из фондов ОИММ)

Троицкий собор в Онеге. 2013 г. (Фото Л. Симаковой)

Дом Кучиных в Онеге. Сейчас здесь расположен Онежский историко-мемориальный музей А. С. Кучина. 2013 г. (Фото Л. Симаковой)

«14.07.41 г. Здравствуй, дорогая Фрося! Целую тебя и желаю всего хорошего. Привет Павлу Яковлевичу. Фрося, ты ничего не пишешь, как живёшь. От Нади тоже давно не было письма. Не

знаю, где Володя и Надя. Теперь такое время, что трудно узнать. Здесь у нас пока спокойно, и я думаю, что скоро война окончится. Фашизм будет разгромлен. Так что о нас не беспокойся. Мы все здоровы. Из Архангельска давно не получаем писем. Целую Лизочку (внучку – *прим. авт.*) *и жалею, что настало такое время и удастся ли Вас ещё увидеть. Передайте привет Галечке и Наденьке. Какая погода у Вас? Здесь стоит жара»*[196].

«6.08.41 г. Здравствуйте, милые Фрося, Паша и Лизочка. Целуем Вас всех и желаем всего хорошего. Милая Фрося! Письма от Нади и Галины получили, теперь письма ходят очень медленно, из Онеги и Архангельска 10 дней. Мы живём почти по-старому, немного увеличились очереди в связи с затруднениями транспорта. Налёты врага на Ленинград были часто, но город хорошо охраняется, так что мы ещё никакой бомбардировки не видели и живём. Все здоровы, только приходится дежурить у ворот и на чердаках. От Вас и от Лизы получаем письма очень редко. Пишите. Чаще. Вы об нас не тужите»[197].

«14.09.41 г. Крепко целуем все тебя, Надю, Володю и Нину с семьёй. Здесь война, ужас и смерть, вечером ложимся – не знаем, встанем ли утром. Дома разрушаются в один миг. Жертвы от разрушений большие. Вчера на углу Гелеровской и Зелениной № 9 и 14 разрушены. Придётся ли увидеться, Бог знает? Анюта тоже в опасности. Порт сгорел. Прощайте»[198].

«9.11.41 г. Крепко-крепко целую тебя, моя дорогая дочь. Что-то долго от тебя нет весточки, и я не удивляюсь. Разразившиеся несчастья над нашей родиной, от которых стынет кровь, не миновали и тебя. Ты лишилась мужа, огромная забота с детьми и неизвестность престарелых родителей, которые находятся в железном кольце фашистов, изнемогая от голода, напрягая последние старческие силы в борьбе за освобождение родной страны, родного города и вместе с тем за своё существование. Каждый час мы находимся в опасности от неприятельских выстрелов, особенно Анюта, дежуря на опасных постах территории порта. Кругом нас рвутся неприятельские снаряды, разрушаются дома, но мы привыкли к такому аду. В 1919–1921 годах хотя и было голодно, но, во-первых, не было страхов за жизнь детей. Своей я уже не считаю, безразлично, лишь бы убило сразу без мучений, а как хочется посмотреть на Вас: тебя, Лизочку и Галю, особенно тебя и Лизы я давно не видел. Я очень рад за Лизу и Андрея, они далеко отсюда, от голода и бойни. От Володи получил письмо, в котором он пишет, что учится военному делу и скоро, вероятно, заберут на войну. Трудно и тяжело всё это переживать, но одна надежда на бога, что суждено, того не избежать. Для тебя, быть может, наступят светлые дни и

спокойная старость. А я ещё раз целую тебя и всех внучат и благославляю на добрые дела на пользу Родины-Отечества и своего народа, с которым мы были неразрывны. Я всю жизнь работал для народа, наши дети, и особенно наш Саша погиб во льдах Арктики за науку и славу Родины. Желаю всей душой моим внукам бороться с врагами Родины и народа. Письмо это придёт к тебе нескоро, и если мы переживём эту войну, то приедем первым долгом в родную Онегу. Пока все здоровы»[199].

В этих письмах нет обиды на власть, отобравшую у него всё. В них боль за судьбу Родины, тревога за родных, горячая вера в Победу, до которой ни ему, ни Фёкле Андреевне, ни Николаю, ни мужу Фроси Павлу, ни внуку Владимиру дожить не привелось.

Степан Григорьевич умер зимой 1942 года. Н. П. Мищенко рассказывала, как Анна «в лютый мороз довезла до кладбища тело дедушки, а зарыть в землю сил уже не было. Так и стояла она над стариком, глотая слёзы, пока не наступила глухая ночь»[200].

В Книге Памяти жертв блокады Ленинграда краткая запись:

«КУЧИН СТЕПАН ГРИГОРЬЕВИЧ. 1868.
МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ – ЛАХТИНСКАЯ УЛ., Д. 25-Б, КВ. 3.
ДАТА СМЕРТИ – ФЕВРАЛЬ 1942 Г.
МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ – СЕРАФИМОВСКОЕ КЛАДБИЩЕ»[201].

IX. Сестра

У Александра было четыре сестры. Старшая Фрося (1891–1956) вышла замуж за Павла Корнишина. У них родились четыре дочери и сын. Муж и сын погибли в годы Великой Отечественной войны. Нынешние потомки Кучиных – внуки и правнуки Ефросиньи Степановны.

Сестра Анна (1894–1982) окончила педагогические курсы в городе Шенкурске Архангельской губернии, работала учителем, а при переезде в Ленинград – экономистом в порту. Ей выпала судьба ухаживать за престарелыми родителями и инвалидом братом Николаем. Она их и хоронила в блокадную ленинградскую зиму 1942 года.

Самая младшая Настя (1900–1917) умерла совсем юной.

Но одной сестре, Елизавете, удалось прожить жизнь так, как мечтал брат, – окончить университет, заниматься наукой, изучать родной Север.

Она родилась 16 октября (28 по н. с.) 1898 года в Кушереке. Символично, что восприёмником при крещении, крёстным отцом её был брат Александр.[202] Лиза была четвёртым ребенком.

Вскоре семья переехала в Онегу. В 1914 году она окончила Онежское женское начальное училище. Эти годы были омрачены отсутствием известий о судьбе брата, может быть, именно в это время грусть навсегда поселилась в её глазах. По этому печальному, прямому и строгому взгляду Елизавету Степановну легко найти на фотографиях разных лет.

Затем она поступила в 5-й класс II женской (Ольгинской) гимназии в Архангельске.[203] Ольгинская гимназия, или, как она именовалась официально, «состоящая под Августейшим покровительством ея императорского Величества Великой княжны Ольги Николаевны Архангельская женская гимназия», была новой и демократичной. Её открыли в 1906 году, а в классе, где училась Лиза, из 37 девочек 20 были дочерьми крестьян и мещан.[204] Стояла гимназия на берегу Северной Двины напротив Мосеева острова, где когда-то Петр I поставил первую государственную судоверфь. Здание сохранилось до настоящего времени.

Обязательными предметами в гимназии были Закон Божий, русский язык, математика, история, физика, космография и гимнастика, необязательными – французский и немецкий языки, педагогика и рисование. Вместе с Лизой училась Парасковья Негодяева – её онежская подружка. Жила Лиза Кучина у сестры Фроси. В отчётах за четверть классные руководители указывали

девочек, которые живут не у родственников. Лизы в этих списках нет.

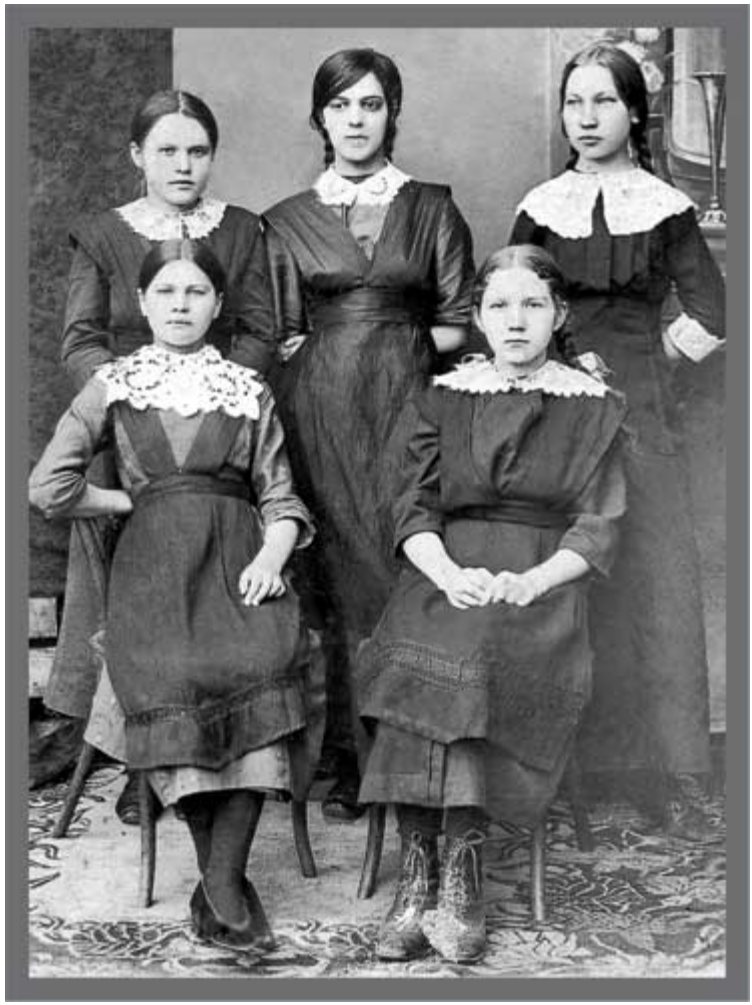
Началась Первая мировая война. Архангельск не был прифронтовым городом, но, как все северные города, жил за счёт продовольствия, привезённого из южных районов. Цены вскоре выросли вдвое. Родители и педагоги организовывали комитеты, чтобы обеспечить гимназисток дешёвым питанием.

Патриотический подъём в те годы был необычайным. Чтобы помочь стране, гимназистки шили бельё для раненых. Ткани закупали гимназия и родители. Из протокола педсовета Ольгинской гимназии от 3 ноября 1914 года:

> «Для раненых изготовлено из материалов, приобретённых гимназией и Обществом воспомоществования гимназии, 33 рубашки из бумажного полотна и 55 шт. кальсон (гимназия затратила 74 р. 86 к., Общество – 34 р. 75 к., всего – 109 р. 61 к.). Из материи, пожертвованной ученицами, их родителями и педагогами, – 75 рубашек (3 дюжины ситцевых, 1 дюжина бумазейных, 27 шт. из бумажного полотна), 12 кальсон, 18 наволочек, 12 полотенец, 24 носовых платка на сумму 101 р. 70 коп»[205].

Вместе с другими девочками склонялась над рукоделием и Лиза. Пожалуй, с этого времени её судьба будет тесно переплетена с судьбой Родины, и она всю жизнь будет совершенно осознанно трудиться для её блага и вместе с ней переживать самые трудные времена её истории.

Учителя и ученики Онежского высшего начального училища. Стоит вторая справа Лиза Кучина. 1910–913 гг. (Из фондов ОИММ)



Гимназистки Ольгинской гимназии. Сидит справа Лиза Кучина. Архангельск. 1914-1917 гг. (Из фондов ОИММ)

В 1917 году она окончила гимназию с золотой медалью и поступила в 8-й общеобразовательный класс этой же гимназии. [206] Окончание этого класса, программа которого соответствовала курсу мужской гимназии, давало возможность поступить в высшее учебное заведение.

Общеобразовательный класс появился в гимназии впервые. Это стало следствием демократизации общества после февральской революции 1917 года и борьбы женщин за свои права. До этого времени дополнительный 8-й класс готовил

домашних наставниц и учительниц. В нём девушки углублённо изучали один, два, редко три предмета (русский, математику, французский) и методику их преподавания. Теперь же они могли поступать в институты и университеты и учиться наравне с юношами.

8-й класс был успешно окончен, однако в смутное время войн и революций о продолжении учебы не могло быть и речи. Лиза вернулась в Онегу и стала работать учителем в школе 1-й ступени в селе Порог Онежского уезда. Но желание учиться было сильнейшим, и, как только появилась возможность, в 1922 году она поступила в Архангельский практический институт народного образования. Девушка мечтала заниматься наукой, как её брат Александр, бывший для неё примером, а институт готовил только учителей. Поэтому, проучившись год, Лиза уехала в Петроградский государственный университет и начала обучение на биологическом отделении физико-математического факультета.

Нам неизвестно, когда и при каких обстоятельствах пришло к ней решение заниматься ихтиологией, однако уже в студенческие годы она занималась ихтиофауной Севера, о чём свидетельствует запись в дневнике её отца Степана Григорьевича о том, что Лиза приезжала к нему на Мурман.[207] К этому времени относится её первая известная работа по изучению промысла семги на Онеге.

Е. Кучина успешно окончила университет в 1928 году. Получив специальность гидробиолога-технолога, она была направлена в Институт по изучению Севера, где работала научным сотрудником. Здесь были подготовлены опубликованные позднее статьи «К вопросу о питании мурманской трески» и «Возрастной состав трески весной 1929 года на Западном Мурмане». Интерес к этой проблематике не случаен. Её отец Степан Григорьевич в это время на Мурмане занимался добычей наживки для трески. Безусловно, колоссальный опыт промысловика помог Елизавете Степановне в её работе.

В 1930 году в связи с реорганизацией института она перешла на работу в Ленинградский ихтиологический институт, преобразованный впоследствии во Всесоюзный научно-исследовательский институт озёрного и речного хозяйства (ВНИИОРХ). В 1932–1934 годах отдел прикладной ихтиологии института возглавлял отлучённый от Ленинградского университета, классик ихтиологии Лев Семёнович Берг, которого Е. С. Кучина считала своим учителем. Энциклопедист Л. С. Берг, известный своими работами по ландшафтной географии и номогенезу, в университете занимал должность заведующего кафедрой географии. Однако его взгляды на развитие природы

вступили в противоречие с марксистско-ленинской идеологией, и он был вынужден уйти из университета.

Елизавете Степановне крупно повезло, что в начале творческого пути она работала под руководством такого великого учёного. Л. С. Берг изучал пресноводных рыб. Возможно, под его влиянием в дальнейшем круг научных интересов Елизаветы Степановны будет связан с рыбами рек и озёр. В институте Е. Кучина изучала биологию и промысел семги на Мурмане, реках Онега, Сояна и Мезень.

Л. С. Бергу нравились трудоспособность и дотошность в работе молодого учёного. Он высоко оценивал её работу. В 1935 году Высшей аттестационной комиссией ей была присуждена учёная степень кандидата наук без защиты диссертации.

Она получила комнату в коммунальной квартире на Петроградской стороне, куда впоследствии переехали родители, сестра Анна и брат Николай.

В 1935 году Елизавета Степановна уехала в Нарьян-Мар по месту работы мужа Андрея Алексеевича Дедова, геоботаника, исследователя оленьих пастбищ. Здесь Е. С. Кучина по договору с ВНИИОРХ продолжила изучение промысла сёмги в низовьях Печоры. В мае 1938 года их с мужем пригласили в Архангельск для работы на Северной базе АН СССР.

Северная база АН СССР была создана в 1936 году на базе Бюро по изучению Северного края Полярной Комиссии АН СССР. В конце 1930-х годов она активно развивалась. В 1939 году в её штат входило уже 40 сотрудников, работавших в трёх направлениях: геология, ботаника, зоология. Тематика исследований была связана прежде всего с обеспечением нужд народного хозяйства: поиск полезных ископаемых, изучение пастбищ, почв, лесных и водных ресурсов. Возглавлял Северную базу Н. М. Книпович. Возможно, именно он, помнивший её брата, инициировал приглашение Елизаветы Кучиной в Архангельск.

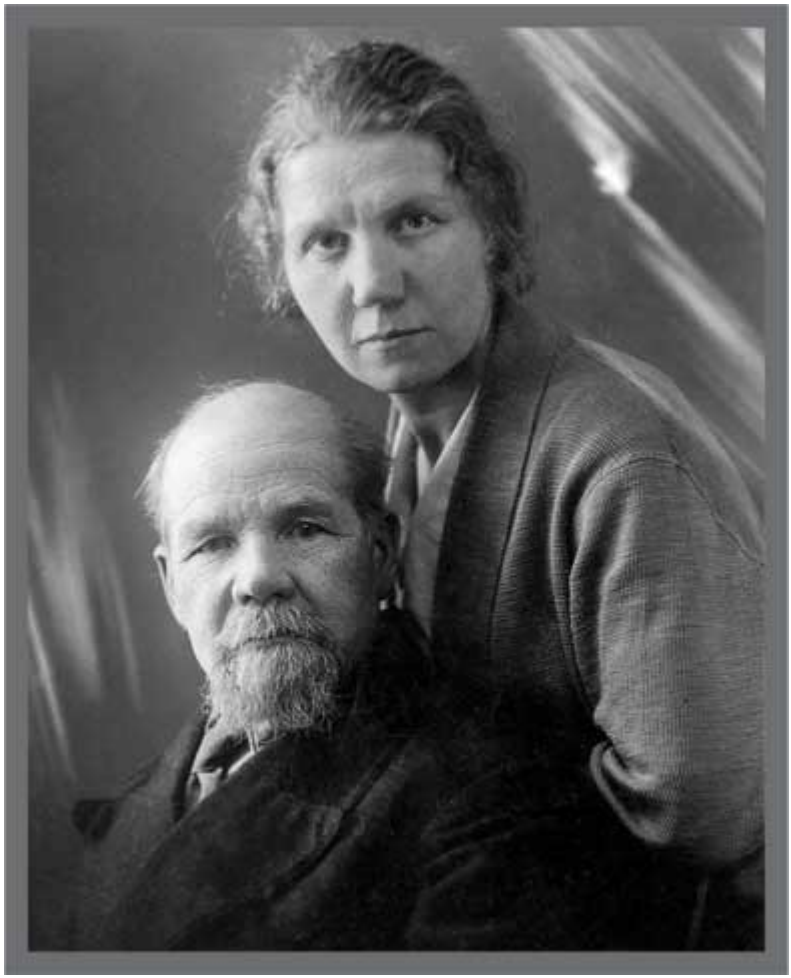
Елизавета Степановна работала в отделе «Рыбно-промысловые ресурсы и рыбные промыслы на реках и озёрах Севера». Перед отделом стояли практические задачи – научное обеспечение рыбного промысла на реках и озёрах Севера. Отдел работал как по плану научных исследований, так и по заявкам организаций. Е. С. Кучина выполнила анализ сельди из опытного лова в Двинском заливе для Севрыбвода[208], подготовила заключение по обследованию озера Лача в связи с заболеванием и гибелью рыбы в озере для Архмалрыбтреста.[209]

В 1938 и 1939 годах Северная база АН СССР провела большие экспедиции по изучению ихтиофауны Северной Двины. Первой экспедицией от села Уйма (пригород Архангельска) до села

Емецк руководил Н. А. Остроумов, второй экспедицией, изучавшей верхнее течение от села Емецк до Котласа, – Е. С. Кучина. Результатом работы стала подготовка научного отчёта о работе Северодвинской рыбопромысловой экспедиции Северной базы АН СССР в 1938 году.[210]

> Из научного отчёта 1938 года: «Срок 16.06–25.08. Исследовано 145 км основного русла, а также курьи, протоки, рукава, старицы, озёра. Оборудование: 2 гребные лодки и байдарка на озёрах, самолов – один порядок с 300 крючков, 20–25 м мелкоячеистый неводок, крупная рыба бралась у рыбаков. Сделана 121 гидробиологическая станция, где взято 196 проб. На станциях с полным комплексом исследования измерялись поверхностная температура, прозрачность воды, скорость течения, пробы планктона и грунта»[211].

За этими скупыми строками тяжёлая полевая работа. Семьдесят один день на лодках без мотора, на вёслах, 1–2 станции в день при любой погоде с измерением температуры воды, забором грунта и воды для определения кормовой базы и химического состава, забрасывание и вытаскивание невода и самолова, первичная камеральная обработка добытого, упаковка, еда с костра, ночёвки в палатках или где придётся. Далеко не женский труд. Для Елизаветы Степановны, невысокого роста, худенькой, даже хрупкой женщины, он был обычным многие годы.



Е. С. Кучина с отцом. Ленинград. 1930-е гг. (Из фондов ОИММ)

Е. С. Кучина за работой. Сыктывкар. 1940-1950-е гг. (Из фондов ОИММ)

В результате исследования было выявлено 25 видов ихтиофауны. Промысловых рыб 19 видов: стерлядь, сёмга, лещ, щука, налим, сиг, нельма, минога, ряпушка, язь, головель, окунь, ёрш, плотва, елец, уклея, густера и пескарь. Елизавета Степановна приходит к выводу, что наличие рыбы старших возрастов свидетельствует о недоиспользовании естественных богатств.[212] Другой вывод, о том, что самоловы вполне безопасны для лова стерляди, вызвал споры среди коллег.

Самолов – это рыболовная снасть в виде длинной верёвки-«хребтины», лежащей на дне, к которой на небольших лесках-«поводках» привязывали крючки. Для того чтобы держать крючки в вертикальном положении, к ним привязывали небольшие поплавки. Стерлядь – рыба донная. Она цепляется за крючки, иногда застревает, иногда пораненная срывается, поэтому самолов считался браконьерской снастью.

В следующем году Е. С. Кучина добивается организации специальной экспедиции опытного лова стерляди, во время которой сравнивался лов стерляжьей донной сетью-поплавью и самоловами. Она доказала, что массивные крючки с хорошо заточенным и загнутым к цевью жалом, смазанные салом или иным жиром, не повредят жизненноважных органов рыбы, а маленькие ранки хорошо зарубцовываются. Сеть же в условиях засорённости реки лесосплавом быстро рвётся и малоэффективна.

[213]

Стерлядь появилась в Северодвинском бассейне в 1810 году, когда во время сильного паводка прорвало шлюзы на Екатерининском канале. Екатерининский канал строился с 1785 по 1822 год по указу Екатерины II и соединял Каму и Вычегду через их притоки – Южную и Северную Кельтму. Он был частью Северо-Екатерининского водного пути, по которому товары южной России и Сибири могли перевозить в Архангельск, однако просуществовал всего 19 лет. Именно этим путём камская стерлядь попала сначала в Вычегду, а затем в Северную Двину и благодаря хорошей кормовой базе и отсутствию паразитов развивалась и быстро расплодилась. По вкусовым качествам она превосходила волжскую, пользовалась большим спросом и стоила в два раза дороже. В 1910 году в С.-Петербург было доставлено 610 пудов двинской стерляди, поэтому интерес к ней в 1930-е годы был неслучаен.

Первый день Великой Отечественной войны Елизавета Степановна встретила также в экспедиции. Она исследовала возможности добычи рыбы на Кудьмозере для населения строящегося города Молотовска (в настоящее время – Северодвинск – *прим. авт.*), где создавался центр строительства подводных лодок.

Осенью 1941 года Северная база АН была эвакуирована в Сыктывкар. Вместе с другими сотрудниками в Сыктывкар переехала и Е. С. Кучина. «Всё – для фронта, всё – для Победы!» – этим жила вся страна, этим жила и Елизавета Степановна. Она исследовала озёра в прифронтовой полосе Северной Карелии для обеспечения военнослужащих и жителей продовольствием, руководила комиссией по сбору тёплых вещей для бойцов Красной армии, помогала семьям погибших, читала лекции по ихтиологии для студентов Карело-Финского университета, также эвакуированного в Сыктывкар, вела их летнюю практику. Ко всякой работе она привыкла относиться добросовестно, не считаясь с затратами сил и личного времени. За это она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а в 1946 году принята в ряды коммунистической партии.

Вся её последующая жизнь была связана с Сыктывкаром, с Коми филиалом Академии наук СССР, с исследованием ихтиофауны реки Печоры, озёр и рек Республики Коми. Особенно её интересовали вопросы, связанные с воспроизводством промысловых рыб и с разработкой мероприятий по спасению молоди. Занимаясь изучением ихтиофауны в Усть-Цилёмском районе, Е. С. Кучина выяснила, что после весеннего разлива

Печоры, когда вода спадает, много молоди остаётся в маленьких озерцах и погибает. Е. С. Кучина предлагала проводить специальные мероприятия по её спасению – рытьё каналов и канальцев для спуска молоди в реку. Это и отличало её работы: скрупулёзные и обстоятельные научные исследования, вслед за этим разработка рекомендаций по использованию рыбных ресурсов и их воспроизводству.

Многие годы работавшая вместе с ней Ия Васильевна Забоева пишет: «Обладая широкой эрудицией, знанием литературы и большим опытом ведения научно-исследовательских работ, Е. С. Кучина успешно организовывала и проводила научные исследования. Работы Елизаветы Степановны всегда отличались строгой продуманностью и систематичностью, чрезвычайной добросовестностью и полнотой разработки вопросов, а также ценными как в научном плане, так и в хозяйственном отношении выводами»[214]. Говоря о личных качествах, Ия Васильевна отмечает: «Елизавета Степановна была на редкость добрым человеком, очень отзывчивым на все людские беды… Это был человек с высоким чувством ответственности и долга перед наукой и перед каждым, кто с ней общался. Что бы она ни делала – она во всё вкладывала частицу своей доброй души, отличаясь аккуратным отношением к любому делу, выдержанностью и принципиальностью»[215]. К тому же она была весьма щепетильна. Во время экспедиций выловленная рыба, после соответствующих измерений и исследований, употреблялась в пищу, но Елизавета Степановна платила за неё – сдавала деньги в кассу Коми филиала.

Требовательная к себе, она не умела постоять за себя. Может быть, поэтому почти половина её работ – рукописи в архивах. Она не стала доктором наук и не получила прочих высоких степеней и званий. Она была из тех, кого называют «скромный труженик науки», но на ком эта самая наука и держится.

Её уважали и ценили коллеги. В день её 60-летия (почему-то она праздновала свои дни рождения 4 ноября) ей преподнесли очень трогательный адрес, подписанный десятками человек – не только биологами, но и историками, археологами, геологами, филологами. Вот его текст:

«Уважаемая Елизавета Степановна!

В день Вашего славного юбилея горячо поздравляем Вас и выражаем глубокую признательность за Ваше постоянное и деятельное участие в научной и общественной жизни филиала! Ваши обстоятельные работы по ценнейшим северным рыбам – сёмге, гольцу, сигам – навсегда вошли в золотой фонд отечественной биологической литературы. Для молодёжи

результаты Вашего плодотворного труда – источник знаний, образец тщательности в исследованиях и любви к природе. Первоначально как сподвижница акад. Л. С. Берга, а впоследствии как самостоятельный руководитель тем и экспедиций, Вы изучали ихтиофауну всех крупнейших рек Севера: Онеги, Мезени, Сев. Двины, Печоры, Вычегды, Усы.

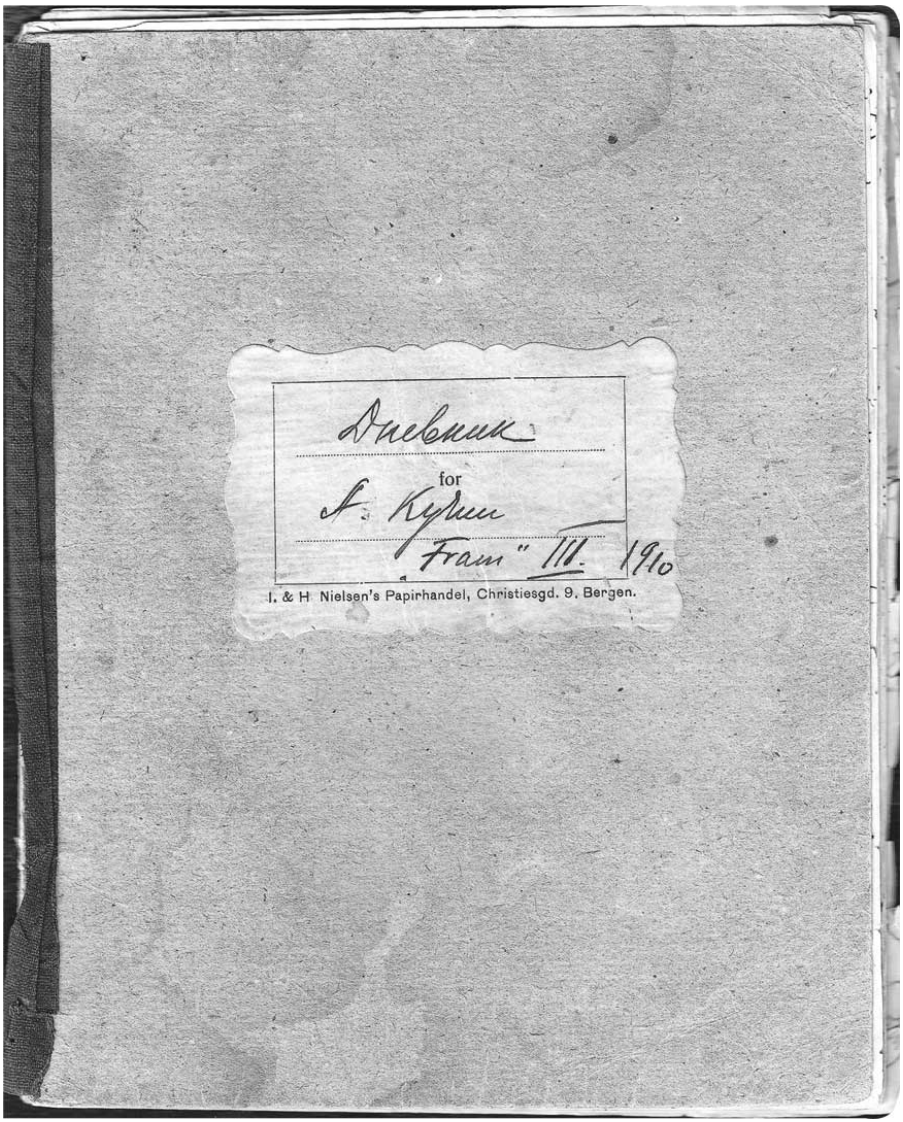
Е. С. Кучина у дверей своей лаборатории. Сыктывкар. 1960 г. (Из фондов ОИММ)

20 лет своего самоотверженного труда Вы отдали Республике Коми, имеющей в Вашем лице высококвалифицированного специалиста и консультанта по вопросам рыбохозяйственной науки и практики. Искренней симпатией платят Вам люди за внимание к ним и отзывчивость. На многие годы, дорогая Елизавета Степановна, желаем Вам от всей души доброго здоровья и бодрости!»[216]

В 1961 году по состоянию здоровья Елизавета Степановна вышла на пенсию. Умерла в 1977 году и похоронена в Сыктывкаре.

Коллеги Елизаветы Степановны, учёные Коми филиала АН СССР и нынешнего Коми научного центра высоко оценивают тот вклад, который внесла Е. С. Кучина в изучение рыбных богатств республики. 100-летию со дня её рождения была посвящена статья в «Вестнике Института биологии» № 13 от 30.11.1998 года.

В ней говорится: «Без обсуждения, нашли или нет подтверждение тот или иной вывод и заключение, очевидно, что они… легли, наряду с выводами других авторов, в основу последовательного перехода на новый уровень познания закономерностей организации и функционирования экосистем и их биологической составляющей. В этом их непреходящее значение»[217].



Первые 16 страниц факсимильного дневника А. Кучина. Всего в дневнике 52 страницы

На SW виден South Foreland, за ним скрывается Дувр. Мимо проходит масса пароходов. Рейд наполняется всевозможного типа парусными судами.
Тут видел норвежский гамбург с поднятым флагом рады „Fram"a, прошел корабль, новенький, чистенький, „Alica" из Гамбурга, трехмачт. шхуна из Виндавы. А мимо постоянно проходят пароходы. Одни из идут в Лондон, другие из Лондона, как центра, во все углы мира. Проходят пароходы Вест-Индских линий, Немцы взяли двухтрубные пароходы Hamburg-America Line.
Вахты распределяются т.о. С двух часов ночи I. Jiersen, Helmer и я до 8 ч. утра. Затем мы идем спать. Остальные работают. С 8 до 2х трое с другой вахты.
В 2х на берег пудем с почтой первый штурман. Я не успел

капитан да, правда, и не хотим.
16, 17 Августа. Ветер затянулся. По ночам выходим „считать звезды". Днем я имею довольно кропотливую работу. На машинке Lucas порядочно поржавела струна (для смазки употребляли тюленью ворвань). Еще в Кр. Заводе я снял на другую катушку, что было порезано - 3500 метров. И теперь приходится мерить и смазывать мерным карандашом и наматывать на аппарат. Слава Богу, осталось всего 800 метр..
18 Августа. Надоело стоять на якоре. В 22. дня подняли якорь. Ветер противный, но течение попутное. Идем со скоростью 3 узлов. Прошли много буев в расстоянии не более одного кабельтова от нас.
В 8г. ветер немного посвежел. Идем-идем двигаемся, но вперед. Впереди видно

два маяка на Dungenes. Прошли Folkestone.

19 Августа. В 2½ ч утра вышли на вахту. Ветер свежий. Судно перестает управляться. В 5½ поставили косые паруса. Шторм с дождем и туманом. В 11½ стали на якорь за Dungenes. Д. на SSW½W.

Кажется уже привыкли к запаху и виду собак. Вторые по ночам держат себя спокойно. Только матросы не спят и тихонько ворчат друг на друга. Особенно тот полосатый самец. Мой пес из самых спокойных.

20 Августа. В 4½ утра вдруг стали чувствоваться удары о дно. Бросили лот. Только 19 фут. (Ср. уг. 17½). Начали поднимать якорь. Мотор для подъема перестал работать и пришлось работать рукоятками. Работа не из легких. Я был в хорошем настроении. В 2½ дня с прошли Dungenes

В 8½ дождь, туман, ветер W.
21. Августа Воскресенье. Все тот же ветер. В 2½ подошли близ. гала. к земле, в 12 м. от Beachy Head на W. 22 Августа. Ветер тот же. Наш звероловец объявил: 6 голубей, выпущенные для корма увидев землю улетели. В 7½ веч. вечера St. Cath. Point на N62W. Ветер дует на NNW. Сегодня заложили мачту провозлашка на Lucia's ma mast.
27 Августа. Место в полдень 3°47'48", L. 7°15' w. Вечером шторм от SW. В 9½ вечера убрали фок, пер. кливер, гарель-топсель, сдернули по гарелю будель. Адская качка. Судно черпает обоими бортами и нет возможности уснуть. Все лежат по каютам. В 2½
28 Августа. В 2½ вышел на вахту на средней палубе кок. Все каракатицы по палубе. В темноте запутался за что-то и упал два прохода.

ся во всю ширину судна, между различными каюками, лодками и т.д.. На палубе собаки воют и визжат. Взлет уже удался. К концу вахты значительно удалось выяснить. Взяли курс на NW. Взлетели на пр. галс, пустили в ход мотор, поставили все паруса. Когда спустилось вторая забавное происшествие. Посадили поросенка вырвать закусили в одиночестве и выпрыгнул из своего плена обежать судна. Но это был бег с препятствиями. Короткие ноги не могли стоять на качке. Но у обоих бортов их поджидали в зубы привязанные там собаки. Перед входом на среднюю палубу нам удалось отнять его от собак и с большим трудом водворить на место успокоения. На поворотах 5-6 значительных раз и порядочно ударился на остальном пути

После обеда роскошная погода. Сидим на палубе с сигарами в зубах.

Характерно то, что почти совершенно не замечаешь перемен ни в климате.

В метеорол. журнале читаем: $\varphi = 57°19'$ $\lambda = 6°50'$ E. t воздуха в полдень 18°.0, t воды 17°.2. Дальше в Ирл. море t воздуха 15°.3 — 18°.0, воды 15°.7-16.4 Зундъ уже: 26/VIII. $t_{air} = 16.5$ $t_w = 16.°2$

$\varphi = 49°.3$	27 —	17°.5	16.5
— $47°.24$ $\lambda = 7°.00'$ W	28 —	15°.7	16°.1.

Воскресенье 4го Сентября. Вот уже 5-6 дней (с 31го авг.) мы имеем ветер с кормы и идем со скоростью 5 м. в час. Не повезло нам. Скверная погода. Темп. воздуха 22°C, воды тоже. Тапки и шерстяные рубашки завелись. Вот-то. Сегодня на палубе растянуты 8 одеял.

Seiler т. е. палуба все время в тени. Привольно и работать в таких условиях. Может быть здесь то и есть та привольная страна „где не тоскуют ни о ком, не проходит тишина". Проходит день и быстро без сумерек наступает ночь, черная как воронов крыло с мириадами звезд на ясном небе. Уже как то чудно различаются эти звезды здесь. С трудом нахожу тут знакомый звездочки, который любовался на северо, в Архангельске, на Вайгаидем во время ночной прогулки на лыжах на высоких горах около Нащастье на пасеке. С трудом различаю большую медведицу: ходит низко на северной стороне неба и с низко опущен

ной головой, только рукой ковш (слав. назв. большой медведь) или особые karlsvogn (норв. назв.) тоже вверх.

В 2 1/2 ч. ночи выплывают Вега и Сириус. Мне кажется он совсем уже не такой красавец, каким был в Берлине, где застал нас с искаропой Коченевичем лезть высоко на гору в темноту осеннюю ночь, или на Капдаль, где все обитатели отеля высыпали посмотреть на его переливы. То кроваво-красный, то ярко синий сиял он там, а здесь горит не ярче Веги. какой-нибудь каменный.

Хороши эти часы, когда стоишь ночью на баке и любуешься на свечение моря. Вспенится ли волна, выпрыгнет ли рыба (ее караваллы это дразнит

„комета", идет. Наш. трудно тронулся
ярко разгорается в этом месте
морок. Курю и на душе легко,
спокойно. Никакой тревоги о будущем, воспоминаний о былом,
о любимых много, о детях,
родных деревушках, какой то
приятный сладкий воспоминаний. Комета порой тает. Но
давно уже не так и голос
не повинуется вам, а все
мотивы слились в один,
еще мягкий русский
отпечаток. Звезды ли или
этот покой заставляют
думать о родном доме, о тех
далеких от меня людях, ждущих своего сына. Там, хотя
в более суровых климатических
тот же покой. Там где нет
снега, там покой. У нас
нет снега, но под родной

кровелей он не чувствуется.
Вместе с этим представляются мне прогулки на лыжах. Мой любимый спорт. Как хорошо будет прокатиться 40-50 верст на 10° мороза, как я это делала на коньках на Шпицбергене. Даже любуемся на цвет моря. Синее, синее. Бурная, спокойная окраска.
Во вторник будем на Мадейре
Вторник 6го Сент.
В 1ч ночи увидели маяк на Porto Santo - в 2½ маяк San Laurenzo. В ½6 рассвело и мы увидели остров Мадейру с одной стороны и два небольших по высоких острова с другой. Остров Мадейра принадлежит к числу вулканических островов. Вокруг него видна

следы вулканической деятельности: потухшие кратеры, небольшие сопки, уродливые долины, по которым когда-то протекала лава. Все эти склоны, до самой вершины гор (1065 ф. наибольшая высота) покрыты виноградниками.

В 8 ч. за поворотом показался Funchal. Город расположен амфитеатром на берегу залива Funchal Bay. Нас встретили масса лодок; с лодок с любопытством рассматривали незнакомое и странное судно и еще более странных пассажиров на палубе. В 9 ч. стали на якоря на глубине 25 сяж. и довольно неудачно, т.к. вскоре подъехала лодка с человеком в форме, который размахивал руками и кричал: „Signor, go ahead! Kabel". Очевидно мы стали на линии телеграфного кабеля. Пришлось сняться и отойти в другое место. Снова

появился было тот же человек, говоря что мы слова стали на набережь, но вскоре успокоился. Вокруг судна кишит народ торговцами фруктов. Предлагают меняться на рубашку, шляпу, сапоги. За одну рубашку получили два корзина винограда и корзину груш, а за сапоги с двух человек мальчишек, что наружу высовываем 2 пальца и обозреваем природу, с отвращением на передних. Для Беринг-лиссии, мы получили огромную корзину яблок. С интересом здесь ловят с берега. Наконец то прислал Leon Amundsen, брат Капитана, с нашими судовыми письмами и газет. Здесь получена телеграмма от Е.В. Короля Норвегии, в которой он желает всем участникам экспедиции счастливый путь. Я получил 10 писем и стопку газет. Шкипер Нильсен объявил, что на берег будем выходить поочередно.

в среду одна вахта, в четверг - другая и кто на берегу пробудут лишний день.

Вечером ходили „Бих" - мылись. На встречу собирались лишний стан раб. Пробовали удить, но безуспешно.

Среда 7-го Сентября.

Одна вахта ушла на берег, другая выполняла обычную работу. Температура воздуха 31°С. Собаки мучаются от жары.

Четверг, 8-го Сентября. Бывшие вчера на берегу вернулись веселые и довольные своей поездкой.

В 10 ч. пришел с берега бот за нами. На пристани встретили малайцев и его брат. Город имеет довольно приличный вид. Улица вымощена мелкими остроконечными камнями. У пристани рядом выстроились извозчики. В небольшие, плетеные из корней самки с

деревянными полозьями стоящего обыкновенно два воза. Лошадей же для крутых гор бывает только две. На возах же перевозятся и различные тяжести. Кроме этого способа передвижения существует другой, но об этом после. Выпив по стакану пива в Grande Restaurant Central мы отправились в сопровождении приглашенного Консулом мирового по городу на ~~железную~~ элеватор для подъема на горы. Это род узкоколейной железной дороги с зубчатой передачей. Локомотив приспособлен для открытого вагона. За один миллиона с рубля поднимают все довольно быстро по крутому скату среди девственной местности. Виноград растет в изобилии вокруг. По обе стороны дороги выгорожи-

ли, всюду висят кругловые кисти винограда. Тут же растут банан, перцы, сахарный тростник. Становится жарко. На многочисленных станциях передается почта. Кондуктор заранее навьючивает себя на ноу корзинку и осторожно ставит ее на дорогу, когда поезд проходит мимо. Выше растут яблоки, дыни. Но они еще зеленые. Мы поднялись. Альфредо объясняет что сначала идет смотреть старую католическую церковь. По дороге видим такие же сами, как мы видели внизу. Около каждых стоят по два человека и настойчиво предлагают свои услуги свезти вниз под гору. Для нас они неудивительны. ~~Мне~~ Поражает масса нищих. Маленький дрот настойчиво просит „one penny", ~~на~~ взрослые, часто

совершенно здоровые люди протягивают руки. „Signor, one penny" раздается с обеих сторон. Из подворотни выбежала хорошенькая пархатая девчурка и попросила one penny. Она оказалась дочерью владельца ресторана, где мы пили наш Chianti. Высоко на горе стоит эта старая церковь. Ей около 200 лет. Старый привратник с поклоном открывает нам дверь. Он знает, кто мы. Входим. Старые иконы мрачно смотрят, довольно темно. Входим молча перед пристальными алтарями наш проводник останавливается и преклоняет колени. „All people dead!" говорит он, как бы заставляя нас сделать то же. Но мы, как бы не заметив идем дальше. В церкви нет ни одной скамьи. Привратник говорит, что

Дневник А. Кучина. «Fram» III. 1910 г.

[218]

На SW виден Sound Foreland, за ним открывается Дувр. Рейд наполняется всевозможного типа парусными судами. Тут виден норвежский галеас с поднятым флагом ради «Fram´а», пришёл корабль, новенький, чистенький «Olica» из Гамбурга, трёхмачт. шхуна из Виндавы. А мимо постоянно проходят пароходы. Одни идут в Лондон, другие из Лондона, как центра, во все углы мира. Проходят пароходы Южно-Американской Линии. Дымят вдали двухтрубные пароходы Hamburg-America Line[219].

Вахты распределяются т. о. С двух часов ночи Gjerdsen, Helmer и я до 8 ч. утра, затем мы идём спать. Остальные работают. С 8 до 2-х трое с другой вахты.

В 2 ч. на берег ездил с почтой первый штурман. Я не успел написать, да, правда, и не хотел.

16,17 августа. Ветер затянулся. По ночам выходим «считать звёзды». Днём имею довольно кропотливую работу. На машине Lucas порядочно проржавели струны (для смазки использовался плохой вазелин). Ещё в Хр-санде (Христиансанде – *прим. авт.*) я смотал на другую катушку то, что проржавело – 3500 метров. – И теперь приходится чистить, смазывать чистым вазелином и наматывать на аппарат. Слава Богу, осталось всего 800 метр.

18 августа. Надоело стоять на якоре. В 2 ч. дня подняли якорь. Ветер противный, но течение попутное. Идём со скоростью 9 узлов. Прошли мимо Дувра в расстоянии не более одного кабельтова от мола. Чуть-чуть движемся, но вперёд. Впереди видны два маяка на Dungenes. Прошли Folkestone.

19 августа. В 2 ч. утра вышли на вахту. Ветер свежий. Судно перестаёт управляться. В 5 ч. поставили косые паруса. Шторм с дождём и туманом. В 11 ч. стали на якорь за Dungenes. D[220]. на SW ½ W.

Кажется, уже привыкли к запаху и вони собак. Впрочем, по ночам держат себя спокойно. Только местами не спят и тихонько ворчат друг на друга. Особенно где поместились самки. Мои же из самых спокойных.

20 августа. В 4 ч. утра вдруг стали чувствоваться удары на дно. Бросили лот. Только 19 фут[221] (ср. угл. 17 ½°). Начали подымать якорь. Мотор для подъёма перестал работать, и пришлось работать размахами. Работа не из лёгких. Я был в цепном ящике. В 2 ч. прошли Dungenes. В 8 ч. дождь, туман, ветер

W.

21 августа. Воскресенье. Всё тот же ветер. В 2 ч. подошли лев. галс к земле, в 12 м от Beachy Head на W. Наш завтрак сбавился: 6 голубей, выпущенных для корма, увидев землю, улетели. В 7 ½ ч. Вечера St.Cath. Porns NN 62°W. Ветер ушел на NNW. Сегодня закончил чистку проволоки на Lucas maskin[222].

27 августа. Место в полдень φ – 47°48′; λ – 7°15′[223]. Вечером шторм от SW. В 9 ч. вечера убрали фок, пер. кливер, гафель топселя, сдернули по гафелю бизань. Адская качка. Судно черпает обоими бортами, и нет возможности уснуть. Всё летает по каюте.

28 августа. В 2 ч. вышел на вахту. На средней палубе хаос. Всё катается по палубе. В темноте запнулся за что-то и раза два прокатился во всю ширину судна между различными кадками, мешками и т. д. На палубе собаки воют и визжат. Ветер уже улегся. К концу вахты значительно улеглось волнение. Ветер ушел на NW. В 10 ч. легли на прежний галс, пустили в ход мотор, поставили все паруса. Ночью случилось, впрочем, забавное происшествие. Последний поросёнок, вероятно, заскучал в одиночестве и выпрыгнул из своего хлева около руля и пустился бежать вдоль судна. Но это был бег с препятствиями. Короткие ноги не могли стоять на качке. Но у обоих бортов он попадал в зубы привязанным там собакам. Перед входом на среднюю палубу нам удалось отнять его от собак и с большим трудом водворить на место жительства. На голове 5–6 значительных ран и порядочно царапин на остальном теле. После обеда роскошная погода. Сидим на палубе с сигарами в зубах.

Поразительно то, что почти не замечаются перемены в климате.

В метеорол. журнале читаем:

φ = 57°19′ t = 18°,0, t воздуха в полдень 10 авг. 18°0, t воды 17°2. Дальше в нём: море t воздуха 15°3 – 18°0; воды 15°7 – 16°4. Здесь же:

		26/VIII	t air = 16°5	t w = 16°2
φ = 49°3′	λ = 7°00′ W	27/VIII	17°5	16°5
φ = 47°24′	λ = 7°00′ W	28/VIII	15°4	16°1

Воскресенье, 4-го сентября. Вот уже 5–6 дней (с 31-го авг.) как мы имеем ветер с кормы и идём со скоростью 5 м в час., не пошевельнув брасами. Чудная погода. Температура воздуха 22°C, воды тоже. Шапки и шерст. рубашки заброшены куда-то. Над палубой развёрнута solseiler[224], т. ч. палуба всё время в тени. Привольно работать в таких условиях. Может быть, здесь-то и

есть та привольная страна, «где не темнеют в небе своды, не проходит тишина». Проходит день, и быстро без сумерек наступает ночь, чёрная как вороново крыло с миллионами звёзд на ясном небе. Уж как-то чудно размещаются эти звёзды здесь. С трудом находишь ты знакомые звёздочки, которыми любовался на севере, в Архангельске, на Blâmanden во время ночной прогулки на лыжах, на высоких горах около Hangastól на Пасхе. С трудом разыщешь Большую Медведицу: ходит низко на северной стороне неба и с низко опущенной головой, только ручка ковша (слав. назв. большой медв.) или оглобли Karlsvogn[225] (норв. назв.) торчат вверх.

В 3 ½ ч. ночи выплывают Венера и Сириус. Мне кажется, он совсем уже не такой красавец, каким был в Бергене, где заставил нас с Оскаром Хогеновичем лезть высоко на гору в тёмную осеннюю ночь, или на Hangasto´l, где все обитатели отеля вылезали посмотреть на его переливы. То кроваво-красный, то ярко-синий мигал он там, а здесь горит не ярче Веги. Хороши те часы, когда стоишь ночью на баке и любуешься на свечение моря. Всплеснёт ли волна, выпрыгнет ли рыба (её называют на «Фраме» «boneta», наст. назв. трудно проверить), ярко разгорается в том месте море. Чудно и на душе. Легко, спокойно. Никакой тревоги о будущем, воспоминания о былом, о любимых мною, о детстве, родных деревушках, какие-то приятные сладкие воспоминания. Хочется порой петь. Но давно уже не пел, и голос не повинуется воле, а все мотивы слились в один ещё имеющий русский отпечаток. Звёзды ли или этот покой заставляют думать о родном доме, о милых далёких от меня людях, ждущих своего Сашу. Там, хотя и в более суровом климате, тот же покой. Там, где нет гнёта, там покой. У нас ли нет гнёта, но под родной кровлей он не чувствуется. Вместе с тем представляются мне прогулки на лыжах. Мой любимый спорт. Как хорошо будет прокатиться 40–50 верст на 10° ном морозе, как я это делал по ночам на Hangastól. Днём любуемся на цвет моря. Синее, синее. Чудная, спокойная окраска.

Во вторник будем на Мадейре.

Вторник, 6-го сент.

В 1 ч. ночи увидели маяк на Porto Santo. В 2 ½ ч. маяк San Jaurenzo. В ½ 6 рассвело и мы увидели остров Мадейру с одной стороны и два небольших, но высоких острова с другой. Остров Мадейра принадлежит к числу вулканических островов. Всюду ясно видны следы вулканической деятельности: потухнувшие кратеры, небольшие сопки, громадные долины, по которым когда-то протекали лавы. Все эти склоны до самой вершины гор (6065 ф. наибольшая высота) покрыты хижинами.

В 8 ч. за поворотом показался Funchal. Город расположен амфитеатром на берегу залива Funchal Bay; люди с любопытством рассматривали неизвестное и странное судно с ещё более странными пассажирами на палубе. В 9 ч. стали на якорь на глубине 25 саж.[226] и довольно неудачно, т. к. вскоре появилась лодка с человеком в форме, который размахивал руками и кричал: «Sinjor, go ahead! Kabel»[227]. Очевидно, мы стали на линии телеграфного кабеля. Пришлось сняться и отойти в другое место. Снова появился было тот же человек, говоря, что мы снова стали на кабель, но вскоре успокоился. Вокруг судна кишит торговцами фруктов. Предлагают менять на рубашку, шапку, сапоги. За одну рубашку получили две корзины винограда и корзину груш, а за сапоги с двумя такими дырами, что наружу вылезали 2 пальца и обозревали природу, с отверстием на передке для вентиляции, мы получили увесистую корзину яблок. С нетерпением ждём почты с берега. Наконец-то приплыл Leon Amundsen, брат начальника. С целым сундуком писем и газет. Была получена телеграмма от Е. В. Короля Норвегии, в которой он желал всем участникам экспедиции счастливый путь. Я получил 10 писем и пачку газет. Шкипер Нильсен объявил, что на берег будем выезжать поочередно: в среду одна вахта, в четверг – другая и что на берегу пробудут целый день.

Вечером зажгли «Lux» – лампу. На свет ея собрались целые стаи рыб. Пробовали удить, но безуспешно.

Среда, 7-го сентября. Одна вахта уехала на берег, другая выполняла обычные работы. Температура воздуха 31°C. Собаки мучаются от жары.

Четверг, 8-го сентября. Бывшие вчера на берегу, вернулись весёлые и довольные своей поездкой.

В 10 ч. пришёл с берега бот за нами. На пристани встретили начальник и его брат. Город имеет довольно приличный вид. Улицы вымощены мелкими остроконечными камнями. У пристани рядом выстроились извозчики. В небольшие, плетённые из корней санки с деревянными полозьями впряжено обыкновенно два вола. Лошадей же за весь день встретили только две. На волах же перевозятся и различные тяжести. Кроме этого способа передвижения существует другой, но об этом после. Выпив по стакану пива в Grand Restaurant Central, мы отправились в сопровождении прикомандированного консулом мулата Alfredo по городу на железнодорожный элеватор для подъёма на горы. Это род узкоколейной железной дороги с зубчатой передачей. Локомотив прицепляется сзади открытого вагона. За один шиллинг с рыла поднимают вас довольно быстро по крутому скату среди живописной местности. Внизу растёт в изобилии

виноград. По обе стороны дороги виноградники, всюду висят крупные кисти винограда. Тут же растут бананы, персики, сахарный тростник. Становится жарко. На многочисленных станциях передаётся почта. Кондуктор заранее навешивает на ногу корзинку и осторожно ставит её на дорогу, когда поезд проходит мимо. Выше растут яблоки, дыни. Но они ещё зелены. Мы поднялись. Alfredo объясняет, что сначала идём смотреть старую католическую церковь. По дороге видны такие же санки, как мы видели внизу. Около каждых стоят по два человека и настойчиво предлагают свои услуги свезти вниз под гору. Для нас они неуместны. Поражает масса нищих. Маленькие дети настойчиво просят «one penny»[228], взрослые, часто совершенно здоровые люди, протягивают руки: «Sinjor, one penny» – раздаётся с обеих сторон. Раз подбежала хорошенькая нарядная девчурка и попросила «one penny». Она оказалась дочерью владельца ресторана, где мы ели наш lunch[229]. Высоко на горе стоит эта старая церковь. Ей около 200 лет. Старый привратник с поклоном открывает нам дверь. Он знает, кто мы. Входим. Старые иконы мрачно смотрят. Довольно темно! В одном месте перед придельным алтарём наш проводник останавливается и преклоняет колени. «All people kneel»[230], – говорит он, как бы заставляя нас сделать то же. Но мы, как бы не заметив, идём дальше. В церкви нет ни одной скамьи. Привратник говорит, что все стоят на коленях. Осмотрев церковь, мы поднялись на хоры. Оттуда чудный вид на склон горы, покрытый низкими домиками, виноградниками, на город, гавань с несколькими пароходами-гигантами (пароходы «United Castle Line» и «Sud Americanische Linie» и нашим маленьким «Fram´ом»). И вдаль уходит синее море, сливаясь совершенно с таким же по цвету морем. Солнце высоко. Уже полдень. Мы спускаемся вниз, раскланиваемся с привратником, молча проходим между целым рядом нищих. Эта церковь носит название Mount-Church. Теперь мы идём в небольшой ресторан «The Star of the Mount» и садимся за столики. Приносят по стакану хорошей мадеры. Дальше ведёт нас Alfredo в одно имение, принадлежащее французской графине. Пройдя через чудный парк, входим в небольшой каменный домик, довольно невзрачный снаружи. В первой комнате собраны коллекции различных раковин и кораллов, статуй и картин. Все остальные комнаты представляют как бы части музея. Тут видны копии различных скульптурных произведений: две Венеры, мальчик, уколовший ногу, и друг. С веранды великолепный вид вокруг. Наши желудки дают знать, что время уже около 2-х часов. Alfredo повёл нас в ресторан, где мы с волчьим аппетитом съели наш lunch. Он состоял из 5–6 блюд, и к нему было подано красное

вино и мадера. На открытом воздухе было затем сервировано кофе. В 6 ч. мы пошли вниз наняли 3 штуки салазок. В санки садятся 2–3 человека. Ими управляют два человека с верёвками в руках. Быстро съезжаем мы под гору среди небольших домиков, покрытых черепицей, иногда соломой. Навстречу идут с салазками на голове эти извозчики. Но нам, привыкшим на лыжах и салазках как ветер слетать с горы, эта скорость кажется малой, и мы не совсем-то довольны.

В ½ 7 часа мы встречаемся с бр. Amundsen и шкипером и идём с ними обедать в тот же ресторан «Grand Central». Этим и окончен день, проведённый на Мадейре. Наряду с нищенством процветает здесь и проституция. Нам пришлось проезжать через квартал, населённый проститутками.

В 11 ч. сытые и довольные вернулись мы на «Fram» и начали делиться впечатлениями с бывшими на судне.

Пятница, 9 Сентября. Утром привезли к судну лошадь, где и убили на мясо собакам. Около обеда все без исключения занялись писанием писем.

В 6 ч. вечера начали готовиться к подъёму якоря. Когда всё было готово, командир (зачеркнуто – *прим. авт.*) начальник экспедиции позвал всех участников на палубу. Кроме членов экспедиции г. Leon Amundsen. Начальник экспедиции, этот всегда удивительно спокойный человек, теперь заметно волновался. «Господа, я позвал вас сюда, чтобы сообщить вам весьма важную новость, – сказал он, – с тех пор как американцы достигли (зачеркнуто – *прим. авт.*) план экспедиции существенно изменён. Сказать раньше я не мог, имея на то веские основания. С тех пор как американцы побывали на Северном полюсе[231] и стортинг отказал нам в ассигновке, поездка к Северному полюсу утеряла несколько свой интерес. Теперь мы идём к Южному полюсу. Другая экспедиция, именно английская экспедиция «Terra Nova» под начальством кап. Скотта, имеет ту же цель и уже находится в пути. Именно это заставляло нас держать наши планы в секрете. Чтобы быть уверенным в вас, я позволю себе сделать опрос, кто желает идти к Южному полюсу».

Все отвечали «да». Мне он сказал, что мне придётся остаться на судне, т. к. летом, т. е. в ноябре – декабре 1911 года будут сделаны «Fram´ом» океанографические исследования южной части Атлантич. океана.

«А теперь у вас остаётся немного свободного времени написать письма вашим родным и друзьям. Вашу почту возьмёт с собой мой брат, который завтра едет в Норвегию. Наша тайна никому не будет известна, пока он не попадёт в Христианию. Тогда он пошлёт ваши письма».

Это известие поразило всех. Никто не подозревал. Знали лишь сам Amundsen, Leon, Nilsen и Prestrut. На меня произвело неприятное впечатление. Первою мыслью была мысль о родителях, что ждут дома. Все планы на будущее снова рухнули. Но уныние скоро прошло. Наступило какое-то опьянение. Новые мысли, новые планы, так же далёкие от старых, как Южный полюс от Северного.

> «Lőft dit hode du, raske gut!
> Om et håp eller to blev brutt,
> Snart blinker et nyt i dit őie».[232]

Вспомнился мне старый Bjrnson[233]. Эта поездка приведёт ближе к цели, поставит на ноги, думал я. Она даст возможность приобрести мне судно, какое я хочу, и работать независимо, она даст мне влияние, необходимое на первых порах. Но дома… Отец, мать, сестры… План в общих чертах таков: теперь безостановочно идём мы к цели, ко льдам Антаркт. океана к земле Syd Victoria Land, там мы будем в Январе – Феврале 1911 г.

Десять человек составят береговую партию, что направится к полюсу. «Fram» вернётся в Буэнос-Ayres, откуда будут сделаны два океаногр. рейса. Весной 1912 г. береговая партия надеется вернуться обратно. К этому времени вернётся и «Fram». В конце 1912 г. или начале 1913 мы придём в Сан-Франциско. Стало быть, моя поездка продолжится ещё 1 ½ года.

Быстро принялись все писать письма. Т. к. большинство писем было уже готовы, то оставалось лишь приписать новость, что мы отправляемся к Южному полюсу.

«Прежде чем идти на север, – пишет один своей жене, – мы сделаем маленькую прогулку (en liten sving) на Южный полюс». И это всё.

В 9 ч. подняли якорь, распрощались с г. Leon Amundsen и под частыми ударами мотора двинулись в путь. Темно. Кругом перебегают огоньки рыбачьих лодок, да сзади причудливо раскинулись по горе огни Funchel´a. Прощай, Мадейра и Funchel. Теперь вокруг мыса Доброй Надежды.

Суббота, 10-го сентября. Сегодня увеличили парусность «Fram´a» двумя новыми парусами: выше марсо-рея приделали брам-стеньгу из мачты большого спасат. бота; к ней подвесили треуг. парус, фаловый угол которого на топе новой стеньги, а шкоты на полах марсо-рея; крепится на марсо-рее. Другой – лисель. Лисель-шприт, просто четырёхгранный брус, выдвинут на ноке фока рея; на его ноке – блок, через который проходит шкот; фал проходит через блок на ноке марсо-рея. Обоими парусами

послужили части тента.

Ощенились три самки. Одна имеет два красивых больших щенка, теперь уже с глазами и ползающих по палубе дальше, чем следует. Оба они общие любимцы. Прежде чем лечь спать после вахты и прежде чем выйти на вахту, каждый идёт погладить их и поговорить с ними.

Воскресенье, 11 сентября. Всё та же чудная погода. По ночам светит луна. Вероятно, будем её видеть ещё долго, т. к. все ночи ясны. Кстати, после Мадейры, произошла перемена в вахте. Наша вахта теперь с 8 ч. до 2-х.

После сытного обеда и хорошей сигары (накануне получили по ящику сигар и трубке, последний подарок Frk Borghild Helland-Hansen) занялся чтением газет «Tidens Tegn» и «Aften Posten». 18 августа судно Скотта «Terra Nova» пришло в Simons Bay в Южной Африке. Теперь принимаюсь читать об южных полярных экспедициях: «Discovery»[234], Шеклтона «The Heart of the Antarctic»[235] и другие. Всё больше и больше хочется попасть в береговую партию, но, вероятно, не удастся. Плохо быть океанографом в подобных случаях.

Вторник, 13 сентября. На стене в карточной (где мы проводим большую часть вахты) вывешен краткий план пути «Fram´a». В общих чертах тот же, что мною написан раньше.

Несколько раз подолгу говорили с Амундсеном о поездке к Южному полюсу. Меня удивляло, что он, так резко осуждавший полярные экспедиции исключительно спортивного характера, т. е. с целью лишь достигнуть пункта 90°, сам теперь предпринял такую же экспедицию: «Для меня эта поездка создана необходимостью добыть денег для предполагаемой поездки на север. Достижение Южного полюса даст возможность добыть денег. У нас, в Норвегии, всегда неохотно дают деньги на научные исследования, т. к. бросают большие суммы как призы в спорте. Это в характере всего народа, и на эту сторону прежде всего приходится бить. Если бы американцы не побывали на Северном полюсе, мне охотно дали бы денег для того лишь, чтобы первому побывать там. Или, если бы я объявил, что иду, чтобы достигнуть Южный полюс, я, несомненно, получил бы средства на это с избытком. Теперь с этой же целью снаряжены три экспедиции: английская – «Terra Nova» Скотта, японская и Fram-Expedition. Наша экспедиция находится, несомненно, в лучших условиях. И мы побъём рекорд».

Когда «Fram» вернётся от South Victoria Land в Буэнос-Айрес, будет сделана глубоководная океанографическая поездка. Во-первых, Буэнос-Айрес – острова Кап-Верок[236] (думаю продолжить до берегов Африки), на юг по Гвинейскому Течению

до встречи с холодным течением, идущим на север от Игольного мыса, затем прямо на запад, к берегам Южной Америки. Такого рода исследований ещё не было сделано в этих местах, и это будет иметь громадное значение. Тем более в связи с экспедицией «Michael Sars´a», нашей северной в июне-июле с/г и «Fridbjof»[237]. Вся работа будет лежать на мне, и надеюсь её успешно выполнить. Только бы побольше свободы в действиях, и чтобы лейт. Нильсен не вмешивался в мои работы.

Время покажет. Но в таких военных условиях, как теперь, моя работа не была бы продуктивна.

14 сентября. День рождения Rőnne.

Пятница, 16 сентября. Сегодняшний день считаю днём моего рождения. Сегодня мне 22 года. Рано утром поздравил меня командир, а потом все остальные члены экспедиции (кроме л. Нильсена, конечно). Праздничный обед из четырёх блюд с хорошим десертом, красным вином, акавитом, мадерой 12-ти лет и сигарами.

Сегодня прошли тропик Рака.

Воскресенье, 18 сентября. В первый раз увидел летучих рыб, хотя и на большом расстоянии. Пассат дует почти с одинаковой силой, т. е. судно идёт со скоростью 6 узлов в среднем.

Вторник, 20-го сентября. Ветер начал стихать. Пустили в ход мотор. На палубу залетели две лет. рыбки. Длина от головы до хвоста – 16 см, длина плавника – 11 см.

Четверг, 22-го сентября. Вероятно, вошли в штилевую полосу и дождевую полосу. В полдень широта 11°34´W, долгота 25°37´W. Тем. воздуха 29°5. Температура воды колеблется в пределах 26°9 и 27°4. Maxinum в полдень. Днём два раза шёл ливень. Растянуты все тенты и запасный марсель. В течение ½ часа собрали вёдер 12 воды. Штиль. С неба даже не сходят дождевые облака. Nimbus[238]. Все занимаются шитьем намордников для собак.

Суббота, 1 октября. С неделю стоит (зачеркнуто – *прим. авт.*) дует лёгкий SSW. Наш avance затормозилось. Изредка идёт дождь.

Воскресенье, 20 октября. С утра чудесная погода. Тянет свежий SSW. В воздухе опьяняющий запах весны. (Весна в южном полушарии.) И все мысли-то весенние. Снятся мои маленькие подруги из Bergena – Aslaug и её сестры. Хотя мы и почти на экваторе, однако это не ощущается слишком: температура воздуха и воды 26–27°. Но небо почти всегда покрыто облаками, что умеряет жару. Намордники для собак сшиты, и сегодня проба их. Все они спущены на волю и чувствуют себя прекрасно. Для каждой из них есть неизвестные ещё уголки, и теперь-то началось исследование. Иногда разгорается схватка, но намордники мешают схватиться зубами. Вначале, впрочем, (зачеркнуто –

прим. авт.), они не чуяли своей свободы и продолжали сидеть на своих прежних местах, но затем мало-помалу освоились.

Решено сегодня праздновать наш приход к экватору. Был сервирован великолепный обед, делающий честь нашему Lindstrom´y.

На стене карточной вывешено след. объявление

Theatrel
“Fram”
Kaffe-avie
Giertsen: solodancerinke
Musik
Nilsen: Oh, Margrethe!
“Med hjertet på rette sted”
Au! Au!
Opfört i Paris og London 500 g.
under stormende jabel
Komitéen[239]

Когда я проснулся в ½ 5-го, палуба была декорирована флагами и вымпелом «Fram». Опрокинутые кадки, покрытые флагами, служили столами, на которых было сервировано кофе с печеньем кондитерской «Lindstrom & Olsen», бенедиктин, коньячок, мадера, сигары.

Должно быть, я несколько заспался, т. к. все уже были на своих местах за кофе. Два мандолиста (Sundbeck u Prestrud) сыграли вступительный марш, и представление началось. Кроме зрителей людей вокруг видны и четвероногие зрители. В 1-м номере вышел Giertsen, одетый как балетная танцовщица, и, раскланявшись, начал кэк-уок. Я видел его довольно часто, как он танцевал его, но кажется, никогда не было так хорошо как сегодня. В это время был пущен кинематографический аппарат, который и снял наше празднество. Все шумно аплодировали танцовщице. Некоторые начали ухаживать за нею. Затем музыка. Госпожа Heiberg в Христиании подарила «Fram´y» чудный граммофон с 100 пласт. Теперь впервые появился он на свет Божий на нашем судне. Безупречно выполнен был им «Ja vi elsker debbe landet»[240]. Мысли всех (за всех, конечно, не ручаюсь) улетели далеко, далеко в ту чудную страну, покрытую горами, изрезанную глубокими фьордами.

Furet, vrbitt
Over vannet
Med de tusen hjem[241]

Странно услышать здесь это *(зачеркнуто)*.

Затем вальсы «Dollar princessing», «Millions de Arlegin», «Greven av Luxemburg».

Затем снова кэк-уок. За флагами, изображающими занавес, уже слышны удары деревянными башмаками в такт музыки, и вваливается наш Нильсен одетый как негр: галстук на голой шее, цилиндр, одна половина штанов поднята. Давно я уже не видел такого комика. От его… (неразборчиво – *прим. авт.*) все покатывались со смеху. Его гримасы были так уморительны, что собаки вокруг не узнавали его и залаяли. (Это уже не первое его выступление. Он и раньше наряжался, чтобы напугать собак.) Он снял шляпу, чтобы раскланяться. Снова взрыв смеха: на голове у него была (зачеркнуто – *прим. авт.*) прикреплена маленькая (зачеркнуто – *прим. авт.*) чернильница в форме шляпы. Затем он поворачивается под взрывы нового смеха: все увидели сердце на надлежащем месте. Оба артиста были со всех сторон фотографированы и кинематографированы. Затем граммофон сыграл (зачеркнуто – *прим. авт.*) спел нам «Весёлый Тролл» (Der glade Trall) «Der gingo tre jentor i solen»[242] шведского писателя Fröding[243]. Повеяло летом, солнцем, весной, лесом… Чудная музыка, чудные слова… Этим закончился наш праздник. Флаги были убраны. Собаки водворены на прежние места на свои цепи, и был обычный вечерний концерт перед заходом солнца, т. е. собакам дали воды под громкий лай и визг из всех 97 больших глоток и 6 маленьких.

5-го октября, Вторник. Пересекли экватор в долготе 2–3°S, потянул ветер от SSO, затем чем дальше на юг. ветер постепенно отходил – SO, OSO и, наконец, в широте 16°S уже дует чистый OS. Замечательно однако, что в южном полушарии несколько холоднее, чем в северном. В широте 16° средняя суточная температура 23° воздуха, так и вода, в то время как в северном она была 27–29°.

17 октября. Прошли мимо острова Trinidat, т. е. в широте 20°29´. Это небольшой вулканический островок. В 8–9 кв. килом. Несмотря на богатую растительность, он совершенно ненаселён. Англичане пробовали было колонизовать его, но отказались от этой мысли, т. к. на острове совершенно нет гавани.

На судне всё также однообразно, что несколько надоедает. Однако быстро и незаметно пролетает время, и кажется, что мы быстро двигаемся вперёд. Скоро уже и тропик Козерога. Кстати, в южном полушарии мы почти не видели летающих рыб; вероятно, им нужна температура около 25° или какие-либо другие условия.

17 ноября. Давно не писал своего дневника, то мешала бурная погода, то недостаток свободного времени. Быстро промчался месяц, и далеко уже мы передвинулись. Сегодня в полдень = 45°30´ S = 30°5´ E. Но всё было так однообразно, вахта за вахтой, день за днём с тою же обычной работой. С тех пор как вошли в полосу западных ветров, климат быстро переменился. Температура воздуха доходила порой до 3°C. И ветер всё время свежий, доходящий нередко до силы шторма, когда приходится убирать марсель. Поэтому здесь громадное волнение волн таких размеров, какими я и не представлял себе. Но «Fram» хорошее судно, и довольно редко вкатываются на палубу волны. Зато качка адская. Как маятник качается он с боку на бок. Катается по палубе всё, что случайно осталось неукреплённым. Собаки не страдают морской болезнью (зачеркнуто – *прим. авт.*). В тихую погоду в свободное время занимаемся ловлей альбатросов и морских голубей. Глупые птицы! Как легко попадаются они на крючок. Для ловли альбатросов делают остроумный прибор: вырезают из жести небольшой треугольник с вырезом внутри, навязывают по краям его сало и спускают за борт. Альбатрос спускается на добычу, клюёт в средину треугольника и попадается клювом. Т. о. мы имеем штук 10 этих громадных птиц. Размер между концами крыльев одного из них был около 3-х метров. Голуби более осторожны, и нам удалось достать лишь одного из них.

Запас воды истощается. Через неделю зайдём на Кергеленские острова за водой. Оттуда пошлём и почту с китобойными судами.

После тропиков холод в пять градусов с холодным SW ветром, чувствуется довольно сильно. Но и нет недостатка в тёплой одежде. Из склада получили по две исландских рубашки, 4 пары толстого шерст. белья, две пары чулок из козьей шерсти, кожаную куртку, штаны и куртку из непромокаемой для ветра материи и тройку из темно-синего сукна. Башмаки с деревянными подошвами в сухую погоду и сапоги в бурную дают достаточно тепла.

27 ноября. В 7 ч. вечера увидели небольшой клочок земли, но т. к. карта Кергеленской земли недостаточно точна, то ввиду надвигающейся ночи приходится лечь в дрейф до утра. Итак, мы добрались до 70° восточной долготы. Видны несколько уткообразных. Погода довольно спокойная. Можно начать писать письма.

28 ноября. Клочок земли, который мы видели вчера, – Swain Zee. Мы попробуем стать на якорь в одном из заливов SE части острова. При входе, кажется, стоит маяк, поставленный

китобоями. При тихом западном ветре с мотором и без волнения довольно быстро движется «Fram». То тут, то здесь видны буруны. Большинство (островов. – *прим. авт.*) не определены. Один из островов на карте обозначен «Terror-reef», вероятно, по имени судна кап. Дж. Росса; может быть, они нащупали этот риф своим дном. Остров открыт, насколько помню из прочитанной литературы, в 1772 г. француз. мореплавателем Кергуленом. С тех пор его посещали одна за другой экспедиции, направл. к Южному полюсу. С 40-х годов он начинает служить станцией для китобоев. В общих чертах напоминает этот остров Исландию. То тут, то там видны высокия до 1800 м высоты базальтовые горы. Но, в общем, он представляет собой плоскогорье, изрезанное бесчисленными фиордами. Льды, покрывавшие, вероятно, весь остров, теперь остались лишь на высоких горах, откуда мощными ледниками они спускаются в море. Благодаря своему суровому и однообразному климату остров не населён. Из растений только мхи местами покрывают долины да пробиваются некот. цветки, свойственные субарктическим островам. Из животного мира лишь некоторые виды бескрылых.

Климат Керг. о-ва чисто морской. Зима как в Париже и лето как в Средней Гренландии. Средняя температура года +5°. Та же температура и в самый холодный и тёплый месяцы. И этот-то вечно осенний климат со снежными западными бурями, в заливах доходящими до размеров урагана, и есть причина необитаемости о-ва. Сходство с Исландией напоминают и гейзеры (тёплые ключи) встречающиеся довольно нередко.

Остров растянулся почти на 3° с юга на север. Только завтра мы можем добраться до гавани, если ветер не помешает.

7 ч. вечера. Лёгок на помине. Барометр пал. Ветер быстро дошёл до степени шторма. Зарифили марсель. Курс взят OS. Прощай, остров. Нельзя порадовать родных письмами!

7 декабря. Получили эскимосскую одежду из тюленьей шкуры: штаны, куртку и сапоги. Кроме того, ещё снеговые очки, представляющие из себя кожаную коробку, в которую вставляется цветное стекло. Существует несколько видов таких очков, но эти одобрены последними экспедициями. Вырез для глаз обшивается мягкой шкуркой. Перед обедом получили инструкцию командира, в которой он определяет, кто будет в береговой партии и на судне. Со времени ухода судна от барьера и до его возвращения обратно в январе-феврале 1912 г. члены судовой партии получают жалованье, увеличенное на 50 %.

БЕРЕГОВАЯ ПАРТИЯ
R. Amundsen

K. Prestrud
Hj. Iohansen
S. Hassel
O. Wisting
O. Bjland
A. Lindstrőm
J. Stūbberud
H. Hansen

СУДОВАЯ ПАРТИЯ
Thv. Nilsen
Hj. Giertsen
M. Beck
L. Hansen
M. Rőnne
Sundbeck
H. Kristensen
Nődtvedt
A. Kūtschin
K. Olsen[244]

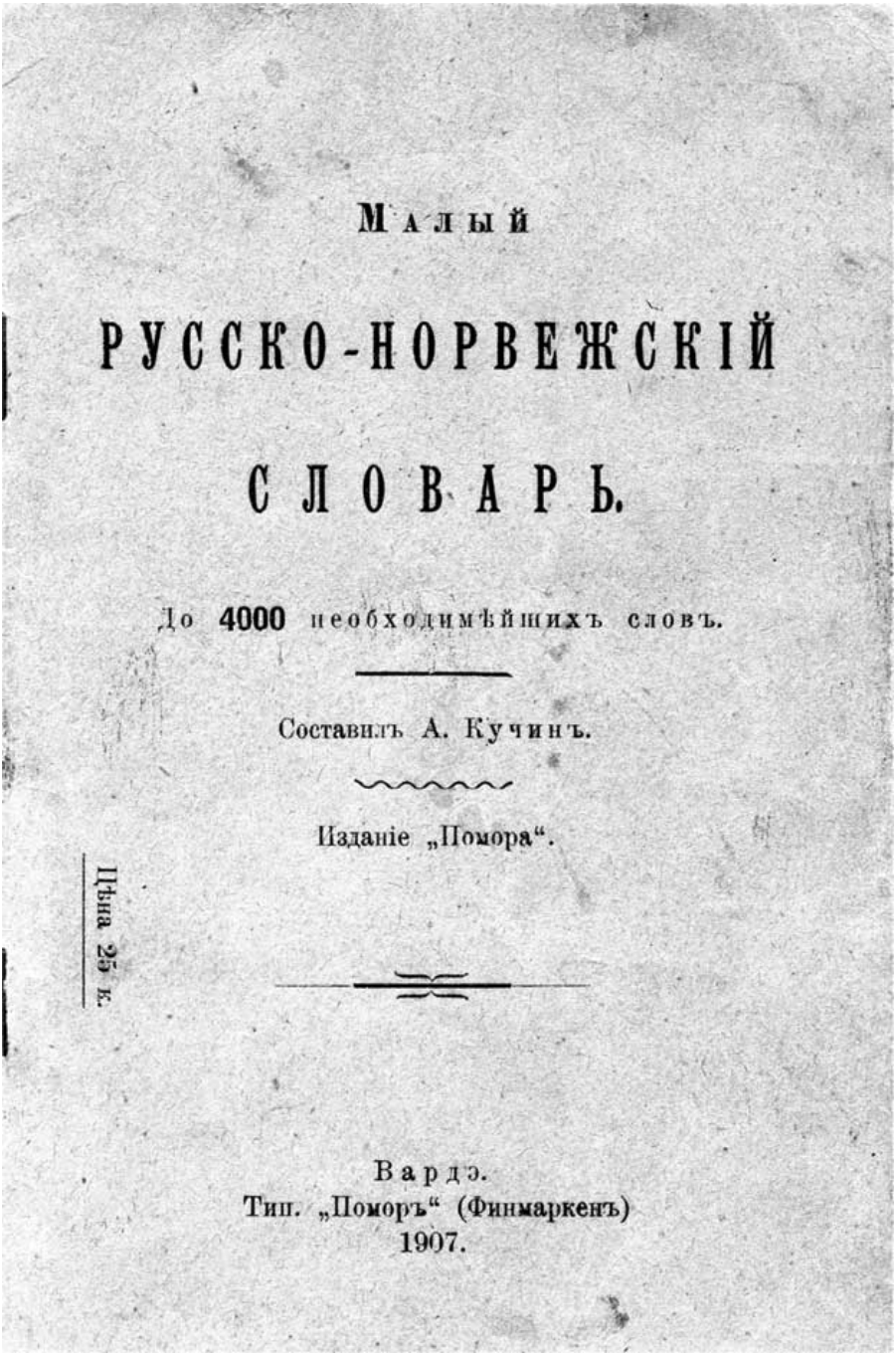
18, 19 (зачеркнуто – *прим. авт.*) *20 декабря.* Кажется, западный ветер совершенно забыл о нас. Уже три дня стоит штиль, и судно идёт лишь под мотором. Мы на меридиане средней Австралии, т. е. около 140°E и в широте 53°, т. е. южнее Ав-ии. Скоро Рождество (по новому стилю – *прим. авт.*). Было бы недурно отпраздновать Juleaften[245] без качки.

25 декабря – Воскресенье – Рождество. Ну, вот и давно жданные праздники; прошли новый этап, новую станцию. В полдень: широта 55°, долгота 150°O. Случалось ли какому-нибудь судну быть в этот праздник в этих широтах, где чуть-чуть не видно полуночное солнце? Здесь проходят лишь одни экспедиц. суда. По норвежскому обычаю празднуется более торжеств. не Рождество, а Рождеств. вечер, т. е. 24 декабря. С нетерпением ждут наступления 5 часов. Точно так же ждали и мы. Над входом в forsalon[246] был подвешен ящик с надписью «Gladelig Jul![247] 1910» с зажжённой внутри лампой. Оба салона украшены коврами, цветами, цветными фонарями. Погода замечательно благоприятствовала. Лёгкий ветерок с юга, спокойное море. В 5 ч. меня сменил лейт. Нильсен, вернее привязал руль, т. к. судно превосходно держало курс. В салоне уже собрались все, одетые в праздничную одежду, которую не одевали после Мадейры, выбритые и умытые, что тоже делается довольно редко. Перед обедом граммофон спел рождеств. песнь: «Glad Jul! Hellig

Jul!»[248]. Затем пошли торж. и обед своим чередом. Большую часть вин и кушаний подарил нам друг экспедиции Ditlef Hansen из Tsterskjalderen i Kr-a. Появилась и бутылка шампанского от него же. Затем кофе в agtersalon[249]. В это время стюард приготовлял ёлку. Все были в весёлом настроении, что, впрочем, бывает всегда. Начали разбирать рождественские подарки. Каждый получил что-либо. Я получил книгу, коробку (rozen-moberi) с сигарами, галстук. Затем все получили по туфлям, серебр. булавка для галстука с «Fram», кольцо для салфетки, одеколон, пепельницы, открытки, сигары, мундштуки и даже зубочистки. Многие вещи от того же D. Hansen.

Приложение

Малый русско-норвежский словарь (выборочные страницы)



Малый

РУССКО-НОРВЕЖСКІЙ СЛОВАРЬ.

До 4000 необходимѣйшихъ словъ.

Составилъ А. Кучинъ.

Изданіе „Помора".

Цѣна 25 к.

Вардэ.
Тип. „Поморъ" (Финмаркенъ)
1907.

Репринтное воспроизведение выборочных страниц Малого русско-норвежского словаря

А.

А men, og.
августъ august.
авось kanske, paa det uvisse.
адвокатъ sagfører.
адресъ adresse.
азбука alfabet.
актеръ skuespiller.
акула hai.
акуратъ akkurat.
алый lyserød.
американскій amerikansk.
ангелъ engel.
англійскій engelsk.
англичанинъ engelskmand.
апрѣль april.
аптека-рь apothek-er.
армія hær.
арестантъ arestant.
афиша bekiendtgjørelse.

Б.

Баба kvinde, kone.
бабушка bedstemor.
багоръ baadshage.
базаръ bazar, marked.
балаганъ telt.
балалайка et musikinstrument
балка bjælke.
баловать forvænne, forkjæle.
банкротство fallit.
банкъ bank.
баня badstue, bad.
барабанъ tromme.
баран-ина faar ekjød.
барка barkskib.
баринъ herre.
бархатъ fløil.
барыня frue.
барышня frøken.
барышъ aager, profit.
басня fabel.
батюшка fader, prest.
башмакъ sko.
башня taarn.
безвредный uskadelig.
безграмотный ukyndig.
безденежье pengemangel.
бездѣлица smaating, bagatel.
бездѣльникъ skøier, ledig-
бездыханный livløs. [gjænger
беззаботный sorgløs.
беззащитный værgeløs, for-
[svarsløs.
безземелье jordmangel.
беззубый tandløs.
безконечный uendelig.
безпадежность haabløshed.
безобразіе larm, spektakel.
безобразничать larme, støie.
безопасный ufarlig.
безпамятный glemsom.
безплатно gratis.

брама pram.
бранить skjænde
брань skjældsord.
братъ broder.
брать tage.
бревно bjælke, tømmer
бредъ vildelse, fantaseren.
брезгать forsmaa, vrage.
брить barbere.
бритва barberkniv.
бровь øiebryn.
бродяга landstryger.
броженіе gjæring.
броня kyrads, brynje.
бросать kaste.
брыкаться sparke.
брусокъ slibesten.
брюки buxer.
будни hverdag.
будка vagthus.
будить vække.
будущность fremtid.
буква bogstav.
буксы (олиф.) oljebuxer.
булавка knappenaal.
булочникъ bager.
бумага papir.
бунтъ oprør, opstand.
бурный stormende.
буря storm.
бутылка flaske.
быкъ okse.
быть være.
бѣгъ løb, fart.
бѣгать løbe.
бѣглый flygtig, flygtende.
бѣдный fattig, stakkars.
бѣдность fattigdom.
бѣлка ekorn.
бѣлый hvid.
бѣлѣть skinne.
бѣлуга hvidfisk.
бѣлье vask.
бѣшеный rasende, gal.

В.

важность vigtighed.
важный vigtig.
вакса blanksværte.
валъ valse.
валяться ligge.
ванты vant.
варенье syltetøi
варить koge.
варъ beg.
вата bomuld.
вахта vagt.
вашъ eders, Deres.
вбивать slaa ind.
вблизи i nærheden.
вверху ovenpaa, opover.
ввозъ import.
вдали fjærnt.
вдвое i to gange.
вдоволь nok, tilstrækkeligt.
вдругъ pludselig.
вбѣжать løbe ind.
ввести føre ind.
ввинтить skrue ind
вдоль langs.
вдова enke.
вдовецъ enkemand.
вдыхать indaande.

Докторъ.
докторъ doktor.
докрови tilblods.
долгій lang.
долгъ pligt, skyld.
долженствовать maatte.
должникъ skyldner.
долго længe.
долина dal.
долой væk, ned.
долото meisel.
доля del, part.
доля (судьба) skjæbne.
дома hjemme.
домой hjem.
домъ hus.
допросъ forhør.
дорога vei.
дорогой dyrt.
дорожный reise-
досада fortrædelighed.
доска bord, planke.
достаточный tilstrækkelig.
достать skaffe,
достигать opnaa.
достоинство værdighed.
достойный værdig.
доходъ indtægt.
дочиста aldeles rent
дочь datter.
драка slagsmaal.
драть rive.
дремать blunde, sove.
дробь brudstykke, skaar.
дрова ved.
дрожать skjælve.
другъ ven.
дружба venskab.

Ежедневно.
дружественный venlig.
дрянной (человѣкъ) daarlig.
дубъ eg.
дума tanke.
Дума Государст. Rigs Duma
думать tænke.
дуракъ nar, dumrian.
дурной slet, daarlig.
дуть blæse.
духъ aand.
душа sjæl.
дымъ røg.
дыня melon.
дыра- явый hul- let.
дѣвица jomfru, pige.
дѣдушка bedstefar, farfar.
дѣйствительно virkeligt.
дѣйствовать handle.
дѣлежъ deling.
дѣлить dele.
дѣло sag, ting, proces.
дѣльный (чел.) flink, dygtig.
дѣтство barndom.
дѣятельность virksomhed.
дѣяніе gjerning, verk.
дюжина dusin.
дюймъ tom, tomme.
дядя onkel.

Е.

еврей jøde.
едвали neppe, tvilsomt.
единодушный enig.
единство enighed.
ежегодно aarlig.
ежедневно daglig.

завязать binde.
загадка gaade.
заглавіе titel.
заготовка tillavning.
задатокъ forskud, fæstepenge
задача opgave.
задній bagerste.
задумать have til hensigt.
зажигать tænde.
задъ bag.
заемъ laan.
заказъ ordre.
заказать bestille, forlange.
заказное письмо rekomande-
закатъ nedgang. (ret brev
заколоть slagte.
закончить slutte.
заключить (заемъ) afslutte.
закричать skrige.
законъ lov.
закрыть lukke.
закупорить slaa igjen, korke.
закуска mellemmad.
заливъ bugt, fjord.
залогъ pantsættelse.
замерзнуть fryse ihjel.
замертво bevidstløs.
замокъ laas.
замолчать forstumme.
замѣна erstatning.
замѣтный merkelig.
замѣчательный merkværdig.
замѣчать lægge merke.
заноза flis; trættebroder.
заново som ny.
занятіе beskjæftigelse.
заодно sammen.
западный vest-lig.
запасъ forraad.
запахъ lugt.
запирать stænge, laase.
записать notere.
записка seddel.
заплата lap.
запонка skjorteknap.
запоръ (боль) forstoppelse.
запрещать forbyde.
заработать fortjene.
заработокъ fortjeneste
зарево rødme paa himlen.
заря morgen- aftenrødme.
заставлять tvinge.
застрѣлить skyde ihjel.
затопить (печь) tænde i ovn
затопить sænke ned.
затылокъ nakke. (stand.
зачинить reparere, sætte i-
зачинщикъ anstifter, ophavs-
зачѣмъ hvorfor, hvortil(mand,
защита forsvar.
защитникъ forsvarer.
защищать værge, forsvare.
заявленіе forevisning.
заяцъ hare.
званіе stand, kald.
знать vide, kjende.
значеніе betydning.
значительный betydelig.
значить betyde.
зовъ raab, kaldelse.
зола aske.
золото guld.
зонтъ paraply.
зритель tilskuer.

между mellem, iblandt.
международный international
мелкій liden.
мелко smaat, grund (ikke dyb)
мель sandbanke.
мелькомъ flygtig, antydende, overfladisk.
мельница mølle.
меньше mindre.
мертвый død.
мести koste, feie.
месть hævn.
метель snefok.
метла soplime.
мечта fantasi.
мизинецъ lillefinger.
милосердіе barmhjertighed.
милый kjær, yndig.
мимо forbi.
миръ fred.
митингъ møde.
міръ verd·n.
младенецъ barn.
младшій yngst.
много mange, meget.
многоуважаемый høiagtede.
множество mængde.
мнѣніе mening.
могила grav.
могучій stærk, mægtig.
можетъ быть kan være, kanske
мозгъ hjerne.
мозоль knyst, ligtorn.
мой min.
мокрый vaad.
молитва bøn.
молить bede.
молнія lyn.
молодецъ brav mand.
молодой ung.
молодость ungdom.
молоко melk.
молотокъ hammer.
молоть male (paa en mølle).
молчать tie, tie stille.
монастырь kloster.
монахъ munk.
монета mynt.
морда snude.
море sjø, hav.
моржъ hvalros.
морозъ frost.
морской sjø-, hav-, marine-
морщина fold, rynke.
морякъ sjømand.
мостовая fortaug.
мостъ bro.
мостикъ (парох.) kommando-[bro
мочь (могу) kunne (jeg kan)
мошенникъ snyder, bedrager.
мракъ mørke.
мраморъ marmor.
мстить hævne.
мужественный modig.
мужъ ægtemand.
мужикъ bonde.
мужчина mand.
музыка musik.
мука (муч.) pine, smerte, plage
мука ржаная rug-mel.
„ пшеничная hvede-mel.
муха flue.
мученикъ martyr.
мучить pine, plage.

неопровержимый uimodsige-
неопытный uerfaren. (lig
неосторожный uforsigtig.
неохотно ugjerne.
непогода uveir.
неправда usandhed.
непремѣнно absolut.
непріятель fiende.
непріятный ubehagelig.
нервы nerver.
неровный ujevn.
нерѣдко ofte.
нерѣшительность ubestemhed
неряшливость urenhed.
несмотря uagtet, trods.
несогласіе uenighed.
нести bære, bringe, føre.
несчастіе ulykke.
неудача mislykke, uheld.
неужели er det muligt.
неурожай misvækst.
неучъ tølper.
нечаянно uventet.
низкій lav.
никогда aldrig.
никто ingen.
нисколько ikke det mindste.
нитка traad.
ничто intet.
нищій fattig, tigger.
нищета fattigdom, elendighed
новый ny.
новость nyhed.
нога fod, ben.
ноготь negl.
ножъ kniv.
ножницы sax.
ноздри næsebor.
носки strømpefod.
носъ næse.
ночевать overnatte.
ночлегъ nattelogi.
ночь nat.
ноша byrde.
ноябрь november.
характеръ karakter
нравиться behage.
нравственность sædelighed.
нужда nød.
нуждаться behøve.
нужный nødig.
нумеръ nummer.
нынѣ nu.
нѣжный sart, fin, mild.
нѣкогда engang.
нѣкто nogen.
нѣмой maalløs, stum.
нѣмецъ tysker.
нѣсколько nogle.
нѣтъ nei.
нѣчто noget.
нянька barnepige.
нюхать lugte, snuse.

О.

о, об om.
оба begge.
обварить skolde.
обезьяна abekat,
оберегать vogte, bevare.
обжора jerv, fraadser.
обида fornærmelse.

Явный. Алфавитъ.

явный vitterlig, tydelig.
ягода bær.
ядро kugle.
ядъ gift.
языкъ (разг.) sprog.
языкъ tunge.
яйцо æg.
якорь anker.
яма grav.

ямщикъ kusk.
январь januar.
яркій lys, klar.
ярусъ (промыш.) linje.
ясный klar.
яхта jagt, galeas.
ячмень byg.
ящикъ kasse, kiste.

Алфавитъ и произношеніе.

A a	а	K k	ко	V v	ве
B b	бе	L l	ель	W w	ве
C c	це	M m	емъ	X x	икс
D d	де	N n	енъ	Y y	игрекъ
E e	е	O o	у	Z z	зетъ
F f	еф	P p	пе	Æ æ	э
G g	ге	R r	еръ	Ø ø	ё
H h	хо	S s	есъ	Å å	о
I i	і	T t	те		
J j	й	U u	ю		

c какъ це произносится только передъ, ё и і, передъ остальными какъ ко, въ нѣкоторыхъ иностранныхъ словахъ какъ есъ.

e нѣсколько мягче русскаго.

g передъ j не произносится: gjerne—jerne, gjøre—jøre; въ словахъ иностранныхъ передъ e произносится какъ же.

h передъ согласными, j и послѣ t не произносится: hvem—vem, hjerte—jerte, the—te.

o только въ нѣкоторыхъ какъ о: over, oven.

sj, sk, skj произносится какъ ш.

u нѣсколько мягче русскаго у.

y мягче русскаго ю. **z** мягче русскаго з.

ø нѣсколько тверже русскаго ё

Нѣсколько о норвежской грамматикѣ.

Въ норвежскомъ языкѣ 2 рода: мужской и женскій—fælleskjøn, средній — intetkjøn. Родъ опредѣляется частичкой, которая называется artikel. Эта частичка имѣетъ два разряда: 1) substantivernes artikel есть en или n для муж. и жен. рода (fælleskjøn) и et или t для ср. р. (intetkjøn) единст. ч.; множ. ч. для обѣихъ половъ ene или ne. Ставится эта частичка непосредственно къ окончанію имени существительнаго (substantiv). Прим.: един. ч. mand, æple, have, hus, множ. ч. mænd, æpler. 1. Manden spiste æplet. 2. Haven ligger bagom huset. 3. Mændene spiste æplerne. 1. Мужчина ѣлъ яблоко. 2. Садъ лежитъ сзади дома. 3. Мужчины ѣли яблоки.

2) adjektivernes artikel есть den для муж. и жен. рода, и det для средняго ед. ч.; мн. ч. обѣихъ половъ de. Ставится передъ именами прилагательными (adjektiv), исключая собою substantivernes artikel. Прим.: 1. den høie mand. 2. den tætte have. 3. det gamle hus. 4. de høie mænd. 5. de grønne æpler. 1. Высокій мужчина. 2. Густой садъ. 3. Старый домъ. 4. Высокіе мужчины. 5. Зеленыя яблоки.

Склоненія.

Имена существительныя склоняются: 1) во мн. ч. прибавленіемъ къ окончанію един. числа e, r или er. Примѣры: ед. ч. fugl мн. ч. fugle (птица), okse—okser (быкъ), kniv—kniver (ножъ). Нѣкоторыя склоняются неправильно, измѣняясь въ серединѣ: mand—mænd (мужчина), barn—børn (дитя), broder—brødre (братъ). Нѣкоторыя не измѣняются: aar—aar (годъ), ting (вещь).

1. En fugl blev skudt af jægeren. 2. Fugle fløi fra busk til busk. 3. Vor nabo har solgt sin okse. 4. Okser

Числа — talene:

1, 1-й — en, første.
2, 2-й — to, anden.
3, 3-й — tre, tredie.
4, 4-й — fire, fjerde.
5, 5-й — fem, femte.
6, 6-й — sex, sjete.
7, 7-й — syv, syvende.
8, 8-й — otte, ottende
9, 9-й — ni, niende.
10, 10-й — ti, tiende.
11, 11-й — elve, elefte.
12, 12-й — tolv, tolvte.
13, 13-й — tretten, trettende
14, 14-й — fjorten, fjortende
15, 15-й — femten, femtende
16, 16-й — sexten, sextende
17, 17-й — sytten, syttende.
18, 18-й — atten, attende.
19, 16-й — nitten, nittende
20, 20-й — tyve, tyvende.
21, 21-й — en og tyve, en og tyvende.
30, 30-й — tredive, tredivte
40, 40-й — firti, firtiende
50, 50-й — femti.
60, 60-й — sexti.
70, 70-й — sytti.
80, 80-й — otteti (otti).
90, 90-й — nitti.
100, 100-й — hundrede.
200, 200-й — to hundrede.
1000 — tusen.
2355 — to tusen tre hundrede og fem og femti.
1 милліонъ — en million.

Дни — dagene:

Понедѣльникъ — mandag.
Вторникъ — tirsdag.
Среда — onsdag.
Четвергъ — torsdag.
Пятница — fredag.
Суббота — lørdag.
Воскресенье — søndag.

Мѣсяцы — maanederne.

Январь — januar.
Февраль — februar.
Мартъ — mars.
Апрѣль — april.
Май — mai.
Іюнь — juni.
Іюль — juli.
Августъ — august.
Сентябрь — september,
Октябрь — oktober.
Ноябрь — november.
Декабрь — december.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
1	18	arestant	arrestant.
1	19	bekiendtgjørelse	bekjendtgjørelse.
3₂	25	i to gange	to gange, dobbelt,
4	15	af en	aften.
4₂	16	muntighed	myndighed.
8₂	27	uok	nok.
9₂	3	eg	ek.
10	34	grusom	haard, grusom.
12₂	15	ødelæge	ødelægge.
13	24	spolle	spole.
13₂	4	merke	stempel, merke.
15	20	den flad haand	den flade haand.
18	29	med en liden rus	lidt beruset.
18	34	sædvane	vane, færdighed
21	6	besvimmelse	besvimelse.
21	33	gjennemsøgning	gjennemsøgning, husundersøgelse.
25	3	betro, have tillid	betro, have tillid til
25	14	til intet giøre	tilintetgjøre
26	25	race	rase
26	24	strømhoivel	strømhvirvel.
26₂	16	bestandigt	bestandig.
27	3	gemen	gemen, plat:
29₂	24	ribbe	ribben.
30₂	31	gjensy	gjensyn.
31	1	piber	pibe.

Тетрадь С. Г. Кучина

[250]

Я родился в 1867 году в селе Кушереке Онежского уезда Архангельской губернии. В этом году люди вследствие неурожая хлеба ели мякину и сосновую кору, как мне передавала об этом мать, но наша семья, как она говорила, не видела большой нужды, т. к. отец зимою занимался извозом, то хлеба привозил. Будучи трезвым и работящим, но т. к. он вырос в чужих людях без отца только с матерью, то и хозяйство его было в зачаточном состоянии. Как запомнил я: небольшая четырёхугольная старая избушка с тремя окнами по лицу или фасаду и по одному сбоку; из этих пяти окон только одно было, среднее, на лицевой стене 1,25 аршина[251] высоты и 0,75 арш. шир., а остальные были квадратные по 0,75 стороны. Рамы были одинарные и у последних окон вынимались в избу. Изба наша стояла на высоком красивом угоре о реку на правой стороне по течению. Место это самое красивое в Кушереке: угор летом обрастал зеленью, а к реке вилась зигзагами, где поотложе, тропинка, по которой летом возили воду. И так месту этому завидовали, но на месте стояла избушка, свидетельствующая о её бедных жителях с маленькой худой лесенкой, с маленькими сенцами и двориком, крытых лабазом старым сгнившим тёсом. Скота была лошадь, корова и несколько овец. Того году, когда я родился, Отец мой вздумал построить новую избу и для этого нанялся на промысел трески, взял с собой 9-летнего старшего сына Якова и в 1-х числах Марта отправился в г. Колу. И верно, не суждено было поставить новую избу для своей любимой семьи. Отправившись из г. Колы на шнеке в становище Еретики (ныне Порт-Владимира)[252] в числе 33 человек на одной шнеке[253], были застигнуты бурею и почти у самого становища шнеку опрокинула и все погибли кроме 3-х, которым попался руль, которым весла. Двое из них живы до настоящего времени. Моему отцу было в то время около 30 лет. Я остался от отца 17 недель. Как я стал понимать и помнить, Мать и Бабушка постоянно плакали о смерти кормильцев. Мать шила ситцевые куртки и овчиновые шубы *и этими заработками кормили семью* (добавлено над строкой. – *прим. авт.*), но этого нам недоставало, и мы, когда с сестрой, когда с бабушкой, ходили по миру. Под защиту бабушки я всегда прибегал, когда мать была не в духе, она постоянно сидела за работой и в длинные зимние вечера, перед маленьким керосинничком из чернильницы, она любила сказывать сказки, иногда пела песни, которые доводили её до слёз. Заплакав, она начинала реветь.

Ревели и мы с сестрой. Я залезал к бабушке на печку, и она учила меня молитвам по-староверски и делала мне крестики из лучины. Окна к ночи запирались ставнями и мешками, набитыми сеном, и подпирались с улицы кольем. Сестра большую часть гостила в Онеге у Дяди и Тетки, особенно зимою, а я после уезжал летом.

Когда мне было 4 года, у нас прибыл ещё один член семьи. Рядом с нами жила богатая и большая семья Хохлиных, а в работницах у них жила корельская девица. Она была обманута одним из племянников богача, и когда сделалась беременная, её выгнали вон. Она поселилась у нас, однако ходила к ним после на работу. Когда она родила ребёнка, то старалась его зжить со свету, но моя мать строго оберегала ребёнка. Раз случилось так, рассказывала мать: Парасковья (так звали девушку) ходила мыть полы к Хохлиным и пришла уже не рано, ребёнок рос здоровый и спал, но вдруг заплакал и закашлял. Услыхав это, моя мать насторожилась, но когда услышала её возню и крики ребёнка, бросилась к ребёнку и под руку ей попала бутылка с молоком, разбавленная французской зеленью, которой в деревнях морят тараканов, и таким образом удалось спасти ребёнка, припугнув безжалостную мать. После бедная девушка примирилась со своей судьбой и всей душой полюбила мальчика, который как две капли воды был похож на неё, но не долго суждено было ей радоваться на своего ребёнка. В 1873 году 9-го мая Парасковью позвали убирать с поля козлы, на которых зимою сушилась моржина[254], привезённые из Норвегии. Козлы были вышиной 3 ½ сажень. Когда их начали убирать, у одного козла, у которого была Парасковья, ноги из розсушки вывернулись из подушки, которая ударилась вниз. Парасковья побежала прочь, но в рыхлой земле и с ногою *от козла* в руках упала на ногу головой, а сверху налетела подушка – тоже по голове. У подушки и ноги козла пришлось сучьё, которое прошло сквозь голову бедной девушки. Сыну ея было только 1 ½ года, до 3-х лет он воспитывался у нас нашими скудными средствами, но мы любили его как родного.

Зимою 1875 года Малошуйский крестьянин, служивший у Хохлина шкипером и не имевший детей, взял и усыновил Епимаха – так звали мальчика. Впоследствии он считался богачом, жил в г. Архангельске, имел несколько факторий по Мурману, свои пароходы.[255]

В 1876 году меня выдавали на судно М. Хохлина мальчиком при каюте, но потом заставили меня варить на команду. Такая непосильная работа девятилетнему ребёнку заставила меня оставить судно в Архангельске. Я уехал с одним помором в Онегу, а затем домой. Того же году 27 августа умерла наша бабушка, её звали Парасковья, на 76-м году от роду. В 1877 году я окончил

сельское училище и поступил мальчиком в лавку Онежского 2–1 гильдии купца Петра Вас. Коржачинского, но прожив ½ года, уехал домой. Весною 1878 года я выпросился с крёстным отцом ехать на шнеке на море. Сходил в Малошуйку, повидал Епишу и отправился в путь. Не помню, долго ли мы ехали, но много раз стояли в островах Онежского залива, собирали яйца и гагачий пух, были у лопарей в р. Сосновке у о. Сосновец. В Семи Островах с шнеки сели на пароход Мурм. Тов.[256] «Архангельск», и пришли в Териберку.

Тут я был зуйком, а осенью ушёл на лодье в Архангельск. Лодья или Ладья: старинной постройки трёхмачтовое судно с прямым неуклюжим носом, с широкой кормой, сзади два окна в бурную погоду прикрывались наружными ставнями, тут в корме была каюта, в которой жил хозяин, а обедала часто и вся команда. Когда сварит обед, повар брал в руки поварёнку и звал обедать с молитвою: «Господе Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас. Хозяин с работниками хлеба исть». Судно имело два прямых паруса и бизань, всего только три паруса, но при ровном попутном ветре к прямым парусам привязывались снизу добавочные бенеты. К одинарному бушприту прикреплён был крестообразно большой деревянный шток, называемый кузовой, на концы которого ставились блоки для фока галсов и булиней; грузоподъёмностью лодьи были от 3-х до 5-ти тыс. пудов (от 20 до 50 тонн – *прим. авт.*) по наборке рыбы. После стали работать 3-х рейные шхуны, а затем и 4-х рейные и яхты. Теперь около 30 лет как лодьи не существуют. На следующий 1880 год я ехал уже на оленях через Колу на весенний промысел, но это только название, что ехал, везли только нашу кладь, а мы шли пешком начиная от Сумского посада и до г. Колы. На дорогу мужикам давалось по пяти рубл., а мальчикам по 3. На эти деньги далеко не поедешь. Из Колы мы ехали на оленях в становище Малоолений. Туда езда хотя и на оленях, но не лучше, чем до Колы пешком. Приходится ехать гладкой тундрой, не имеющей никакой растительности. Лесу нет не только защититься от вьюги, но даже нечем согреть или натаять воды. Для этого из Колы брали в керешки (т. наз. экипаж для езды на оленях, теперь они редко видны) по куску смоливого[257] дерева, чтобы достать огонь и растаять мерзлый хлеб и согреть воды. Ночевать выбирали где-либо в логах, в кустарниках или под большими камнями, прикрывшись парусом, который возили с собой. Но часто утром спящих занесёт снегом, *из-под которого* насилу выкарабкаешься. Наконец показывается океан. «Вот и показался Матушка Сине море» – воскликнул везший нас лопарь. Хотя в тундре холодно и дико, но, подъезжая ближе к берегу,

чувствуется какая-то тоска и ненависть к этому мрачному безбрежному пространству, покрытому белыми гребнями волн, и тоскливо отдаётся в ушах шум прибоя и крик вечно голодной чайки.

Приехав к месту своего жилья, принялись устраивать лопаты, чтобы разрыть занесённые до крыш снегом Стан, Амбар и Поварню. Натаяв воды из снега, мы отогрелись и пошли добывать свежей воды. Воды достать нам, малышам, было не легко; в версте от стану находилось небольшое озерко, и вот насилу прорубив толстый лед, мы начерпали ушат и потащили на дровёшках[258], взятых у лопарей. Здесь мы прожили около трёх недель, а затем направились на шнеках в Норвегию в становище Киберг. Путь был довольно долгий, и у нас не стало хлеба, но, к счастью, была мука, из которой варили кашу. Прибыв в становище Киберг, опять пришлось отрывать свои станы *от снега*. В то время русские свободно промышляли с норвежцами и имели в Норвегии свои промысловые станы. Недолго прожив на берегу, я поступил на хозяйское судно поваром и ушёл в Архангельск, а затем опять это судно отогнали в Норвегию на зимовку и приехали домой. Но я был мал ростом и слаб телосложением, морская служба для меня была тяжела. В 1881 году я поступил в мореходные классы в Кушереке, но вздумал идти в бурлаки[259] на сплав леса. Приехал к нам Калгачихинский десятник Максимов, и я нанялся к нему по 2 руб. 50 в неделю; для мальчика в то время жалованье хорошее. Кушеречан нанялось тогда около 25 человек, и мы гурьбой отправились в путь с праздника Пасхи, забрав необходимое платье и белье в кашалки[260] за плеча. Дорога в распуту до Калгачихи от Малошуйки 60 верст болотами, и мы тащились три дня.

Подносить котомки была у меня сестра и у других – у кого жена, у кого сестра. Прожив день в Калгачихе, нас отправили в Олонецкую Губернию на реку Суну. У меня в Калгачихе была Тетка и Дядя. *Они меня любили, особенно дядя.* Он тоже отправился в бурлаки вместе, но мы расстались на Тихвимском бору, его как старика назначили в Челмжу, в 20 вёрстах от Тихв. бора, хотя мне и было жалко расстаться с ним, но делать было нечего. Жизнь в бурлаках тоже не важна, но где она для рабочих хороша, а сравнительно с морской промысловой куда лучше, хотя приходится спать под ёлкой и под открытым небом, но зато есть огонь (зачеркнуто – *прим. авт.*) *не плещет солёной водой в глаза.*

Пока на маленьких реках, чтобы не упустить воды, работают с восхода и до захода Солнца, и до Петрова дня 29 июня нет праздников. Зато выйдя на просторные реки, тут уже и спят в деревнях, и обедают 2 часа, шабашат[261] в 8 вечера и встают к

6 ч. утра. Пища всё время: вяленое мясо, горох и пшённая каша с постным маслом. Мне тогда жилось хорошо, как грамотный был взят прикащиками к себе, в так называемые рассыльные. На реке Суне, по которой мы плыли, есть Чугунолитейный завод в Алазьме и знаменитый водопад Кивач, воспетый Державиным. Вода в Киваче стремится с высоты 6-ти саженей прямо вертикально. На правом утесистом берегу водопада построен красивый с террасою дом для туристов, а через реку устроен под самым водопадом мост. Интересно смотреть, когда спускаются под водопад брёвна из запани, устроенной за версту выше водопада.

Осенью домой я пришёл около 1-го Октября, себя я считал уже взрослым, хотя мне было только 14 лет. 6-го декабря я был у праздника в деревне Нюхчозере, в 10 верстах от Калгачихи и там познакомился с одной кушерецкой девушкой Маней, которая приезжала тоже на праздник, и вскоре мы полюбили друг друга. Она ещё на ½ года была меня моложе, но в наших деревнях на вечеринки ходят с 7–8 лет и родители ничего против этого не имеют. В 1883-м я отправился опять в бурлаки, на этот раз меня у десятника выпросили уже прикащики к себе, те самые, у которых я был на р. Суне. Теперь они были в Челмуже, и мне недалеко было идти. Всё лето я жил в деревне, заведывал кладовой с припасами. Отдавал женщинам печь хлеб и принимал печёным. Тут всё лето сортировали и сплачивали лес, чтобы по Онежскому озеру тащить из Челмужи на завод в д. Уницы в 20 вёрстах от Повенца. Около 15 августа лес был сплочён и отправлен за пароходом и некоторый завозами на шпиль. Шпиль *устроен на плоте*, его вертят 2–3 лошади. Я был отправлен с письмом к управляющему с письмом по берегу Онежского озера, мой путь был из Челмужи до Шуньги около 50 вёрст и от Шуньги до Уницы – 17. Всего 67 верст. Осенью в Октябре месяце я приехал домой, несмотря на то, что в последние два года жизнь была для меня хороша, но, желая закончить мореходное училище, мне надо было плавание в море на торговых судах, без чего не мог быть допущен к экзамену на штурмана. А там, как я уже говорил, что по моему ещё слабому ещё не окрепшему телосложению в матросы меня не брали, да и людей рабочих в то время было довольно за маленькое жалование, то я вынужден был идти опять на промысел в наживотчики[262]. Уехали на Мурман мы в марте 1884 году. На промысле мне, как и раньше, не везло. Весенние промыслы пошли в упадок с каждым годом. На Мурмане было построено два китобойных завода, пароходы, которые истребляли ежегодно до двухсот китов. Предприятие это страшно повлияло на рыбные промыслы, т. к. киты, питаясь той же пищей, которой

питается треска, не стали подходить к берегам Мурмана, не стали нажимать к берегу корм, то и рыба удалилась от берегов Мурмана на значительное расстояние, куда в шнеках пускаться было очень опасно, и таким образом я опять вернулся домой осенью ни с чем. Но нужда заставила опять наняться на промысел, и в 1885 году я опять уехал на Мурман. Пробыв лето на промысле, меня пригласили осенью матросом. Зная прокладку по карте, мне поверили провести судно с Мурмана в Онегу, что я и сделал благополучно. Зимою мы жили вдвоём с матерью, т. к. сестра вышла замуж ещё в 1884 году. Забыл я описать мои приключения на промысле в 1885 году, но вспомнив, считаю своим долгом поделиться с моими дорогими читателями. Приехав весною в марте месяце в Териберку и услышав, что начался обильный промысел на Рыбачьем полуострове, мы собрались в шнеки и отправились в становище Цип-Наволок, отстоящий от Териберки около ста вёрст. Только что мы благополучно добрались туда, как подул свежий северо-восточный ветер, мы не поспели выбыть из шнек, как нас начало колотить о берег. Высадив лишних людей, нас отправили на шнеках на рейд, где стоял на якоре один корабль. На каждой шнеке было по два человека. У меня в других был свой зять. Всех шняк было двенадцать. Предполагая, что погода скоро утихнет, мы сначала спали, а шнека покачивалась в море, но не тут-то было. Погода становилась все крепче и крепче, наконец, дошла до степени урагана. Нам начало плескать в шнеку воду. Сутки мы, стоя по колено в воде, отливали воду вёдрами и лейкой, но волна усилилась до ужасных размеров. Шнеки, которые были бережнее[263] нас, начало опрокидывать одна за другой, некоторые начали спускаться на вёслах к отмелому берегу, но опрокидывало их, не донеся до мелкого места. Однако с берега спасали, кого могли. Видя гибель наших товарищей, мы тоже решили на удачу спуститься на берег носом. Для этого надо было к цепи, на которой мы стояли, привязать верёвку-стоянку, какие употребляются для яруса на промысле. Привязав стоянку, я начал поворачивать на ней шнеку, а зять мой сидел и грёб на вёслах; но вот налетела ужасная волна, оборвав у нас верёвку, понесла нас прямо к крутому каменистому обрыву, на котором около двух саженей толщиной намёрз лёд. Люди на берегу бросились нам на помочь, но от силы ветра они скорее ползли, чем бежали, за шумом прибоя и ветра не слышно было ни их голосов, ни им наших отчаянных криков о помощи. Возложив последнюю молитву на Бога, мы приготовились к смерти. Налетела последняя ужасная волна и, подняв нас высоко на свой гребень, с треском обрушилась к утёсу, желая поглотить свои жертвы; но верно Бог услышал наши безмолвные молитвы. Шнека

наша застряла между камнями, и мы скорее упали, чем соскочили в воду между шнекой и утесом. Платье наше на себе уже намокло и обмёрзло раньше. Я помню, как обеими руками захватился за попавшийся мне камень и держался, чтобы не отдёрнуло волной в море. Вода, зеленея на моих глазах, прокатила через меня, и мой взгляд упал на брошенный на верёвке сверху камень. Ухватившись правой рукой за верёвку, я не в силах был ухватиться левой, но обернув вокруг руки, держался крепко, так меня и подняли на одной руке на берег в три сажени высоты, рука моя до сих пор ноет пред худой погодой. Когда меня вытащили на берег, я лишился сознания и очнулся только в больнице Красного Креста. За мной ухаживали Сёстры Милосердия – прекрасные старушки, они всегда со мною пели на клиросе в церкви и любили меня как брата или сына. Также спасся и мой зять, но он пострадал ещё больше; вследствие этой катастрофы он начал терять зрение, а впоследствии лишился его совсем. Упустив свои жертвы, волна обрушилась на нашу шнеку и в щепки разбила её. Одежды и белья сталось только что на себе. Так я проездил на море всю весну, не мало пришлось перенести холоду и нужды. Промыслы по-старому были плохи. В этом году под влиянием дурных людей, бывших со мною, я научился пить вино и курить махорку и чуть было не сделался вором, но благодаря природному уму я скоро одумался и стал избегать этого общества. Хозяйство наше не улучшилось, а ухудшилось. Изба наша пришла в ветхость, скота было только корова и 3–4 овцы. Лошадь мать продала вскоре после смерти отца. Зимою я учился в мореходном училище, до занятий по утрам таскал на маленьких дровёшках сено для скота. Видя хозяйство моё в таком состоянии, родители любимой мною девушки стали уговаривать её бросить со мной гулять. Я стал подозревать в ней холодность и задумчивость, в конце концов, вызвал её на объяснение и это привело нас к разрыву. Всё остальное время этой зимы я был грустен и молчалив. Не раз Маня искала встречи со мной через других девушек, но я скрепя сердце уклонялся от этих свиданий. Я знал, что её за меня не отдадут, а сама она тоже была не из отважных героинь, хотя я знал, что она меня любила. Весною я поехал в матросы и осенью надеялся сдать экзамен. Навигация 1886 года прошла благополучно без особых приключений, а осенью я выдержал экзамен при Архангельской экзаменационной комиссии. Зимой в 1887 году я случайно встретился с молодой Ворзогорской вдовушкой, и хотя не думал ещё жениться, но чувствовал какое-то к ней влечение. Узнав о ея судьбе, я не отказался на ней жениться, не зная друг друга, мы вскоре были повенчаны. *22.01.1927 г.* Увидя мое хозяйство, молодая моя жена

пришла в ужас; не опытная в жизни, она не могла понять, что мне только двадцать лет, вся жизнь впереди и что я получил кое-какое образование. Она безутешно плакала днём и ночью, это наводило на меня тоску и временем я был безумен и бросался бить молодую ни в чем не повинную женщину, и она всё безропотно переносила. Видя ея хорошие качества, я полюбил её всей душой и поклялся сделать её счастливой, хотя бы это стоило мне жизни. Не найдя места матросом, я вынужден был опять идти на промысел трески. В первых числах марта мы поехали на Мурман. Моя жена шла пешком провожать меня вёрст 25 до деревни Унежмы. Расставаясь с ней, я первый раз встретил с ея стороны не поддельную искренность и ласку. Я жалел её, проклиная свою участь и скрепя сердце, которое разрывалось на части, отправился в путь. Что думала она, возвратившись в эту ненавистную маленькую старую лачугу, известно одному Богу. Летом я узнал, что от дождя в нашей избе воды было не меньше, чем на улице, так как крыша пришла в совершенную ветхость, а бревенчатый потолок был подперт жердями, в стенах были дыры от выгнивших брёвен. В эту осень, как и в предыдущие, я вернулся домой с пустыми руками. Промыслы на Мурмане пришли в упадок, и хозяева промысловых заведений один за другим ликвидировали свои дела. Зимой я работал у постройки судна Иосифа Хохлина, получая 2 рубля в неделю. Зима с января 1888 года стояла холодная и я, не имея достаточно тёплой одежды, всё-таки не пропускал ни одного дня. Намерзнувшись день, я приходил домой печальный, раздражённый и видя жену такою же печальную с заплаканными глазами. Я ещё больше раздражался, а в избе было не много теплее чем на улице. И самовара у нас не было, хотя бы согреться чаем. *Мать моя уходила с работой к соседям, т. к. дома ей шить было холодно и темно.* Весною 1888 года я поступил матросом на шхуну Овчинникова и лето проплавал благополучно, заработав около 60 рублей. В мое отсутствие мать вышла замуж, и жена осталась одна. Я возвратился домой 14 сентября. Жена моя, как я заметил, была очень рада моему возвращению и с ней случилась перемена, она свыклась со своей судьбой. 16-го сентября у нас родился сын Александр. Зимою я опять работал у постройки судна Овчинникова. В навигации 1889 года я плавал матросом на новом судне Овчинникова, а вернувшись домой осенью, я стал заботиться о постройке новой избы. Зимою заготовил 50 брёвен, а весною опять пошёл на том же судне штурманом. В августе я перешёл в Териберке на судно Сумского купца И. П. Воронина, которое с грузом солёной трески отправлялось в Петербург. Судно было старое, текучее, с трудом нам удалось добраться до

Петербурга, раз было не обсели на дно океана, к счастью нашему, во весь путь не было крепкого шторма. Придя в Питер, я как один из трезвых оставлен был при судне, остальные уволены. Окончив выгрузку на своём судне, я поступил за 20 рублей в отгон из Петербурга до Либау[264].

В Либау прибыли 28 октября и вскоре поехали домой по любаво-роменской ж. д. Вернувшись домой, я привёз из Питера маленький самовар и принялся за постройку избы. Несмотря на то, что денег у меня было только 25 рублей, мне удалось кое-как забраться в одну комнатку новой избы, закрыв её лабазом[265] кое-какими досками. 25 декабря 1890 г. скончалась моя мать – София; ей не удалось посмотреть новой избы. Весною в 1891 году я поехал в Петербург от купца Воронина, но ещё матросом за жалованье 13 руб. в месяц, по тому времени матросу больше не полагалось. Проплавав навигацию благополучно, домой я приехал уже в декабре. У нас прибыл новый член семьи – Фрося, родилась она 20 сентября. Приехав домой, я принялся за обстройку избы: покрыл её новым тёсом в два ската, но обделать вторую комнату было не на что. Зимой работы не было, да и я был не плотник. Саша рос хотя и не тучным, но довольно смышлёным мальчиком. В Воскресенье я водил его в церковь к Утрени и Обедни, между службами мы заходили посидеть к псаломщику И. Ф. Смирнову, жена которого угощала Сашу горячими шаньгами.

Весною в 1892 году я поступил штурманом за 14 руб. в месяц к тому же Воронину. Капитаном моим был сосед С. Куколев, он был 1-й год капитаном, а я штурманом, но нам не посчастливило: судно, на которое мы приехали в Петербург, «Иоанн Предтеча» было под арестом за долги Воронина; но приказано было рассчитать команду и жить вдвоём. Жить сначала было скучно, но потом пообжились, к тому же пришёл с рыбой из Либау наш земляк Антон П. Хохлин, и вот мы были почти неразлучны, пока стояли в Питере; но он как видно был плохо здоров, но выпивал изрядно. Наконец в 1-х числах июня нам разрешили отправиться на Мурман. Команду нам дал Хохлин, и 14 июня мы отправились на море. До Копенгагена шли 20 дней, постоянные штили и противные ветры нам препятствовали. Прибыв в Копенгаген, на рейде мы стояли 3 дня из-за противного ветра, в Териберку мы прибыли уже 29 августа; в дороге шли 75 дней. В Немецком море мы видели шхуну «Свет», на которой был капитан Антон Хохлин, он нас догнал; а в Териберке мы узнали, что его привезли сюда мёртвого и хоронили в этот самый день, в который мы пришли. В Териберке своё судно мы оставили на зимовку, а меня перевели на корабль «Желание», который должен был отправиться в

Архангельск. Вследствие не сообщительности моей жены мне пришлось не мало перенести хлопот.

В 1892-м году был неурожай хлеба почти по всей России и мука поднялась до 20 руб. за куль, *это не бывалые в то время цены.* Забор[266] хотя был у меня и не мал, но всё-таки я дополучил около 20 рублей. Домой послал 10 руб. и т. к. письма я не получил ни одного, то и нанялся к хозяину, и взять задаток не нашёл нужным, т. б. (тем более – *прим. авт.*) хозяин заявил мне, что место на следующий год будет, и с прибавкой жалованья, и что он поедет по тракту через Кушереку и тогда даст мне денег.

Я купил по дороге сукна себе на шубу, жене и Саше по катанкам[267]. Из Архангельска отправился в Онегу на судне Николая Ивановича Аурова, это был мой друг, хотя он был богат, а я бедный, но мы с ним жили дружно. Из Архангельска мы шли до Онеги около 2-х недель. Когда мы пришли к Кий-острову, р. Онега была наполнена льдом; несмотря на это, взяв в свои руки управление судном, мне удалось пробраться до завода Шенглейнг у р. Рочевы. Николай стал просить меня остаться на судне, т. к. команда съехала вся. Я остался один, а он редко приходил днём, а к ночи совсем не являлся. Около 20 октября пала оттепель, и я с помощью мещан перешёл на судне против зимника на погосте. *И уставил судно на зимовку.* 28 окт. в день своего ангела я пришёл домой со старушкой Тещей, которая шла посмотреть дочь и внучат. Только тут я узнал от жены, что своего хлеба есть нельзя – прозяб, а купленной муки только ½ мешка. Известие это до того меня ошеломило, что я слёг в постель. Напиши она письмо в Архангельск.

Я взял бы задаток, купил бы не дорого муки и привёз бы без провоза в Онегу, а оттуда домой, *не было бы* никакой заботы и хлопот. Проводив праздник, я начал думать, как запастись хлебом, взаймы занять – нечего и думать. Собралось у меня около 10 руб. денег, да я их ещё берёг. Я заложил купленное на шубу сукно и взял 3 пуда муки, а потом узнал, что Воронин уже дома, он попал домой на пароходе. Я отправился в Сумский Посад пешком 125 верст. Прибыв туда, хозяин встретил меня радушно, приказал накормить и напоить чаем, но я, будучи знаком с Егоровым, в этом уже не нуждался, а решил приступить прямо к делу. Хозяин назначил капитаном на корабль «Предтечу», но жалованье пока 21 руб. в месяц и дал мне задатком 2 куля муки, крупы, чаю и сахару. И я приехал домой на нанятой лошади, обрадовав всё семейство. Жена была рада, что я получил повышение и *против ея ожидания привёз довольно много муки*, и мы зажили безбедно. В 1893-м году я первый раз совершил

путешествие в Петербург в качестве капитана, осенью жалование мне было положено за всю навигацию по 45 руб., а к будущему году по 50 руб. С этого времени хозяйство моё начало улучшаться; приехав зимою, я обстроил большую переднюю комнату и построил дворик. В 1894-м году из Кушереки я поехал в Петербург через Сумский Посад и на Олонец. Жена ездила провожать меня до Сумского Посада, до этого она не бывала в Поморье и это её интересовало. Весною на Мурман я прошёл благополучно в 35 дней, а вместо Петербурга Хозяин потребовал меня в Архангельск, т. к. цена на рыбу там была хорошая. В 1-х числах сентября был сильный шторм от NNO. Я простоял ещё в Териберке, а вышел 5-го Сентября. Штормом крутило много судов в Белом море. В Архангельске между тем появилась холера. Я прибыл 8-го сентября в самый разгар холеры. Покупатели верховцы[268] в панике уезжали домой, рыбу пришлось продать дёшево и с трудом. Судно я поставил на зимовку в Цигломино. С морозами холера начала уменьшаться, а к декабрю уже заболевания были редки. В этом году родилась Анна.

В 1895 году из Архангельска с досками я шёл в Вардё, а оттуда в Мотку – там и стоял до 8-го сентября. Стоять было весело, на судне у меня была торговля мелоч. (мелочными – *прим. авт.*) товарами и рыболовными снастями; в товаре было две норвежские гармонии даны прямо для развлечения. В Мотке мы собирали вечеринки, танцевали вместе с лопарями. Меня лопари приглашали на свадьбы и т. п. В этом году родилась дочь Анна. Осенью я опять был в Архангельске. Поставив на зимовку судно, я уехал домой. Хозяин мой ехал на своей лошади уже зимою в последних числах января 1896 года. На квартиру он приехал уже прямо ко мне. Обогревшись коньячком с чаем, старик развеселел, и вот тут мы заключили с ним условие, чтобы мне его не покидать, а он обещал после смерти мне корабль «Предтечу». Но не думал старик, что он веселится у меня в последний раз. Весною в 1896-м году приехав из Норвегии в мае месяце, он умер скоропостижно, а я, похоронив его и покончив с делами, поступил к Антрушину Дмитр. Григорьевичу Архангельскому 2-й гильдии купцу. У Него было куплено в Петербурге судно «Св. Николай». Уехали мы в Петербург около 15 июня до Вологды по р. Северной Двине; как хорошо было ехать по р. Двине, особенно для меня, не видавшего русского лета. Стояла чудная погода; берега Двины представляли чудную картину, где они утесистые из белого и красного Алебастра, а где низкие, покрытые густой высокой зеленеющей травою.

Из Вологды мы поехали по железной дороге в Петербург, но через Ярославль и Москву; другого пути в Петербург тогда ещё не

было.

В Москве мы были не долго, но были в Кремле, а т. к. мы были вечером, то в собор мы не могли проникнуть, только посмотрели Царь-Колокол и Царь-Пушку.

В Петербурге мы жили до 1-го августа. Вооружив «Николая», я отправился в путь. 3 дня стоял в Кронштадте против ветра, а 15 августа был в Копенгагене. 21-го сентября я благополучно прибыл в Териберку. Установив судно, я с командой отправился в Архангельск на маленьком буксирном пароходе «Алфа». В Архангельск прибыли благополучно около 10 октября, а 20-го я приехал домой. Александр учился уже в школе, хотя ему было только 7 лет, но благодаря его выдающимся способностям, он уже хорошо умел читать. Дом был уже совсем обстроен. Построены баня и амбар и напилены были доски для обшивки дому. В марте 1897 года я ехал на «Николае» в Териберку, где он зимовал. Жалованье я уже получал 60 руб. в месяц, таким образом, зарабатывая около 500 руб. в навигацию. Весною я грузил «Николая» рыбой в Вадогубе и под пахтой[269] в Гаврилове. Летом 26 июня в Кушереке был ужасный пожар, сгорело около 100 домов и новостроящееся мореходное судно. Наш дом загорался во многих местах, но верно Бог сохранил нас, видя, что много-много было положено моих честных трудов, чтобы построить такой домик. Из Гаврилова я отправился на «Николае» в Петербург. Судно было грузное, но я вышел ещё не поздно. На пути в Петербург чуть было не погибли: был крепкий шторм от OSt-а. Мы заходили уже в Немецкое море, как вдруг налетела ужасная волна и обрушилась всей массой на палубу. Матросы бросились в кубрик, а я в это время был в каюте и только лёг на пол отдохнуть в мокрой одежде, услышав необыкновенный шум и треск, я выбежал на палубу, в открытые двери каюты бросилась вода. Штурман стоял у руля испуганный и растерянный – ещё минута и мы бы пошли ко дну океана. Но я скоро сообразил, что надо делать: отдав гроташкот и накатав руль под ветер. Судно мало-помалу начало воротиться, но т. к. воды на палубе было вровень с планширем, то я позвал команду с топорами, приказал рубить фальшборт или трали. Спустившись на фордевинд, мы скоро увидали Шетландские о-ва, и, не имея возможности обойти их по восточную сторону, я вынужден был спуститься по западную: таким образом, обойдя Шетландские острова я дошёл до зунда, отделяющего Шетландские и Оркнейские о-ва. Вскоре шторм утих и подул свежий западный ветер, благодаря которому мы скоро пришли в Скагеррак, а в 1-х числ. Окт. прибыли в Петербург.

Около 20-го Октября мы с Н. А. Карельским, который был послан помогать мне торговать рыбой, ехали по новой железной

дороге из Вологды в Архангельск, только что открытой, но не дай Бог ездить по только что открытой русской дороге. Тут был такой грабёж, что уму не постижимо. Доехав кое-как до станции Няндома, мы выбрались в Каргополь и поехали на лошадях. В Денславье, простившись с Карельским, я поехал в Онегу, а он в Архангельск. Со мной был один матрос. Приехав в Маркумусы, я купил лодочку, в которую собрали багаж и, взяв лоцмана, поехали по р. Онеги. В 10-ти верстах от Маркумус начинаются Бирючевские пороги, под которые не все решаются ехать. Но морякам ехать не столько страшно, сколько интересно, когда волна плещется в утлую лодчёнку, а течением несёт с неимоверной быстротой ближе к дому. Как легко и весело на душе ехать осенью домой и как тяжело оставлять родную семью, уезжая весною. Итак, едучи по р. Онеги в лодке мы скоро достигли г. Онеги, а там на лошадях домой. Я не узнал своего дому; после пожара торчали только одни печные трубы, а наш спасшийся домик затерялся среди пустырей. В Ноябре 1897 года я, как состоящий в запасе флота, был призван на учебный сбор в Архангельск на месяц. В этом году родилась дочь Лиза. В 1898 году в марте я уехал в Петербург, а оттуда шёл на «Николае» на Мурманский берег. Помощником у меня был Михов В. Нагрузившись в Териберке рыбой, я шёл в Петербург. Этот путь был для меня настолько знаком, что не представлял пройти большого затруднения. В Петербурге рыбой торговали недурно и хозяин был всегда мною доволен. В 1899 году из Петербурга я шёл на Мурман опять в Териберку. Этот раз помощником был Лебедь П. И. Промыслы были в этом году не важны, и нам не удалось набрать полный груз, а поэтому погонили судно в Архангельск. Команды было с 2-х судов. Дойдя до 3-х Островов, нас встретил сильный шторм от SW и мы были вынуждены стать на два якоря в становище Трёх Островов, вытравив все цепи, а т. к. якоря и цепи у меня были заправлены хороши, то и думать было нечего. Хотя много судов тогда выносило в море вследствие плохих цепей. Наконец погода утихла, и мы благополучно прибыли в Архангельск. Выгрузив рыбу, судно оставили зимовать в городе. Зимою делали ремонт.

В 1900 году я поехал в Архангельск, взял плотником и помощником И. Ф. Михова. Весною работали новый руль, ставили новую фокмачту, а с открытием навигации стали покупать рыбу в Архангельске солёную для Петербурга. Весною была у меня жена в Архангельске. Нагрузившись в первых числах июня, мы отправились в Петербург. Путь в этом году был очень скорый, но торговля была в Петербурге ужасно плохая, особенно на переборную треску[270]. И я вынужден был в Петербурге прожить

до 10 декабря; в этом году родилась Настя, а Александр уже учился в Городском училище в Онеге. Приехав домой к Рождеству, 18 Марта 1901 года я опять выехал в Петербург, погрузив в судно ржаной муки и крупчатки, я отправился из Петербурга в Тромсо. Путь был скорый из Петербурга до Тромсо в 18 дней. Помощником был Иван Михов, а матросы – часть эстонцы и кок Алексей Равин, который впоследствии жил несколько лет в Норвегии и участвовал в экспедиции Русанова с моим сыном Александром в 1912 году к Шпицбергену и в Карское море *и погиб с ним вместе*. Год этот для меня был удачней…

(Далее два листа вырезаны – *прим. авт.*)

чем предыдущий. Но всё же большого убытка не было.

1907 г. Саша составил русско-норвежский словарь 2000 экземпляров. У Саши промысел был не важный, но его стал увлекать этот опасный звериный промысел, и он решил идти на следующий год. В 1908 году Саша опять ушёл на промысел зверя и увёл его товарища Владимира Семёновича Гринера. Проездом через Онегу Саша снимался с нами группой, причем принимали участие наши знакомые Кондратий Иванович и Ульяна Петровна Ивановы. Весною с Колей случилось несчастье, его облила мама нечаянно кипятком, но к счастью ещё не попало в глаза. Через две недели он поправился, *но он расстроился, психически больным он всю жизнь и остался.* Я в этом году сходил также не дурно. В 1909 году Саша окончил Мореходное училище с золотой медалью и летом приехал в Норвегию и ходил из Тромсо на остров Ян-Майен на судне Гудмонсена капитаном, путь их был скорый. Вернувшись обратно, он побывал у меня в Люнге, но ему на месте не сиделось – он пристрастился к опасным путешествиям. Для этого он вздумал изучить океанографию. В это время, когда мне нужно было уходить в Россию, он остался в Норвегии. Он был откровенный и честный. Я его страшно любил и жалел, старался отговорить, но ничто не помогало. Он настоял на своём, чтобы ехать в Берген учиться. Прощаясь с ним, я до того был взволнован, что когда отвалил из гавани в Архангельск, долго плакал. Я почувствовал тогда, что окончательно потерял сына. Осенью родился Леонид. Пробыв зиму в Бергене, Саша поступил океанографом на полярное судно «Фрам» в экспедицию Амундсена к Южному полюсу. Зимою в 1910 году дома я не мог нарадоваться на маленького бойкого Леню, он стал понимать меня и от матери протягивал ручёнки ко мне. Я брал его на руки, носил напевая. А он слушал и тоже уркал. Весною в Архангельске я купил ему коляску и послал домой, но не долго суждено было нам порадоваться ребёнком…

(Далее страница утрачена – *прим. авт.*)

…что я ему не писал писем отдельно, но мне было писать нечего, а когда я узнал, что он поступил капитаном в экспедицию Русанова на Шпицберген, и что им совместно с Русановым куплено маленькое судно «Геркулес», и что они намереваются на таком судне рисковать идти в Карское море. Я писал сыну письмо с Русановым, который отправлялся из Архангельска в Александровск[271], куда пришёл и Саша, что не советую пускаться в такое опасное плавание и, как бы предвидя, что-то ужасное, я упрашивал даже самого Русанова оставить попытку идти в Карское море и не ходить на таком маленьком судёнышке, которому название дано совсем не по величине. Прошла зима, и мы не получили никаких вестей. В навигацию 1913 года я плавал на «Андромеде» сначала на зверином промысле, а потом по Мурману ловил и продавал промышленникам наживку, и всё лето с нетерпением ждал вестей от сына, но вести не приходили. Дома летом случился пожар. Сгорело около 40 построек, у нас сгорело много досок и брёвен, но дом спасся, хотя немного и обгорела обшивка и полопали в рамах стёкла. Опять наступила зима. Тяжёлая тоска и неизвестность томили нас, мы с матерью тайком один от другого плакали. Не выдавая, однако, своей грусти. В январе 1914 года Фрося выходила замуж, но для нас свадьба была невесёлая, воспоминания о сыне и неизвестность тяготили страшным образом, т.б. что оставшийся наш маленький сын был ненормальный. На навигацию я нанялся капитаном к мудьюгскому крестьянину Николаю Антуфьеву на пароход «Антоний». Из дому я выехал 12-го марта, а 15-го был уже в Архангельске. На Пасху приезжала из Архангельска Анюта. После Пасхи я уехал на пароходе, который стоял у завода Экономия в Маймаксе, мы стали приготовляться к навигации, но весна стояла холодная и р. Двина вскрылась только 2-го мая. Утром 4-го Мая мы вздумали выходить с места зимовки к Удельному заводу, но вследствие ошибки машиниста, который вместо заднего хода дал вперёд, попали на мель. А так как вода шла сильно на убыль, то стащить пароход не было никакой надежды и пришлось окопать посредством черпалки Пеца, которая работала 150 руб. в сутки 14 раб. часов. Случай этот на меня сильно подействовал, и я в один день поседел и похудел, но после вскоре оправился. В половине мая приехала жена, и благодаря её заботам я поправился совсем. При ней мы сняли пароход с мели и ушли к Удельному заводу грузиться досками. В четверг 29 мая она поехала домой, и после её мне долго было скучно. Когда пароход отошёл от пристани, уходя в Онегу, я долго стоял на пристани после его ухода, он увёз моего друга – товарища моей жизни, веть мы мало так жили так, как жили в эту весну. Я всегда приезжал домой поздно осенью и

уезжал ранней весной, но в этот короткий период пребывания моего дома я не был счастлив, моя жена не злая от природы, но постоянно утомлявшаяся домашним хозяйством, становилась временами не сносной; несмотря на все мои увещевания как можно больше ходить на воздухе, она никуда не выходила и как я говорил и советовал ей – она делала мне всё наперекор и это страшно раздражало и тяготило меня. Бывали случаи, я рад был уехать из дому прочь и больше не возвращаться, но было довольно ея ласкового слова и я забывал всё.

В первых числах июня я отправился с досками в Норвегию. Путь был прекрасный, и я в 3 ½ суток прибыл в Гаммерферст, а оттуда в Тромсо. Постояв там неделю, я опять ушел в Гаммерферст. Улов рыбы был мал и цена небывалая, сайду покупали 15–16 эре[272] кг. В первых числах Июля я опять был в Тромсо. Скоро пройдёт июль, а от Саши всё нет никаких вестей, так тяжело и грустно. Пришли на поиски их суда «Герда» и «Эклипс», на первом я был и вынес самое скверное впечатление. «Герда» мне не понравилась, т. б. ея начальство. Я сразу потерял надежду на это судно, так и случилось впоследствии. Стоя в Турсвоге, 20 Июля мы услышали, что между Россией и Германией вспыхнула война, которая затем превратилась в ужасное Европейское побоище. К нам примкнули Французы, Англичане, Сербы и Черногорцы, а к Германии – Австрия, Турция и Румыния. Из России целый месяц не пропускали ни телеграмм, ни писем, и мы читали только ложные Берлинские телеграммы. Поэтому верили всем нелепым слухам и не знали, что делать. Идти ли домой или остаться в Норвегии. Нам сообщали, что Германская эскадра блокирует в Белом море и что Александровск уже занят немцами. Но через месяц выяснилось, что ни того ни другого не бывало и поморские суда начали отправляться в путь в Архангельск. Я вышел из Гаммерфеста 7 сент. и прибыл в Архангельск 11-го благополучно. Здесь стояли до 20 октября. 20-го я отправился в Кию за навагой, вследствие льда в р. Двине мы насилу выбрались только 22 октября и только благодаря буксирного парохода, который выводил заграничные пароходы. Я увидел, что сила нашего «Антония» слаба, сопротивляться со льдом он не может, но отступать некогда. 23-го окт. стали в 3-х Островах и стояли тут до 28-го, в этот день моего ангела дул такой крепкий шторм от S-да, что вечером в 3 ч. мы вышли в море, а утром 29-го пришли в Иокангские Острова и стали на якорь. Здесь стояли трое суток, стоянка была хорошая и спокойная. Вечером 1-го мы отправились в Кию, дул тихий западный ветерок, ночь была очень ясная и светлая.

В 7 ч. 30 м. утра мы увидели берега Кии; берега эти очень

приметны, только низки с маленькими и большими сопками. На правом берегу устья реки имеются створы для входа, а на левом берегу или, как кажется, в середине губы есть приметные четыре сопки: одна из них высокая остроконечная, а другие ниже. Около сопок стоит Амбар для рыбачьих сетей. *Это хорошее приметное место.* В р. Кие быстро ходит приливное и отливное течение. Стоянка в реке опасна, особенно когда дуют SW ветры со снегом. Льду и шугу носит полную реку и не держат никакие якоря, грунт в реке – песок и мелкий камень, берега же все песчаные и крутые, подъем воды в сизигии[273] 13 фут, а когда дуют SW, то и 14. Придя в р. Кию, мы отшвартовались на осушной, но через день нас закинуло на мель, так что думали, не снимет. Дня через два нас всё-таки сняло. Морозов нет. А время двигается. Наконец 8 ноября нас опять выкинуло на берег в бухте пониже избушки и забило льдом, насилу стащились с помощью промышленников, которым было уплачено около 100 рублей. 13-го ноября был первый мороз в 13°. Начали принимать навагу. Приняли около 2000 пуд. Но с полудня отеплило, терм. показывал – 3°. 8-го Ноября промышленники спасли 5 человек команды с рижского парохода «Ормента», который шёл с углём из Англии в Архангельск и попал 29 Окт. на Орловские кошки[274]. После первого удара пароход переломился, и кормовую часть с провизией отнесло, а на носовой осталась команда с капитаном. Штурман и 3 матроса ехали к берегу на шлюпке, а так как около берегу было много льду, то шлюпку они оставили, направились к берегу, попадали голодные и в лёгкой одежде 8 дней. Из шлюпки спаслось только двое: штурман и матрос. Ноги у них обморожены, руки изранены и обморожены. Через день нашли ещё троих. Эти смельчаки приплыли в ящике, обитом брезентом, их занесло недалеко от Кии. В ящике остался тимерман[275], работавший ящик, а трое вышли по льду, один из них был почти босиком. Я ходил смотреть этих несчастных, помог им выбраться из Кии, уведомив властей, и через деревню Несь дал знать в Архангельск о гибели парохода, чтобы приняли меры к спасению людей, оставшихся на пароходе. Удастся ли им спастись? Не знаю. Стоять здесь ужасная скука, т. б. что постоянно ждёшь, вот-вот бросится лёд и выбросит на берег; дома теперь ждут, а я как в тисках.

25 ноября 1914 г.

С 14-го Ноября стоит тёплая погода. Дуют крепкие южные ветры. Наваги не принимать, идти прочь нельзя, т. к. закуплено и привезено на берегу много наваги. По льду по реке носит массу, барометр то поднимается на 5–10 миллиметров, то упадёт ещё больше. Всё указывает, что мороз будет ещё не скоро; а нам

только надо хотя бы два хороших мороза. Провизия на исходе, воду для чаю и варки *пищи* таяли из снега, т. к. запасы свежей воды были выкачены в то время когда были на мели.

26 ноября

Сегодня проснулся в 3-и ночи и больше не мог уснуть, скука и какая-то тоска. Ночью южный ветер стих, пошёл снег хлопьями, барометр стоит низко на шторме. С 6-и утра подул северо-восточный ветер. Люди ободрились, ожидая скорого мороза, которого ждёшь две недели с нетерпением. Лёд из реки начинает выносить. Если будет ночью мороз градусов 10, то завтра начнём догружаться навагой. А два дня погрузки, и мы готовы к выходу в Архангельск. К нам часто ходят навещать промышленники Мезенцы и самоеды и утверждают, что в этой реке на восточных ветрах лёд никогда не бывает. Это нас радует как детей. Помоги Боже выбраться из этой реки-ловушки. День здесь очень короткий, особенно в пасмурную погоду, разсветается в 9 ч. и темнеет в 2 ч. Луна начинает светить только с полуночи, уже последняя четверть. Я не могу себе представить, как бедный Саша, если он жив, переносит эту скуку, эту тоску в неизвестности. Теперь я давно не видал его во сне. Господи, помоги мне перенести это тяжёлое испытание.

27 ноября

Наконец-то сегодня мороз 6°. Начали грузить навагу. Мороз усиливается, мы торопимся скорее грузить. Я купил 2 п. 25 ф. оленьего мяса свежего. Запасаем провизии на дорогу.

28 ноября

К 12 ч. окончили погрузку, нагрузили полные трюмы и около 400 пудов рыбы на палубу. С часу дня начали поворачиваться, предварительно околов рабочими лёд около парохода. Я заплатил за это 3 р. 50 коп.

В 3 ч. поворотились и стали под носом из реи выходить. Темно, да и вод много выпало; думаю утром в 2 ч. сняться и выйти в море.

29 ноября

Всю ночь дует крепкий шторм от W-та с снегом. В 2 ч. ветер стих. Вахтенный матрос приходил сказать, что ветер стих, начинается N-вый ветер, ясный. Я встал, зажгли фонари на створах. Взяли швартовы с берега и пошли ломать лед. Ветер опять подул W. Только начали выходить, льду нанесло ужасную массу. Пароход не мог двигаться, вода уже начала (падать) убывать, мы остановились, не решаясь больше идти вперёд.

В 6 ч. утра лёд понесло из реки. Пароход стоял на якоре, работал машиной против течения и льда, наконец, нас закинуло на мель. На следующей воде сняло с мели, держались около

фарватера. Ветер – шторм от WSW. О выходе и думать нечего, только бы держаться против течения и льда.

30 ноября

Несмотря на наше сопротивление, на нашу борьбу с природой, нас дрейфует к Кошкам и на одной из них обсохли, но в полводы с приливом нас сняло. Ветер начал немного подтихать.

1 декабря

День держались около фарватера и в 6 ч. вечера, несмотря на шторм от SW, мы направились к выходу в море, но т. к. льду было густо – пароход не слушался руля. Нажало опять к правой кошки, несмотря на наше сопротивление. Однако с полной водой мы кое-как сошли задним ходом и стали на фарватере на якорь.

2 декабря

Ночью нас нажало к левому берегу на плоское место, и думали, если нам не удастся выйти из реки, то пароход оставить здесь безопасно.

3 декабря

Провизии мало, воду таем из снега, керосину для освещения нет. Нос парохода закинуло дальше, теперь есть надежда сойти задним ходом. Собрали денег на молебен 4 руб. и отправили с служащими Золотцева в деревню Несь.

4 декабря

Утренняя вода была мала. Ветер стих. Морозу – 6°R. Вечером попробовали тащиться задним ходом. Вода пришла больше – пароход ходил взад и вперёд, но от берега не отходил. Проработали до часу ночи. Пароход уже начал обсыхать, нам удалось уйти от берега кормою на сажень, теперь стало глубже, и пароход обсох почти в полводы.

5 декабря

С утра приготовились пароход стянуть. Дул тихий ветер от SO-та. Лёд из реки унесло, и он с приливом не возвращался. Послали за лоцманом, хотя теперь есть надежда на выход. Полная вода в 12 ч. дня, а мы в 11 ч. уже плавали на свободной воде, льду нанесло мало, в это время взяли лоцмана и пошли в море. Льду было – не видно открытой воды, но льдины стояли между собой редко, смерзлись тонким утренним льдом. «Антоний» наш, хотя с трудом, но всё же подавался, наконец, стали попадаться полыньи, и мы старались попасть в них. В 4 ч. вечера вышли на свободную воду. Ветер подул S-й и вскоре SSW, погода стала тёмная, но мы не унывали, а нас ждал ещё недуманный сюрприз.

В 2 ч. ночи мы увидели Орловский Маяк. Держась по курсу, мы шли недалеко от берега. В 3 ч. маяк уже начали проходить, как вдруг меня зовут в машину – скорее спускаюсь туда. Механик заявляет, что пароход течёт, вода прибывает, разом все отливные

средства пущены в ход. Вышел на мостик, взял курс ближе к берегу, надеясь дойти до 3-х Островов, т. об. что Трёх Островский маяк уже видно. Пока никому не говорю. Наконец Механик заявляет, что пароход до 3-х Островов не продержится, надо идти прямо в берег. Тогда я уже объявил, что надо готовить шлюпки. Тёмная ночь. Шторм. Только виден Орловский Маяк, он становится ближе и ближе, на палубе суетня, а некоторые сидят уже в шлюпках. Я держу в Губу Орловку, чтобы избежать толчка. Наконец, получаю сведения из машины – вода пошла на отлив. Быстро приказал взять право на борт, но впотьмах берег показался не далеко. Я сделал назад полный ход. В это время оторвалась машинка, бывшая за кормой. Узнав, что вода отливается быстро, взял прежний курс и пошёл к 3-м Островам. Время было уже 5 ч. утра, мне слышался колокольный звон.

6 декабря

Праздник Угодника Божия Николая, спасшего нас от смерти. В 8 ч. стало светать, мы были над Поноем. Ветер дул SSW и становился всё крепче и крепче, к вечеру дошёл до шторма. В 2 ч. прошли О-в Сосновец, а через час уже его не было видно. Начали ходить заряды снега. Когда мы были у Сосновца, то увидели, что идёт большой грузовой пароход с нами по пути. Он оказывается сутками раньше ушел от 3-х Островов и попал между Моржовец и Кедовские Кошки и там стоял на якоре.

7 декабря

В 5 ч. 30 м. утра увидели Мк (маяк – *прим. авт.*) мигающий, предположили, что это на Вепрях. В 7 ч. увидели Зимнегорский Мк, а в 4 ч. вечера зашли к Муровой, теперь придёт ледокол, и уйдём в город.

8 декабря

Послал телеграмму домой, но она подана была только 9-го. Стояли и ждали ледокола, чтобы пройти в город. Ледокол обещал быть 11-го, погода стоит тёплая. Ветер дул SW-й четверти.

9 декабря

Послан был человек за хлебом на Экономию. Но хлеба привёз мало, купить негде.

10 декабря

Всё то же самое. Однообразие надоедает. А скоро и Рождество. Поспею ли я домой, не знаю, знают ли дочки в Архангельске о моём прибытии.

11 декабря

Ждём ледокола. Обещают завтра. Погода стала меняться, барометр повышается, а ледокола нет. Мороз 3°.

12 декабря

Сегодня мороз 10. Около половины дня показался ледокол –

выводить пароходы. Здесь у нас стоит 2 парохода. К 5 ч. вечера ледокол «Канада» привёл из города «Курска», завтра ведёт нас в город. Я теперь встаю в 5 ч. утра.

13 декабря

В полдень за «Канадой» отправились в город. У Павракулки «Канада» взяла на буксир. Против острова Мосеева лопнул буксир, у нас лопнула лопасть винта, начали работать задний ход. Пароход отошёл немного, сделали вперёд и сломали остальные лопасти. «Канада» подал толстый стальной трос и этот оборвался (далее неразборчиво – *прим. авт.*).

14 декабря

Начались крепкие морозы. Жить на пароходе холодно. Ночевали в Соломбале у Фроси.

15 декабря

Начали выгружать навагу. В кормовом трюме навага размокла. Теперь понятно, откуда взялась вода, когда мы шли из Кии и чуть не выбросились на берег: кормовая тянка, в которую по выходе из Кии накачивали воду, была плохо закрыта, и вода лилась в трюм, а Машинист не обратил внимания, качал до тех пор, пока вода не полилась в машину.

16 декабря

Занимались выгрузкой наваги.

17 декабря.

Окончили выгрузку. Начали окалывать пароход.

18 декабря

Морозы становятся всё крепче и крепче, а домой всё ещё не отпускают. 20-го решил ехать.

23 декабря

Меня наконец отпустили домой, как я рад! Кое-что купил и уехал к Фросе и хотел того же вечера выехать в путь. Но нет извозчика, придётся до утра остаться.

24 декабря

В 5 ч. утра послал Павла искать лошадь. Тот нанял за 4 руб. до Рикасихи. Еду! В 6 ч. простился, привернул на пароход. В сопровождении Павла забрал багаж, распростился с Павлом и тронулся в путь. Несмотря на 25 град. мороз, мне было ехать так весело, как будто с плеч упала гора. В Рикасиху приехал утром в 8 ч., а утром в Рождество, как только окончилась обедня, был уже в Нижмозере. Тут меня задержали из-за лошадей 4 часа, как я не торопился и не рвался, но делать нечего. В 10 ч. вечера всё-таки приехал домой. Дома ещё не спали. Меня встретила жена, дочки и Коля. Как все рады, и я рад, только видно по лицу жены, что она и рада бы радоваться, но печаль о сыне ей мешает. Когда я заметил это, и у меня защемило сердце, но вскоре с разговорами

развеселились.

26 декабря

Коля просил ёлки, но невесело было собирать, всё одно тоска о Сане, хотя мы ни слова не сказали о нём, но все понимали и чувствовали это, кроме Коли, который ничего не понимает.

Теперь уже бросаю дневник, т. к. жизнь вошла в общую колею.

Быстро прошли Святки, и в Крещение дочки поехали. Одна Лиза в Архангельск, а Анюта в свою Анисимовку учительствовать, после них стало скучно, и долго мы с женою, дочкой Настей и Колей не могли привыкнуть. Потом поехали ратники на войну с немцами, опять у нас народ, время пошло незаметно. Жена стала поправляться от нервности, да и мы все старались ей угодить. Она была довольна и повеселела. По вечерам читали газеты о войне, об экспедициях и всё не теряли надежды на возвращение сына.

Зимою умерли наши знакомые: Фёдор Иванович Хохлин и Ольга Пахомова-Большакова. Я порешил опять идти от Могучего на промысловый пароход «Губернатор Бибиков», но предположил ехать после Пасхи. Зима 1915 года прошла незаметно. Перед Пасхой мы решили перебраться из низу вверх, а в низ пустили Александру Степ. Пахомову или уже скорее Калинину – по её первой фамилии, т. к. она с мужем развелась ещё в прошлом году. Пасху праздновали уже вверху. Как было хорошо, уютно и весело прожить этот Великий день. А вчера ещё Коля убежал на улицу к ребятам, которые жгли смоляные бочки около собора на площади. Ночь была ясная и холодная, но тихая. Я ходил к заутрени и пел на левом клиросе. Не могу словами выразить этой душевной радости в эту Святую ночь. И придя домой, ничто меня не огорчило. Жена была тоже рада, и мы веселились как дети, только невольно скатывалась слеза, когда подумаешь о сыне. Пасха в этом году была 22 Марта. Я поехал в Архангельск 29-го в воскресенье утром, жена ехала до Покровского. Теперь писать больше нечего, всё тоже, особенно в дороге с людьми, едущими на пароходе. В Архангельск приехал 4-го Апреля вечером. Я уехал в Лаю в док, где ремонтировался мой пароход. В Лае прожил до 27-го Апреля, а вечером 27-го пришёл пароходом в Архангельск в ковш № 3.

Нагрузив пароход углём, я отправился на Мурман. Лето всё ходил по Мурману с наживкой – сначала с мойвой, затем с сельдями. Лето было непогодливо, постоянные туманы при восточных ветрах. Полярные льды вынесло из Карского моря, и они массою стояли около Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа и Гренландии. 30-го Августа был на судне «Герта», которая пришла

от Шпицбергена с поисков экспедиции Брусилова и Русанова. «Герта» опять пришла ни с чем и ссылалась на льды и туманы. 12 Сентября я прибыл в Архангельск, а 1 Окт. опять ушёл в Кольский залив для постановки Маяков. 12-го Октября все маячные работы уже покончили, не было с собою фонарей и их-то стоим и ждём. Погода стоит скверная, снегу выпало около аршина. Сегодня уже 17 Октября, а мы все стоим в Александровске у пристани. Скука ужасная, да и стало сыро и холодно жить на пароходе. На пароходе при постройке маяков жил Инженер Вас. Ив. Лазарев, на днях он перебрался на квартиру, т. к. на пароходе жить скверно. Ждём пароход «Соломбалу» с фонарями и думаем, как-то переберёмся в Архангельск. На Белом море с ранней весны суда натыкались на мины, разбросанные немцами. Несмотря на вылавливание мин, случаи потопления часто повторялись. На днях слышно было взорвался транспорт – Угольщик и Английский крейсер. Разгоревшаяся Европейская война приняла ужасающие размеры, никогда не истреблялись люди в таком количестве, как в эту войну. Какие только способы не применялись к истреблению воюющих: подводные лодки сновали в морях как касатки, в воздухе летали Аэропланы и Дирижабли, бросая бомбы в мирных жителей и днём и ночью, войска истреблялись разрывными пулями и удушливыми газами. Товары первой необходимости дошли в 1915 году до двойной стоимости, а некоторые в 4 и 5 раз дороже. Люди шли в солдаты без разбора льгот от 19-ти летн. возраста до 45 лет.

В войне участвовали следующие государства: с одной стороны – Россия, Франция, Англия, Италия, Сербия, Черногория и Япония; с другой – Германия, Австрия, Болгария и Турция. 8-го Ноября поставили п/х «Бибиков» на зимовку в Александровске, а сами отправились 10-го на п/х «Соломбала» в Архангельск. У Сосновца встретили лёд, но благодаря такому бойкому во льду пароходу как «Соломбала» нам удалось выбраться. 20 Ноября прибыли в Архангельск, а 23 я поехал домой с дочерью Ефросиньей и внучкой Ниной, родившейся в Архангельске осенью прошлого года. Дома мне пришлось жить недолго, да и та жизнь стала плоха. Жена нервная, больная; такая же и старшая дочь, приехавшая из Архангельска. С первых дней пошли ссоры, и я вынужден был скоро уехать по первому предложению Могучего в г. Александровск 12 Янв. 1916 г. В Александровск приехал 25 Янв. 1916 г. Пароход «Бибиков» реквизирован с 15-го Января и совершает рейсы между Александровском и Семеновыми островами, которые вскоре назвали и основали г. Романов. От сюда работалась железная дорога на «Петербург» (с начала войны переименованный в «Петроград».)

С 25 Января я начал работать на оборону страны, занимаясь перевозкой грузов. Много здесь пришлось видеть несправедливостей. Краж и растраты провиантов. Люди мерзли и голодали, а провизию гноили и выбрасывали в море, но говорить про это строго воспрещалось. Война продолжалась; к нам присоединилась Румыния, но они повели неудачное наступление, и половина страны попала немцам в руки. У нас отдали почти всю Польшу и Курляндию до Риги, которая какими-то судьбами осталась в наших руках. Здесь в 12-ти вёрстах от Риги и по лев. берегу Западной Двины тянулись фронты наши и противника.

10-го Мая 1916 г. я окончил плавание от военного ведомства и ушёл в Шелепино.

Простояв месяц на ремонте, я пошёл искать сельдей.

Сначала удалось поймать мойву, а потом в июне сельдей в Кольском заливе в губе Тюве. Сельди были крупные, жирные и улов очень хороший. Жалованье я получал в месяц 150 руб., и наградных до 10-го мая получил 500 руб. В общем по 300 руб., а осенью сельдями и наградными всего за год получил около 4000 руб., но надо иметь в виду что всё вздорожало уже в 5–6 раз. Осенью, несмотря на то, что ходили в Бел. море подводные субмарины немецкие, мне удалось проскользнуть в Архангельск, а оттуда и домой. Домой приехал 27 Октября, ночью. Меня никто не только не встретил…

(Далее часть страницы вырезана – *прим. авт.*)

…теперь Настенька одна из лучших дочерей заболела малокровьем, которое вскоре перешло в чахотку; несмотря на всё моё старание, лечение пользы не приносит. Зимою я заготовлял лес для постройки п/х «Персей» Могучему и правил комиссию по наборке сельдей в Ворзогорах, улов был очень обильный. Жизнь зимою была неважна, несмотря на всё моё старание жить спокойнее, это мне не удавалось. Жена изводила меня совсем, я дошёл до того, что не знал, как жить, как заговорить. Пасху я праздновал дома, а это редко. Зимою 1917 г. 28 февраля случилось то, чего ждали веками, случилось то, за что боролись и гибли лучшие Русские люди, пал старый строй гнилого Самодержавия. Николай II довёл Россию до полного разорения и сам был вынужден отречься от престола. Виновниками Народной свободы (стали – *прим. авт.*) – Государственная Дума и Войска. Народ вздохнул свободно…

(Далее вырезана верхняя часть страницы – *прим. авт.*)

Я уехал в Архангельск 6 Апреля по последнему санному пути, снегу было уже очень мало, а по реке Двине лёд настолько слаб, что роняли лошадей. Весна была крутая, но после пали холода и стояли почти до 20 мая. Сахар и хлеб можно было с трудом

купить только по карточкам, выдаваемым Продовольственным Комитетом, сахару 2 ½ ф. в месяц, а хлеба 2 ф. Временное правительство, взявшее власть по управлению страной, менялось чуть ли не каждую неделю. Я отправился из Архангельска на Мурман 6 Июня, в Шелепино прибыл благополучно 8-го числа 1917 г.

11 Июня 1917 г. пришли в Тюву и начали искать сельдей, однако первую селёдку удалось закрыть 27 июня. В июне исполнилось 5 лет с ухода сына из Александровска в несчастной экспедиции Русанова, теперь…

(Далее часть страницы утрачена – *прим. авт.*)

…телеграмму поданную через Мурманск 16 июня, извещающую о кончине Настеньки. Бедная девочка, как она страдала, как не хотелось ей умирать. Вот её последнее письмо от 19 Мая.

«Дорогой папочка!! Крепко целую тебя и сердечно благодарю за посланные тобою две открытки и письмо. Прости Папочка, что я так долго не писала. Я каждый день собиралась писать, да мне не налаживают бумагу и перо. Здоровье моё всё ещё плохо. С того времени как ты уехал из дому, не бывало тёплого и ясного денька. Всё льется дождь и нельзя открыть окно, чтобы подышать свежим воздухом. Папочка миленький, как ты любишь меня, как заботишься обо мне! Может, Бог даст, что я поправлюсь и снова увижу тебя. Я ведь так люблю тебя и маму, но умею ласкаться. Отец Михаил приходил два раза навестить меня, и я покаялась и приобщилась. Папочка – до свидания. Я устала писать, надо идти в кровать отдохнуть. Твоя больная Настя. Все целуют тебя».

Не думала Милая Девочка, что пишет папе последнее письмо и что она никогда больше не увидит своего папу. Со смертью этого ребенка, девочки, у меня, пожалуй, не стало никого на свете, кто бы меня так любил. Дорогая деточка, ты перешла в лучший из миров, туда, где нет ни болезней, ни печалей. Твой остаток мирской греховной жизни зарыли в землю, а дух парит над землёю, ликуя, освободившись от больного тела. Скоро, родная, ты будешь встречать вместе с братьями своих Папу и Маму, а также других сестёр и брата Колю, т. к. не столько лет для вечности как одна секунда в нашей земной жизни. *Мир праху твоему и вечная память.*

14 июля 1917 года.

Вчера получил письмо от Анюты, в котором она описывает о кончине нашей дорогой Настеньки; прочитав до половины, я уже разрыдался. Сегодня собрался с силами перечитать и даже переписать это письмо:

«Дорогой Папочка! Вот и не стало у нас Настеньки, долго

боролся с болезнью Ея здоровый организм, но не выдержал; до последней минуты был хороший организм, даже вечером перед смертью просила Маму испечь шанег, но покушать не удалось. Умерла в 8-м часу утра 16 Июня 1917 г.

Бедную девочку болезнь так измучила, что осталось только кости да кожа. На кануне смерти около 12 ч. дня Настенька пила чаи и хорошо закусила, вдруг закашлялась так сильно, что вся стала холодная, ножки совершенно застыли, но попросила позвать фельшара, который, явившись, сказал, что сейчас скончается, но дал капли и через четверть часа Настенька снова заговорила. Целый день она радостная, глазёнки так и сверкали радостными огоньками. Она видела, как мы горевали, когда ей было тяжело, и как она радовалась, когда ей стало легче. В этот день она говорила: как бы папе написать, поблагодарить его за письма и за то, что он так обо мне заботится, да не могу. Хочется мне увидеть папу, да видно не удастся. Как хочется пожить для папы и мамы. Папе будет скучно без меня, он и так говорил зимой: скучно, как Настеньки нет за столом. Попросила шоколаду, Лиза купила за 2 р. плитку, так она сказала: напрасно мама деньги платит, можно бы и не покупать шоколад, днём она была очень весёлая и мы надеялись, что ещё проживёт недельку, но к вечеру затихла, ручки и ножки застыли. Но попросила меня почитать газету и слушала, закрывши глаза, а Лиза всё время гладила ножки. В 6 ч. утра 16-го около ея собрались все. Она посмотрела на нас, но не дала проститься, говорит: мне тяжело, закрыла глазки, потом ойкнула и закричала: ой! заблудилась, заблудилась! Вот её последние слова и в восьмом часу утра скончалась. Так и расстались мы с любимой младшей сестричкой. Анюта».

Милая девочка! Как тебя жаль, что ты так рано, как распустившийся цветок, забитый бурею и дождями, завял и погиб не расцветши. Но с другой стороны: ушла в тот мир чистой, безгрешной и святой к своим братьям, и не долго тебе ждать своих папу и маму, которых ты так любила. Мир праху твоему, моя любимая дочь, прими от меня последний поцелуй. Твой любящий и горько плачущий Отец.

В 1-х числах сентября я на «Бибикове» отправился в Архангельск, 12-го пришёл в Архангельск.

Зимою 1917 и 1918 года я занимался постройкою судна «Персей» Могучего. В феврале 1918 постройку пришлось остановить.

В Июле 1918 г. я был в Архангельске, должен был ехать на Мурман по наживочному делу от Архангельского Продкомитета С.Р.С.К.Д.[276]

Июня 5/18 выехал из Архангельска на лошадях в Онегу для того, чтобы можно было пробраться на Мурман, т. к. пароходное сообщение с Мурманским и Кемским уездами было прервано. 9 Июля выехал из Онеги на Пурнемской шнеке до Пурнемы. 10-го: Ввиду противного Северн. ветра ушли к Острову Еондострову. Ночевали в Котканахе. 11-го Июля ввиду постоянно дующего Сев. ветра решили ехать до Сороки[277]…

(Лист утрачен – *прим. авт.*)

Осада Онеги

1919 года 2 Авг. н. с. пришли в р. Онегу.

Английские суда с целью вытеснить красные войска, которые заняли Онегу 22 Июля, начали обстреливать город. Жители в панике бежали в леса, покидая дома и имущество в жертву огню неприятельских снарядов. Дома горели в разных частях города. Треск снарядов, взрывы бомб заглушали всё. С 2 ч. дня и до двух часов ночи шла беспрерывная канонада с обеих сторон. Мы спасались за домами и вместе с тем заливали загоравшиеся дома вблизи нашего под градом пуль. В 2 ч. ночи неприятель прекратил стрельбу и пошёл в море. 3 Авг. все жители города разбежались – кто в лес, кто по деревням. 28 Авг. с моря бомбардировали город 16 орудиями. В родном доме остались целые стёкла в окнах, а некоторые дома были совершенно разбиты. 5-го Сентября утром в Онеге не было уже никакой власти. Большевики отступили к верху по реке, сжигая по дороге мосты, снаряды, патроны и суда. 9-го Сентября пришли и Белые войска.

15 сен. Я выехал в Архангельск, 30 Сент. приехал обратно на п/х «Мурман». Капитан Алек. Михайл. Вершинский дал на п/х каюту. 15 Окт. отправил «Персея». 10-го Ноября встала р. Онега. 20 Дек. мороз 35° по R. 28 февраля 1920 года опять случился Переворот. Белые оставили всю Северную область, Красные заняли её. У нас в Онеге при перевороте не обошлось без жертв: было расстреляно 7 человек.

Весна была тёплая и тихая, р. Онега вскрылась ото льда 4/17 Апреля. В 1-х числах Мая были засеяны все поля. Я выехал Заведующим наживочным делом в Кольский залив в числе 76 человек на парусном судне Афонина. Вышли из Онеги в 5 ч. вечера 1/14 Мая. Пришли в Сороку 2/15 в 7 ч. вечера, выехали из Сороки 4/17 – приехали в Мурманск 7/20 Мая и в Тюву губу 9/22. По всей стране голод, дороговизна страшная на все продукты, например 1 фунт соли стоит 1000 руб., коробка спичек – 100 руб., 1 фунт хлеба – 500 руб., 1/8 махорки – 500 руб. Да и взять было негде.

Переход на Нов. стиль.

20 Июня н. с. закрыли первые сельди. Сельди стояли в губе около 1 ½ недель. Всего половлено было около 14 500 пуд. 2-й раз закрыли сельди довольно крупные. 12-го и 15 Июля в обеи разы сельдь стояла по недели. Больше сельдь не появлялась.

11 сент. из Тювы губы отправлен с артельной рыбой и багажом п/суд. Павел Корнишин. 18 он вышел из Териберки при ветре SSW. 19 в воскресенье – ветер WSW. 20 понедельник – тоже. Вторник – крепкий NW. Среда 22. WNW и NW свежий. В сентябре работали из досок помещение для людей или сетей. Из дому не получал никаких вестей, поэтому не могу судить, как там живут, но думаю, что плохо. За деньги ничего невозможно купить, безызвестность мучит. Становится не выносимо тяжело и думается, зачем люди истребляют и мучают одни других, неужели тесно жить на земле, веть и так война истребила 1/3 населения; но нет. Люди превратились в диких зверей; некоторые из них представляли из себя рабов, сбросивших оковы. Большая часть таких людей, которые были рабами Бахуса, увлекаясь лёгкой наживой, они легко шли на грабежи и убийства, оставив все высшие человеческие чувства. В 6 лет войны Россия – житница Европы, превратилась в пустыню; ни хлеба, ни одежды, ни обуви, и как редкости сахару и табаку трудно было достать за большие деньги.

1921 г. В России существовала Советская власть или диктатура пролетариата. Этот год был самый бедственный для населения, неурожай хлеба был почти по всей России, кроме северных губерний, люди помирали от голода и пожирали своих детей, особенно в южных губерниях. Хлеб на севере можно было менять только на одежду и обувь – кто имел ещё таковую, но у большинства населения этого не было. Промыслы на Мурмане были бы очень хороши, благодаря большого прихода трески к берегам, а также и наживки, но промышленников было мало и не было свободного промысла. Сельди в Кольском заливе было мало вследствие рано наступивших холодов. В Тюве закрыто было около 14000 пудов мелкой сельди, привалившей в начале июня. В 1922 году сельди и сайды было в Кольском заливе много, особенно последней, вытеснившей впоследствии всю сельдь. В Тюве к 20 Июня было закрыто сельди около 50000 пуд.

1923-й год. Весна была не ранняя, но тёплая. Река Онега вскрылась 5 мая ст. ст или 18-го н. с. В Тюву приехали 28 Июня. Сельдь в губе уже была, но мелкая. Закрыто было около 30000, но выловили только 5700. Остальная ушла т. к. была мелкая. Осенью сельди не было. Прожили 10 человек до 1-го декабря. В Онегу приехали 17 Декабря, но река ещё не стояла. Зима была не суровая и короткая.

1924 г. Река Онега вскрылась 23 Апр. ст. ст. или 6 Мая нов. ст. В Тюву я выехал из дому один 1 Июня н. с., а приехал в Мурманск 8-го, а в Тюву 10-го. Погода стояла холодная, снегу везде в горах было много, а поэтому сельди ещё не было весной и лето началось холодное дождливое ветры дули NO с туманом. О сельди нечего было и думать.

Мои стихотворения.

Север

Север Дикий, Север мрачный.
Ты холодный и угрюмый,
Неприветливый, наносишь
Много ты тревожных дум:
Заковался снегом, льдами,
Точно в латы богатырь,
Никого не пропускаешь посмотреть
Твоих картин.
Полюс Твой, как дух коварный,
Соблазняет посмотреть
И неведомым богатством
Увлекает завладеть.
Если кто дерзнул из смертных
Вечный сон твой нарушить,
Тот остался там навеки
Между льдом и снегом жить.
Много пало жертв отважных
Средь снежных твоих равнин.
Заковал их в свои маты
Бессердечный властелин.
Льды твои при летнем солнце
Блещут точно серебром,
А осенни бури воют,
Будто волки под окном.
Есть в твоих морях медведи,
Они белые как снег.
Есть киты, моржи, тюлени,
Их не выбить будет всех.
Летний день стоит полгода
И полгода зимняя ночь.
Зимни вьюги непогоды
Нетерпимый лют мороз.
Чудный вид своих сияний
Каждый взор к себе манит,
Зато взор твой смертоносный

Сразу сердце леденит.

С. Кучин. 21 Апр.1915 г. Док Лая

Тоска по сыну

Где ты, сын ты мой любимый,
Где ты гибнешь, мой родной?
Ты взываешь – я не слышу,
Только чувствую душой.
Там, где горы ледяные,
Там, где вечные снега,
Там, где лето не бывает,
Где всю зиму стоит тьма.
Ты зачем ушёл, родимый (наш милый),
Зачем бросил ты родных,
Бросил ты свою невесту,
Бросил ты друзей своих?
Отец с матерью горюют,
Сёстры плачут по тебе.
Вот проходит год за годом,
А не знаем, где ты, где.
Снарядил бы за тобою
Я Корабль иль Ледокол,
Долго-долго поискал бы,
Но тебя бы я нашёл.
Осмотрел бы всяку льдинку,
Снежны горы исходил,
Отыскал бы твои следы,
Ничего не пропустил.
Если злой судьбе угодно,
Чтоб я голову сложил,
Вместе бы я лёг с тобою,
Жизнью бы не дорожил.
Но, увы, судьба злодейка
Всегда шла против меня,
Сребра злата не давала
И отняла, друг мой, Тебя.

С. Кучин. Александровск. 12 Марта 1916 г.

2.

Дуй ты, ветер, дуй, могучий,
Дуй от севера на юг.
Ты развей мороз трескучий,
Обогрей Полярный круг,
Раздвинь горы ледяные,
Разнеси снежну метель,
Осветится ночь полярна,
Будто горная туннель,
Заблестят чудные звезды,
Заиграют сполоха,
Осветят в пустыне дикой
Льдом затёртые суда.
Уж давно страдальцы бедны
Злой судьбой занесены,
У них пища истощилась,
Все голодны и больны.
Вся одежда износилась —
Холод тело леденит,
И надежда вся угасла.
Смерть с косой уже стоит.
Видя верную добычу,
Царь полярных стран ползёт,
Глаза кровью налилися,
Шерсть сверкает серебром,
Но вдруг выстрел раздаётся,
И медведь как не бывал.
Вот, собрав последни силы,
Обнажив свои ножи,
Люди двинулись гурьбою,
Где чудовище лежит.
Сняли шкуру у медведя,
Тёплой крови напились,
Снова жизнь к ним возвратилась,
Грустно слёзы полились.
Дуй, ты ветер!
Дуй, Могучий!
Дуй от севера на юг!
Выноси скорей на волю
Страдальцев за полярный круг.

С. Кучин. 15 Марта 1916 г.

1921-го года

В 1920 году в декабре я выехал домой из Александровска, где

был два месяца кассиром в конторе райрыба. Отпущен был в командировку для постройки карбасов, вязания сетей неводных и организации моевых артелей. Проездил всю зиму по поморскому берегу, достигнуть цели всё-таки не было никакой возможности, а благодаря дезорганизации райрыбы, моевый промысел на навигацию 1921 года не состоялся, поэтому я назначен был Уполномоченным Мурластьрыбы т. к. Мурманский район к весне превратился в область. В марте наступила тёплая погода и стояла без всякой поддержки морозами. 4-го апреля ст. ст. вскрылась река Онега, то же самое число, что и в прошлый год. Пасха была 18 Апреля, а в окрестностях Онеги до Пасхи посеяны были уже яровые хлеба. 27 Апреля посажена была у нас картофель. Народ голодал, т. к. паёк был сокращён до 15 ф. муки пшеничной с овсянкой и соломенной. Заграничной торговли и промышленности не существовало. Я с народом, промышленниками выехал 15 Июня н. с. из Онеги. В Александровск прибыли на п/х «Север», «Ксения» 21/VI, а в Тюву губу 22/VI.

Сельдей уже было заперто 10000 пудов, благодаря ранней и тёплой весне. Приход сельдей был ранний, и сельдь была мелкая. Несмотря на то, что весна была тёплая, лето началось холодное. С 20-го июля по нов. стилю погода стала холодная, или быть может с переменою местности переменилась и температура: 3 Июля, Воскресенье, дул ветер с N. Холодно. Морошка стала поспевать. 9-го Июля случайно оказалась на губе Тюве сельдь. Раскинули распоркой невод на 200 сажен. Утром 10 Июля пришёл пароход с моторами, а когда те ушли, в это время показались в Губе киты, которые выгонили селёдку обратно. И так нам не удалось запереть сельди.

13-го выбрали невод и растянули сети.

14. Холодно вет. N.

15. Занимались сушкою и починкою неводов.

16. Тоже.

17. Приступили к работе бани, между прочим, работался новый дом, перевезённый от водокачки.

Всё время стоит холодная погода, дуют северные NO и O-е ветры. 20-го занимались работами бани, 21-го тоже, 22-го появилась изредка сельдь, растянули невод, но сельдь на берег не шла. 23-го растянули 2-й невод. Но вследствие холодной погоды сельдь была редкая и мелкая, держалась середины Губы. 24 – Хорошая погода, ночью закрывали невод, но ничего не попало, открыли снова. 25 – ездил за хлебом в Александровск. Туман, ветер NO, мелкий дождь. 26. То же самое. Заловили во 2-ой невод 30 п. сельдей, выбрали 1-й невод на берег.

27. Работали у бани, вет. NO. Холодно.

28. Тоже. Ездили в Александровск за хлебом.

29. Работали у бани, погода холодная.

30. —//—, тоже. Привезли сетей из Александровска.

31. Дали в распоряжение мот/б № 6 (мотобот – *прим. авт.*)

С утра холодная погода, ветер OSO. Малооблачно, временами солнце. Так закончился июль. Всё лето стояло холодное.

1 Августа выловлено 20 ящиков сельдей. Собирали невод в барму[278] и растягали привезённые невода. В 9 ч. пришёл бот из Александровска. Свезли в Александровск 2-х человек больных. Из Александровска послана рыба 47 п. трески 23 п. пикши.

2 Августа приготовляли новый невод для поездки по губам. На губе появлялась сельдь. Поставленный запорный невод лопнул, пришлось поправлять и опять ставить на место.

3/VIII. Ездили за хлебом и справляли сети для отъезда по губам. Вет. OSt. Холодно.

4/VIII. В 8 ч. утра отправились в Сайдо-губу, в 11 ч. пришли в Сайдо-губу. Видов нет, вет. N свежий. Остановились ждать тихой погоды.

В 8 ч. вечера стихло. Видов нет. Пошли в Волоковую, вет. Ost. Холодно. В 11 ч. пришли в Волоковую, видов нет, пошли в Тюву в 12 ч. 30 м. ночи пришли в Тюву. Ночью ветер стал свежеть, дошёл до крепкого SO. Остановились ждать хорошей погоды, чтобы идти дальше.

5/VIII. Работали у Бани и починяли невода, вет. Ost. Холодно.

6/VIII. Тоже.

7/VIII. Ветер стих, в 8 ч. снялись с якоря и отправились на м/б № 6, отправились вглубь Кольского залива, прошли в Питькову, Ваенгу и Рослякову. Ночевали в Росляковой.

8/VIII. Вышли из Питьковой, обошли по губам и вечером пришли в Тюву-губу. В 7 ч вечера пошли в Сайдо-губу.

9/VIII. Шторм с NO-то, с туманом.

10/VIII. Ветер подтих. Ходили за брамой и неводами.

11/VIII. В Сайдо-губе.

12/VIII. Вышли из Сайдо-губы. Пришли в Тюву.

13/VIII. Выбирали невода из бармы на берег для просушки.

14/VIII. Воскресенье.

15/VIII. Ездили в Александровск за провизией 54, остальные выбирали поставленный невод.

16/VIII. Всё растягивали невод по берегу сушить и работали у барака лестницу на чердак.

17/VIII. Ездили в Александровск за Премией. Хор. Погода, в 12 ч. ночи отправились в Порт-Владимир, взяли невода с бармой за м/б № 6.

Тихо. В 4 ч. утра пришли в Порт-Владимир.

18/VIII. в 5 ч утра в Порт-Влад. Осмотрели губу, оказалось, что вместо сельдей служащими обнаружены пертуи[279]. Погода изменяется. Подул ветер N с дождём. В 10 ч пошли в Уру-губу. В 5 ч. вечера вернулись из Уры.

В 12 ч. вечера ветер начал стихать, пошли из Порт-Владимира в Тюву-губу.

19/VIII. Хор. погода, полнолуние.

Так август закончился хорошей погодой, но вода в губах уже была холодная, а поэтому сельдь в губах уже не появлялась. Сентябрь стоял дождливый и холодный, особенно 2-я половина. В Александровске из Норвегии стали появляться товары, конечно – за золото, но всё-таки отраднее.

Из России вести неутешительные. В большей части страны, особенно в Поволжье, страшный голод, от засухи погорел весь хлеб, десятки тысяч бросают всё хозяйство и бегут в Сибирь, т. к. в связи с голодом появились епидемические болезни – Чума, Холера, Тиф и Инфлюенция.

6/17 сент. Полнолуние. Из Александровска отправились на судне Захарова 9/22 Сентября, а выехали из Тювы 8/21 Сентября. Пришли в Онегу 15/28 сентября.

1922 года выехали на п/х «Вайгач» 9 Июня, приехали в Александровск 16-го, в Тюву-губу 18-го н. с. Несмотря на такое раннее время сельдь в губе Тюве уже была. Она появилась 16-го Июня. Всего закрыто было весенней сельди 48900 пудов. Осенней не было по случаю холодной погоды и большого количества в губе сайды. Из Тювы выехали 29 Сент., из Александровска 30 Сентября, в Онегу пришли 8 Окт. на судне Аурова И. И.

К навигации 1923 г.

В Онеге много было напилено для Областьрыбы, 150 саж. дров, погружены были на суда Аурова, Ульянова, Разсказова за 100 руб. или 100 пуд. Муки груз такой, как у Аурова. Из Онеги выехал на п/х «Ямал» или «Вайгач» на Мурман с промышленниками. В Тюву-губу пришли 22 Июня по н. с. Сельди уже были, но мелкие. Закрывали по части. Весна сначала стояла тёплая. Затем летом пошли дожди, наступили холода. Сельдь больше не появлялась, сайда и та вышла из губы в море. Всей сельди было выловлено около 5000 пудов. 3-го Октября багаж, мука и рыба были отправлены в Онегу на судне «Белое море» с капитаном А. А. Волковым.

В Тюве-губе

4-го был Штиль.

5-го с утра SW ровный, к вечеру W тихий.

6 тихий NNW.

7 Мороз 3°R. Днём солнце, вся осень с 15 Сентября стояла тихая с ровными ветрами. Промысел по Мурману летом был плохой – промышленники выезжали за счет Облрыбы.

1924 год.

21 Янв. С 6 ч. 50 м. вечера Смерть Ленина.

Дома хлеба и картофель всё прозябло, впрочем, у нас картофель сохранился. Зима 1923 и 24 года стояла неморозлива, но и оттепелей не было, от 5° до 23°. Снегу было немного, апрель стоял весь холодный.

Р. Онега выходила 5 Мая н. с. Прямой пароход «Ямал» пришёл 1-го Июня на бар, выезжали на заводских пароходах. В Териберку приехали 6-го, а в Тюву 8 Июня. Весна стояла холодная и ветреная, вплоть до 18 Июня ст. и до 1-го Июля нов. ст. Сельди нет никаких признаков; местами ещё виднеется снег. С 15-го Июля пошли жары, а 24 появилась не крупная селёдка, 25 закрыли в средний невод около 10000 пуд.

26-го погода изменилась, подул ровный NW и пасмурно. Сельдь на губе, но редкая и мелкая. Августа 30 выловили из запертых неводов около 12000 пудов. Сельдь ровная от 5 до 7. Лето до 1-го Сентября стояло тёплое, не дождливое и без штормов. Промысел рыбы, благодаря сельди, которую возили для наживки, был хороший. Ягод и грибов почти не было, благодаря холодной и долгой весне и жаркому сухому лета.

Я выехал из Тювы 23 сент., рассчитался 25, выехал из Мурманска 27, выехали на п/х «Сосновец» и «Ксения» вечером. Пришли в Архангельск 30 сентября. Из Архангельска приехали в Онегу 6-го Окт. Осень стояла сухая до половины Окт., затем пошли дожди и слякоти, иногда перепадали морозы до 1°С, и так шло до 30 Ноября. Наконец стала река Онега.

7 Декабря. А опять с 8-го оттепель. Снегу нет, гололедица до 15 дек. Начало зимы стояло тёплое до февраля 1923 г. Был только один мороз в 27°R.

1925 г. 19 Января пронёсся ураган, срывая с домов крыши. Снегу было не больше ½ арш. до половины февраля, а затем выпало очень много. В первых числах апреля начал только таять снег. 4 Апр. выезжали на Мурман в Тюву-губу. Дорогу до Мурманска проехали благополучно. Погода всё время стояла тёплая, солнечная, а временами дождик. Из Мурманска проехали в Александров 15-го, а в Тюву-губу в Страстную Субботу 18 Апреля. Пасха в этом году была 19 Апреля, день был пасмурный, но тёплый, вет. SW, временем покрапывал дождик. Льду в Тюве не было, да и рубанов[280] по берегам только около станции, а больше нигде не было. Вторая половина Мая пошла холодная. С Пасхи открылся удобный промысел; рыбы было много около

берегов. Колонисты выуживали по 50 пудов на человека в день трески. В половине Мая появилось много зверя, который и прогонил всю рыбу. Поморов-рыбаков ещё не было, промышляли только одни колонисты. Погода с половины Мая круто изменилась – пошли холода и снег и дули NO и N ветры. В Тюве строили склад на пристани. Весь июнь по н. с. холодный, целый месяц дули О-вые ветры. 10 июня закрыли в Сайдо-губе Ручьёвской бухте сельди 10000 пуд., в Тюве закрыто 15 Авг. всего 2000 пудов. Морошки было мало. Грибов и черники много, с половины июля пошли дожди. Мы жили в палатках. С 1-го Сентября выехали из Сайды-губы. Из Тювы выехали в Мурманск, а домой из Мурманска выехали 27 Ноября. Осень стояла холодная, и выпало часть снега, т. ч. ехать было из Сороки очень хорошо, только холодновато. Домой приехал 5 Декабря.

1926 г. Зима до февраля стояла хорошая, снегу было не много и морозы стояли от 7–23°R, но Февраль и Март были холодные с ужасными метелями. Из дому я выехал в Мурманск 21-го Марта, в Тюву 28-го. В Тюве снегу было очень много. Рубаны были огромные. Март и половина апреля стояла холодная и снежная, только с 15 Апреля начало немного опекать, зато утренники стояли до 15°R. Пасха была по ст. стилю 19 IV/2 мая. Страстная неделя была тёплая, а в Пасху холодно и снег, ветер от N-да. 2-й день Пасхи тоже холодно. 1-го мая купил 50 пудов трески ровной по 1 р. 65 коп. за пуд от финнов для пищи, рыбный промысел был с перерывами, но в общем хороший с весны. 27 Июня появилась мелкая селёдка с мелкой пикшей и треской, солили для кильки: 5 ф. соли на 1 п. сельдей. Погода ужасно холодная и шторма от NO и N-а. 1 Августа закрыли в Сайдо-губе около 2000 пуд. сельди. Солили Килечную: 3 ф. соли на 1 п. сельди и добавляли в специи по 3 ф. соли. Остальную солили от 5 ф. до 7 и до 8 на пуд сельди. Сельдь была мелкая с частью ровной, крупной почти не было. 11 Авг. в Тюве захватили сайды около 800 пудов, осолили в чан 23 %. Лето всё было холодное и мокрое, дули NO, O, N и NW. Тресковый промысел, пока была мойва и сельдь, стоял хороший, а с половины июля рыбаки мало бывали на море. Цена трески неразборной с 10 коп. дошла до 24 коп. за килограмм. Хлеб чёрный 7 ½–8 коп. фунт. Август и сентябрь тоже были холодные и сырые. 5 Октября выехали из Тювы в Мурманск. 22-го вечером из Мурманска домой. 4 Ноября приехал в Онегу.

Осень до ½ Декабря стояла малоснежная, с морозами до 10–15°. В конце Ноября наступили крепкие морозы до 35°.

1927 г. Зима с жестокими морозами, глубокими снегами. Из Онеги выехал на Мурман 5 Апр. Приехал в Мурманск без распуты 12-го Апреля. Приехал в Тюву 16 в 7 ч. утра. На полной воде губа

Тюва до водокачки была покрыта порядочным льдом, т. ч. по льду таскали багаж. Пасха была 24 апреля. В этом 1927 году 23 января или февраля 6-го исполнилось 40 лет после нашей свадьбы, и 1-го марта 50 лет моей морской службы. Апрель весь стоял холодный и губа Тюва стояла до Мая, в конце Апреля дули NW-N-NO ветры, днём немного опекало, а ночью выпадал новый снег. Рубаны были большие, но снегу на горах значительно меньше прошлого года. В конце Апреля снегу было почти не заметно. Промысел трески удобный на западе был хороший, очень много мойвы, зверя касатки, который всё-таки мешал промыслу, разгонял треску. У треста работало до 15 траулеров. Весна стояла ветреная, но не сырая. Изредка выпадали тёплые деньки, около 20 мая появилась мелкая селёдка, зимовавшая в колодце под рекою и финная. Удалось поймать неводом в колодце около 300–400 пудов. 23-го мая опять пошли холода. 25/V выпал снег и град. Дули NO-вые и O-вые ветры. Пристроили пристройку к складу № 5 в Тюве-губе и покрыли толью. Май стоял холодный и июнь начала тоже, сегодня 10-е июня, а ещё идёт снег, а на берегах не распустились почки. Это редкая весна. Наживки на Мурм. берегу нет нигде, но рыба хорошая на вост. части от Териберского, а также дуют WO-вые ветры. Шторма. С 20 июня началась солнечная погода, 22 выехали первый раз на поиски сельди, но видов мало. По заливу была мелкая сельдь, подходила к Александровску. 10 Июля в Японский невод попало около 7000 кг ровной сельди. Днём ветер крепкий от NO. Погода стояла всё время солнечная и не бывало дождя с 20-го июня. Только по ночам тихо, а днём N-й ветер. 13/VII закрыли в Сайдо-губе у речки сельдей около 8000 пудов, но так как часть сельдей была мелкая, то выловили только 3000 пудов. 8 августа появилась сельдь в Тюве-губе, но попало в запорный невод около 500 пудов, а в Японский не было и видов. Всё лето стояла тёплая тихая погода, но сельдей было мало, и то только на губе. Сент. 5 уехала Лиза, она гостила здесь одну неделю. С этого дня началась осень, дул N ветер с дождём. Ещё проездили неделю и закончили навигацию.

Температура воды и воздуха в Тюве

9/VII	8 ч. 45	воды	17°4	С поверх. слой 1 метр возд.	24°
10/VII	13 ч.		15,75	– // –	17°
11/VII	14 ч.		15,75	– // –	17°
В САЙДО-ГУБЕ					
14/VII	20 ч. 30		17,5		17,25
15/VII	18 ч. 30		18°		18°
16/VII	18 ч. 30		18°		11°
В ТЮВЕ					
6/VIII	13 ч.		12°		13° 25
7/VIII	13 ч.		12, 25°		14° +
8/VIII	12 ч.		13,5°		18°+

Температура воздуха отмечалась над водой не выше 3-х метр. 1-я партия людей рассчитана 10-го Сент.

2-я – 28/X. Зима уже началась с крепкими морозами. Выехали из Тювы-губы 2 Ноября. Возили багаж по льду до островка. В Мурманске жили до 26 Ноября. Улов трески всё ещё был хороший. Тральщики возили по грузо.

Домой приехали 2-го Декабря 1927 г. Зима как началась в Октябре, так и продолжалась без оттепелей, но т. к. первоначально выпало много снега, то болота не промерзли и ездили все по летнему тракту. Однако зимою температура была ровная, морозы стояли от 5 до 15°, редко до 22-х и один раз был мороз 27°. В Онежском заливе зимою был обильный промысел сельди, ловить благодаря тёплой зиме было хорошо, и т. к. оттепелей сильных не было, то рыба шла в цене. Покровчане обогатели. Зато на юге были сильные морозы с вьюгами и землетрясениями в Крыму и на Кавказе, даже на Камчатке.

1928-й год. Зима так и кончилась нехолодной. Из Онеги выехали 6 человек в Мурманск на промысел сельдей, в Тюву 15 марта. Приехали в Мурманск 20-го, а в Тюву-губу 27-го Марта. Благодаря сильным ветрам, снегу набивало только на крыше склада с южной стороны и в некоторых местах, а в общем меньше прошлого года.

Забыл упомянуть: в Январе получил от Севгосрыбтреста по случаю 50-летнего юбилея золотые часы с надписью на крышке: «В ознаменование пятидесятилетней плодотворной работы на рыбных промыслах Севера Степану Григор. Кучину».

Весна до половины Апреля стояла хоть и тёплая, но рубаны были слабы, лёд на губе частью разломало и вынесло ещё в марте из губы весь.

Пасха была 2/15 Апр. День был тёплый, но не солнечный. Весна стояла не тёплая, но и не холодная. Лето дождливое.

Сельдь в Тюве-губе появилась 2-го Июля и стояла 4 дня. Закрыто было около 50 тысяч в 3 обмета. Из 1-го выловили 16-ть, из Японск. невода 1000 пуд. и из других неводов 1000 пуд. 15/VII пал крепкий West, нижний невод разорвало, а у средняго подняло нижницу, и сельдь вся вышла. 17-го сельдь опять показалась и 18-го закрыли 5000 пудов, да выловили тяглым неводом около 1000 пудов. Всего отправили в свежем виде в Мурманск около 20000 пуд., да осолено было 4600 пуд. А всего выловили 24600 пудов. Сельдь была не крупная и не жирная, скорее ровная. Засоленную убирали рядами, по 2 коп. с килогр. Соли ложили для чановой посолки 20–25 %, посол вышел хороший, браку было только 9 боч., и то рваной. С 20-го Июля подули O и NO. Погода изменилась – пошли холода, но в первых числах августа опять пошли жары, с 10-го до 20-го закрыли сельди около 1000 пудов по 500 в Сайде и Тюве-губах. С 25 Августа пошли холода.

В 1929 году в Тюве промысел сельди был плохой.

В 1930 году летом сельдь мелкая и мало. В ноябре появилась крупная в Кольском и Мот. Заливах. Я промышлял всю зиму до Марта, а затем выехал в отпуск.

(Черновик письма Л. Л. Брейтфусу)
Его превосходительству
Господину Леониду Львовичу Брейтфусу.
Главное Гидрографическое Управ. Петрограда

Многоуважаемый Леонид Львович!

Отправляясь в экспедицию Русанова, мой сын писал, что он поступил в экспедицию на следующих условиях: за навигацию (зачеркнуто «при плав» – *прим. авт.*) он будет получать 2000 и в случае зимовки ещё 2000. Т. е. всего за год 4000 рублей в счёт своего жалованья (зачеркнуто «он завещал» – *прим. авт.*) из Министерства вн. дел будут высылать на имя матери по 50 руб. в месяц до его возвращения. Высылку денег Министерство прекратило в настоящее время, мотивируя тем, что будто бы сыном нашим ряжено на сходе до Шпицбергена 2000 руб., которые и высылались. (зачеркнуто «но мне кажется что Министерство обязано пло… а т. к. плавание на Шпицберген было окончено в 1912 году, т. е. в каких-то 2–3 месяца» – *прим. авт.*) Плавание на Шпицберген было оконч. в 1912 г.

Но кто же должен платить за остальное время. Нам известно, что (зачеркнуто «Русанов Начальник» – *прим. авт.*) Представитель от Министерства Начальник Экспедиции Русанов, закончив экспедицию на Шпицберген, не пошёл прямо на Мурман, а занимался гидрографией у Новой Земли, был в Маточкином Шаре

и, несмотря на позднее время, безрассудно пошёл в Карское море (зачеркнуто «увлекая» – *прим. авт.*), не слушаясь советов моего сына, который, ещё будучи на Шпицбергене, говорил, что пускаться на таком судне, как «Геркулес», в Карское море было бы равносильно гибели, о чём передавал мне бывший в экспедиции геолог Сватош. Следовательно во всех последствиях я обвиняю Господина Русанова, и как бы то ни было, мне кажется, что Министерство вн. дел обязано платить нам жалованье сына до тех пор, пока не выяснится вопрос о их гибели или существовании. О гибели пока нет никаких данных, и снаряжаемым поисковым экспедициям я (зачеркнуто «как сам моряк» – *прим. авт.*) не придаю никакого значения, особенно на «Герту», которая не заслуживает никакого внимания, кроме презрения (зачеркнуто «т. к. мне хорошо известно ея путешествие около Шпицбергена и не первый год они забирают провизию на два года, а ходят 2 месяца да Со» – *прим. авт.*). Быть может, что в настоящее лето наши путешественники высадились на Землю Франца-Иосифа, куда не могла пробраться в этом году ни одна из экспедиций, и проведут эту зиму там, и мне кажется, необходимо бы (зачеркнуто «послать в будущее р по» – *прим. авт.*) назначить и объявить премию зверопромышленникам норвежцам (зачеркнуто «осмотр.» – *прим. авт.*) за доставление каких-либо сведений относительно экспедиции Русанова и Брусилова (зачеркнуто «или же послать» – *прим. авт.*).

(Текст вверху этой же страницы – *прим. авт.*)

Поэтому, зная Ваше отзывчивое сердце, я решился обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не потрудитесь ли Вы походатайствовать пред Министерством вн. дел о выдаче нам сыновьего жалованья хотя бы за 3 года по 4000 руб. – 12000 руб, а т. к. около 2-х тысяч уже получено то ещё остаётся 10000 рубл. (зачеркнуто «или будте до…» – *прим. авт.*) или же посоветуйте, как нам поступить.

(Текст без заголовка – *прим. авт.*)

«Юг Шпицбергена Остров Надежды окружены льдами, занимаясь гидрографией, штормом отнесены южнее Маточкиного Шара иду к северо-западной оконечности Новой Земли оттуда на восток. Если погибнет судно направляюсь к ближайшим на пути островам Уединения Новосибирским Врангеля провизии на год все здоровы».

Вот какого содержания была последняя телеграмма В. А. Русанова, оставленная самоедами в Маточкином Шаре Новой Земли 18 Августа 1912 г., которая была получена в том же году Борис. Ив. Садовским 23 Сентября. Телеграмма эта ясно указывает, куда стремился Русанов, и где его надо искать, но у

нас с уверенностью можно сказать, что ни Русанова, ни Брусилова не искали, а искали только ассигнованных на поиски полмиллиона рублей. Зачем, мол, их искать, да рисковать собой, их, наверно, уже не существует, так говорят у нас, но наперекор этим умникам судьба выбросила 2-х человек из экспедиции Брусилова, как бы подсказывая, что как вы не ленитесь, и как легко вы получили полмиллиона, а всё-таки Русский народ потребует от Вас отчёт, куда вы определили народные деньги, ассигнованные народными представителями на поиски пропавших экспедиций. Правда, Вы купили старее чем «Фока» с гнилым рангоутом суда, и, как говорят, заплатили около 200 тысяч рублей. Интересно, кто бы теперь заплатил за «Герту», которая меняет рангоут, хотя бы 20 тысяч, не думаю, чтобы кто дороже оценил это старье. Свердруп, норвежец на «Эклипсе», таком же старом спокойно зимует на устье р. Енисея, поэтому-то и надеяться на поисковые экспедиции нечего, а надо положиться на судьбу, которая скорее сжалится над несчастными страдальцами.

(Далее следует вариант предыдущей записи – *прим. авт.*)

«Юг Шпицбергена Остров Надежды окружены льдами, занимаясь гидрографией, штормом отнесены южнее Маточкиного Шара иду к северо-западной оконечности Новой Земли оттуда на восток. Если погибнет судно направляюсь к ближайшим на пути островам Уединения Новосибирским Врангеля провизии на год все здоровы». Вот копия последней телеграммы В. А. Русанова, оставленной в Маточкином Шаре, которую получил и доставил в Арханг. от Самоедов Борис. Ив. Садовский (зачеркнуто «бывший на Новой Земле» – *прим. авт.*) 23 Сент 1912 года на пароходе Мурм. Товар. «Корол. Ольга Константиновна». Оставляя телеграмму (зачеркнуто «в которой Русанов» – *прим. авт.*) и упоминая, где его искать, Русанов знал, как у нас собираются на поиски экспедиций. Если сказать, что провизии на 2 года, как было у него на самом деле, то у нас собрались бы искать через 3 года, а т. к. он упомянул, что провизии на год, то и собрались искать через 2 года в третий, да и как. Скоро и охотно получились ассигнованные на поиски 3-х экспедиций деньги 500 тыс. руб., ещё охотнее куплены никуда не годные с гнилым рангоутом, старее чем «Фока», суда: «Герта» и «Эклипс», за которые, не знаю верить или нет, заплочено около 150 тыс. р. (зачеркнуто «цена им много 50, а 100 куда-то украдены, да и кто бы купил теперь «Герту» за 25 тыс.» – *прим. авт.*). Но интересно бы знать, во сколько тысяч оценили бы теперь «Герту», которая стоит теперь в Архангельске и меняет свой гнилой рангоут. Долго готовились эти суда к плаванию (зачеркнуто «подумаешь ну теперь проходят

2–3 года» – *прим. авт.*). Сколько писалось в газетах о пригодности этих судов к полярному плаванию, но как всегда продавцы не щадя красок расхваливают свой гнилой товар, а также и покупатели, которые купили не для себя товар, но с большим барышом сбыли с рук. В норвежских газетах писалось, что суда «Герта» и «Эклипс» придут около 13-го Июня н. с., т. е. 30 Июня по нашему стилю, но прошло около 2-х недель, когда явилась только «Герта» в Тромсо, а «Эклипс» пришёл через 2–3 дня.

С трудом были справлены эти суда. Из Александровска вышли уже в августе, по этому можно было судить, что этим судам не суждено будет сделать какое-либо серьёзное плавание по поводу розысков. Так и случилось. «Эклипс» застрял в Карском море около р. Енисей, а «Герта» вернулась обратно, дойдя только до Земли Франца-Иосифа, от которой только что вышло судно экспедиции Седова «Фока». К тому же случилась проклятая Европейская война, перевернувшая весь мир и показавшая все неказистые стороны Империализма.

Проект Шпицбергенской экспедиции 1912 года

[281]

1. ЦЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИИ

Организуемая по инициативе иностранных дел Шпицбергенская экспедиция 1912 года должна выполнить двойную задачу. Во-первых, исследовать природные богатства архипелага, в целях возможного использования их русскими крупными предпринимателями и мелкими промышленниками. Особое внимание должно быть уделено обследованию горных богатств Шпицбергена и, в частности, изысканию залежей каменного угля. Затем весьма важно проверить, в какой степени справедливы сообщения иностранцев об истреблении на всём Шпицбергене животных, имеющих промысловое значение. В заливах, озёрах и речках Шпицбергена имеется ценная порода рыб голец (Salmo alpinus) рода сёмги. Эта рыба составляет предмет оживлённого промысла на Новой Земле. Поэтому возможно, что и Шпицберген может привлечь внимание русских промышленников со стороны этих, ещё никем не использованных рыбных богатств. Экспедиция могла бы до некоторой степени уяснить изобилие рыбы на Шпицбергене и определить места, наиболее охотно ею посещаемые, наиболее важные в промысловом отношении. Такая задача с успехом была выполнена мной в истекшем 1911 году по отношению к восточному, Карскому побережью Новой Земли, до сих пор ещё никем не обследованному и оказавшемуся изобилующим крупными гольцами.

Для того чтобы закрепить за Россией обладание участками, обследованными экспедицией и наиболее пригодными для горных, рыбных и звериных промыслов, предполагается обмерить некоторые из таких ещё свободных участков и поставить на них столбы с указанием занятой площади, имени занявшего, времени занятия и цели занятия (экспоатации) и проч.

Во-вторых, экспедиция должна ознакомиться, насколько это возможно ближе и подробнее, с характером и размерами существующих на Шпицбергене иностранных промышленных предприятий. Трудно сказать заранее, каким путём и в какой степени это может быть выполнено; может быть, потребуется довольно продолжительное пребывание в Айс-Фиорде, где сосредоточена теперь вся каменноугольная промышленность (Адвентбай и Гран Гарбур). Кроме того, желательно посетить и Горн-зунд, чтобы посмотреть, насколько сохранились и какого

ремонта могут потребовать здания, построенные в 1899 году русской академической экспедицией[282].

Попутно Шпицбергенская экспедиция сможет выполнить ряд весьма интересных научных работ, касающихся географии, флоры и фауны отдельных островов, метеорологии полярной области, гидрологии Ледовитого океана, распределения льдов, течений и проч.

2. ПЛАН ЭКСПЕДИЦИИ

Вышеуказанными практическими задачами определяется и самый маршрут экспедиции.

Наибольший интерес представляют южная и юго-восточная части Шпицбергенскго архипелага, так как именно там наиболее широко развиты олигоценовые и миоценовые отложения, содержащие в себе слои каменного угля.

Южные части архипелага более богаты рыбными речками, вместо которых на севере в море спускаются ледники. На юго-западной стороне Шпицбергена сосредоточена вся иностранная горная промышленность, на южном конце Шпицбергена стоят постройки русской экспедиции 1899 года.

Нужно думать, что большинство лучших участков юго-западного побережья уже занято иностранцами. Поэтому следует обратить особое внимание на свободное и ещё недостаточно обследованное восточное побережье Шпицбергена, на обширный залив Стур-фьорд с островами, лежащими от него к северо-востоку[283].

В зависимости от господствовавших до прихода экспедиции ветров может оказаться более свободным ото льдов или восточное или западное побережье Шпицбергена; поэтому придётся начать обследование вдоль того берега, который окажется доступнее. Вообще говоря, западный берег под влиянием тёплых вод Гольфстрима доступнее восточного, и всего вероятнее, что с него и начнётся обследование.

На западной стороне представляется необходимым посетить, во-первых, Гора-зунд – для осмотра русских построек; во-вторых, Бель-зунд, в особенности южную ветвь этого залива – Зюйд-бай как наименее обследованную, и, в-третьих, южную сторону Айс-фьорда, где ведётся разработка каменного угля иностранными компаниями.

Едва ли представляется необходимость для экспедиции подниматься выше Айс-фьорда, так как в северной половине Шпицбергенского архипелага вместо третичных угленосных отложений выступают более древние слои, насколько известно, лишённые угля, имеющего промышленное значение. Правда, на

восточном берегу острова Принца Карла выступают сбросы третичных отложений, которые, может быть, небезынтересно было бы осмотреть, если бы было свободное время, при тихой погоде и при отсутствии льдов. Чтобы не подвергать лишнему риску судно в мелководном и опасном проливе.

Что касается восточной половины архипелага, то здесь обследование Стур-фьорда представляется особенно важным и многообещающим ввиду того, что этот обширный залив вообще мало обследован, что в нём широко распространены угленосные отложения, и, наконец, ввиду того, что эти угленосные отложения, насколько известно, пока ещё никем не заняты. Экспедиция, таким образом, сможет здесь без помех обеспечить за Россией лучшие в промышленном отношении места.

Нужно думать, что успешность работы экспедиции в значительной мере будет зависеть от распределения и состояния льдов, и чем лучше будет приспособлена экспедиция к борьбе со льдами, чем крепче будет её судно, тем больше, конечно, будет шансов на успех. Поэтому в данном случае особенную важность представляют выбор крепкого судна с ледовой обшивкой и подбор вполне надёжного экипажа.

От большой и хорошо оборудованной экспедиции естественно требовать, чтобы она сделала по возможности больше, поэтому представляется настоятельно необходимым, избегая зимовки, всё же посвятить исследованию возможно больше времени. Желательно выйти возможно раньше и возвратиться возможно позже. Выйдя, например, в середине мая, можно было бы возвратиться в начале или середине октября. За четыре или за пять месяцев можно успеть сделать довольно много. Невозможность раннего выхода из Архангельска в связи с трудностью снаряжения большой экспедиции в небольшом городе исключает Архангельск из числа городов, откуда могла бы отправиться экспедиция. Наиболее желательным пунктом отправления русской экспедиции следует считать Петербург. Однако если судно для экспедиции будет приобретено в северной Норвегии, то, может быть, окажется практичнее выйти прямо оттуда.

3. СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

Для дружной и успешной работы весьма важно, чтобы экспедиция составилась из лиц, подходящих друг к другу, интересующихся самим делом и по возможности знакомых с условиями плавания в полярных водах.

Во всяком случае, всем отправляющимся в экспедицию следует рассчитывать на большие трудности, а по временам и на

серьёзные лишения, неизбежно сопряжённые с полярными исследованиями, при полном отсутствии элементарных условий комфорта.

Число членов экспедиции и количество матросов может быть установлено не раньше, чем будут известны размеры и вместительность судна. Пока можно лишь приблизительно допустить, что всего-навсего экспедиция будет состоять из 12 человек: начальника экспедиции, его помощника, студента Горного института, натуралиста, капитана судна, механика, помощника механика, четырёх матросов, повара.

В качестве помощника я могу предложить только одно, в данном случае, по моему мнению, самое подходящее лицо – Александра Степановича Кучина, единственного русского, приглашённого Амундсеном в его последнюю славную экспедицию к Южному полюсу. С чувством глубокого удовольствия могу сообщить, что по телеграфу я уже заручился согласием этого молодого и энергичного учёного, готового принять участие в Шпицбергенской экспедиции.

Вопрос о капитане пока остаётся открытым. Я пригласил хорошо мне известного и очень опытного капитана – Ивана Петровича Ануфриева[284], но ввиду того, что он связан договором с Д. Н. Масленниковым, на ледокольном пароходе которого он ходит, г. Ануфриев рекомендует вместо себя, по его словам, вполне подходящего капитана первого разряда Николая Лукича Копытова[285]. Так как последнего лично я не знаю, то пока от приглашения его воздержался, тем более что уже приглашённый мной Кучин окончил по первому разряду Архангельское торгово-мореходное училище, и я думаю, что в случае необходимости ему можно было бы поручить командование судном, о чём с ним, конечно, придётся предварительно списаться.

4. СУДНО

Экспедиция, рассчитанная на четырёх– или даже пятимесячное плавание на паровом судне, не может захватить с собой запас угля, достаточный на всё время плавания. Рассчитывать же на шпицбергенский каменный уголь было бы крайне неблагоразумно. Ввиду большого спроса и всеобщего вздорожания каменного угля легко может случиться, что ко времени нашего прихода в Айс-фьорд весь там добываемый каменный уголь окажется уже запроданным, не говоря уже о том, что иностранные компании могут косо взглянуть на русскую экспедицию и попросту не пожелают уступить ей ни одной тонны своего угля.

Наиболее подходящим для полярного исследования судном мне представляется промысловый моторно-парусный бот, крепкий, снабжённый ледовой обшивкой, около 50 тонн водоизмещения.

На таких ботах норвежцы ежегодно ходят во льды на звериный промысел не только к Шпицбергену, но и к Земле Франца-Иосифа, к Гренландии и ещё далее.

Ходя зафрахтовать подходящее норвежское судно, вероятно, было бы нетрудно, но крайне нежелательно. Русская экспедиция, совершённая на норвежском судне, по необходимости с норвежским капитаном и с норвежской командой, совершенно потеряла бы свой национальный характер и не без оснований могла бы третироваться иностранцами как полурусская, полунорвежская экспедиция.

Совершенно иное дело – купить в Норвегии подходящее судно и приспособить его для нужд экспедиции.

В данное время я не вижу иного лучшего и скорейшего выхода кроме покупки норвежского судна, если только необходимо. Чтобы Шпицбергенская экспедиция отправилась в текущем 1912 году, а не была отложена на год, я нахожу необходимым отправиться в Христианию и, если понадобиться, в северную Норвегию для выбора судна; при покупке, я думаю, было бы полезно присутствие г. Кучина как человека, знакомого с норвежским языком, с Норвегией и с морским делом.

Если будет куплено парусное судно, то в Христиании на нём можно будет установить мотор знакомой мне очень простой и очень хорошей системы «Болиндера». На это потребуется недели полторы времени.

Из Христиании судно можно было бы отослать или отбуксировать до Петербурга, где оно будет окончательно приспособлено к потребностям экспедиции, снабжено всем необходимым и отправлено в далёкий путь.

Для ускорения судно можно было бы в обе стороны отбуксировать по Финскому заливу, по Балтийскому морю и вдоль южных берегов Норвегии.

Было бы желательно исходатайствовать у господина Министра финансов разрешить беспошлинный пропуск в Россию судна, машины. Вооружения и всех вообще принадлежностей Шпицбергенской экспедиции.

5. СМЕТА

Парусное судно около 50 тонн водоизмещения	13000 руб.
Мотор к нему в 50 лош. сил	7500 -//-
Переделка и ремонт	1500 -//-
Отгон, буксировка	1500 -//-
Моторная лодка	1000 -//-
1 фансбот с вооружением	100 -//-
3 складные парусиновые лодки «Berton» из Лондона	500 -//-
2 парусиновых каяка и палатки	600 -//-
Керосина и нефти на 50 дней (1200 часов) чистого хода	1500 -//-
Смазочные материалы	500 -//-
Запасные паруса, снасти, якори и проч.	800 -//-
Толь, тонкие доски и брёвна для лёгкого зимнего жилья	200 -//-
Съестных припасов на $1^1/_2$ года на 12 человек	5000 -//-
Тёплая одежда, обувь и проч.[6]	5000 -//-
Оружие, патроны	1000 -//-
Инструменты, заказанные за границей: самопишущие приборы и пр.	1200 -//-
Вознаграждение начальнику экспедиции	5000 -//-
Помощнику	2500 -//-
Капитану	1500 -//-
Инженеру – студенту Горного института	1000 -//-
Помощнику натуралиста	1000 -//-
Старшему механику	500 -//-
Младшему механику	375 -//-
Четырём матросам	1000 -//-
Повару	150 -//-
Непредвиденные расходы	500 -//-
ИТОГО	54425 -//-

[6] Обращает на себя внимание тот факт, что в смете не предусмотрен расход на изготовление экспедиционных нарт.

Подписал В. Русанов

Устав Архангельского торгово-мореходного училища

[286]

I. Общие положения

1. Архангельское торгово-мореходное училище состоит из двух отделений: торгового и мореходного; первое имеет целью приготовлять учащихся в нём к службе в торгово-промышленных учреждениях, а второе – давать соответствующее теоретическое и практическое образование молодым людям, готовящимся к исполнению обязанностей шкиперов и их помощников на торговых судах (Ст. 1 Высочайше утверждённого 2 июня 1899 г. Положения об Архангельском торгово-мореходном училище).

2. Училище состоит в ведении Министерства финансов по Департаменту торговли и мануфактур (ст. 2 Положения).

II. Учебная часть

3. Курс учения в торговом отделении продолжается 4 года и разделяется на 4 класса: два общих и два специальных; а в мореходном отделении продолжается пять лет и разделяется на 5 классов: два общих и 3 специальных.

Обучение большинству предметов в общих классах производится совместное для учеников обоих отделений (ст. 4 Положения)

4. Учебные занятия продолжаются с 15 октября по 15 апреля, за исключением воскресных и праздничных дней, страстной и святой недель и рождественских вакаций.

5. В училище преподаются: 1/ закон Божий; 2/ русский язык и словесность; 3/ история всеобщая и русская; 4/ география всеобщая и русская; 5/ арифметика в связи с необходимейшими сведениями и алгебры; 6/ основания геометрии; 7/ чистописание, рисование и черчение; 8/ английский язык; 9/ немецкий или норвежский язык; 10/ коммерческая география; 11/ коммерческая арифметика; 12/ коммерция в связи с законоведением; 13/ коммерческая корреспонденция; 14/ бухгалтерия с практическими занятиями ею; 15/ сведения из физики и химии и товароведение в связи с технологией некоторых товаров и краткими понятиями из ботаники и зоологии; 16/ математика (алгебра, плоская и сферическая тригонометрия); 17/ физическая география (метеорология, гидрология); 18/ навигация, краткие понятия о съёмке морских берегов и промерах и сведения по определению и уничтожению девиации компасов; 19/ лоция; 20/ мореходная астрономия;

21/ основные сведения о теории корабля и кораблестроении; 22/ морская практика; 23/ пароходная механика; 24/ гигиена; 25/ теоретическая механика и сопротивление материалов;

26/ практические занятия по морской практике и астрономии (ст. 5 Положения).

6. В течение курса сверх теоретического преподавания по подлежащим предметам ведутся практические занятия (как то: морские астрономические наблюдения, занятия по навигации, девиации и т. п., управлению мелкими паровыми судами, а также гребными и парусными шлюпками, такелажные и парусные работы, знакомство с работами по нагрузке и разгрузке товарных судов, для чего ученики посещают последние, под руководством преподавателя и т. п.), а также могут быть организованы учебные плавания на особом судне (ст. 7 Положения).

7. Объём преподавания предметов учебного класса и распределения их по классам определяются учебными планами и программами, составляемыми Педагогическим комитетом и предоставляемыми Попечительским советом на утверждение Министра финансов, который по вопросам, касающимся преподавания общеобразовательных предметов, входит предварительно в сношение с Министерством народного просвещения, а по предметам морской специальности с Управляющим Морским министерством (ст. 6 Положения).

III. Учащиеся

8. Комплект учеников определяется Министерством финансов.

9. К обучению в училище принимаются молодые люди всех состояний, состоящие в русском подданстве (ст. 8 Положения).

10. Для поступления в первый общий класс торгового отделения требуется: 1/ иметь возраст не менее 11 и не более 14 лет от роду и 2/ предоставить свидетельство о знании курса начальных народных училищ ведомства Министерства народного просвещения или курс других учебных заведений третьего разряда (ст. 64 пн. 3 и примечания к ст. 71 Уст. о воин. пов. изд. 1897 г.) или выдержать соответствующее испытание при училище.

Для поступления в первый общий класс мореходного отделения требуется: 1/ иметь возраст не менее 13 и не более 19 лет от роду, удовлетворяя медицинским требованиям особой инструкции, утверждаемой Министерством финансов, 2/ предоставить свидетельство, указанное в 1-й части сей статьи устава, или выдержать соответствующее ему испытание при училище, и 3/ предоставить свидетельство о совершении 2-х месячного плавания в открытом Миоры с одобрительным отзывом

о способности к морской службе (ст. 9 Положения).

11. Для поступления в первый специальный класс торгового отделения требуется: 1/ иметь возраст не менее 13 и не более 16 лет от роду и 2/ выдержать испытание в объёме курса общих классов торгового отделения училища.

Для поступления в первый специальный класс мореходного отделения требуется: 1/ иметь возраст не менее 15 лет и не более 21 года от роду, удовлетворяя медицинским требованиям особой инструкции, утверждаемой Министерством финансов, 2/ выдержать испытании в объёме курса общих классов мореходного отделения училища и 3/ предоставить свидетельство о совершении не менее 2-х месяцев плавания в открытом море с одобрительным отзывом о способности к морской службе (ст. 10 Положения). *Примечание.* Отступления от сроков, указанных в ст. ст. 10 и 11, допускаются не свыше 6 месяцев в ту или другую сторону, каждый раз не иначе как с разрешения Попечительского совета.

12. Приём учеников во второй и третий специальные классы не допускается (ст. 11 Положения)

13. Прошения о приёме в училище подаётся не позже 1 октября на имя начальника училища, на простой бумаге с приложением свидетельства о рождении, звании и привитии оспы. Если поступающий обучался в каком-либо учебном заведении, то должно быть предоставлено выданное из того учебного заведения свидетельство об успехах и поведении.

14. Приёмные экзамены производятся с 7 по 12 октября комиссией под председательством начальника училища, членами комиссии состоят инспектор училища и преподаватели предметов по назначению начальника училища.

Примечание 1. В случае если число желающих поступить будет превышать число вакансий, то кандидатам производится испытание из русского языка и математики. Кроме того, при приёме в мореходное отделение отдаётся предпочтение лицам, совершившим большее число месяцев плавания.

Примечание 2. Приёмные экзамены на имеющиеся вакансии могут быть произведены и в другое время, с разрешения начальника училища.

15. Размер платы за обучение устанавливается Министерством финансов. Плата эта вносится учениками вперёд, по полугодиям, не позже 15 октября и 15 января, и ни в каком случае не возвращается. Не внесшие платы в означенные сроки считаются выбывшими из училища, но по внесении платы могут быть вновь приняты, если Педагогическим комитетом не будет встречено к тому препятствий.

16. Попечительскому совету предоставляется право освобождать от платы за учение недостаточных учеников, по обсуждении в каждом отдельном случае поводов к оказанию такой льготы.

17. При училище могут быть учреждены, с разрешения Министра финансов, пансион и общежитие для учащихся, за счет платы за пансионеров или на особые пожертвования на этот предмет, или же на совместные средства, получаемые из сих источников (ст. 13 Положения).

18. Воспитанникам училища присваивается форма одежды установленного образца.

19. При училище могут быть учреждаемые стипендии как частными лицами, так равно обществами и ведомствами, на условиях, которые будут определены учредителями, с тем, однако, чтобы эти условия не противоречили положению об училище и были одобрены Министерством финансов.

20. В специальные классы училища допускается приём вольнослушателей на основании правил, составляемых Попечительским советом и утверждаемых Министром финансов (ст. 12 Положения).

21. Из специальных средств училища отчисляется не менее 2000 рублей на содержание некоторых из учащихся в мореходном отделении во время плавания и на стипендии ученикам этого отделения, которые назначаются на основании правил, составляемых Попечительским советом и утверждаемых Министром финансов (ст. 14 Положения).

22. Ученики, оказавшие в течение года хорошие успехи, переводятся на следующие курсы по постановлению Педагогического комитета без экзаменов. Остальные же ученики подвергаются переводным испытаниям в особых комиссиях, образуемых по распоряжению начальника училища.

23. Ученики, не выдержавшие испытаний, оставляются на том же курсе на второй год. Такое оставление может быть допускаемо не более одного раза в течение всего курса училища. Отступление от этого правила допускается лишь в исключительном случае, по предоставлению Педагогического комитета и с разрешения Департамента торговли и мануфактур.

Примечание. Ученикам, выбывшим из училища до окончания курса, выдаются свидетельства с указанием времени пребывания их в училище и курсов, которые они прослушали.

24. Окончившие курс торгового отделения, относительно отбывания воинской повинности, пользуются правами, предоставленными окончившим курс в учебных заведениях второго разряда. Им предоставляется право на получение звания

личного почётного гражданина, но не иначе как по послужении 10 лет в торговых или промышленных учреждениях в должности конторщиков, приказчиков, бухгалтеров и т. п. и по предоставлении от хозяев или управляющих оным надлежащим образом засвидетельствованных удостоверений. Сверх того им выдаются аттестаты об окончании курса, а отличнейшие по успехам и поведению ученики награждаются серебряными и золотыми медалями (ст. 29 Положения).

25. Ученики мореходного отделения, прошедшие полный курс училища и совершившие не менее 17 месяцев плавания в открытом море, подвергаются испытанию, по утверждённой Министром финансов программе, в особой экзаменационной комиссии, под председательством лица, назначаемого ежегодно Министром финансов из членов: начальника училища, инспектора, преподавателя предмета, из которого производится экзамен, представителя морского ведомства (назначаемого Управляющим Морским министерством), представителя от купечества и представителя от Попечительского совета. Сверх того, председателю комиссии предоставляется приглашать к участию в комиссии, на правах его членов до 4 лиц, по своему усмотрению (ст. 30 Положения).

26. Ученики, успешно окончившие испытания в комиссии (ст. 25) и совершившие не менее 17 месяцев плавания в открытом море, получают аттестат об окончании курса, уравнивающий их в правах с лицами, окончившими курс в мореходных классах 3-го высшего разряда, в отношении прав при поступлении на государственную службу и приобретения личного почётного гражданства, лица эти приравниваются к окончившими курс в трёхклассной торговой школе, причём судовая служба зачисляется им как служба приказчиком (ст. 24 сего Устава); что же касается приобретения звания штурмана или шкипера торговых судов, то лица эти подчиняются действующим по сему предмету узаконениям (ст. 193–204 Уст. торг., св. зак. том X 1 ч. изд. 1893 г.). Сверх того отличнейшие по успехам и поведению ученики награждаются серебряными и золотыми медалями (ст. 31 Положения).

27. Аттестаты об окончании курса училища выдаются на основании протокола экзаменационной комиссии за подписью председателя Попечительского совета, начальника училища, инспектора и секретаря Педагогического комитета, с приложением печати училища.

28. Для получения золотой медали необходимо иметь по всем предметам отметку 5. Имеющие свыше 4 по всем предметам, и кроме того, отметку 5 по следующим предметам: в торговом

отделении – по коммерции, товароведению и бухгалтерии, а в мореходном – по астрономии, навигации и морской практике – награждаются серебряными медалями. Имена и фамилии учеников, получивших золотую медаль, записываются на мраморной доске.

29. Если болезнь или другие причины, признанные экзаменационной комиссией положительными, лишили ученика, выдержавшего испытание в комиссии, возможности совершить 17 месяцев плавания до начала этих испытаний, то аттестат хотя и составляется подобно остальным, но выдаётся ему только по предоставлении в Педагогический комитет засвидетельствованных таможнями и консулами свидетельств от командиров коммерческих судов о плаваниях и успешном прохождении морской службы за время, недостающее до 17 месяцев. Таким лицам, по окончании испытаний, выдаётся свидетельство об окончании курса, обмениваемое впоследствии, если будут соблюдены вышеозначенные условия, на аттестат.

30. Ученикам, успешно выдержавшим испытания по теоретическом курсу, но лишившимся по болезни продолжать морскую службу, хотя и предоставляются все права, перечисленные в ст. 26, но вместо аттестата об окончании полного курса им выдаётся свидетельство о выдержании вышеупомянутого испытания с отметкою о причинах, препятствующим им служить в открытом море (ст. 31 Положения).

31. В отношении отбывания воинской повинности ученики мореходного отделения, окончившие в нём курс, пользуются правами, предоставленными воспитанникам учебных заведений 1-го разряда, а не окончившие курса – правами окончивших курс в заведениях второго разряда. Поступление на службу в войска отсрочивается ученикам мореходного отделения до достижения двадцати четырёх лет от роду, а тем из окончивших курс, которые пожелают приобрести звание штурмана или шкипера, могут быть даваемы по соглашению Министров финансов и внутренних дел отсрочки, необходимые для выполнения требуемых законом условий морского ценза (ст. 32 Положения).

IV. Попечительский Совет

32. Общее заведывание делами Архангельского торгово-мореходного училища возлагается на Попечительский совет, состоящий: 1/ из председателя и двух членов, избираемых губернатором из числа лиц, входящих в состав учреждений, оказывающих училищу материальное содействие; 2/ членов, избираемых Архангельским городским общественным

управлением и купеческим сообществом, а также другими учреждениями, оказывающими училищу материальное содействии; 3/ членов по назначению Министра финансов; 4/ начальника училища; 5/ инспектора торгового отделения. Председатель и члены утверждаются в должности Министром финансов (ст. 15 и 16 Положения).

Примечание. Председатель и члены избираются на 4 года, причём относительно избрания вновь тех же лиц на новое четырёхлетие никаких ограничений не устанавливается.

33. Члены Совета избирают из среды своей казначея.

34. Председатель и члены Попечительского совета имеют право посещать классные занятия и присутствовать при проверочных и выпускных испытаниях. Не делая никаких распоряжений и замечаний лично от себя, председатель и члены Совета выносят свои замечания на рассмотрение Попечительского совета.

35. На обязанности председателя Попечительского совета лежит: 1/ назначение заседаний Совета и председательство в них; 2/ сношение с подлежащими учреждениями и лицами по делам Совета; 3/ представления Министру финансов постановлений Совета и отчетов по училищу; 4/ представление членов Совета к наградам и чинам.

36. На Попечительский совет возлагаются следующие обязанности: 1/ заключение контрактов по приобретению учебных судов и всякого имущества, на поставку необходимых для содержания училища предметов, на исполнение различных работ по ремонту и проч.; 2/ решение дел по всем частям управления училищем, кроме дел по учебной и воспитательной частям; 3/ заведывание имуществом училища и распоряжение денежными суммами, составляющими его собственность, а также установление порядка приёма, хранения, расходывания и свидетельствования означенных сумм и имущества; 4/ составление ежегодных смет по тем статьям содержания училища, расходы по которым отнесены на специальные его средства, и предоставление этих смет на утверждение Департамента торговли и мануфактур; 5/ составление ежегодных отчетов по статьям содержания училища, упомянутым в предшествующем пункте, и предоставление их учреждениям и лицам, оказывающим материальное содействие училищу;

6/ избрание и представление в установленном порядке начальника училища; 7/ освобождение недостаточных учеников от платы за учение; 8/ избрание из своего состава одного члена для участия в производстве выпускных экзаменов; 9/ забота о средствах и благосостоянии училища; 10/ сношение с

пароходными обществами и судовладельцами об определении учеников для практических плаваний на судах коммерческого флота.

37. Попечительскому совету представляется входить в рассмотрение всех вопросов, касающихся: а/учебно-воспитательной части училища; и б/расходования штатных сумм, ассигнуемых из казны на содержание училища, – с тем, однако же, чтобы заключения по этим вопросам предоставлялись на утверждение Департамента торговли и мануфактур: по пункту «а» – вместе с мнением Педагогического комитета, по пункту «б» – вместе с мнением начальника училища.

38. Попечительский совет собирается не менее одного раза в месяц. Вопросы в Совете решаются большинством голосов; в случае равенства голосов – голос председателя даёт перевес.

Примечание. Члены Совета, несогласные с постановлением, подают в семидневный срок особые мнения, которые прилагаются к журналу в подлиннике и сообщаются Департаменту торговли и мануфактур.

39. Обязанности по делопроизводству и счетоводству в Попечительском совете по делам училища возлагаются на письмоводителя или исполняющего его должность за особое вознаграждение – по усмотрению Попечительского совета.

40. В случае надобности, в помощь Попечительскому совету по делам хозяйственным учреждается хозяйственный комитет, который состоит из одного или двух членов Попечительского совета, начальника училища, инспектора и одного из преподавателей, по избранию Попечительского совета. Председательство в хозяйственном комитете возлагается на одного из членов Попечительского совета, по выбору последнего.

V. Начальник училища и инспектор

41. Непосредственное управление училищем вверяется начальнику училища. Начальник училища назначается по представлению Попечительского совета из лиц, получивших специально-морское образование и служивших на судах военного или коммерческого флотов (ст. 15 и 17 Положения).

42. Начальнику училища как ближайшему начальнику подчиняются все служащие и учащиеся в нем.

43. В помощь начальнику училища, для непосредственного заведывания торговым отделением, назначается инспектор, избираемый Попечительским советом из числа штатных преподавателей специально коммерческих предметов и утверждаемый в должности Министром финансов (ст. 19 Положения).

44. Главная обязанность начальника училища состоит в непосредственном надзоре за ходом успешного воспитания и преподавания, а также за внешним порядком и благоустройством вверенного ему заведения и вообще за точным исполнением устава заведения и относящихся к нему распоряжений Министерства финансов, а также постановлений Попечительского совета и Педагогического комитета.

45. На начальника училища возлагается: 1/ председательство в Педагогическом комитете; 2/ участие в заседаниях Попечительского совета и хозяйственного комитета; 3/ избрание законоучителя, преподавателей, инспектора из числа штатных преподавателей специально-коммерческих предметов и других должностных лиц и представление в подлежащих случаях чрез Попечительский совет в Департамент торговли и мануфактур об утверждении их в должностях; 4/ непосредственный надзор за учениками обоих отделений, и преимущественно мореходного; 5/ представление Департаменту торговли и мануфактур через Попечительский совет штатных преподавателей к высшим окладам жалованья; 6/ аттестация служащих под его начальством лиц и представление их через Попечительский совет к Высочайшим наградам, чинам, пенсиям; 7/ представление Попечительскому совету лиц, заслуживающих пособия из средств классов; 8/ увольнение служащих под его начальством лиц в отпуски на каникулярное время, а по особо уважительным и не терпящим отлагательства причинам и в учебное время, но не более как на две недели, – в последнем случае немедленно доводя об этом до сведения Департамента торговли и мануфактур; 9/ составление ежегодных отчетов о состоянии учебной части и представление их, по рассмотрении их в Педагогическом комитете, через Попечительский совет, в Департамент торговли и мануфактур; 10/ составление ежегодных отчётов расходывания штатных сумм училища и предоставление этих отчетов, через Попечительский совет, в Департамент торговли и мануфактур; 11/ определение и увольнение служащих; 12/ распределение учеников по судам коммерческого флота для практического плавания, и 13/ сношение по делам училища и Педагогического комитета с различными учреждениями и лицами.

46. По званию председатель Педагогического комитета определяет время его заседаний, предлагает на обсуждение свои предложения по учебной и воспитательной частям, следит за правильностью и порядком заседаний и объявляет постановления комитета.

47. Инспектор есть ближайший помощник начальника

училища по заведыванию торговым отделением; он следит за ходом преподавания, за исполнением установленных в училище правил, за успехами и поведением воспитанников преимущественно торгового отделения и исполняет в этом последнем те обязанности, которые будут на него возлагаться начальником училища.

VI. Преподаватели и другие должностные лица

48. Законоучитель избирается начальником училища и, по представлению Попечительского совета, утверждается Департаментом торговли и мануфактур, по соглашению с епархиальным начальством (ст. 20 Положения).

49. Предметы преподавания в училище распределяются между штатными преподавателями, считающимися на государственной службе, в числе не более десяти человек, и между лицами, преподающими по найму (ст. 21 Положения).

50. Штатными преподавателями общеобразовательных предметов определяются лица, имеющие по своему образованию право на занятие соответствующих должностей в коммерческих училищах и торговых школах (ст. 22 Положения).

51. Штатными преподавателями специально-коммерческих предметов определяются лица, получившие от Департамента торговли и мануфактур свидетельства на право преподавания сих предметов в коммерческих учебных заведениях (ст. 23 Положения).

52. Преподавателям предметов морской специальности могут быть лица, окончившие Морской кадетский корпус или Морское инженерное училище или заведывавшие шкиперскими курсами или мореходными классами высшего разряда не менее 5 лет. Лица, не удовлетворяющие означенным условиям, могут быть допускаемы к исправлению обязанностей преподавателя по прочтении трёх пробных уроков в присутствии особой комиссии, назначаемой Педагогическим комитетом, и утверждаются в должности Департаментом торговли и мануфактур не ранее чем через год со времени допущения их к преподаванию (ст. 24 Положения)

53. Преподаватели избираются и допускаются к преподаванию начальником училища, по представлению Попечительского совета, утверждаются в должности Департаментом торговли и мануфактур. При этом в случае утверждения служба преподавателя считается с первого урока (ст. 21 Положения).

54. Штатные преподаватели обязаны преподавать в нём не менее двенадцати уроков в неделю. Начальник училища может,

если пожелает, преподавать один или несколько предметов, но не более 12 часов в неделю.

55. При училище полагается врач, избираемый начальником училища и представляемый через Попечительский совет на утверждение в должности Департаментом торговли и мануфактур. Врач обязан следить за здоровьем учащихся, исследовать поступающих, согласно особым инструкциям, и участвовать в надзоре за соблюдением правил гигиены в тех случаях и в тех размерах, которые будут ему предложены начальником училища.

VII. Педагогический комитет

56. Для обсуждения дел по учебной части и для решения вопросов, касающихся успехов и поведения учащихся, при училище состоит Педагогический комитет под председательством начальника училища. Членами комитета состоят инспектор, законоучитель и все преподаватели училища. Обязанности секретаря комитета исполняет один из преподавателей, по избранию комитета.

57. В заседаниях Педагогического комитета принимает участие и врач, с правом голоса по тем вопросам, которые касаются его специальности.

58. К обязанностям Педагогического комитета относятся следующие дела: 1/ приём учеников в училище и перевод их в следующие классы; 2/обсуждения успехов, поведения и прилежания учеников; 3/ присуждение аттестатов окончившим курс торгового отделения и исполнение постановлений комиссии мореходного отделения; 4/ присуждение медалей окончившим курс с отличием в торговом отделении; 5/ увольнение учеников из училища и выдача свидетельств выбывающим из училища до окончания курса; 6/ назначение проверочных испытаний при переходе из класса в класс и распределение преподавания учебных предметов по дням и часам, на основании утверждённой таблицы недельных уроков; 7/ рассмотрение и одобрение подробных программ, как теоретического курса, так и практических плаваний. Составление программ по предметам теоретического и практического курса лежит на обязанностях преподавателей; 8/ выбор учебных руководств и пособий; 9/ выбор книг для библиотеки – из числа одобренных Министерством народного просвещения и Духовным ведомством, по принадлежности, или разрешенных Департаментом торговли и мануфактур и предметов для пополнения кабинетов; 10/ составление правил для учащихся и правил о взысканиях с них; 11/ назначение в важнейших случаях взысканий с учащихся,

а равно указания относительно применения правил (пн. 10) в отдельных случаях; 12/ составление инструкций для преподавателей; 13/ рассмотрение годовых отчетов по учебно-воспитательной части; 14/ одобрение речей, назначаемых для чтения на публичном акте.

Примечание. Постановления по предметам, указанным в пп. 7, 10, 12, предоставляются через Попечительский совет на утверждение Министра финансов, а заключение по п. 8 – в Департамент торговли и мануфактур; решения же по п. 5 по одобрении Попечительским советом, приводятся начальником училища в исполнение.

59. Педагогический комитет собирается в течение учебного времени по мере надобности. Заседания назначаются начальником училища или по его усмотрению, или по предложению председателя Попечительского совета, или по письменному заявлению не менее трёх членов комитета.

60. Дела решаются в Педагогическом комитете по большинству голосов. При равенстве голосов, голос председателя даёт перевес. Если начальник училища по тому или другому вопросу не согласен с большинством членов комитета, то вопрос этот, до приведения его в исполнение, поступает через Попечительский совет на рассмотрение Департамента торговли и мануфактур.

Примечание. Во всех случаях разногласия, если меньшинство пожелает, особое мнение его доводится до сведения Департамента торговли и мануфактур, вместе с журналом соответствующего заседания.

VIII. Права и преимущества служащих

61. Служебные права и преимущества служащих, а также и содержание, получаемые ими, определены Положением об училище (ст. 26, 27, 28) и его штатом.

IX. Права и преимущества училища

62. Училище имеет печать с изображением государственного герба и надписью: «Архангельское торгово-мореходное училище» (ст. 33 Положения).

63. Училище может приобретать недвижимые имущества и принимать всякого рода пожертвования (ст. 33 Положения)

64. Училищу представляется выписывать из-за границы безпошлинно потребные для него учебные предметы и пособия с соблюдением ст. 1047 и 1048 Уст. тамож. (св. зак т. VI изд. 1892 г.) и пересылать следующие по его делам пакеты, посылки, тюки. Весом до одного пуда в одном отправлении, без платежа

весовых денег (Высочайше утвержд. 2 июня 1899 г. мнении. Госуд. Совета с. VI и ст. 33 Положения).

65. Относительно платежа пошлин, гербового и иных сборов, а также по отправлению государственных, земских и городских повинностей училище пользуется льготами, определяемыми в подлежащих Уставах.

X. Имущество и средства училища

66. Имущество училища составляют: 1/ Высочайше дарованный 10 июня 1894 г. капитал в 100.000 руб., наличность которого, за произведёнными из него расходами на покупку для училища собственнного дома, составляет к 1 июля 1899 года – 58.000 руб., 2/ каменный дом в Архангельске с участком земли мерою в 1.157 кв. сажень.

67. Средства училища составляют: 1/ суммы, отпускаемые на его содержание по штату из казны; 2/ проценты с Высочайше пожалованного 10 июня 1894 г. капитала; 3/ ежегодное пособие из поступлений от земского сбора Архангельской губернии; 4/ ежегодного пособия от Архангельских городского общественного управления и купеческого общества и частных лиц; и 6/ плата за учение (ст. 3 Положения).

Примечание 1. Суммы, поступающие на основании пп. 2–6, составляют специальные средства училища и расходуются на его содержание, в дополнение к штатным суммам, на стипендии ученикам и другие непредусмотренные штатом расходы по учебной части (примечание к ст. 3 Положения).

Примечание 2. Могущие образоваться за покрытием расходов по содержанию училища, по истечении года, остатки от сумм составляющих специальные средства училища, причисляются к запасному капиталу и расходуются исключительно на нужды училища и учащихся.

XI. Счетоводство и отчётность

68. Подробные правила для составления и утверждения смет, счетоводства и отчётности по приходу и расходыванию специальных средств училища определяются особой инструкцией, составляемой Попечительским советом и утверждаемой Департаментом торговли и мануфактур.

69. Попечительский совет предоставляет ежегодно в Департамент торговли и мануфактур отчёт о состоянии учебной и хозяйственной части училища; по этой последней части отчёты предоставляются ежегодно также и городскому общественному управлению, купеческому обществу и другим учреждениям, которые принимают участие в содержании училища.

За директора подписал А. Конкевич.
Начальник отделения (скрепил) Веселаго.

С подлинным верно.
Начальник отделения С. Веселаго.

Письмо Фёдора Классена Александру Кучину

Москва. 18 марта 1911 г.[287]

Дорогой Кучка! Вот прошёл почти уже год, как мы расстались с Вами в Христиании и почти ничего друг о друге не слышали. Единственное, что мы знаем о Вас, была Ваша открытка с Мадейры и известие из газет о том, что Вы едете для разнообразия не на Северный, а на Южный полюс. Не могу сказать, чтобы я Вам не завидовал. Во всяком случае, жизнь к Вам была милостивее, чем ко мне. Слишком уж скверно, серо и скучно прошёл для нас этот год жизни. Со многими мечтами и планами пришлось расстаться. Часто мы вспоминаем о том времени, когда мы сидели в Бергене у Сестёр и мечтали о том или другом, хотя жили так хорошо, что мечтать о чём-ниб. было даже грешно. Так недавно это было и кажется таким далёким и недосягаемым. С какой радостью поехал бы я снова в свою любимую Норвегию и пожил бы снова среди здоровых, нормальных людей, не изуродованных дикими условиями жизни. Как-то Вы себя чувствуете? Боже Вас только упаси скучать по России, не стоящее это самое дело: совершенно не о чём, и счастлив всякий, кто не принуждён так или иначе жить ея жизнью и болеть ея страданиями, тот, кому она совершенно безразлична. Но я прямо не могу взяться за перо, оно вываливается у меня из рук, когда подумаю о том количестве материала, которое мне хотелось бы Вам сообщить, чтобы дать Вам хотя бы приблизительное понятие не только о тех поворотах, которое совершило колесо нашей личной жизни, но и главнейшим явлениям, настроениям и переменам в той луже, в которой мы сейчас барахтаемся и кот. почему-то называется русс. общественной жизнью. Начну, как истинный и убеждённый эгоист, конечно, с нашей личной жизни, думая, что Вы не утеряли к ней интереса и с таким же тёплым и хорошим чувством вспоминаете нашу совместную жизнь в Бергене, с которым вспоминаем о ней мы, хотя Вам, конечно, при интересной и завлекательной обстановке в кот. вы попали, менее приходится предаваться воспоминаниям о прошедших днях. Но я всё-таки склонен верить тому, что гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда может сойтись, и что наша встреча в Бергене и совместная жизнь не может пройти даром и остаться случайным эпизодом в жизни. Я думаю и скорее даже уверен в том, что рано или поздно мы должны снова встретиться, в

качестве чего, сейчас предугадать, конечно, трудно, при совместной ли работе, чего я больше всего желаю, или при других условиях. Кто знает! Завес судьбы приподнять невозможно, трудно предвидеть, что удастся сделать. Вот не думал же я, в самом деле, что выпадет мне на долю такой год, как этот последний! Начну с того, что я сейчас в Москве отбываю воинскую повинность, усиливаю мощь Российского оружия. Ну, какой я, к черту, солдат. В общем, тяжёлая штука, особенно в моём возрасте. Ничего ещё, если человек прямо со школьной скамьи попадает в такую муштровку, да и то тяжело, а попробовав уже вольной жизни, повидавши людей и поживши своими планами и мыслями, трудно сломать себя настолько, потерять до такой степени всякую волю и индивидуальность, обезличить себя до последнего предела. А приходится. Ничего не поделаешь, ещё сносно то, что это происходит в Москве, а не где-либо в глуши. Все-таки нет-нет да и людей видишь, хоть и редко. Но зато Москва тем плоха, что относятся формальнее и строже. От души позавидую Вам, если Вам удастся избежать этой каторги. Ну, да всё это, конечно, уже давно известно. Я пишу только потому, чтобы набросать Вам тот общий, определяющий все остальные детали картины, фон нашей теперешней жизни. Она сера и скучна, как солдатская шинель, и размерена, как только и может жизнь солдата. Самое страшное при этом то, что всякая энергия, желание чего-ниб. предпринять и работать парализуется абсолютной необходимостью целый год поступать как раз противоположно своим желаниям. Будущее для меня пока тоже покрыто мраком неизвестности. Мои мечты с «Жаком»[288], увы, канули пока в вечность. Отстоять его у Држевецкого[289] мне всё-таки удалось, и я прожил в хлопотах с этим делом в Александровске почти 1 ½ месяца, как вдруг внезапно умер у меня отец. Нельзя, конечно, сказать, что это вообще было для меня большой неожиданностью, но его смерть совершенно изменила все обстоятельства к худшему. У Држ-го я судно с большим трудом отобрал, но дела оказались такими, что я вынужден был продать своего любимого «Жака» и вместе с ним похоронить и свои мечты промысла на нем, соединённом со строго научным исследованием Северного океана. Оживёт ли когда-ниб. эта мечта снова?! Кто это знает. У меня пока нет денег и приходится думать о другом, о службе. Может быть, придётся поплавать на том же «Жаке», принадлежащем теперь Министерству земледелия /кот. ставит на него мотор/. Что будет делать с ним министерство, совершенно мне неизвестно. Т. к. сидя в Москве, я почти ничего о Севере не слышу и до меня доходят лишь неясные слухи. Ходят слухи, что «Жак»

предназначен для исследования морского пути в Сибирь. Det skulde vare noget for os![290] Всё-таки я мечтаю о том, что мне удастся раздобыться деньгами на какое-ниб. более дешёвое судно, вроде норвежских salpangez и на нём учинить нечто подобное. Недурно было бы устроить нам с Вами что-ниб. вместе. Все равно теперь прирос к морю и не могу себе представить другой работы, которая могла бы меня удовлетворить. Университет теперь для меня закрыт, т. к. одно самолюбие уже не позволит мне вернуться в это учреждение, опустевшее при благосклонном содействии Мин. нар. просвещ. теперь окончательно. Московский Университет сейчас пережил и переживает ещё период общего разгрома, указывающий на усиление и процветание варварства и вандализма в ещё большей мере, чем прежде. Началось дело со смертью Л. Н. Толстого[291], когда все учебные заведения России в знак траура прекратили занятия на три дня. Результат – репрессии, высылка в места «не столь…» и просто «отдалённые» из одн. Моск. и Петербургск. Универ. больше 1000 студентов. Далее последовал циркуляр Комитета Министров, воспрещающий вообще все собрания и организации студенчества. Результатом был отказ и подача в отставку правления Моск. Унив., между прочим моего патрона Мензбира[292]. Правит. на это ответило тем, что уволило все правление совсем в отставку, уволив их из профессоров. Тогда, наконец, люди убедились, что жизнь в Университете стала совсем невозможной, вышло в отставку 110 человек из одн. Моск. Унив. профессоров, приват-доцентов, лаборантов и т. д. Количественно это только 1/3 всего состава, качественно же 99/100, т. к. ничего, уважающего себя хоть на йоту, ничего порядочного больше в Унив. не осталось. Оставшимся живётся, однако, тоже не сладко. В обществе руку им не подают. Но в общем от этого отнюдь не легче. Университет разрушен безвозвратно, люди не находят приложения своего труда, а в общем стало ещё противнее и гнуснее, громче раздаются голоса шакалов, раболепно скулящих при общем омертвлении. Тяжёлая атмосфера. Вот она, родная-то земля! Вот Вам образец родных картинок! Сессия Думы была прервана на 3 дня (почему не на 3 часа?!), чтобы в порядке 87-ой статьи провести закон о западном земстве, проваленный в Думе и Совете. Тоже недурно.

Чуть-чуть я на войну не попал! Сейчас гроза, по-видимому, миновала, и мы обойдёмся без неё. Если бы на дальнем востоке вспыхнула война, мне пришлось бы идти первому, да ещё в качестве рядового, или, пожалуй, ещё хуже остаться здесь на случай беспорядков, которые неминуемо возникли бы. Перспектива приятная. Несколько времени я ходил как в тумане,

в кошмаре, не зная, что мне делать. Ведь вот живут же люди на свете без всяких таких неприятностей и тяжёлых вопросов. Как-то прежде я не ощущал это до такой степени, как теперь, поживши долгое время в других условиях. Представляю себе, что было бы с Вами после нескольких лет Норвегии, если бы Вы теперь попали бы снова на «родину-мать», да ещё заняли какое-ниб. зависимое положение, какую-ниб. «службу». То-то Вам показалось бы сладко. Нет, на Вашем месте я ни за какие блага не решился бы снова одеть такой хомут. Единственное, что ещё можно у нас предпринять (т. е. нас с Вами), это или экспедиция, или частное промысловое дело. При этом можно по крайней мере остаться независимым. Аська тоже сейчас приуныла, скучает по Норвегии. Курсы, на которые она осенью благополучно поступила, теперь с Рождества закрыты. С Рождества же все бастуют ввиду совершенно невозможных для занятий условий, все высшие учеб. заведения России, т. е. главным образом Москвы и Петербурга, и одному Богу известно, когда они снова будут правильно функционировать. К тому же русск. Университеты вообще сейчас пали так низко, что едва могут носить это название. Мне лично в этом году совсем не удалось позаниматься наукой. Служба отнимает у меня много времени, к тому же устаёшь от неё всё-таки сильно. Начал было я переводить Нансеновское «Nord i Taakeheimen»[293], перевёл листов печатных 6, да бросил теперь, во-первых, потому, что все равно в этом году выпустить не удастся, а во-вторых, сейчас прямо не хватает сил для такого громадного труда. Так что ни черта из этого не вышло. Может быть, выйдет в будущем. Из Норвегии почти ничего не слышу. Писал кое-кому, да никто не ответил, может быть, не получили моих открыток. Один только Sund вначале писал, да и то теперь бросил. Надо будет ему написать на днях. Welle Strand'y писал открытку, справлялся о Вас и о судьбе «Fram'a», но пока ничего не знаю. Счастливый же Вы на Вашем «Fram'e». Плаваете в широком океане, боретесь с бурями и занимаетесь увлекательным трудом. Сколько Вы увидите, услышите! Моя мечта теперь попасть в подобную экспедицию. Не знаю, осуществится ли она когда-нибудь. Россия не снарядит, а в иностранную трудно попасть. Что теперь делается у нас на Севере, я хорошо сам не знаю. Летом, когда я был там, всё-таки чувствовалось на Мурмане некоторое движение воды. Там теперь функционирует новая русская траловая компания, учредители которой явились из Ревеля. Пока же дела их по случаю малого знакомства с местными условиями и, старая песня, малой исследованности моря и промыслов идут ещё не особенно блестяще. Увидим, что будет дальше. Вообще что-то такое как будто и затевается, результатов только не видно.

Држевецкий совершенно исчез с моего горизонта, но я всё жду его появления где-ниб. на Севере. Говорят о русской экспедиции под начальством Книповича, говорят и о гидрографической экспедиции для исследования Обской губы, вообще говорят-говорят, но по-видимому всё это, как и все русские затеи, так и останется одной болтовнёй. Ведь на что-ниб. большее у нас никогда денег не найдётся.

Об Асе писать Вам не буду, она сама Вам пишет, пускай о себе и рассказывает. Она теперь долго хворала, месяца 2, было воспаление слепой кишки, теперь поправляется.

Очень надеюсь, что получим от Вас длинное и подробное письмо с описанием Вашего путешествия и Вашей личной судьбы, связанной конечно с судьбой «Fram'a». Мне это очень хотелось бы знать возможно подробнее. Всякая мелочь меня тут заинтересует, и я буду Вам чрезвычайно благодарен за детальное послание. Пишите по адресу: Москва, Варварка, 16, Т-во Романовской льняной мануфактуры (Romanoff Flax… C°), мне, хотя дойдёт письмо, конечно, и по Романовскому адресу. Я охотно поменялся бы, однако, с Вами местами, посмотрел бы я на Вас в серой шинели. Пока я её не сниму, я не сделаюсь снова человеком и ко мне не вернётся прежнее настроение. Сейчас оно прескверное. Но пока надо кончать. Передайте мой искренний привет Amundsen'y, Preastrud'y и Hjeartsen'y[294]. Амунд. мои лучшие пожелания. От всего сердца желаю ему довести до конца своё дело и вернуться увенчанным славой. Хотелось бы снова увидеть «Fram» и его mannskab[295]. Я теперь тоскую по Норвегии как по родине. Это единственная страна, где я чувствовал себя человеком, где мне всё было родным. Но всего лучшего. От души желаю Вам успеха и всего лучшего. Жду письма. Крепко жму руку. Ваш Ф. Классен.

По следам судна «Геркулес» и его капитана Кучина

Первый реальный след, связанный с маршрутом экспедиции В. А. Русанова на судне «Геркулес», возник для меня не на Новой Земле, где с 1988 года Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва приступила к работе на архипелаге. На Новой Земле в тот год мы обнаружили следы только одной из трёх русских полярных экспедиций 1912 года, судьба которых оказалась трагична. Это была экспедиция Г. Я. Седова, которая зимовала в 1912–1913 годах в заливе, позже названном его именем. Здесь мы исследовали два креста экспедиции (один – на месте астрономического пункта, а второй – с вырезанными именами только четырёх участников).

Частично нами были обследованы на Новой Земле и районы знаменитых исследований В. А. Русанова, особенно в 1992 году, когда, руководствуясь его записями, мы нашли в губе Южная Сульменёва руины старинной поморской избы и другие объекты на побережье архипелага. Но следы самой экспедиции 1912 года нами обнаружены не были у северного и северо-восточного побережья. Как и в восточной части пролива Маточкин Шар и на восточном побережье Южного острова Новой Земли. Но мы реально убедились – сколь велик вклад Русанова в изучение архипелага.

Наша экспедиция (МАКЭ) была создана в 1986 году и с тех пор под моим руководством проводит ежегодные комплексные исследования по выявлению, изучению, сохранению и использованию объектов культурного и природного наследия в Российской Арктике. Одна из наших программ называется «По следам арктических экспедиций». Реализуется она на основе разработанной нами методики проведения историко-географических экспериментов в Арктике. Поэтому с 1987 года сотрудники МАКЭ проводят свои работы и по маршрутам плаваний и экспедиций многих отечественных и зарубежных первопроходцев, путешественников и исследователей XVI и вплоть до последней четверти XX веков. Например, в 1990 году мы приступили на ледоколе «Диксон» к исследованиям на Земле Франца-Иосифа и среди многих исследователей и их маршрутов вели поиск следов экспедиций 1912 года: Г. Я. Седова, Г. Л. Брусилова и группы В. И. Альбанова, ушедшей по

дрейфующим льдам со «Святой Анны» на Землю Франца-Иосифа.

В 1992 году мы вновь, после исследований на Новой Земле, направились на гидрографическом судне ледового класса «Иван Киреев» к Земле Франца-Иосифа. Среди прочих мест мы работали и на острове Гукера в Бухте Тихой, где в 1913–1914 годах зимовала экспедиция Г. Я. Седова на судне «Святой Фока». В 1990 году из-за сложной ледовой обстановки мы не смогли высадиться на заброшенную здесь полярную станцию «Бухта Тихая». Но теперь здесь в небольшом домике с вычищенным из него многолетним снегом расположились несколько гостеприимных сотрудников Мурманской арктической биостанции. Паяльной лампой просушили они стены. В двух больших домах полярки, забитых снегом, когда-то жили и работали советские специалисты.

Когда я вернулся на судно и рассказал капитану А. А. Катаеву о наших исследованиях на берегу и состоянии жилых помещений, где, видимо, погибла часть уникальной библиотеки, Альберт Александрович принёс мне и подарил два дореволюционных издания журнального размера. Одно было посвящено поискам пропавших в 1912 году экспедиций, а второе – научным результатам Русской полярной экспедиции 1900–1902 годов барона Э. В. Толля. Капитан рассказал мне, что в предшествующие годы эти издания были найдены им в подтаявшем летом помещении полярной станции «Бухта Тихая».

В одном из изданий размером с печатную страницу лежал карандашный оригинал рисунка с надписями *(рис. 1)*. Когда я его рассмотрел – у меня перехватило дыхание…

Используя книги из своей библиотеки по истории освоения Арктики, расставленные по книжным полкам в моей каюте начальника экспедиции, и зная некоторые подробности экспедиции Русанова, я понял всю ценность этого документа.

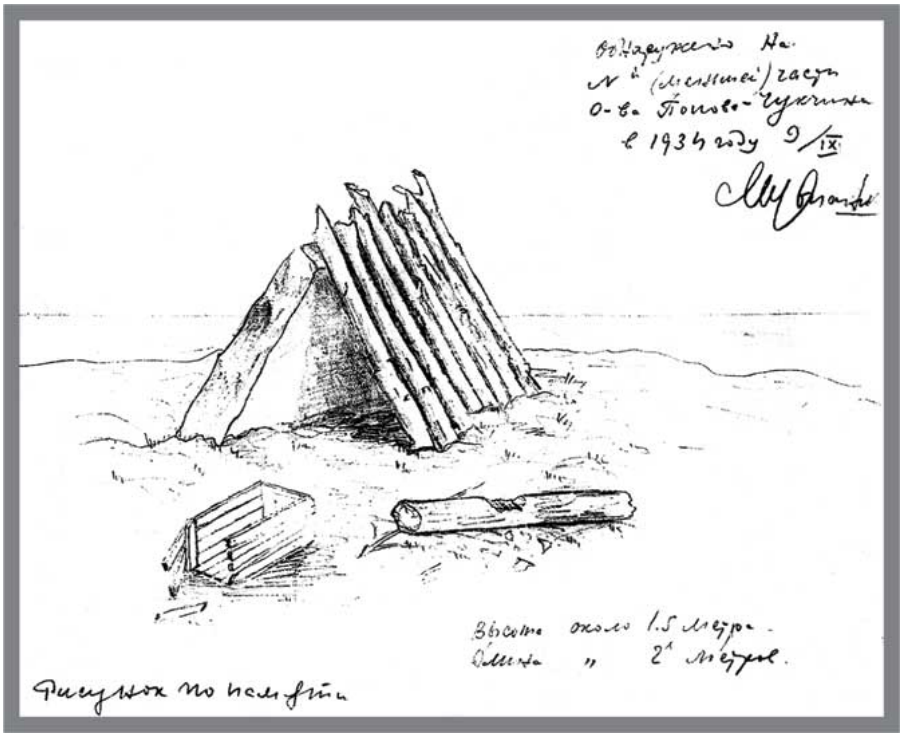


Рис. 1. Оригинал рисунка топографа М. И. Цыганюка объекта 1934 года на острове Попова-Чухчина. Публикуется впервые (Архив П. В. Боярского)

Надписи читались легко. Справа вверху: «Обнаружено на N (меньшей) части о-ва Попова-Чукчина в 1934 году 9/IX» и подпись. Внизу: «Рисунок по памяти. Высота около 1,5 метра. Длина «– 2-х метров».

Да это же рисунок с явной подписью: «МЦыганюк»! Только назван остров здесь у Цыганюка «Попова-Чукчина», а не «Попова-Чухчина».

На рисунке каменная наклонная плита, торчащая из грунта и восемь брёвнышек, прислонённых к ней и частично прикрытых внизу почвой. Впереди этого арктического шалаша разломанный ящик и обработанное бревно. Обнаружено это на северной стороне острова. Понятно и слово «меньшей». Найдя с капитаном Катаевым карту, мы увидели своеобразный остров-матрёшку, состоящий из двух округлых частей: меньшей северной и большей южной, соединённых низким перешейком.

Напомню, что в 1934 году моторно-парусный бот «Сталинец» подошёл в шхерах Минина, у северо-западного побережья Таймыра, к неизвестному островку. Топограф А. И. Гусев со своими помощниками высадился на лодке на островок для проведения топографической съемки. Вскоре он обнаружил

торчащий в возвышенной части островка столб с тщательно вырезанной надписью: «Геркулес, 1913». Невдалеке стояли поломанные нарты, валялась цинковая крышка от ящика для патронов. Дальнейшие исследования находок показали, что надпись на столбе была вырезана при горизонтальном положении бревна и в комфортных условиях (видимо, на судне «Геркулес»). Остров получил название Геркулес. Стало ясно, что вблизи него в 1913 году могла зимовать экспедиция Русанова на вмёрзшем в лёд судне «Геркулес». (Остров находится в 90 км от острова Попова-Чухчина.)

Чуть позже открытия на острове Геркулес бот «Сталинец» подошёл к ещё одному безымянному островку в шхерах Минина. Топограф М. И. Цыганюк высадился на него с двумя рабочими и нашёл уникальные вещи, явно принадлежавшие экспедиции Русанова: мореходную книжку А. С. Чухчина, матроса «Геркулеса», а в ней несколько визитных карточек зоолога экспедиции З. Ф. Сватоша. Были найдены часы с инициалами боцмана «Геркулеса» В. Г. Попова и справка на его имя. Обнаружены гильзы от патронов, фотоаппарат, геодезический прибор, остатки истлевшей одежды…

Топограф М. И. Цыганюк (1907–1987) много лет проработал в Арктике. Этот рисунок он нарисовал недаром и намного позже своего открытия («по памяти»). Судя по созданию этого рисунка позже своей высадки на остров («по памяти» нарисован), М. И. Цыганюк не совсем доверял распространившейся версии, что «шалаш» на острове был построен много позже 1910-х годов. Хотя первоначально посчитал, что ему в 1934 году было около четырёх лет. На основе собственного опыта мы знаем, что в определённых арктических условиях не только дерево может не разрушаться многие годы, но и вещи могут лежать на том месте, где их оставили десятилетия, а то и столетия тому назад, и выглядеть довольно современно.

Известный исследователь Арктики В. А. Троицкий в своё время заинтересовался историей этого «шалаша». В 1930 году на острове, расположенном в 10 километрах от острова Попова-Чухчина, охотники-промысловики три брата Колосовы (позже этот безымянный остров был назван в честь них) поселились в построенном ими зимовье. По рассказу В. А. Троицкого, жена одного из братьев (Е. М. Колосова) хорошо помнила рассказы мужа о том, что он нашёл на острове, на котором братья ставили самострел, вещи неизвестных людей. В конце концов современные исследователи решили, что «шалаш» на острове принадлежал братьям Колосовым. И именно они первыми обнаружили следы экспедиции Русанова на острове Попова-

Чухчина.

Но для меня эта история была не очень убедительной. Более того, братья вполне могли использовать старое укрытие русановцев: например, заменив старые брёвнушки крыши-стены «шалаша» на новые. Поэтому они могли так «молодо» выглядеть, когда их увидел М. И. Цыганюк. Но его рисунок свидетельствует, что автора и через годы волновала проблема неисследованности арктического укрытия на острове. А история самого рисунка понятна – М. И. Цыганюк не одно десятилетие проработал в Арктике, побывал на многих полярных станциях, и в том числе на Земле Франца-Иосифа. Недаром рисунок был заложен в дореволюционное издание, напоминавшее ему о поиске пропавших русских экспедиций 1912 года.

А для сотрудников МАКЭ не только рисунок, но и дореволюционные издания из библиотеки заброшенной полярной станции на Земле Франца-Иосифа стали началом пути по следам экспедиции Русанова на острова Геркулес и Попова-Чухчина в Карском море, а затем и по маршруту экспедиции барона Толля и спасательной экспедиции А. В. Колчака на полуостров Таймыр, к Новосибирским островам и на остров Беннета. Здесь нами были обнаружены руины поварни, из которой в 1902 году в свой последний путь в неизвестность ушёл Э. В. Толль с тремя спутниками и в которой А. В. Колчак нашёл в 1903 году записки учёного.

26 сентября 2005 года вертолет доставил нас с научно-экспедиционного судна «Михаил Сомов» на остров Попова-Чухчина. Пятеро сотрудников МАКЭ побрели по промёрзшей земле к виднеющимся вдали двум деревянным столбам. Накануне вечером мы с капитаном и руководителем экипажа вертолета Ми-8, который постоянно базировался на судне, втроём внимательно рассмотрели изображение острова на карте. Остров небольшой – длиной всего 3 км, по форме своей напоминает матрёшку. Северная его часть, куда мы высадились, – голова матрёшки. С большим округлым туловищем её соединяет низкий короткий перешеек с малюсеньким озерком.

На деревянных столбах мы нашли вырезанную надпись и металлические таблички с памятными текстами. Один из них был в 1970-х годах установлен экспедицией газеты «Комсомольская правда» под начальством Д. И. Шпаро *(фото 1)*. Он выглядит, как поставленный не более 5 лет тому назад. На самом деле возраст памятника более четверти века перед нашей высадкой. Вспомним первоначальную датировку М. И. Цыганюком обнаруженного им «шалаша» на острове по состоянию дерева. И то, что участники экспедиции В. А. Русанова побывали здесь за 20 лет до

первооткрывателя их следов.

Вокруг нас раскинулась желтоватая тундра: мох, тонкие стебельки травок, замерзшие лужицы и торчащие ближе к обрывистому, но невысокому побережью острые большие пластины камней. На заснеженных участках под тонким слоем недавно выпавшего снега с хрустом ломаются ледяные корочки, ноги утопают в воде по высоту зимних ботинок. На западной стороне острова, за перешейком, среди желтовато-белого покрова тундры словно кем-то специально расставлены высокие плоские камни. Кажется, что это идут или стоят в разных местах люди *(фото 2)*. Вдали виднеется высокая деревянная вышка.

Фото 1. Памятный знак экспедиции газеты «Комсомольская правда» (Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2005 г.)

Фото 2. Идущие камни на острове Попова-Чухчина (Фото П. В. Боярского. МАКЭ, 2005 г.)

Под взгорком, на галечной косе, мы увидели нагромождение огромных брёвен плавника *(фото 3)*. Неожиданно обнаружили и небольшую промысловую избушку. Она построена после 1970-х годов, но уже стоит без двери и крыши.

Мы начинаем работать с металлоискателем, но трудно найти что-либо на косе, заваленной громадными стволами деревьев и брёвнами. Но именно на этом перешейке были сделаны основные находки наших предшественников. Небольшой прибой обдаёт побережье светящимися на солнце солёными брызгами.

Искали мы и у небольшого озерца. Это округлое творение природы скорее можно назвать лужей. В ней небольшие палочки-стволы обкатанных деревцов, схожих с теми, что изображены были на рисунке «шалаша». Всё это покрыто тонкой корочкой льда, кое-где припушённой снегом. С южной стороны озерка, в нижней части взгорка, обнаружили две большие выемки в камнях – как бы защита от ветра у пресной воды. Это место требовало тщательного исследования, времени на которое у нас не было. Миноискателем мы прошли здесь и по поверхности воды, но нашли только несколько кованых длинных гвоздей. Ближе к промысловой избушке, среди плавника, нашли несколько костей животных. А в самом строении – металлическое кольцо от деревянной мачты.

После двухчасовой работы, перед тем как приступить к осмотру всего острова, мы развели костер на перешейке у

заброшенной избушки *(фото 4)*.

Через пустой дверной проём я смотрел внутрь на позеленевшие стены. Дует с запада сильный ветер, и температура около минус трех градусов.

Думалось мне: каково было тогда на этом островке участникам экспедиции В. А. Русанова. Самой авантюрной из трёх русских экспедицией 1912 года. Видимо, в этой авантюре сыграл не последнюю роль опыт революционной деятельности Русанова, который приучал к незаконным поступкам ради великих целей. Такой целью для него было осуществление за счёт государства (включая и продовольствие, и снаряжение, и даже само судно) не согласованной с властями идеи прохода севернее Новой Земли на восток. Вдохновлял его и недавний авантюрный поступок Р. Амундсена, связанный с желанием быть первым на любом полюсе планеты. Последнее происходило на глазах другого участника, имевшего опыт революционной деятельности, – А. С. Кучина. Он побывал в экспедиции Амундсена, был свидетелем замены целей и маршрута экспедиции на противоположные.

Фото 3. Перешеек с квадратом промысловой избушки в центре. Выше, под взгорком, озерко-ужа (Фото О. Г. Попова. МАКЭ, 2005 г.)

Фото 4. Перерыв в работе у рабочей избушки на острове Попова-Чухчина (Фото О. Г. Попова. МАКЭ, 2005 г.)

Судя по желанию Кучина скорейшей встречи со своей невестой после окончания работ на Шпицбергене и веры в то, что на этом архипелаге удастся избежать зимовки, он был вынужден, как капитан судна «Геркулес», принять участие в незаконной части экспедиции 1912 года, закончившейся трагедией. Или, как и остальные члены команды, поддался аргументам Русанова.

Ради славы и воплощения своих идей Русанов с революционным пылом готов был рисковать и собственной жизнью. Об этом свидетельствуют воспоминания известного художника В. В. Переплётчикова. Он был хорошо знаком с исследователем Новой Земли с 1909 года, когда Русанов привёз с архипелага на учёбу в Москву талантливого ненецкого самоучку-художника Тыко Вылко. В одном из откровенных разговоров с Переплётчиковым Русанов поведал о пережитой им трагедии (видимо, речь шла о смерти жены в конце 1905 года, а затем нищенское существование – надо было помогать сыну и тёще, которая боролась за выживание внука; и некоторые неудачи, связанные с учёбой в Париже). Тогда Русанов пришёл к мысли, что на Новой Земле «в опасностях полярной экспедиции он, может быть, найдёт естественный конец своей тяжёлой жизни. Но случилось обратное: он увлёкся полярными странами, совершенно переродился душевно, совершил ряд экспедиций». Готовность к смерти, даже в очень тяжёлой ситуации, но к смерти «естественной», в процессе участия в арктической экспедиции,

работа в которых требовала проявления мужества и целеустремлённости в выполнении трудных задач… Даже с остатками такого подхода в душе, да ещё с психологией революционной деятельности, – вряд ли такой человек готов был особенно задумываться о возможности гибели остальных участников его авантюрного плавания в 1912 году. Такой подход доказывает и полная неподготовленность экспедиции, да и самого судна, к настоящей зимовке и к необходимости переходов по дрейфующим льдам в случае гибели «Геркулеса» или дрейфа его во льдах в течение не одного года. Русанов отлично знал и историю голландской экспедиции В. Баренца, и историю дрейфа и гибели американского судна «Жаннета», и историю спланированного дрейфа судна «Фрам» норвежской экспедиции Ф. Нансена, другие арктические истории. А на «Геркулесе» не было ни нужных запасов продуктов на несколько лет, ни специальных снаряжения, оборудования и средств для переходов по дрейфующим льдам и т. д…

Покончив с чаем и консервами, мы двинулись дальше на север острова в поисках возможных следов экспедиции и «шалаша». Обошли по побережью «голову матрёшки». Нашли два гриба и много нор леммингов в средней, болотистой части северного острова. А остатки «шалаша», видимо, замыло песком и грунтом – найти его не удалось. Нужны были более тщательные исследования. Снова поработали на косе, на которой через пару часов услышали звук летящего за нами вертолёта.

…Осенью 2005 года наша экспедиция не смогла высадиться на остров Геркулес, который был открыт в 1933 году и до 1935 года носил имя коммуниста Вейзеля, казнённого в Австрии. По пути на мыс Челюскин «Михаил Сомов» прошёл неподалеку от острова, и мы смогли только издали рассмотреть его и сфотографировать.

На остров Геркулес мы высадились на вертолёте с судна «Михаил Сомов» через несколько лет – 28 октября 2010 года. Мы летели над начавшим покрываться молодым льдом Карским морем и сели в средней части возвышенности, чуть южнее старой деревянной конструкции маяка или геодезического знака. Было пасмурно, дул холодный северный ветер. Остров был чуть занесён снегом, из которого торчали хаотично и горизонтально разбросанные громадные каменные плиты и кое-где выступали, как большие кочки, вылезшие из мерзлоты камни. Неподалёку от южной оконечности острова мы сразу увидели деревянный знак, напоминающий четырехконечный крест с памятными надписями. Он был поставлен в 1972 году экспедицией газеты «Комсомольская правда» под начальством Д. И. Шпаро.

Основной нашей задачей было установка в рамках программы МАКЭ «Память Российской Арктике» памятного знака Александра Степановича Кучина и участников экспедиции Владимира Александровича Русанова на судне «Геркулес». Этот знак был изготовлен Северным территориальным управлением по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Северное УГМС) и Архангельским отделением Русского географического общества по разработанному сотрудниками МАКЭ проекту *(фото 5)*. На знаке были укреплённая памятная табличка и образок Николая Угодника *(фото 6)*. В его установке кроме сотрудников МАКЭ участвовали представители судна «Михаил Сомов», Северного УГМС и экипажа вертолёта Ми-8. Я предложил установить знак ближе к побережью довольно открытой бухты, так как опыт плаваний на маломерных судах в Арктике подсказывал мне, что, если бы была возможность выбора места зимовки «Геркулеса», судно могли поставить именно здесь. Конечно, если позволяли глубины и характер дна.

Оглядывая этот мрачный остров с его абсолютно непригодной для перемещения поверхностью, я опять думал о трагических судьбах начальника экспедиции и капитана «Геркулеса».

Только здесь, в местах, где проходили события последних лет их жизни, в той природной среде и по их маршрутам, можно что-то начать понимать в происшедшей трагедии. И для этого очень важны такие книги-исследования, в которых не только излагаются взгляды автора на проблему, но и приводятся новые архивные материалы. Поэтому книге Людмилы Анатольевны Симаковой, посвящённой А. С. Кучину, предстоит сыграть значимую роль в деле интереса специалистов и широких кругов читателей как к самому герою и его разнообразной деятельности, так и к новому поиску следов экспедиции на судне «Геркулес».

Фото 5. Памятный знак, установленный на острове Геркулес экспедицией с научно-исследовательского судна «Михаил Сомов» в память А. С. Кучина и участников экспедиции В. А. Русанова на судне «Геркулес» (Фото Б. Соловьева. МАКЭ, 2010 г.)

Фото 6. Табличка на памятном знаке и образок Николая Угодника (Фото Н. А. Кузнецова. МАКЭ, 2005 г.)

Кучин и Русанов были талантливыми, разносторонними исследователями, которые могли внести очень значимый вклад в изучение и освоение Арктики. Удивляет даже то, что они успели

сделать в последние годы жизни. Но много, очень много непонятного в событиях, приведших к катастрофе. Например, почему только Русанов оставил сообщение в Маточкином Шаре? Что он пообещал участникам экспедиции ради осуществления своих идей прохода на восток по Северному Ледовитому океану, по существу захватив судно, которое не должно было идти указанным им в последней телеграмме маршрутом? Что произошло в экспедиции с судном «Геркулес»?

Впереди предстоят новые историко-географические эксперименты по следам команды «Геркулеса». Археологические исследования на острове Геркулес и на острове Попова-Чухчина с поиском руин «шалаша». На других островах Карского моря, на восточном побережье Новой Земли и на полуострове Таймыр. Необходимо провести соответствующие исследования и на территории Шпицбергена. А при подготовке к этим экспедициям необходимо её участникам внимательно ознакомиться с интересной и полезной для исследователей книгой Л. А. Симаковой «Александр Кучин. Опыт биографии в письмах и документах».

П. В. Боярский

Литература

135 лет со дня рождения В. А. Русанова. // *Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Орел. 2010.*

1905 г. Революционное движение в Архангельской губернии. *Очерки и воспоминания. Архангельск, 1925.*

Terra Incognita Арктики. *Архангельск: Из-во Поморского педуниверситета, 1996.*

Амундсен Р. Южный полюс. Плавание «Фрама» в Антарктиде в 1910–1912 годах. *Собр. соч. Т. II. Л.: Из-во Главсевморпути, 1937.*

Башмаков П. Капитан экспедиционного судна «Геркулес» А. С. Кучин// *Советская Арктика. 1939. № 7.*

Белов В. Описание Архангельской губернии для народных училищ. *Архангельск, 1913.*

Бергман Г. А. Капитан А. С. Кучин// *Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.*

Булатов В. Н. Русский Север. Книга четвертая: Свет Полярной звезды. *Архангельск: Поморский государственный университет, 2002.*

Буманн-Ларсен Т. Амундсен. *М.: Молодая гвардия, 2008.*

Бусин К. М., Попов Г. П. Старейшее мореходное. *Архангельск, Сев. – Зап. кн. из-во, 1976.*

Веселов А. Г. Под Полярной звездой. *Архангельск, 1975.*

Визе В. Ю. Моря российской Арктики. *Тт. 1–2. М.: Paulsen, 2008.*

Владимир Русанов. Статьи, лекции, письма. *М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945.*

Война на Северном морском театре. 1914–1918 годы. *СПб, 2003.*

Дашков Ю. Ф. По Ленинским местам Скандинавии. *М.: «Советская Россия», 1971.*

Дерягин Г. Б., Харлин Л. А. Старая Онега. *Онега, 2012.*

Забоева И. В. Елизавета Степановна Кучина (страницы биографии ученого-ихтиолога). *Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 1996.*

Иванова А. И. Вознесенская церковь Кушерецкого погоста Онежского уезда, 1669 г.

История. Реставрация. Реконструкция интерьера. *Архангельск, 2005.*

Карелин В. А. Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905–1925 гг. Исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне

отношений с Норвегией). *Архангельск, «КИРА», 2013.*

Кононов А. М. Кушерецкий приход // *Север, № 2, 1996*.

Кучин А. С. Отрывочные дневниковые записи // *Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.*

Кучина Е. С. Изучение рыбных ресурсов р. Северной Двины // *Отчет о научно-исследовательских работах Северной базы Академии наук СССР за 1939 г. Архангельск, 1941.*

Материалы по исследованию Новой Земли. *Вып. 1. СПб, 1910.*

Материалы по исследованию Новой Земли. *Вып. 2. СПб, 1911.*

Мельник Т. Ф. Род Кучиных из села Кушерека //*Лодья. № 1. Архангельск, 2006.*

Наш край в истории СССР. *Архангельск, Сев. – Зап. кн. изд-во, 1974*.

Новая Земля. *М.: Paulsen, 2009.*

Онега, А. С. Кучин и Поморье. //*Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции. Онега, 2010.*

Островский Б. Г. Владимир Русанов. *Архангельск, Архоблгиз, 1938.*

Поморская энциклопедия. История. Т. 1. *Архангельск, 2005*.

Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман. *Екатеринбург, 1999.*

Робертсон Тур. Рассказы из Вардё. *Архангельск, 2011.*

Ружников А. В. Судовладельцы Поморья. *Архангельск, «Норд», 2013.*

Самойлович Р. Остров Шпицберген и первая научно-промысловая экспедиция. *Архангельск, 1913.*

Санакина Т. А. Документы Государственного архива Архангельской области о полярном капитане А. Кучине// *Известия Русского Севера. № 2. Архангельск, 2010.*

Северная энциклопедия. *М.: «Европейские издания & Северные просторы», 2004.*

Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. *Т. 1. Шпицберген. М.: «Научный мир», 2009.*

Тимонин Н. И. Новоземельский мемориал. *Сыктывкар, 1995.*

Шпаро Д. И., Шумилов В. А. Капитан «Геркулеса». *М., 1992.*

notes

Примечания

1

Бергман Г. А. Капитан А. С. Кучин // Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.

2

Шпаро Д. И., Шумилов В. А. Капитан «Геркулеса». М., 1992.

3

Мельник Т. Ф. Род Кучиных из села Кушерека // Ладья. № 1. Архангельск.

4

ГААО Ф. 6. Оп. 18. Д. 116.

5

Ружников А. В. Судовладельцы Поморья. Архангельск. «Норд». 2013. С. 181–187.

6

Вознесенская церковь, построенная в 1669 году, шедевр деревянного зодчества Русского Севера, перевезена в Архангельский музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Карелы».

Кононов А. М. Кушерецкий приход // Север, № 2, 1996, С. 157–158.

8

Дерягин Г. Б., Харлин Л. А. Старая Онега. Онега, 2012. С. 173–174.

9

Форму санок «кережек» в виде лодки с одним полозом русские позаимствовали у саамов.

10

Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1876. Т. 3. С. 1342–1350.

11

Попов Г. П., Давыдов, Р. А. Мурман. Екатеринбург, 1999. С. 34.

12

Белов В. Описание Архангельской губернии для народных училищ. Архангельск, 1913. С. 69.

13

ОИММ кп № 1360.

ОИММ кп №№ 3714 и 3715.

ОИММ № 1320/5.

ОИММ № 1320/1.

ОИММ № 1320/2.

ОИММ № 1320/3.

Бергман Г. А. Капитан А. С. Кучин// Летопись Севера. Т. 3. М., 1962.

20

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 9.

21

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 5.

22

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 317.

23

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 208. Л. 78.

Беспятов М. М. Учебник по навигации. Типография Т-ва А. Ф. Марксъ. СПб, 1908.

25

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 20. Л. 6. Правила для учеников Архангельского торгово-мореходного училища.

ОИММ № 1320/6.

27

Там же.

ОИММ № 1320/7.

ОИММ № 1320/10.

30

Архангельские губернские ведомости. 22.10.1905.

31

1905 г. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск. 1925. С. 19.

32

1905 г. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Архангельск. 1925. С. 20.

33

Наш край в истории СССР. Сев. – Зап. кн. изд-во. Архангельск. 1974. С. 91.

34

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 89–90.

35

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 94.

36

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211-а. Л. 40.

37

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 106.

38

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 110 об.

Шпаро Д. И., Шумилов В. А. Указ. соч. С. 19.

Башмаков П. Капитан экспедиционного судна «Геркулес» А. С. Кучин // Советская Арктика. 1939. № 7. С. 89.

41

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 211. Л. 16.

42

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 225. Л. 15.

ОИММ № 1320/11.

АОКМ КП № 239.

45

Робертсон Тур. Рассказы из Вардё. Архангельск, 2011. С. 114–116.

Дашков Ю. Ф. По Ленинским местам Скандинавии. «Советская Россия», М., 1971. С. 32–33.

Дашков Ю. Ф. По Ленинским местам Скандинавии. «Советская Россия», М., 1971. С. 32–33.

ОИММ № 1320/12.

49

АОКМ кп № 42815. Текст: «Мой дорогой племянник! Этим утром я получил интересную открытку, за которую благодарю. Сейчас в России опять наступил прежний режим. Предполагалась общая забастовка, но не состоялась, о чём я очень сожалею. Твой дядя».

ГААО. Ф. 207, оп. 1, д.

Башмаков П. И. Указ. соч. С. 89.

Веселов А. Г. Под Полярной звездой. Архангельск. 1975. С. 81.

53

ГААО. Ф. 207, оп. 1, д. 256. Л. 54–55.

ГААО. Ф. 207, оп. 1, д. 254. Л. 93.

МАА № 0 595.

Нансен Ф. Собрание сочинений. Т. 5. Изд-во «Севморпути». Л., 1939.

Нансен Ф. Собрание сочинений. Т. 5. Изд-во «Севморпути». Л., 1939. С. 197.

АОКМ нвф № 19243.

59

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 185. Л. 9.

60

ОИММ кп № 2285/2. Письмо из Архангельска от 24.04.1910 г.

ОИММ № 1320/13.

ОИММ № 1320/14.

ОИММ № 1320/15.

Дмитриева Н. К., Моисеева А. П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). – М.: Высш. шк., 1993. С. 137.

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. № 2. Архангельск. 1909 г. С. 47.

АОКМ нвф № 19238/1.

МАА № О-5953/3.

ОИММ № 13020/16.

69

АОКМ нвф № 19238/1.

Там же.

71

МАМИ б/н.

72

АОКМ нвф № 19238/1.

73

АОКМ нвф № 19238/4.

АОКМ нвф № 19238/2.

75

АОКМ нвф № 19238/3.

АОКМ нвф № 19238/4.

АОКМ нвф № 19238.

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой!
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землёй,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь, —

Верь: настанет пора – и погибнет Ваал,
И вернётся на землю любовь!
Семен Нандсон

ОИММ кп 5182/12.

80

АОКМ нвф № 19238/3.

81

ОИММ 5182/12. Л. 2 об.

82

ОИММ 5182/12. Л. 1.

Башмаков П. Указ. соч. С. 89.

Амундсен Р. Собр. соч. Т. II. Из-во Главсевморпути. Л., 1937. С. 34.

85

МАМИ. Фотокопия. Б/н.

ОИММ кп 2285/2.

МАМИ б/н.

Амундсен Р. Указ соч. С. 53.

Там же. С. 54.

ОИММ. № 1320/18.

91

АОКМ № 103/1 кп 60.

Амундсен Р. Указ. соч. С. 26.

Там же. С. 32.

АОКМ № 103/1 кп 60. Л. 2.

Амундсен Р. Указ. соч. С. 65.

АОКМ № 103/1 кп 60. Л. 5–5 об.

Там же. Л. 10.

«Подними голову ты, боевой мальчик!
Если одна или две надежды утрачены,
Скоро сверкнёт новая в твои глаза» (*норв.*)
Бьенсон – норв. поэт

АОКМ № 103/1 кп 60. Л. 10 об.–13.

100

ОИММ № 1320/22.

101

АОКМ № 103/1 кп 60. Л. 14–15 об.

Амундсен Р. Указ. соч. С. 54, 113, 408.

103

ОИММ кп 2285/7.

104

АОКМ № 103/1 кп 60. Л. 15–16.

105

ОИММ № 1320/ 21.

Буманн-Ларсен Т. Амундсен. Молодая гвардия. М., 2008. С. 141.

ОИММ КП 1373.

ОИММ № 1320/22.

109

ОИММ № 5187/2.

110

Этот любезный русский… // «Правда Севера», 24 сентября 1988 г.

111

ОИММ № 5187/2.

ОИММ № 1320/23.

113

ОИММ № 1320/24.

ОИММ № 1383.

115

ОИММ № 1320/25.

ОИММ № 1320/28.

117

ОИММ № 1320/26.

118

Владимир Русанов. Статьи, лекции, письма. Изд-во Главсевморпути. М. – Л. 1945. С. 316.

119

Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 1. СПб, 1910. С. 49–50.

Там же. С. 69–78.

121

Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 2. СПб. 1911 г.

122

ГААО Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2740. Л. 83.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 44.

Тимонин Н. И. Новоземельский мемориал. Сыктывкар, 1995. С. 283.

125

Тимонин Н. И. Новоземельский мемориал. Сыктывкар, 1995. С. 220.

126

Материалы по исследованию Новой Земли. Вып. 2. СПб. 1911. С. 220.

127

Карелин В. А. Российские деловые интересы на архипелаге Шпицберген в 1905–1925 гг.: Исследование правительственной политики и предпринимательской инициативы (на фоне отношений с Норвегией). Архангельск, «КИРА», 2013. С. 87.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 276.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 280.

Там же. С. 276–277.

131

Там же. С. 278.

Там же. С. 286.

133

Там же. С. 279.

Там же. С. 279.

135

Там же. С. 286.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 279.

137

АОКМ КП № 428/15-г.

138

В. А. Русанов в письме А. Д. Арбузову, директору Департамента общих дел МВД, указывает мощность мотора 24 лош. силы. – Владимир Русанов. Указ. соч. С. 292.

139

МАМИ б/н.

Владимир Русанов. Указ соч. С. 294.

141

ОИММ № 1320/27.

142

АОКМ нвф № 19238/1.

143

АОКМ Кп № 428/4.

ОИММ № 1320/30.

145

ОИММ № 1320/31.

146

Опубликовано в кн.: Карелин В. А. Указ. соч. С. 280–284.

Самойлович Р. Л. Остров Шпицберген и первая научно-промысловая экспедиция. Архангельск. 1913. С. 7.

Самойлович Р. Л. Указ. соч. С. 8.

149

ОИММ № 1320/32.

Самойлович Р. Л. Указ. соч. С. 34.

151

Там же. С. 35.

Самойлович Р. Л. Указ соч. С. 37.

153

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 301.

Самойлович Р. Л. Указ соч. С. 37.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 301.

Там же. С. 287.

Владимир Русанов. Указ. соч. С. 51.

Там же. С. 52.

159

Газ. «Архангельск» от 12.09.1912 г.

Самойлович Р. Л. Указ. соч. С. 37.

161

ГААО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 80.

162

ГААО. Ф. 83. Оп. 1 Д. 74. Л. 17.

163

Свердруп Отто. Под русским флагом. Paulsen. М., 2014. С. 49–50.

164

ГААО. Ф. 83. Оп. 1 Д. 74. Л. 58.

165

ОИММ кп № 4155. С. 121.

Архангельск. №№ 107, 112, 122 за 1915.

167

ГААО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 78. Л. 78.

ИАОИРС № 1. 1917. С. 28–29.

169

Троицкий В. Новый квадрат поиска. Ж. «Вокруг света» № 7. Июль, 1988.

170

Варданян И. В. Найти затерянный след. В сб.: Онега, А. С. Кучин и Поморье. Сборник материалов Третьей международной научно-практической конференции. Онега. 2010. С. 29.

http://oko-planet.su/science/sciencenews/150835-russkie-issledovaniya-arktiki-va-rusanov.html (обращение 28.01.2015); http://sm.znaimo.com.ua/docs/369/index-16245.html?page=12 (обращение 28.01.2015) и др.

Александрова И. И. Зенон Францевич Сватош – участник экспедиции В. А. Русанова на Шпицберген в 1912 г. В сб.: 135 лет со дня рождения В. А. Русанова. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Орел. 2010. С. 25–28.

173

Мельник Т. Ф. Поморский род Кучиных из Кушереки//Ладья. № 1. Архангельск, 2006. С. 78–128.

ОИММ кп 4155. С. 5–6.

175

Там же. С. 9.

ОИММ кп 4155. С. 88.

177

ОИММ кп 4155. С. 21.

Там же. С. 25.

179

ОИММ кп 4155. С. 33.

Мельник Т. Ф. Указ. соч. С. 98.

181

ГААО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 280. Л. 87.

182

АОКМ в/ф № 19240.

ОИММ.

184

АОКМ в/ф № 19242.

185

ОИММ кп 4155.

ОИММ кп 2285/2.

187

ОИММ кп 2285/4.

ОИММ кп 2285/3.

189

МАМИ б/н.

190

ОИММ кп 4155 С. 68.

191

Там же.

АОКМ кп 428/18.

193

АОКМ кп 428/18.

ОИММ кп 2285/13.

Ромшина Е. Кучины в Питере.// Онега. 2001. 30 окт.

АОКМ кп № 17289/1.

197

АОКМ кп № 17289/2.

198

АОКМ кп № 17289/3.

199

АОКМ кп № 17289/4.

Салтыков Е. Письма помора Кучина в музее // Правда Севера. 1972, 8 окт.

201

Блокада.1941–1944, Ленинград, Книга Памяти. Т. 17.

202

ГААО. Ф. 29. Оп. 39. Д. 460. Лл. 1008 об.–1009.

203

ГААО. Ф. 381. Оп.1 Д. 9. Л. 5.

204

ГААО. Ф. 381. Оп. 1. Д. 9. Л. 29.

205

ГААО. Ф. 381. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–19 об.

206

ГААО. Ф. 381. Оп.1. Д. 14. Л. 24 об.

ОИММ кп 4155. С. 110.

208

ГААО. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 122.

209

ГААО. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 124.

210

Отчет хранится в научном центре Коми. В ГААО хранятся краткий отчёт (Ф. 5931. Оп. 1. Д. 125) и часть полного отчёта на 122 листах (Ф. 5931. Оп. 1. Д. 125).

211

ГААО. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

Кучина Е. С. Изучение рыбных ресурсов р. Северной Двины // Отчёт о научно-исследовательских работах Северной базы Академии наук СССР за 1939 г. Архангельск, 1941. С. 52–58.

213

ГААО. Ф. 5931. Оп. 1. Д. 123.

Забоева И. В. Елизавета Степановна Кучина (страницы биографии учёного-ихтиолога). Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар. 1996. С. 4–5.

215

Там же. С. 12.

216

ОИММ кп 4154.

217

К 100-летию со дня рождения Кучиной Елизаветы Степановны// Вестник Института биологии Коми филиала УрО РАН. № 13, 1998.

218

Дневник А. Кучина. АОКМ кп 103/1 кн. п. 60 г. Передан в музей Анной Степановной Кучиной. Тетрадь в линейку в картонном переплёте с корешком, оклеенным тканью, сделана в г. Бергене (Норвегия). В тексте сохранена орфография оригинала. Топонимы и имена собственные – на языке оригинала. Полностью публикуется впервые.

219

Hamburg-America Line – пароходная линия «Гамбург-Америка» *(англ.)*.

220

D. – direction (*англ.*) – направление (ветра).

221

Фут – английская и русская мера длины, равная 30,48 см.

222

Lucas maskin – Машина Лукаса – приспособление для спуска на глубину батометров – приборов для забора воды *(норв.)*.

φ – широта, λ – долгота, t air – температура воздуха, t w – температура воды.

Solseiler – козырек от солнца, тент *(норв.)*.

225

Karlsvogn – Повозка Карла, название созвездия Большая Медведица *(норв.)*.

Саж. – сажень, русская мера длины, равная 2,134 м.

227

«Sinjor, go ahead! Kabel» – «Сеньор, пройдите вперёд. Кабель!» *(англ.)*.

One penny – один пенни, мелкая монета *(англ.)*

Lunch – ланч, второй завтрак *(англ.)*

230

«All people kneel» – «Все люди встают на колени!» *(англ.)*

231

Имеются в виду американские экспедиции 1909 года Фредерика Кука и Роберта Пири.

«Подними голову, отважный малыш!
Если одна или две надежды утрачены,
Скоро сверкнёт новая в твои глаза» *(норв.)*
Стихи Б. Бьенсона – норв. поэт

233

Б. Бьернсон (1832–1910), норвежский поэт.

234

«Discovery» – британская национальная антарктическая экспедиция 1901–1904 гг. под руководством Роберта Скотта, получившая название экспедиция «Дискавери».

235

Эрнст Генри Шеклтон (1874–1922), американский исследователь Антарктиды, принял участие в экспедиции «Дискавери». В 1907 г. возглавил экспедицию, которая не дошла до Южного полюса всего 180 км. Книга Э. Шеклтона «The Heart of the Antarctic» – «Сердце Антарктики» – вышла в 1910 г.

236

Острова Кабо-Верде, острова Зелёного мыса в 620 км от побережья Африки.

237

«Michael Sars» и «Fridbjof» – норвежские исследовательские суда.

Nimbus – душ *(латынь)*.

239

Театр «Фрам». Кафе с крепкими напитками. Ертсен: сольный танец. Музыка. Нильсен: «О, Маргарита! Моё сердце там, где нужно. Ай! Ай!», исполнялось в Париже и Лондоне 500 раз под бурные аплодисменты. Комитет *(норв.)*.

240

«Да, мы любим этот край» *(норв.)* – национальный гимн Норвегии, стихи Б. Бьёрсона.

241

«Крепкая, обдуваемая ветрами, над водой, с тысячей домов» *(норв.)*.

«Там три девушки на солнце» *(норв.)*.

243

Fröding – Г. Фрёдинг (1860–1911), шведский поэт.

Береговой отряд

R. Amundsen – Руаль Амундсен, капитан

O. Bjland – Олаф Олафсен Бьеланд, известный лыжник, столяр, участник похода к полюсу

O. Wisting – Оскар Вистинг, участник похода к полюсу

J. Stūbberud – Иорген Стубберуд, плотник, участник похода к Земле короля Эдуарда VII

K. Prestrud – Кристиан Преструд, лейтенант, прошёл подготовку по океанографии у Хелланда-Хансена, начальник санной партии к Земле Эдуарда VII

Hj. Iohansen – Фредерик Яльмар Иохансен, участник экспедиции Ф. Нансена 1893–1896 гг., из-за конфликта с Р. Амундсеном не вошёл в полюсный отряд

H. Hansen – Хелмер Хансен, проводник собачьих упряжек, участник похода к полюсу

S. Hassel – Севорре Хассель, участник похода к полюсу

A. Lindstrőm – Адольф Хенрик Линдстрем, кок и провиантмейстер

Судовая партия

Thv. Nilsen – Торвальд Нильсен, лейтенант, капитан судна

Hj. Giertsen – Фредерик Яльмар Ертсен, первый помощник командира, лейтенант ВМФ Норвегии, исполнял обязанности судового врача, прошёл подготовку по океанографии у Хелланда-Хансена

M. Beck – М. Бек

L. Hansen – Людвиг Хансен, матрос

M. Rőnne – Мартин Рихард Ренне, парусный мастер

K. Sundbeck – Кнут Сундбек, швед, механик-машинист, сотрудник фирмы Рудольфа Дизеля

H. Kristensen – Х. Кристинсен, палубный матрос, переучился на машиниста

Nődtvedt – Нёдтведт, механик-машинист, кузнец

A. Kūtschin – Александр Кучин, исследователь, океанограф

K. Olsen – Корнелиус Олсен (Ульсен), кок

Juleaften – Сочельник *(норв.)*.

Forsalon – кают-компания на носу судна.

«Gladelig Jul!» – «Счастливого Рождества!» *(норв.)*.

248

«Glad Jul! Hellig Jul!» – «Счастливого Рождества! Святое Рождество!» *(норв.)*.

249

Agtersalon – кают-компания на корме судна.

250

Тетрадь С. Г. Кучина. ОИММ кп № 4155. Воспоминания написаны в конце 1920-х гг. Записи выполнены в тетради с чёрным коленкоровым переплётом. Впервые опубликованы: Онежская старина. Историко-краеведческий сборник. Вып. 2. Онега, 2002. В данной публикации сохранена орфография подлинника. Курсивом обозначены авторские надстрочные вставки.

251

Аршин – 71 см.

252

Порт-Владимир – располагался на севере Мурманской области на о. Шалим в Ура-губе. В 2007 г. решением Мурманской областной думы упразднён.

253

Шнека – поморское промысловое беспалубное одно-двухмачтовое судно с 2–3 парами вёсел.

Моржина – моржовые шкуры.

255

Епимах – Епимах Васильевич Могучий (1873 – после 1933 г.), крупный архангельский предприниматель, владелец факторий на мурманском берегу, рыбопромышленник, судовладелец. С. Г. Кучин ошибся с датой рождения. По метрической книге Кушерецкого прихода Епимах родился 30 октября 1873 г. у крестьянской девицы Кемского уезда Маслозерского прихода Параскевы Петровой *(Т. Ф. Мельник. Могучая империя в Поморье. Архангельская старина. № 1, 2012. С. 55)*.

Мурм. Тов. – Товарищество Архангельско-Мурманского срочного пароходства. Основано в 1875 г. Осуществляло рейсы из Архангельска на Мурман и в Норвегию. Национализировано в 1918 г.

257

Смоливого – смолянистого.

258

Дровёшки – деревянные сани.

259

Бурлак – наёмный работник, работающий вдали от дома.

Кашалка (кошёлка) – плётенная из бересты сумка в виде короба, носимая за плечами.

Шабашить – завершать работу.

262

Наживотчик – работник рыболовной артели, занимавшийся насаживанием на крючки наживки, мелкой рыбы, рачков и др.

263

Бережнее – т. е. ближе к берегу.

Либау – Либава, Лиепая, город на берегу Балтийского моря.

265

Лабаз – односкатная кровля.

Забор – аванс, выдаваемый промысловикам и членам судовой команды обычно в виде продуктов.

267

Катанки – валенки.

Верховцы – жители верховьев р. Северная Двина.

269

Пахта – отвесная скала.

270

Переборная треска – треска высшего качества.

271

Александровск – г. Полярный Мурманской обл.

272

Эре – 1/100 норвежской кроны. 1 крона по курсу 1910 г. – 52 коп.

Сизигия – здесь – по прямой от поверхности воды до дна.

Кошка – здесь – отмель.

Тимерман – корабельный плотник (с голландского).

Продкомитет С.Р.С.К.Д. – Продовольственный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

277

Сорока – сейчас г. Беломорск, Республика Карелия.

Барма – брама – большая грузовая лодка с 2–3 парами вёсел.

Пертуи – молодь трески, мелкая треска.

280

Рубаны – плотные сугробы из снега на берегу и на воде.

281

Печатается по «Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма». Изд-во Главсевморпути. М.-Л. 1945. С. 276–280. В данном издании внесены изменения в справочный аппарат.

282

В 1899–1902 гг. русская и шведская академии наук провели экспедицию «Шпицбергенское градусное измерение». Руководители: с российской стороны – Д. Д. Сергиевский, затем Ф. Н. Чернышов, с норвежской – Едерин (Jäderin). База шведской экспедиции – бухта Трейренберг на севере, русской – в Горнзунде, на крайнем юго-западе архипелага.

То есть островами Эдж и Баренца.

284

Ануфриев Иван Петрович – полярный капитан. Родился в 1868 г. в д. Куя Архангельского уезда Архангельской губ. Плавал с 12 лет. В 1896 г. окончил шкиперские курсы в Архангельске, затем мореходные классы Петербургского яхт-клуба (впоследствии Морское училище дальнего плавания имени Петра I). Пионер зимней навигации в Баренцевом и Карском морях. В 1914 г. командовал спасательной экспедицией на судне «Герта». Умер в 1937 г. в Архангельске.

285

Копытов Николай Лукич – полярный капитан. Одним из первых среди российских моряков начал траловый лов рыбы. Один из организаторов научно-промысловых исследований по добыче рыбы. В 1914 г. принимал активное участие в подготовке экспедиций по спасению экспедиций В. А. Русанова, Г. Л. Брусилова, Г. Я. Седова.

286

ГААО Ф. 207. Оп. 1. Д. 6. Машинописная копия, первый экземпляр. Напечатана на плотных листах формата А3 и сшита посредине. На подлинном написано «Утверждаю» 30 сент. 1899. За министра финансов, товарищ министра Коковцев.

287

ОИММ кп 5182/12. Публикуется впервые.

288

«Жак» – «Жак Картье», яхта французской научной экспедиции под руководством Шарля Бенара на Новую Землю в 1908 г. После экспедиции была продана Ф. Классену.

289

Држевецкий Всеволод Феликсович (1875–1920) – выпускник Петербургского и Мюнхенского университетов, ассистент Н. М. Книповича в Мурманской научно-промысловой экспедиции, а затем её руководитель (до 1914), последний председатель Архангельского общества изучения Русского Севера, председатель научно-технической секции губсовнархоза. Обвинён за контрреволюционную деятельность и расстрелян. Реабилитирован в 1992 г.

Det skulde vare noget for os! (*норв.*) – Там ничто не будет для нас!

291

Л. Н. Толстой умер 7 (20 по н. с.) ноября 1910 г. на станции Астапово Рязанской губ. В дни траура прошли демонстрации студентов и рабочих, приостановили работу некоторые фабрики и заводы, отменялись концерты, спектакли, иные увеселительные мероприятия.

292

Мензбир Михаил Александрович (1855–1935) – известный русский и советский зоолог и зоограф, основатель русской орнитологии, глава русской школы зоологов. Профессор (с 1886) и ректор Московского университета (1917–1919). В 1911 г. покинул университет в знак протеста против вторжения полиции в стены университета при усмирении студенческих беспорядков и в знак протеста против нарушения автономии высшей школы.

293

«Nord i Taakeheimen» *(норв.)* – «Север в тумане прошлого». Эта книга Ф. Нансена была опубликована в 1911 г. и посвящена истории освоения Арктики с древнейших времён.

294

Amundsen'y, Preastrud'y и Hjeartsen'y – Амундсену, Преструду (Prestrud) и Ертсену (Gjertsen) – членам экспедиции. В письме фамилии указаны с ошибками.

Mannskab *(норв.)* – экипаж.